ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

ISSN 2713-2536

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА

Электронный журнал

№ 2(103) 2025 г.

Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2025

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [электронный ресурс]: электрон. журнал Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (4,20 МБ). – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Редакторы *С.Ю. Клевцова, Н.Н. Зайцева*

Дата выхода в свет: 26.06.2025.
Объем издания: 4,20 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 25 компакт-дисков
16+

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Реестровая запись
от 14.08.2020 серия Эл № ФС 77-78909
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
http:www.orui.mvd.ru.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему Российского индекса научного цитирования. URL: http://www.elibrary.ru и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки» по специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2025.

Об издании – 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Д.Л. Проказин

Заместитель главного редактора – заместитель начальника
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
(по научной работе) кандидат юридических наук, доцент Д.Ф. Флоря

Члены редакционной коллегии:
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Л.А. Алексеева;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова,
доктор юридических наук, профессор А.А. Аубакирова;

профессор кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

заместитель начальника кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
кандидат юридических наук, доцент М.В. Баранчикова;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
доктор юридических наук, доцент С.С. Безруков;

главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела
Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева
доктор юридических наук, профессор В.Ф. Васюков;

профессор кафедры государственного и муниципального права
Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
доктор юридических наук, профессор В.В. Головко;

заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе
кандидат юридических наук, доцент П.В. Гридюшко;

заместитель начальника Белгородского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина (по научной работе)
доктор юридических наук, доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии
доктор юридических наук, доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры «Автомобильной подготовки» Академии МВД Республики Узбекистан
кандидат технических наук, профессор С.А. Калауов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор А.И. Клименко;

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики
Новосибирского военного ордена Жукова института имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
доктор юридических наук, доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
почетный работник высшего профессионального образования,
доктор юридических наук, профессор В.П. Малахов;

профессор кафедры уголовно-процесуального права имени Н.В. Радутной
Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

профессор кафедры уголовного процесса
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев;

главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра № 5
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России
доктор юридических наук, доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

начальник кафедры уголовной политики Академии управления МВД России
доктор юридических наук, профессор А.В. Победкин;

начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического
института МВД России имени В.В. Лукьянова
кандидат юридических наук, доцент Е.А. Семенов
(*ответственный секретарь*);

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности
Тульского института (филиала) (РПА Минюста России)
ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России
доктор юридических наук, профессор Н.Г. Шурухнов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Теоретико-исторические правовые науки

Алексеева Л.А. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА……13

Петров С.А. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПАССАЖИРОВ И ПЕШЕХОДОВ НА ТРАНСПОРТЕ.……..21

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Бекмурзинова К.К. ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ…….....30

Беляева О.В. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ……..…..…….……36

Бирюкова М.С., Черенкова А.И. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ..…….....44

Гольчевский В.Ф., Сапожников А.Ю. ПРИВЯЗКА ОПОРНОЙ ТОЧКИ НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ К СТАЦИОНАРНЫМ ОБЪЕКТАМ……...…….54

Гордеева А.Д. ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО УЧАСТИЯ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ)…….....63

Денисенко К.В. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ……...73

Жбанова С.А., Шаклеин С.Н. ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИИ), НАДЕЛЁННЫХ ФУНКЦИЕЙ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ..…….....81

Капустина Е.Г. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЛИКТОВ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ…….91

Копыл Д.В., Ноговицина Е.Н. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ ПЕШЕХОДОВ – УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ……..100

Матросова Л.Д. РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕАНОНИМИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……...110

Набока А.А., **Реутова В.И.** АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ……..120

Павлова Е.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙВ ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ…….128

Смолин П.В. ПРОФИЛАКТИКА НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ФИКСИРУЕМЫХ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ: К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ…….135

Фомичев А.А. ОБ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ….142

Шалимова О.Н. ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ……...151

Шапошников В.Л. ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ……..159

Уголовно-правовые науки

Боева М.А. УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ……..……..166

Борисовская Т.Н. ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЁМ присвоения ИЛИ РАСТРАТЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ……174

Волченко А.В., Лакеева Е.В., Когтева А.Н. РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ……182

Науменко О.А. ПРИМЕНЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР С ЦЕЛЬЮ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В РАСПРЕДЕЛЁННЫХ РЕЕСТРАХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....191

Дружинкин Н.С. ПРЕДМЕТ ОЦЕНКИ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ АКТОМ (ПОСТАНОВЛЕНИЕМ).…….200

Кобец П.Н. РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ–УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ…….....209

Латыпов В.С., Фадеев П.В. АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ФАКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ...……...216

Лушин И.А. СООТНОШЕНИЕ НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ».....229

Медведева Т.В. КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ ..…….....237

Назарова М.Д., Ляпин А.И. РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ «ИЗБРАНИЕ» И «ПРИМЕНЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО..…….245

Нехаев И.Н. ПРИМИРЕНИЕ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ, КОМПЕНСАЦИЯ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА……252

Победкин А.В., Яшин В.Н. ПРИНЦИПЫ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ……...……260

Россинский С.Б. ОЧЕВИДНЫЕ-НЕОЧЕВИДНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СОБИРАНИЕМ И ИССЛЕДОВАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ…….……...…….270

Семенов Е.А., Замуруева Е.Ю. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН…….278

Синекин А.А. РОЛЬ И МЕСТО ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА…….....288

Сидорова М.В., Тихомирова О.Г. ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....295

Федотова Е.Н. КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....304

Флоря Д.Ф., Малик Е.Н., Малик В.И. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.……..313

Халин В.Д. ОБНАРУЖЕНИЕ И ИЗЪЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ИГРОВОЙ ВАЛЮТЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ…….321

Химичева О.В., Мичурина О.В., Тутынин И.Б. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАСИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПОДХОДЫ К ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЮ…….…….327

Чеботарева И.Н. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА…….335

Шаров Д.В. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ КАК СРЕДСТВО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ……344

Шумилин В.П., Шумилина Н.Г. ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ..350

Шурухнов Н.Г. КОРРЕЛЯЦИИ, ИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ)……...….360

Информация для авторов……..371

CONTENTS

Theoretical-historical legal sciences

Alekseeva L.A. PROMISING FUNCTIONS OF THE STATE…….……13

Petrov S.A. HISTORICAL STAGES OF DEVELOPMENT OF LEGAL NORMS REGULATING THE RULES OF PASSENGERS AND PEDESTRIANS ON TRANSPORT.....21

Public-law (state-legal) sciences

Bekmurzinova K.K. DIGITALIZATION OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC…….…..…….....30

Belyaeva O.V. PERSONAL INFORMATION SECURITY IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE…….36

Biryukova M.S., Cherenkova A.I. ORGANIZATIONAL AND LEGAL DIFFERENTIATION OF STRUCTURAL DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SUGGESTIONS FOR IMPROVEMENT ……44

Golchevsky V.F., Sapozhnikov A.Y. LINKING A REFERENCE POINT AT THE SITE OF A TRAFFIC ACCIDENT TO STATIONARYOBJECTS…....……54

Gordeeva A.D. INFRASTRUCTURE SOLUTIONS FOR THE SAFE PARTICIPATION OF CYCLISTS IN ROAD TRAFFIC (REVIEW OF FOREIGN RACTICES)……...63

Denisenko K.V. DISTINCTION BETWEEN THE APPLICATION OF MEASURES TO SECURITY PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND SPECIAL MEASURES OF ADMINISTRATIVE PRESERVATION IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIE …….....73

Zhbanova S.A., Shaklein S.N. PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF POWERS OF OFFICIALS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE), ENDOWED WITH THE FUNCTION OF RESOLVING ADMINISTRATIVE CASES ...……81

Kapustina E.G. SELECTED ASPECTS OF THE PREVENTION OF MODERN ILLEGAL OFFENSES AMONG MINORS…….....91

Kopyl D.V., Nogovitsina E.N. CURRENT PROBLEMS OF SAFETY FOR CHILDREN AND ADULT PEDESTRIANS IN THE ROAD TRAFFIC…….….100

Matrosova L.D. THE ROLE AND IMPORTANCE OF DEANONYMIZATION OF INTERNET USERS IN LAW ENFORCEMENT……110

Naboka A.A., Reutova V.I. CURRENT ISSUES OF THE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICERS TO PREVENT OFFENCES IN THE SPHERE OF FAMILY AND DOMESTIC RELATIONS……120

Pavlova E.V. INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF ROAD SAFETY AS A FACTOR IN CRIME PREVENTION……128

Smolin P.V. PREVENTION OF TRAFFIC OFFENCES RECORDED IN AUTOMATIC MODE: TOWARDS GREATER EFFECTIVENESS…….135

Fomichev A.A. THE MAIN CHARACTERISTICS OF PUBLIC AUTHORITY……142

Shalimova O.N. MEDIATION PROCEDURE IN THE RUSSIA AND ABROAD……151

Shaposhnikov V.V. TECHNICAL MEANS OF AUTOMATIC RECORDING OF VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT……..159

Criminal Law Sciences

Boeva M.A. CRIMINAL LIABILITY FOR OFFENCES RELATED TO VIOLATION OF THE RULES OF ROAD TRAFFIC AND OPERATION OF MOTOR VEHICLES…..166

Borisovskaya T.N. FEATURES OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES OF EMBEZZLEMENT COMMITTED BY EMBEZZLEMENT OR EMBEZZLEMENT IN RAILWAY TRANSPORT……..…….....174

Volchenko A.V., Lakeeva E.V., Kogteva A.N. ON THE QUESTION OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CRIMES RELATED TO ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION USING 182

Naumenko O.A. ON THE QUESTION OF APPLICATION OF INTERIM MEASURES FOR THE PURPOSE OF ARRESTING DIGITAL ASSETS IN DISTRIBUTED REGISTERS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES.....191

Druzhinkin N.S. THE SUBJECT OF THE PROSECUTOR'S ASSESSMENT IN THE CASE FILED WITH THE INDICTMENT (RESOLUTION).....200

Kobets P.N. DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASIS FOR JOINT COOPERATION OF CIS MEMBER STATES IN THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM AND EXTREMISM..…..209

Latypov V.S., Fadeev P.V. ANTI-CORRUPTION FACTOR OF DIGITALISATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA……..216

Lushin I.A. THE RATIO OF NON-PROCEDURAL RESEARCH AND EXPERTISE IN SOLVING CRIMES IN THE "HOT PURSUIT".....229

Medvedeva T.V. CLASSIFICATION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS IN MODERN SOCIETY…….....237

Nazarova M.D., Lyapin A.I. DIFFERENTIATION OF LEGAL CONCEPTS ‘ELECTION’ AND ’APPLICATION’ IN THE CONTEXT OF SEIZURE OF PROPERTY…….245

Nekhaev I.N. RECONCILIATION, RESTORATION, COMPENSATION: THE STATE AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MECHANISMS FOR THE COMPENSATION OF CRIMINAL DAMAGE…….....…….252

Pobedkin A.V., Yashin V.N. PRINCIPLES AS THE MORAL BASIS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY……..…..…..260

Rossinskiy S.B. EXPLICIT–IMPLICIT DIFFERENCES BETWEEN ACCUMULATION AND MONITORING OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE……..270

Semenov E.A., Zamurueva E.Y. FEATURES OF THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF DETENTION IN RELATION TO FOREIGN CITIZENS……..…..…..……...…….....…..278

Sinekin A.A. THE ROLE AND PLACE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL JUSTICE……..…….288

Sidorova M.V., Tikhomirova O.G. THE PRACTICE OF INTERACTION OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS WITH LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO PREVENT EXTREMIST MANIFESTATIONS AMONG MINORS BY THE EXAMPLE OF ORYOL REGION…….....295

Fedotova E.N. CRIMINOLOGICAL CHARACTERIZATION OF CONTEMPORARY JUVENILE DELINQUENCY…….…….....304

Florya D.F., Malik E.N., Malik V.I LEGAL ASPECTS OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES……..313

Khalin V.D. DETECTION AND SEIZURE OF DIGITAL GAME CURRENCY DURING THE INVESTIGATION OF MONEY LAUNDERING……...…...321

Khimicheva O.V., Michurina O.V., Tutynin I.B. THE LEGAL NATURE OF CONSENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND APPROACHES TO ITS UNDERSTANDING…….…327

Chebotareva I.N. FUNCTIONAL STRUCTURE OF THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEM……..……...335

Sharov D.V. SUBJECTIVE RIGHTS AND LEGAL OBLIGATIONS AS A MEANS OF SATISFYING LEGITIMATE INTERESTS……344

Shumilin V.P., Shumilina N.G. FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO FRAUD ON THE INTERNET……350

Shurukhnov N.G. CORRELATIONS, THEIR INFORMATIONAL AND COGNITIVE NATURE AND ROLE IN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF A COMMITTED CRIME (BASED ON THE INVESTIGATION OF APARTMENT BURGLARIES)……..360

Information for authors……371

Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья
УДК 340

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА

Алексеева Лилия Алексеевна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

Llllilia@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье освещаются отдельные аспекты, посвящённые функциям государства. Рассматриваются подходы к определению понятия функций и их значения в существовании государства. Не просто анализируются такие функции, как функция обеспечения безопасности, экономическая функция, социальная, экологическая, международного сотрудничества, а определяются современные способы их реализации. Кроме того, выделяются перспективные функции государства, обусловленные особенностями современного этапа развития. В числе таких функций в настоящей статье называются функции ускорения экономического развития, цифровизации и инновации, управления обществом.

Ключевые слова: функции государства, перспективные функции, цифровизация, инновации.

Для цитирования: Алексеева Л. А. Перспективные функции государства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 13–20.

PROMISING FUNCTIONS OF THE STATE

Lilia A. Alekseeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Llllilia@mail.ru

Annotation. This article highlights some aspects of the functions of the State. Approaches to defining the concept of functions and their significance in the existence of the state are considered. Such functions as security, economic, social, environmental, and international cooperation are not just analyzed, but modern ways of implementing these functions are determined. In addition, the perspective functions of the state are highlighted, due to the peculiarities of the current stage of development. Among such functions in this article are the functions of accelerating economic development, digitalization and innovation, and managing society.

Key words: state functions, promising functions, digitalization, innovation.

For citation: Alekseeva L. A., Perspective Functions of the state // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 13–20.

Современная юридическая наука располагает обширным количеством авторских определений государства, при этом внимание в них может быть сосредоточено на

разных аспектах. Начиная со времён античности и заканчивая эпохой современности каждый исследователь стремился предложить широкой массе читателей своё видение понятия и сущности государства. Это обусловлено, с одной стороны, неоднозначностью восприятия одних и тех же явлений разными субъектами, а с другой стороны, многогранностью такого явления, как государство, а кроме того, непохожестью, уникальностью каждого конкретного государства по сравнению с другими. Сложность в определении понятия государства подчёркивалась выдающимся австрийским юристом первой половины XX века Г. Кельзном, который указывал, что «термином государство нередко обозначаются самые разнообразные предметы и явления» [1, с. 181].

Для эпохи Античности было характерно определять государство как общее благо и дело, для Возрождения – как разумную волю, для советского периода – как аппарат классового господства.

И всё же государство как явление обладает определёнными родовыми признаками, позволяющими отграничивать его от других явлений. К числу таких признаков необходимо относить территорию, население, наличие органов публичной политической власти, суверенитет. Данный перечень признаков не является исчерпывающим, поскольку современное государство располагает также своей атрибутикой, имеет памятные даты, собирает налоги, нуждается в международном признании. Каждое государство уникально, однако, возникнув на определённом этапе человеческого развития как общественно-политическое явление, государство было призвано выполнять ряд функций. Знание функций государства позволяет достаточно точно и в полном объёме определить стоящие перед обществом проблемы, выявить социальное назначение государства, а также знать возможные пути решения и совершенствования проблем, связанных с государством и обществом. В функциях государства отражаются основные цели и задачи, стоящие перед ним. В течение времени какие-то функции государства видоизменялись, преобразовывались, какие-то отмирали или усложнялись. Менялись и способы осуществления этих функций.

В общей теории права вопрос о функциях государства не относится к числу самых дискуссионных, хотя и единством мнений исследователей также не отличается. Это обусловлено тем, что трактовка понятия «функции государства» в зарубежной [1, с. 182] и отечественной [2, с. 181] литературе зачастую отождествлялось с основными направлениями деятельности. Однако, как представляется, функция должна рассматриваться несколько шире. Функция – это переменная, которая находится в зависимости от другой переменной. Таким образом, функции государства непостоянны и меняются в зависимости от динамики целого ряда других переменных.

Именно в функциях государства проявляется та роль, которую оно играет на конкретном историческом этапе. При этом каждая конкретная функция не реализуется в отрыве от других функций, поскольку носит интегративный характер, а за её реализацией всегда стоит «целенаправленная деятельность различных государственных органов» [3, с. 93].

Особенности развития современного мира диктуют каждому конкретному государству свои «правила игры», которые не могут не отражаться на тех функциях, которые государство выполняет, способах, методах и формах их осуществления. Безусловно, все современные функции государства подчинены решению широкого спектра задач, направленных на поддержание общественного порядка, развитие экономики, обеспечение благосостояния граждан. Вместе с тем складывающаяся геополитическая ситуация, обусловленная противостоянием России и ряда западных государств, предопределяет необходимость анализа не только тех функций, которые

государство осуществляет в настоящий момент, но и тех, которые видятся в перспективе.

Так, возникнув в далёкой древности, такая функция, как обеспечение безопасности, не утратила своей актуальности и в наши дни. Как справедливо отмечается в литературе, «научная проблема точного обозначения в компетенциях субъектов специфики функций обеспечения национальной безопасности не решена. Это обусловлено тем, что введение в политический, а затем в научный оборот заимствованного из американского лексикона термина «национальная безопасность» до сих пор порождает его неоднозначное понимание» [4, с. 22]. Необходимо отметить, что обеспечение безопасности нельзя сводить исключительно к обороне государства от внешних угроз. Обеспечение безопасности предполагает в том числе контроль за преступностью, поддержание внутреннего порядка при помощи правоохранительных органов. Обеспечение безопасности современного государства в условиях интенсивных глобализационных процессов также предполагает осуществление контроля над миграцией, защиту от терроризма и другие меры. Реализация данной функции невозможна без прогнозирования, выявления, анализа и оценки угроз. Всё это отражается в стратегических документах планирования, а динамика их принятия и отмены свидетельствует о мобильности угроз и способов реагирования. Так, 19 ноября 2024 года был принят Указ Президента Российской Федерации № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»[1], отменивший относительно недавно принятый Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»[2]. Обеспечение безопасности современного государства является долгом не только «силовых» структур. Эта функция реализуется в процессе деятельности всех высших органов государственной власти и управления, применяются специальные экономические меры. Более того, функция обороны государства в современном мире может быть успешно реализована только в том случае, если опирается на современные научные достижения, что подтверждается Стратегией научно-технологического развития Российской Федерации, утверждённой Указом Президента РФ от 28.02.2024 № 145[3].

Формирование эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства должно повысить восприимчивость экономики и общества к новым технологиям и создать условия для развития наукоёмкого предпринимательства

Традиционно обозначаемая в юридической литературе экономическая функция государства в настоящее время реализуется посредством влияния на экономику через фискальную политику, предполагающую установление оптимальных налогов и государственных расходов. Кроме того, особую актуальность приобретает контроль инфляции и поддержка государственной валюты. Реализация экономической функции современного государства не мыслится в отрыве от действий законодателя, устанавливающего правила регулирования рынков и принятие антимонопольного законодательства. Можно согласиться с тезисом о том, что «характерная для взаимодействия государства и экономики двойственность отражает основную идею

[1] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 19 ноября 2024 г. № 991. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июня 2020 г. № 355. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

исследования многих экономистов на протяжении последних веков о том, что в ходе эволюции человеческой цивилизации изменяется степень влияния государства на экономику. Этот исторический процесс носит дискретный характер, поскольку в тот или иной исторический период на экономическую жизнь влияет выраженность тех или иных значимых функций государства» [5, с. 2].

Особое значение для России в современных условиях имеет модернизация и либерализация экономики. Так, либерализация торговли предполагает снижение торговых барьеров (пошлин, квот и других ограничений), что помогает интегрировать экономику отечественную в экономику глобальную, а снижение административных барьеров, упрощение регистрации бизнеса и улучшение правовой защиты частной собственности могут стимулировать привлечение частных инвестиций. Кроме того, модернизация экономики предполагает её диверсификацию, способствующую развитию самых различных секторов экономики, что, в свою очередь, позволит уменьшать зависимость от отдельных ресурсов или сегментов рынка. В связи с проведением СВО существенно снизилась доля иностранных инвестиций в российскую экономику. Это поставило перед нашим государством актуальную задачу по поиску новых иностранных инвесторов и налаживанию взаимодействия с ними, а также по созданию максимально привлекательных условий для инвесторов. Как представляется, обеспечение правовой стабильности и прозрачности существенным образом уменьшает риски для инвесторов и способствует привлечению капитала благодаря созданию свободных экономических зон, подписанию двухсторонних и многосторонних соглашений и договоров.

Особое негативное влияние на население в настоящий период оказывают реальные темпы инфляции. Государство, реализуя функцию по её снижению, осуществляет различные экономические и монетарные меры, направленные на стабилизацию цен, поддержание доверия участников экономических отношений к валюте. К числу способов реализации этой функции представляется возможным отнести проведение кредитно-денежной политики, направленной на повышение процентной ставки, чтобы сделать кредиты дороже и снизить объёмы денежной массы в экономике. Необходимо отметить, что не все меры могут быть популярными среди населения. Так, например, сокращение бюджетных расходов и увеличение налогов, с одной стороны, способствуют снижению инфляционных процессов, но, с другой стороны, могут вызвать недовольство среди участников рыка. В этой связи государству требуется находить оптимальный баланс в использовании указанных инструментов. К числу мер, направленных на снижение темпов инфляции, можно отнести установление ценовых потолков, представляющих собой временные ограничения на цены и определённые товары и услуги, чтобы снизить темп роста цен. Содействие развитию сельского хозяйства и промышленного производства позволяет увеличивать предложение товаров, что может уменьшить ценовое давление на товары первой необходимости. В качестве ещё одной эффективно зарекомендовавшей себя меры можно указать информационную политику Центрального банка и государственных органов, направленную на формирование у граждан и бизнеса стабильных инфляционных ожиданий, что снижает вероятность самореализующихся инфляционных процессов.

Развитие систем здравоохранения, образования, социальной помощи, а также поддержка уязвимых групп населения образует социальную функцию государства, ориентированную на защиту социума и обеспечение благосостояния граждан. Современное государство стремится обеспечить доступность медицинских услуг и постоянно работает над повышением их качества, активно развиваются биомедицинские технологии, разрабатываются и внедряются государственные

программы по борьбе с эпидемиями, массовыми заболеваниями, вакцинация. Осознание властными структурами значимости высоких темпов технологического развития государства предопределило развитие системы доступного образования, постоянного её совершенствования.

Традиционной для любого государства является функция развития международных отношений, предполагающая установление дипломатических связей с другими странами, а также активное участие в международных организациях. А осознание всеобщности экологических проблем подталкивает государства к осуществлению совместных действий, направленных на их решение, в том числе на обмен опытом по внедрению экологически безопасных технологий. Санкционная политика США и ряда европейских государств в отношении России подтолкнула наше государство к созданию новых экономических союзов и интеграционных объединений, что позволило открыть новые конкурентоспособные рынки.

Полноценное динамичное развитие современного государства предполагает проведение активной внешней политики, тесного сотрудничества между различными государствами, координацию действий при участии в глобальных проектах. Важность такого сотрудничества в современном мире сложно переоценить. Такие глобальные проблемы, как изменение климата, международная безопасность, миграция, пандемии, бедность и другие, требуют совместных усилий стран для их решения. Основным способом реализации функции сотрудничества на современном этапе будет выступать участие в международных организациях. Так, в рамках ООН государства могут координировать свои действия по решению глобальных проблем через различные агентства, комиссии, в частности, например, такие как ВОЗ – Всемирная организация здравоохранения, участие в программе развития ООН (ПРООН).

Социальную функцию государства вряд ли возможно отнести к перспективным, однако в современно мире приобретает актуальность такой аспект обозначенной функции, как справедливое распределение ресурсов и повышение социального благосостояния граждан. В этой связи государство не просто декларирует в Основном законе свою социальность, но создаёт, развивает, совершенствует социальные программы, направленные на уменьшение неравенства, генерирует новые формы социального обеспечения, включая универсальные базовые доходы. В подобного рода социальных программах необходим учёт глобальных изменений и потребностей в улучшении качества жизни, сокращение бедности, а также увеличение пожилого населения.

Социальная функция в современном мире во многом ориентирована на максимальное сохранение народонаселения, что невозможно без развития высоких медицинских цифровых технологий и телемедицины. Активное внедряются биотехнологии, генетические исследования и персонализированный подход в медицине. Кроме того, система здравоохранения вынуждена противодействовать глобальным угрозам, таким как пандемии. Система образования также вынуждена адаптироваться к стремительно меняющимся реалиям. Перспективным направлением становится создание условий для *lifelong learning* (обучение на протяжении всей жизни), чтобы граждане оставались как можно дольше востребованными на рынке труда. Всё это вызывает необходимость развития навыков критического мышления, цифровой грамотности, инновационных компетенций.

Современная экологическая функция также подвержена трансформации: многие государства развивают зелёные технологии и переход на возобновляемые источники энергии. Кроме того, общей тенденцией является принятие более активных мер по борьбе с негативными изменениями климата, по снижению углеродных выбросов и созданию экологически устойчивой экономики. Однако, как справедливо отмечается

в литературе, сохраняются дефекты в правовом регулировании экологических отношений и организации государственного управления природопользованием и охраной окружающей среды, остро ощущается нехватка работников природоохранных органов, налицо дефицит исполнения требований закона и т. д. [6, с. 5].

Перечисленные функции являются наиболее актуальными на современном этапе и, как представляется, не утратят своей актуальности в обозримом будущем. Однако тенденции цивилизационного развития свидетельствуют об увеличении задач, которые должно решать современное государство, об усложнении всей его системы и, как следствие, появлении новых функций, которые можно обозначить как перспективные.

В частности, к одной из таких перспективных функций государства можно отнести функцию ускорения экономического роста посредством осуществления различных мер, направленных на улучшение условий для бизнеса, стимулирования инвестиций и развития ключевых отраслей экономики. Данная функция осуществляется при помощи применения различных способов, одним из которых выступает фискальная и налоговая политика. Так, снижение налогов оказывает стимулирующее влияние на предпринимательство, а использование государственных инвестиций позволяет снизить нагрузку на бизнес, физических лиц и стимулировать потребительскую активность. Очевидно, что экономический рост невозможен сам по себе. Государство обязано стимулировать развитие науки и технологические разработки посредством государственных инвестиций. Осуществление государственной поддержки научных исследований и технологических стартапов возможно посредством грантов, субсидий, налоговых льгот. Подобного рода инвестиции обеспечат экономический рост в долгосрочной перспективе. Инвестирование в транспортные и энергетические сети, создание цифровой инфраструктуры снижают издержки для бизнеса, а следовательно улучшают условия для ведения предпринимательской деятельности. Обновление и модернизация общественных объектов (мосты, дороги, порты, аэропорты) повышают производительность и способствуют оптимизации логистики и торговли. Особого внимания в контексте осуществления функции ускорения экономического роста требует государственное стимулирование инноваций с помощью программ развития высоких технологий в таких областях, как искусственный интеллект, биотехнологии, зелёная энергетика. Необходимо отметить, что экономический рост невозможен в условиях низкого качества образования. В этой связи государству необходимо развивать человеческий капитал при помощи инвестиций в образование и повышение квалификации рабочей силы. Кроме того, необходимо стимулирование трудовой миграции путём создания привлекательных условий для высококвалифицированных специалистов из других стран.

В одной из самых перспективных функций можно отнести функцию цифровизации и инновации. Реализация данной функции проявляется в развитии цифровой экономики и инфраструктуры, во внедрении электронных услуг для улучшения качества государственного управления, во внедрении и регулировании новых технологий, таких как искусственный интеллект, блокчейн, криптовалюты. Использование искусственного интеллекта в системе государственного управления предполагает аккумулирование колоссального массива различных данных, включающих в том числе и персональные данные граждан, нуждающиеся в особой защите. Это позволяет сделать систему управления более эффективной, своевременно реагирующей на стремительно меняющуюся действительность. Вместе с тем закономерным следствием развития высоких технологий стала угроза кибербезопасности. В этой связи у государства появилась новая функция обеспечения кибербезопасности и защиты персональных данных физических и юридических лиц.

Как справедливо отмечается в литературе, «технологии искусственного интеллекта могут и должны служить средством обеспечения информационной безопасности личности» [7, с. 7].

Функция управления обществом также претерпевает значимые изменения, обусловленные развитием цифровых технологий. Создаются и совершенствуются модели государственного управления с использованием искусственного интеллекта, позволяющего оптимизировать управленческие процессы. Кроме того, государство создаёт более гибкие и адаптивные институты, способные быстро реагировать на изменения в обществе и мировой ситуации. Современной тенденцией является создание условий государством для более активного участия граждан через новые формы демократии, такие как электронные референдумы и участие в голосовании через цифровые платформы. Реализация вышеуказанных перспективных функций будет способствовать дальнейшему развитию государства в условиях глобальных вызовов и технологических изменений, обеспечивая долгосрочную устойчивость и процветание.

1. Kelsen H. General Theory of Law and State. N.Y, 1961. 181 p.
2. Теория государства и права: Учеб. для вузов; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации и др. Орел; М.: Изд-во ОРАГС, 2003. 674 с.
3. Теория государства и права: в вопросах и ответах: учебное пособие / М. Н. Марченко; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017. 239 с.
4. Кардашова И. Б. О функциях обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), посвящённой 70-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации, заслуженного юриста Российской Федерации Аврутина Юрия Ефремовича: в 3-х частях, Санкт-Петербург, 24 марта 2017 года / Под редакцией Ю. Е. Аврутина, А. И. Каплунова. Том Часть III. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 22–27.
5. Трифонов С. В. Экономическая функция государства и проблема государственного вмешательства в экономику // Современные технологии управления. 2020. № 1(91). С. 1–10.
6. Экологическая функция государства: теория и практика реализации: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 43 с.
7. Мукиенко И. Н., Беляева О. В. Безопасность информационной сферы в условиях глобализации // Advances in Law Studies. 2024. Т. 12, № 3. С. 6–10.

1. Kelsen N. General Theory of Law and State. N.Y, 1961. 181 p.
2. Teoriya gosudarstva i prava: Ucheb. dlya vuzov; Ros. akad. gos. sluzhby` pri Prezidente Ros. Federacii i dr. Orel; M.: Izd-vo ORAGS, 2003. 674 s.
3. Teoriya gosudarstva i prava: v voprosax i otvetax: uchebnoe posobie / M. N. Marchenko; Moskovskij gosudarstvenny`j universitet im. M. V. Lomonosova. 2-e izd., pererab. i dop. M. : Prospekt, 2017. 239 s.
4. Kardashova I. B. O funkciyax obespecheniya nacional`noj bezopasnosti // Aktual`ny`e problemy` administrativnogo i administrativno-processual`nogo prava: Sbornik statej po materialam ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya), posvyashhyonnoj 70-letiyu doktora yuridicheskix nauk, professora, zasluzhennogo deyatelya nauki Rossijskoj Federacii, zasluzhennogo yurista Rossijskoj Federacii Avrutina Yuriya Efremovicha: v 3-x chastyax, Sankt-Peterburg, 24 marta 2017 goda / Pod redakciej

Yu.E. Avrutina, A.I. Kaplunova. Tom Chast` III. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2017. S. 22–27.
5. Trifonov S. V. E`konomicheskaya funkciya gosudarstva i problema gosudarstvennogo vmeshatel`stva v e`konomiku // Sovremenny`e texnologii upravleniya. 2020. № 1(91). S. 1–10.
6. E`kologicheskaya funkciya gosudarstva: teoriya i praktika realizacii: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2014. 43 s.
7. Mukienko I. N., Belyaeva O. V. Bezopasnost` informacionnoj sfery` v usloviyax globalizacii // Advances in Law Studies. 2024. T. 12, № 3. S. 6–10.

Информация об авторе

Лилия Алексеевна Алексеева. Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Lilia Al. Alekseeva. Professor of the Department of state and legal disciplines. Candidate of Law, Associate Professor.
Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 28.03.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 34

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПАССАЖИРОВ И ПЕШЕХОДОВ НА ТРАНСПОРТЕ

Петров Сергей Анатольевич
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И. Ф. Шилова, Хабаровск, Россия

petrovdvuimvd@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению истории развития и становления нормативно-правовых актов, обеспечивающих ответственность пассажиров и пешеходов за нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств. На протяжении всей современной истории развития законодательства, начиная с 1922 года и по настоящее время, правовое регулирование поведения пассажиров и пешеходов происходило параллельно с развитием транспорта. Государственная политика в области транспортной безопасности была направлена на оптимизацию уголовного законодательства и совершенствование административных запретов, устанавливающих наказание за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта.

Ключевые слова: пассажир, пешеход, уголовное законодательство, правила поведения, ответственность, безопасность движения, транспорт.

Для цитирования: Петров С. А. Исторические этапы развития правовых норм, регулирующих правила поведения пассажиров и пешеходов на транспорте // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 21–29.

HISTORICAL STAGES OF THE DEVELOPMENT OF LEGAL NORMS GOVERNING THE RULES OF BEHAVIOR OF PASSENGERS AND PEDESTRIANS ON TRANSPORT

Sergey A. Petrov
Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia

petrovdvuimvd@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the history of the development and formation of regulatory legal acts that establish the responsibility of passengers and pedestrians for violations of traffic safety rules and the operation of vehicles. Throughout the modern history of the development of legislation, from 1922 to the present, the legal regulation of the behavior of passengers and pedestrians has occurred in parallel with the development of transport. The State policy in the field of transport security was aimed at optimizing criminal legislation and improving administrative prohibitions that establish penalties for violations of rules that ensure safe operation of transport.

Keywords: passenger, pedestrian, criminal law, rules of conduct, responsibility, traffic safety, transport.

For citation: Petrov S. A. Historical stages of the development of legal norms governing the rules of behavior of passengers and pedestrians on transport // Scientific bulletin of the Oryol Law Institute of the MVD of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 21–29.

Регламентирование поведения граждан на транспорте всегда было связано с государственной политикой в области поддержания порядка и соблюдения правил безопасности на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры. Развитие законодательства, устанавливающего ответственность пассажиров и пешеходов за соблюдение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, берет своё начало в послереволюционный период становления Советского государства. Именно в это время в стране начали активно развиваться все виды транспорта. В первые годы существования Советского государства уголовное законодательство было основано на системе запретов, которые были закреплены не только в уголовном законе, но и в других нормативных актах, издаваемых различными органами власти. К ним относились декреты, воззвания, обращения к населению, постановления съездов и т. д. Замечено, в тот период существовала переоценка значения роли уголовного права в обеспечении безопасности функционирования транспорта, делался неоправданный упор на неадекватно жёсткие меры воздействия к правонарушителям, при определении ответственности игнорировалось основополагающее начало уголовного права – принцип виновной ответственности [1, с. 11–13].

Отправной точкой в формировании правовой базы для регулирования, обеспечения порядка и безопасности на транспорте стало принятие Уголовного кодекса РСФСР (далее – УК РСФСР) в 1922 году[1]. Как отмечают некоторые авторы, первоначально данный документ проигнорировал формирование специальных составов преступлений, предусматривающих ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта [2, с. 9]. В случае гибели людей или нанесения им травм в результате транспортных происшествий действия виновных лиц квалифицировались по соответствующим статьям, содержащимся в гл. V УК РСФСР «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В главу VIII УК РСФСР, объединяющую составы преступлений против общественной безопасности, публичного порядка и здоровья населения, была включена ст. 218 УК РСФСР. Уголовно-правовая норма предусматривала ответственность за неисполнение или нарушение правил, установленных законом или обязательным постановлением, направленных на обеспечение порядка и безопасности движения на железных дорогах и водных путях сообщения. В этот период государство в большей степени уделяло внимание железнодорожному и водному транспорту, а в силу того, что воздушный и автомобильный транспорт ещё не был в достаточной степени развит, законодатель эти сферы транспортной деятельности обошёл вниманием.

Декретом ВЦИК и СНК от 08.02.1923 было предоставлено право Народному комиссариату путей сообщения издавать обязательные постановления для обеспечения порядка и безопасности на железнодорожном и водном транспорте. За нарушение этих постановлений предусматривался штраф, а за уклонение от уплаты штрафа виновные лица привлекались к уголовной ответственности по ст. 218 УК РСФСР[2]. Необходимо отметить, что обязательные постановления, о которых упоминается в ст. 218

[1] О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: https://parvo.by. (дата обращения: 12.03.2025).

[2] О предоставлении народному комиссариату путей сообщения права издания обязательных постановлений в целях обеспечения охраны порядка и безопасности на транспорте, о взысканиях за нарушение этих постановлений: декрет ВЦИК и СНК от 8 февраля 1923 г. [Электронный ресурс]. URL: https:// base.consultant.ru (дата обращения 12.03.2025).

УК РСФСР, распространялись не только на водителей и лиц, обеспечивающих работу транспорта, но и на иных лиц, кто нарушил эти постановления, включая пассажиров и пешеходов. Впоследствии уголовно-правовая норма получила дальнейшее развитие в новой редакции статьи, которая была принята Постановлением ВЦИК от 10.07.1923 «Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса РСФСР»[1]. В соответствии с диспозицией статьи теперь ответственность за несоблюдение существующих правил на транспорте распространялась на все виды транспорта. В новой редакции ст. 218 УК РСФСР была сформулирована следующим образом – «Неисполнение или нарушение правил, установленных законом или специальным постановлением для охраны порядка и безопасности движения по сухопутным, водным и воздушным путям сообщения». Важно подчеркнуть, что в новой редакции статьи была предусмотрена ответственность за несоблюдение правил и безопасности движения на всех видах транспорта: автомобильном, железнодорожном, морском и внутреннем водном, а также на воздушном. На тот период времени это было значительным достижением в области обеспечения транспортной безопасности. Законодательно существовала чётко определённая ответственность всех участников движения за несоблюдение существующих правил и норм поведения на транспорте, включая пассажиров и пешеходов. Была создана основа для выделения в уголовном праве отдельного предмета регулирования общественных отношений в области обеспечения порядка и безопасности на всех видах транспорта.

Вместе с тем следует признать, что при всех положительных аспектах уголовно-правовая норма имела определённые недостатки. Дело в том, что состав преступления ст. 218 УК РСФСР был формальным, так как в ней не были предусмотрены последствия, и санкция за совершение преступления предусматривала штраф до 300 руб. или принудительные работы. Кроме того, уголовная ответственность по уголовно-правовой норме наступала лишь в том случае, если лицо, нарушившее соответствующие правила или обязательные постановления, уклонялось от уплаты штрафа. По сути, уголовно-правовая норма по конструкции состава и имеющейся слабой санкции в большей степени соответствовала административной норме, что значительно ослабляло эффективность борьбы с преступными нарушениями правил безопасности на транспорте.

Следующим этапом в истории развития уголовного законодательства стало введение Постановлением ВЦИК от 22.11.1926 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 года[2]. К сожалению, в принятом Уголовном кодексе не была предусмотрена статья, которая устанавливала бы уголовную ответственность за нарушение правил, обеспечивающих порядок и безопасность движения, подобно ст. 218 УК РСФСР 1922 года. Законодатель не учёл потребность в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, связанных с транспортной безопасностью, и оставил без внимания правовую регламентацию действий водителей транспортных средств, пассажиров, пешеходов и других участников движения. Дальнейшее развитие правовых норм в сфере обеспечения безопасности движения и эксплуатации транспортных средств было приостановлено. Все нарушения правил на транспорте теперь рассматривались не по формальному составу, а при наступлении определённых общественно опасных последствий и по статье общеуголовной направленности. Так, ст. 145 УК РСФСР 1922 года предусматривала ответственность за неосторожное телесное повреждение, если оно явилось последствием сознательного несоблюдения

[1] Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] О введении Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный ресурс]: постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

правил предосторожности, установленных законом или распоряжением власти, и повлекло за собой последствия, указанные в ст. 142 УК (тяжкое телесное повреждение, смерть) и ч. 1 ст. 143 УК (лёгкое телесное повреждение, не опасное для жизни, но причинившее расстройство здоровья). По указанной статье к уголовной ответственности привлекались водители транспорта, лица, выполнявшие работу на транспорте, а также пассажиры, пешеходы и другие участники движения, чьими действиями были нарушены установленные и охраняемые законом правила на транспорте и причинены общественно опасные последствия. В дальнейшем, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР от 26.05.1932, водители автомобильного транспорта за совершение автоаварий с человеческими жертвами стали привлекаться по ст. 111 УК, предусматривающей уголовную ответственность за невыполнение должностным лицом действий, которое оно по обязанности должно было выполнить, а равно небрежное или недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям[1]. Пленум Верховного Суда СССР от 15.09.1950 «О квалификации преступлений, связанных с нарушением правил движения на автотранспорте» разграничил уголовную ответственность водителей, являющихся работниками автомобильного транспорта или таковыми не являющимися[2]. В целом можно отметить, что в период действия Уголовного кодекса 1926 года и до принятия Уголовного кодекса 1960 года все преступления, связанные с нарушением правил безопасности движения и охраняемого порядка на транспорте, квалифицировались по общеуголовным составам. Развитие законодательства в борьбе с транспортными преступлениями заключалось в периодических разъяснениях Верховного Суда СССР о квалификации действий лиц, совершивших транспортные преступления.

Правовыми запретами, регулирующими поведение граждан на транспорте и объектах транспортной инфраструктуры, выступали подзаконные акты, издаваемые ведомствами, в чьём введении находился транспорт. Например, согласно обязательному Постановлению Министерства путей сообщения СССР, введённому Приказом МПС от 07.06.1949, в целях обеспечения общественного порядка безопасности движения, противопожарной охраны и санитарного состояния на железнодорожном транспорте воспрещался: проход и проезд без установленных пропусков по железнодорожным путям на станциях и перегонах, вне установленных переездов; проезд на переходных площадках, в тамбурах, на буферах, подножках и крышах вагонов, вскакивание и соскакивание на ходу поезда. Пастьба скота без разрешения железнодорожной администрации в пределах полосы отвода, оставление скота без надзора в полосе отвода, а также прогон скота через полотно дороги вне установленных переходов и проездов[3].

Министерство путей сообщения СССР 31 августа 1953 г. утвердило Правила проезда автогужевого транспорта, провоза особо тяжёлых и громоздких грузов через переезды железных дорог[4]. Лица, виновные в нарушении настоящего постановления, подвергались в административном порядке штрафу. Штрафы применялись в тех

---

[1] О квалификации нарушения работниками автотранспорта и городских железных дорог трудовой дисциплины в случае аварий [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 мая 1932 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 сентября 1950 г. № 16/12/у. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Обязательное Постановление Министерства путей сообщения СССР: приказ МПС от 7 июня 1949 г. № 465/ЦЗ // Сборник важнейших материалов по технике безопасности и промышленной санитарии на железнодорожном транспорте. М., 1954.

[4] Правила проезда автогужевого транспорта, провоза особо тяжелых и громоздких грузов через переезды железных дорог [Электронный ресурс]: приказ Министерства путей сообщения СССР 31 августа 1953 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

случаях, когда эти нарушения не влекли за собой уголовной ответственности, то есть без наступлений общественно опасных последствий. Таким образом, при отсутствии единой уголовно-правовой регламентации общественных отношений в сфере безопасности движения транспортных средств и правил поведения на транспорте действовали множественные ведомственные акты, которые устанавливали правовые запреты на отдельных видах транспорта.

С развитием экономики значение транспорта приобретало особый смысл как одна из важнейших отраслей народного хозяйства. Естественно, всё больше сказывалось несовершенство уголовного законодательства и неспособность осуществления государственной политики в области транспортной безопасности. Отсутствие уголовно-правовых норм в сфере транспортных преступлений не обеспечивало нормальную и безопасную работу транспорта, порождало множество серьёзных проблем с обеспечением правил движения и эксплуатации транспортных средств. Безусловно, важным шагом в развитии уголовного права и регулировании общественных отношений в области обеспечения безопасности на транспорте стало принятие Уголовного кодекса РСФСР в 1960 году[1].

В главу X УК РСФСР 1960 года «Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения» законодатель поместил три статьи, устанавливающих ответственность за нарушение правил безопасности движения транспортных средств и правил об охране порядка на транспорте. В уголовном законодательстве впервые появился состав преступления, которым предусматривалась уголовная ответственность за нарушение правил поведения на транспорте работниками транспорта и другими лицами, в том числе пассажирами и пешеходами. Статья 213 УК РСФСР была сформулирована простой диспозицией и изложена в следующей редакции: «Нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения, если это повлекло гибель людей и иные тяжкие последствия». Рассматривая диспозицию уголовно-правовой нормы, необходимо обратить внимание на следующие особенности её конструкции.

Во-первых, в статье законодатель не определил круг лиц, которые являются субъектами преступления. Позже Верховный Суд СССР в Постановлении от 06.10.1970 № 11 «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» дал разъяснения, что субъектом преступления в ст. 213 УК РСФСР могут быть признаны пешеходы, велосипедисты, погонщики скота и иные лица, не перечисленные в ст.ст. 211, 211.1, 211.2, 212.1, 85, 252 УК РСФСР, если нарушение действующих на транспорте правил об охране порядка и безопасности движения повлекло указанные в статье последствия[2].

Во-вторых, в статье не указывался вид транспорта, правила которого охранялись под запретом уголовного наказания за их нарушения, в связи с чем действие уголовно-правовой нормы распространялось на автомобильный, городской электротранспорт, железнодорожный, водный и воздушный транспорт.

В-третьих, диспозиция статьи была изложена материальным составом и ответственность наступала в том случае, если нарушение повлекло гибель людей или иные тяжкие последствия. Законодатель не дал разъяснения понятию «тяжкие последствия», и правоприменитель ориентировался на сложившуюся следственно-судебную практику и мнение учёных-правоведов, дававших толкование применения уголовного закона. Так, в комментариях Ю. Д. Северина было указано, что к числу

[1] Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 591
[2] О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях [Электронный ресурс]: постановление Верховного суда СССР от 6 октября 1970 г. № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тяжких последствий следует отнести причинение одному или нескольким гражданам смерти, тяжких, менее тяжких или лёгких с расстройством здоровья телесных повреждений. К тяжким последствиям отнесено причинение государственным, общественным организациям или отдельным гражданам значительного материального ущерба: уничтожение, повреждение транспортных средств, путевых сооружений, перевозимых грузов, длительный перерыв в движении транспорта [3, с. 409].

В-четвёртых, статья была сформулирована бланкетным способом и отсылала к иным нормативным правым актам отраслевого права. При наступлении общественно опасных последствий в результате неправомерных действий пассажира или пешехода, находившихся на транспорте или на объектах транспортной инфраструктуры, необходимо было устанавливать правовые нормативные акты, регулирующие поведение участников движения на конкретном виде транспорта.

С введением в УК РСФСР 1960 года ст. 213 стало возможным дифференцировать ответственность пассажиров, пешеходов и других участников движения от ответственности водителей транспортных средств и лиц, выполняющих обязанности или работу на транспорте. Всё это, несомненно, способствовало развитию и совершенствованию отраслевого законодательства в области обеспечения правил и порядков на транспорте. С увеличением автомобильного парка возникла необходимость принятия нормативных документов в области регулирования дорожного движения в стране.

В связи с назревшей необходимостью Приказом МВД СССР от 11.01.1960 № 25 с 1 января 1961 г. были введены первые единые по стране «Правила движения по улицам и дорогам Союза ССР»[1]. Обращает внимание тот факт, что в принятых Правилах достаточно подробно и доходчиво были изложены в отдельных разделах правила поведения на дорогах пешеходов, пассажиров и велосипедистов. Впоследствии с учётом интенсивного развития автомобильного транспорта и ухудшения дорожной обстановки Правила дорожного движения периодически переиздавались Приказами МВД СССР, на которое было возложено административно-правовое регулирование безопасности дорожного движения.

Очередным шагом в обеспечении автотранспортной безопасности и предупреждении нарушений правил дорожного движения было принятие Советом Министров – Правительством РФ Постановления от 23.10.1993 № 1090 «О правилах дорожного движения»[2]. В Правилах были определены понятия «пассажир», «пешеход» и конкретизированы их обязанности. Нарушение установленных Правил с наступлением общественно опасных последствий давало возможность привлекать виновных лиц, которые выступали участниками движения в качестве пассажиров или пешеходов, по ст. 213 УК РФ. Разграничение уголовно-правовой оценки преступных деяний участников дорожного движения способствовало правильной квалификации преступлений и справедливому наказанию за их совершение. Кроме регулирования безопасности дорожного движения, в стратегии государственной политики немаловажное значение занимало обеспечение правил безопасности на железнодорожном, воздушном и водном морском и внутреннем транспорте. Существующие на транспорте отраслевые акты в большей степени регламентировали деятельность должностных лиц, но не содержали правовых запретов поведения пассажиров и пешеходов. Закономерно, что Постановлением Верховного Совета РСФСР от 20.06.1984 был введён в действие «Кодекс РСФСР об административных правонарушениях». Он стал первым кодифицированным государственно-правовым

[1] Правил движения по улицам и дорогам Союза ССР. Издательство «Звезда». Минск, 1961.
[2] О правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров – Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090.

актом по вопросам административной ответственности, определяющим конкретные виды правонарушений и виды наказаний за них[1].

Введение в действие КоАП РСФСР дало возможность шире применять ст. 213 УК, так как при нарушениях правил безопасности, установленных на транспорте, за которых предусматривалась административная ответственность, при наступлении общественно опасных последствий виновные лица привлекались к уголовной ответственности по соответствующей уголовно-правовой норме. Закон об административных правонарушениях компенсировал существующий юридический пробел в установлении правовых запретов для пассажиров, пешеходов и иных лиц, нарушивших установленные правила порядка и безопасности движения на различных видах транспорта. Помимо действовавшего Кодекса РСФСР об административных правонарушениях, Правительство Российской Федерации принимало отдельные постановления, направленные на обеспечение общественного порядка и регулирующие правила поведения граждан на транспорте. В соответствии с Постановлением Совета Министра СССР от 08.02.1986 № 197 был расширен перечень правонарушений на железнодорожном, морском и воздушном транспорте и определён круг должностных лиц, которые были наделены правом налагать штраф за совершение правонарушений на транспорте[2]. Согласно постановлению в Кодекс об административных правонарушениях РСФСР были добавлены новые административные деликты. В 1987 году Министерство путей сообщения СССР разработало и утвердило правила безопасности для граждан на железнодорожном транспорте, в которых были подробно изложены предписания поведения пешеходов и пассажиров в зоне действия железной дороги[3].

В новом Уголовном кодексе Российской Федерации, принятом в 1996 году, законодатель выделил транспортные преступления в отдельную главу «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта». В отношении участников движения, которые не являются водителями транспортных средств, была введена ст. 268 УК РФ. В первоначальной редакции она была сформулирована следующим образом: «Нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения (кроме лиц, указанных в статьях 263 и 264 настоящего Кодекса) правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда человека…». Вторая часть статьи предусматривала ответственность за аналогичные действия, повлёкшие смерть одного человека, а третья часть – ответственность за аналогичные действия, повлёкшие смерть двух и более лиц[4].

Диспозиция уголовно-правовой нормы начинается с перечисления субъектов преступления. Два субъекта преступления конкретно определены – это пассажир и пешеход. Ссылка на других участников движения, кроме лиц, указанных в ст. 263 и 264 УК РФ, обязывает правоприменителя при нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств выяснять, какое непосредственное отношение имеет лицо к движению транспорта и взаимодействие его с транспортом в процессе движения.

---

[1] О введении в действие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета РСФСР от 20 июня 1984 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об административной ответственности за нарушение на железнодорожном, морском и воздушном транспорте правил пользования средствами транспорта, правил об охране порядка и безопасности движения, правил пожарной безопасности…[Электронный ресурс]: постановление Совета Министров СССР от 8 февраля 1986 г. № 197. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Правила безопасности граждан на железнодорожном транспорте. Утверждены Министерством путей сообщения СССР 29 июня 1987 г. М., Транспорт, 1987.

[4] Уголовный кодекс РСФСР 1960 года // Ведомости ВС РСФСР, 1960, № 40, ст. 591.

Как и в предшествующем Уголовном кодексе, диспозиция статьи изложена бланкетным способом, то есть накладывает на правоприменителя обязанность устанавливать действующие порядки и правила на транспорте. Как справедливо замечено, выделенная проблема усугубляется ещё и тем, что, в отличие от уголовного законодательства, находящегося в исключительном ведении Российской Федерации, другие законы и иные нормативные акты, на которые так или иначе ссылаются бланкетные уголовно-правовые нормы, могут относиться к совместной компетенции России и её субъектов (например, отрасли административного, налогового и трудового права) либо вовсе к региональному или ведомственному уровням [4, с. 143–146].

В первоначальной редакции первая часть ст. 268 УК РФ предусматривала ответственность за преступные нарушения правил, обеспечивающие безопасную работу транспорта, если это деяние повлекло по неосторожности причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. В процессе развития уголовно-правового законодательства репрессивность уголовной политики несколько уменьшилась и уголовно наказуемость деяния стала определяться с причинения тяжкого вреда здоровью. Федеральным законом из первых частей статей транспортных составов преступлений, в том числе и ст. 268 УК РФ, было исключено общественно опасное последствие как причинение средней тяжести вреда здоровью человеку[1]. Кроме того, существенно ослабла санкция третьей части состава преступления и вместо «от четырёх до восьми» лет лишения свободы осталось «до семи» лет. Как отмечают авторы, в целом для уголовной политики современной России характерна нерепрессивная тенденция уголовной политики. Многие определяют эту линию уголовной политики либеральной [5, с. 136–144].

С 30 декабря 2001 года действует нынешний Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации, который значительно расширил перечень административных правонарушений. Известно, что правовые запреты появляются там, где требуется жёстко упорядочить (урегулировать) общественные отношения. Необходимость в этом возникает всякий раз, когда граждане, общество или государство испытывают угрозы своим интересам [6 с. 202–208]. КоАП РФ все транспортные деликты разграничил по двум главам. В главу 11 «Административные правонарушения на транспорте» вошли статьи, устанавливающие административную ответственность пассажиров, пешеходов и других участников движения за правонарушения на железнодорожном, воздушном, водном морском и внутреннем транспорте и метрополитене. Глава 12 «Административные правонарушения в области дорожного движения» объединяет правонарушения, совершённые в сфере дорожного движения. Следует обратить внимание на ст. 12.30 КоАП, которая предусматривает административную ответственность за нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, повлёкшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение лёгкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего[2]. Диспозиция статьи чётко определяет границы административной ответственности по тяжести наступления вредных последствий.

В целом стоит отметить, что законодательство, регулирующее уголовную и административную ответственность пассажиров, пешеходов и других участников движения, непрерывно развивается. В Правила дорожного движения регулярно вносятся изменения и дополнения. В большей степени это связано с изменениями условий

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации, 2002. № 1 (ч. 1), ст. 2.

дорожного движения, появлением на дорогах новых участников движения, например лиц, управляющих средствами индивидуальной мобильности, значительным увеличением количества транспорта и интенсивности транспортных потоков. В связи с этим повышается ответственность пассажиров и пешеходов за соблюдение правил дорожного движения. Для обеспечения эффективного регулирования поведения на транспорте пассажиров, пешеходов и других участников движения необходимо постоянное совершенствование отраслевого законодательства и в первую очередь административного, устанавливающего ответственность граждан за противоправные действия на всех видах транспорта.

1. Головко В. В. Развитие ответственности за нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта в отечественном уголовном праве // Научный вестник Омской академии МВД России. Омск, 2009, № 3(34). С. 11–13.
2. Жулев В. И. Транспортные преступления. М., 2001. 190 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР под ред. Ю.Д. Северина. М.,1980. 480 с.
4. Решняк М. Г. Бланкетные уголовно-правовые нормы: проблемы действия во времени и в пространстве // Пробелы в Российском законодательстве. М., 2013, № 1. С. 143–146.
5. Клёнова Т. В. Общественная опасность – истинное свойство преступления // Библиотека криминалиста. М., 2013. № 2 (7). С. 136–144.
6. Дерюга А. Н. Социально-правовые аспекты профилактики административных правонарушений // Сборник материалов международной научно-практической конференции 29-30 мая 2014 г. ДВЮИ МВД России, Хабаровск, 2014. С. 202–208.

1. Golovko V. V. Razvitie otvetstvennosti za narushenie pravil, obespechivayushhix bezopasnuyu rabotu transporta v otechestvennom ugolovnom prave // Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. Omsk, 2009, № 3(34). S. 11–13.
2. Zhulev V. I. Transportny`e prestupleniya. M., 2001. 190 s.
3. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RSFSR pod red. Yu.D. Severina. M.,1980. 480 s.
4. Reshnyak M. G. Blanketny`e ugolovno-pravovy`e normy`: problemy` dejstviya vo vremeni i v prostranstve // Probely` v Rossijskom zakonodatel`stve. M., 2013, № 1. S. 143–146.
5. Klyonova T. V. Obshhestvennaya opasnost` – istinnoe svojstvo prestupleniya // Biblioteka kriminalista. M., 2013. № 2 (7). S. 136–144.
6. Deryuga A. N. Social`no-pravovy`e aspekty` profilaktiki administrativny`x pravonarushenij // Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konfe-rencii 29-30 maya 2014 g. DVYuI MVD Rossii, Xabarovsk, 2014. S. 202–208.

Информация об авторе

Сергей Анатольевич Петров. Доцент кафедры криминалистики.
Дальневосточный юридический институт МВД России имени И.Ф. Шилова.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, 15.

Information about the author

Sergey A. Petrov. Associate Professor of the Department of Criminology.
I.F. Shilov Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
680020, Russia, Khabarovsk, Kazarmenny Str., 15.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 25.03.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья
УДК 342.92

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Бекмурзинова Камила Кайратовна
Омская академия МВД России, Омск, Россия

kamazonn@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов цифровизации производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Обозначена необходимость упрощения порядка производства по делу об административном правонарушении в случае выявления и фиксации его гражданами с использованием специального программного обеспечения (программно-аппаратный комплекс «Народный инспектор», «Помощник Москвы» и др.). Указаны тенденции расширения применения электронного документооборота в области дорожного движения. Кроме того, отмечается необходимость внедрения электронной формы производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения.

Ключевые слова: доказывание, электронная форма, производство по делам об административных правонарушениях, дорожное движение, привлечение к административной ответственности, цифровизация.

Благодарность: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университет имени Ф. М. Достоевского доктора юридических наук, профессора Головко В. В.

Для цитирования: Бекмурзинова К. К. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 30–35.

DIGITALIZATION OF PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC

Kamila K. Bekmurzinova
Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Omsk, Russia

kamazonn@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the processes of digitalization of proceedings on administrative offenses in the field of road traffic. The need to simplify the procedure for proceedings on an administrative offense in the event of its detection and recording by citizens using special software (software and hardware complex "People's Inspector", "Moscow Assistant", etc.) is indicated. Tendencies of expanding the use of electronic document management in the field of road traffic are noted, in addition, the need to

introduce an electronic form of proceedings on administrative offenses in the field of road traffic is noted.

***Keywords**:* proof, electronic form, proceedings on administrative offenses, road traffic, bringing to administrative responsibility, digitalization.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – professor of the Department of State and Municipal Law of the Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Doctor of Law, Professor Golovko V. V.

***For citation**:* Bekmurzinova K. K. Digitalization of proceedings on cases of administrative offenses in the field of road traffic // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 30–35.

Цифровизация процессов осуществления надзора за дорожным движением является приоритетным направлением развития современных государств. Ежегодно увеличивающееся количество зафиксированных правонарушений в области дорожного движения удалось выявить благодаря внедрению новых информационных технологий. С помощью развития инновационных технологий, в том числе и использования искусственного интеллекта, стало возможным увеличить количество выявляемых нарушений правил дорожного движения, которые могут быть зафиксированы камерами автоматической фиксации [1, с. 47], что позволяет обеспечить неизбежность административной ответственности, способствует уменьшению числа ДТП и повышению дисциплины среди участников дорожного движения.

Применение современных технических средств фиксации административных правонарушений является необходимостью, без которой бывает невозможно установить факт нарушения правил дорожного движения, привлечь правонарушителя к ответственности [2, с. 54]. Применение в надзоре за дорожным движением цифровых технологий в виде внедрения новых форм фиксации нарушений правил дорожного движения с использованием стационарных комплексов фотовидеофиксации повлекло изменение административного законодательства, введение особого порядка привлечения к административной ответственности (ч. 2 ст. 28.6 КоАП РФ)[1] [3, с. 447].

Колоссальный объём выявляемых с помощью камер автоматической фиксации нарушений повлёк законодательное закрепление специального порядка направления постановлений правонарушителям. Если ранее «письмо счастья» приходило на почтовый адрес, то с 2021 года постановления по общему правилу направляются в форме электронного документа путём его размещения в личном кабинете правонарушителя на Едином портале государственных и муниципальных услуг при его наличии. Полученное постановление можно обжаловать посредством подачи жалобы в форме электронного документа в соответствии со ст. 30.2 КоАП РФ. Таким образом, производство по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, зафиксированных работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими фотовидеофиксацию, можно назвать электронным, поскольку все стадии производства по делу об административном правонарушении оформляются с помощью электронных документов.

Несмотря на динамично развивающееся административное законодательство, остаётся актуальным вопрос привлечения к административной ответственности правонарушителей, чьё нарушение было зафиксировано гражданами при помощи специального программного обеспечения (программно-аппаратный комплекс

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

«Народный инспектор», «Помощник Москвы» и др.). Также в практической деятельности нередко возникают сложности с привлечением к ответственности лиц, чьи нарушения правил дорожного движения были зафиксированы на фото и видео без использования специального программного обеспечения в виде обращения граждан через официальные интернет-ресурсы. Напомним, что ранее лиц, нарушения которых были выявлены и зафиксированы гражданами с помощью программно-аппаратного комплекса «Народный инспектор», «Помощник Москвы», привлекали к административной ответственности в особом порядке в соответствии с ч. 1 ст. 2.6.1, ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ, что явилось незаконным в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда от 25.06.2019 № 20[1] ввиду того, что средства фиксации административных правонарушений не являлись автоматическими.

После разъяснений Верховного Суда практика привлечения к административной ответственности с применением особого порядка к лицам, чьи правонарушения были выявлены с использованием специального программного обеспечения, прекратилась, однако количество обращений граждан с информацией о нарушении правил дорожного движения остаётся на высоком уровне, но процесс привлечения лиц к административной ответственности весьма затруднён, и от общего количества обращений граждан к административной ответственности привлекается только четверть правонарушителей.

Общий порядок производства по рассматриваемой категорий дел предполагает возбуждение дела об административном правонарушении, истребование объяснения как от лица, выявившего административное правонарушение, так и от лица, совершившего данное правонарушение, и другие процессуальные действия, которые вызывают значительные временные затраты и, как следствие, прекращение производства по делу в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности. Таким образом, в настоящее время возникла реальная необходимость создания специального порядка или приравнивания к особому порядку производства по делам об административных правонарушениях, выявленных и зафиксированных гражданами с помощью камер фото- и видеофиксации с использованием специального программно-аппаратного комплекса, поскольку научно-технический прогресс приводит к обязательному расширению применения цифровых технологий в сфере выявления и фиксации административных правонарушений в области дорожного движения, что также должно быть отражено в примечании к ст. 1.5 КоАП РФ. Привлечение к ответственности лиц, чьи нарушения были зафиксированы гражданами посредством специального программного обеспечения (программно-аппаратный комплекс «Народный инспектор», «Помощник Москвы» и др.), в особом порядке позволит своевременно как выявлять нарушение правил дорожного движения, так и привлекать виновных к ответственности, таким образом обеспечить реализацию принципа неотвратимости наказания. Ограничение устоявшимися формами производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения говорит о необходимости развития действующего правового регулирования в соответствии с развивающейся цифровой индустрией.

Современные цифровые технологии позволяют выявлять совершаемые административные правонарушения в области дорожного движения не только на дороге и не только с помощью камер автоматической фиксации, но и с помощью мониторинга сети Интернет. Мониторинг интернет-пространства позволяет выявлять

[1] О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 25 июня 2006 г. № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

фото- и видеоматериалы, фиксирующие признаки административных правонарушений, нарушений правил дорожного движения [4, с. 10], зачастую размещаемые популярными инфлюенсерами. Чаще всего в сети Интернет выявляются: нарушения водителем транспортного средства правила пользования телефоном, нарушение правила применения ремней безопасности, вождение в состоянии опьянения и др. [5, с. 116].

Немаловажным элементом в процессе цифровизации производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения стала возможность использования электронного документооборота, а именно электронной версии водительского удостоверения через специальное приложение «Госуслуги Авто», закреплённая в п. 2.1.1 Правил дорожного движения[1]. Следует отметить, что специальное программное обеспечение позволяет использовать электронное водительское удостоверение вне зависимости от интернета. Однако возможность использования электронных документов для водителей не должна ограничиваться лишь водительским удостоверением, свидетельством о регистрации транспортного средства, необходимо расширять перечень электронных документов. Использование цифровых технологий также отразилось в контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции (использование электронного документооборота; развитие цифровых сервисов и платформ, межведомственное взаимодействие на основе цифровых платформ и др.) [6, с. 43].

Актуальной темой в процессе цифровизации производства по делам об административных правонарушениях остаётся введение и использование электронной формы производства [7, с. 66], поскольку положительная тенденции развития и применения электронной формы производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, используемая в особом порядке, свидетельствует о готовности как государства, так и граждан к повсеместному использованию данной формы. Так, в соответствии со ст. 8.2 проекта Процессуального КоАП РФ[2] предлагается формирование материалов дела в электронной форме, без дополнительного формирования их на бумажных носителях, за исключением дел, рассматриваемых в закрытых судебных заседаниях.

Электронная форма производства по делу об административном правонарушении в области дорожного движения не должна сводиться лишь к вынесению протокола и (или) постановления по делу – данная форма должна использоваться при оформлении иных протоколов при применении мер обеспечения производства, при вынесении определений и так далее с приобщением к материалам дела фотографий, видеозаписей и других доказательств в электронном виде.

Внедрение электронной формы производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения позволит снизить количество отменяемых постановлений, вынесенных сотрудниками ГИБДД, отменяемых из-за нарушений, допускаемых при составлении постановлений в бумажном виде: нечитаемый почерк, замена пишущей ручки, описки, отсутствие подписи и др.

Европа стала не только основоположником использования камер автоматической фиксации нарушений правил дорожного движения, но и местом, где в настоящее время широко используют современные цифровые технологии в производстве по делам об административных правонарушениях, применяя электронные планшеты либо мобильные устройства как для фиксации

[1] О правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. №1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Проект «Процессуальный кодекс об административных правонарушениях» [Электронный ресурс]: URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202006/17/PKoAP_RF_cOq.pdf (дата обращения 10.01.2025).

административных правонарушений, так и для оформления постановления по делу в электронном виде, которое сразу же в электронном виде направляется правонарушителю. Положительный опыт использования электронной формы производства по делам об административных правонарушениях наблюдается и в странах СНГ, таких как Республика Казахстан, Республика Кыргызстан [8, с. 177] и Республика Узбекистан, где наряду с электронной формой производства может применяться бумажная.

Считаем, что как граждане, так и органы государственной власти готовы к внедрению электронной формы производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения. Введение электронной формы по рассматриваемой категории дел позволит существенно снизить бумажный документооборот, а также иные затраты. Вводимые в законодательство изменения должны сопровождаться введением соответствующих цифровых инструментов в административно-юрисдикционные органы.

1. Афонин В. В. Проблемы и перспективы внедрения интеллектуальных систем в сферу обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 1(94). С. 40–49.
2. Головко В. В. Новое законодательство о технических средствах, применяемых для привлечения к административной ответственности в области дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 51–55.
3. Руденко А. В., Евсикова Е. В. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях в контексте принятия нового КоАП РФ // Юридическая деятельность в условиях цифровизации: сборник статьей по результатам международной научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 446–453.
4. Бучакова М. А., Мушаков В. Е. Оптимизация деятельности российской полиции по защите прав человека в условиях цифровизации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2022. № 4. С. 9–13.
5. Смолин П. В. Блогеры-нарушители правил дорожного движения: проблемы и возможные меры реагирования // Журналистика, мультимедиа: информационный и социокультурный потенциал: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти Г. М. Соловьева. Краснодар, 2024. С. 115–121.
6. Майоров В. И., Полякова С. В. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции МВД России: проблемы и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 4(70). С. 38–47.
7. Бекмурзинова К. К. Применение электронной формы производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования: сборник материалов XVIII Международной научно-практической конференции: в 2-х ч. Орёл, 2024. С. 63–66.
8. Сафоненков П. Н. Цифровизация производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Российской таможенной академии. 2023. № 4. С. 168–180.

1. Afonin V. V. Problemy i perspektivy vnedreniya intellektual'nyh sistem v sferu obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2023. № 1(94). S. 40–49.
2. Golovko V. V. Novoe zakonodatel'stvo o tekhnicheskih sredstvah, primenyaemyh dlya privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti v oblasti dorozhnogo dvizheniya //

Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2024. № 1(98). S. 51–55.
3. Rudenko A. V., Evsikova E. V. Cifrovizaciya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v kontekste prinyatiya novogo KoAP RF // Yuridicheskaya deyatel'nost' v usloviyah cifrovizacii: sbornik stat'ej po rezul'tatam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Simferopol', 2021. S. 446–453.
4. Buchakova M. A., Mushakov V. E. Optimizaciya deyatel'nosti rossijskoj policii po zashchite prav cheloveka v usloviyah cifrovizacii // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2022. № 4. S. 9–13.
5. Smolin P. V. Blogery-narushiteli pravil dorozhnogo dvizheniya: problemy i vozmozhnye mery reagirovaniya // Zhurnalistika, mul'timedia: informacionnyj i sociokul'turnyj potencial: materialy VI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj pamyati G.M. Solov'eva. Krasnodar, 2024. S. 115–121.
6. Majorov V. I., Polyakova S. V. Cifrovizaciya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti Gosavtoinspekcii MVD Rossii: problemy i perspektivy // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. 2024. № 4 (70). S. 38–47.
7. Bekmurzinova K. K. Primenenie elektronnoj formy proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah v oblasti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya: sbornik materialov XVIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 2-h ch. Oryol, 2024. S. 63–66.
8. Safonenkov P. N. Cifrovizaciya proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2023. № 4. S. 168–180.

Информация об авторе

Камила Кайратовна Бекмурзинова. Преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД
Омская академия МВД России.
644092, Россия, г. Омск, проспект Комарова, 7.

Information about the author

Kamila K. Bekmyrzinova. Teacher of the chair of Administrative law and administrative internal affairs agency.
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
644092, Russia, Omsk, Komarov Av., 7.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 10.02.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛЬНОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Беляева Ольга Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

Julia18flash@yandex.ru

Аннотация. С опорой на научные и прикладные исследования в статье рассматривается современная практика внедрения информационных технологий без обязательной увязки с обеспечением информационной безопасности, что существенно повышает вероятность проявления прежних и появления новых информационных угроз, среди которых особенно значимы такие проблемы, как нарастающее информационное/цифровое неравенство, возможности манипуляции общественным сознанием, киберболезни (компьютерная зависимость и др.), компьютерная преступность (киберпреступность), информационные войны и др. Подчёркивается, что исследования информационной безопасности личности в России являются ключевым элементом обеспечения безопасности, стабильности и развития общества в условиях современных информационных технологий.

Ключевые слова: глобализация, информационные технологии, искусственный интеллект, угрозы информационной безопасности.

Для цитирования: Беляева О. В. Информационная безопасность личности в глобальном информационном пространстве // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 36–43.

PERSONAL INFORMATION SECURITY IN THE GLOBAL INFORMATION SPACE

Olga V. Belyaeva
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

Julia18flash@yandex.ru

Annotation. Based on scientific and applied research, the article examines the modern practice of introducing information technologies without necessarily linking them to information security, which significantly increases the likelihood of former and new information threats, among which such problems as increasing information/digital inequality, the possibility of manipulating public consciousness, cyber-diseases (computer addiction, etc.) are particularly significant.), computer crime (cybercrime), information warfare, etc. The article emphasizes that research on personal information security in Russia is a key element in ensuring the security, stability and development of society in the context of modern information technology.

Keywords: globalization, information technology, artificial intelligence, threats to information security.

For citation: Belyaeva O. V. Information security of the individual in the global information space // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 36–43.

Активное развитие информационно-коммуникационных технологий и цифровая трансформация экономических процессов привели не только к появлению новых видов цифровых услуг, возникновению белых, серых, чёрных (теневых) экономических рынков, структурной трансформации секторов экономики, но также и к новой системе социально-экономических отношений, формирующейся в глобальном информационно-экономическом пространстве.

Возможности динамично развивающихся информационных технологий и средств массовых коммуникаций, которые могут управлять информационными потоками с помощью информационных фильтров, позволяют злоумышленникам, манипулируя социальными проблемами и потребностями населения, с помощью методов социальной инженерии и информационно-психологического воздействия вовлекать людей в сомнительные экономические и мошеннические проекты, в социально опасную деятельность; распространять идеи экстремистского характера; развязывать межличностные, социальные и межнациональные конфликты; формировать низкопробную массовую культуру; продвигать интересы определённых групп и сообществ; навязывать собственные стандарты поведения, модели потребления и восприятия информации, оказывая деструктивное воздействие в масштабах регионального, национального и глобального информационного пространства. Актуальность исследования данного вопроса обусловлена тем, что проблема противоправного деструктивного информационно-психологического воздействия на личность, общество и государство стала одной из современных глобальных проблем мирового сообщества.

Вместе с тем авторы ряда работ обращают внимание на то, что с правовой точки зрения, дефиниция «вредоносное информационное воздействие», осуществляемое в интересах определённых политических и социальных сил и оказывающее негативное деформирующее влияние на личность, общество и информационно-психологическую среду государства, не имеет официального закрепления, а закрепление новых составов преступлений в сфере информационных технологий должно соответствовать тенденциям развития современной преступности и учитывать анализ квалификационных признаков преступлений по каждой статье Уголовного кодекса. Выявление реальных информационно-психологических, экономических и правовых угроз, существующих в современном информационном пространстве, часто затруднено в связи с отсутствием непосредственного контакта между объектом посягательств и злоумышленниками, ощущающими недосягаемость и безнаказанность. Категория «информационная безопасность личности» также требует закрепления в действующем законодательстве, что разрешит ряд проблем, связанных с терминологией, содержанием. По мнению Кузьменкова Т. Н., юридическую проработку проблем информационной безопасности личности целесообразно вести отдельно по техническим и содержательным (смысловым) компонентам [1, с. 72].

Бражник Т. А. отмечает, что, несмотря на то что информационная безопасность личности является важнейшим элементом национальной информационной безопасности, анализ специальных нормативных документов показывает, что на уровне двустороннего международно-правового сотрудничества, в ряде определений, связанных с трактовками информационной безопасности государства в целом и информационной безопасности личности, существуют определённые противоречия. В частности, определение информационной безопасности личности как состояния защищённости от внешних

и внутренних угроз неоднородно и применимо преимущественно для технической сферы [2, с. 188].

Представляется возможным согласиться с Алексеевой Л. А., подчёркивающей, что «формируется новая, реальная многополярность, требующая от государств выстраивания системы постоянного мониторинга предполагаемых и возможных в сегодняшних условиях угроз» [3, с. 40]. И действительно, проблемы формирования системы международной информационной безопасности, по мнению целого ряда авторов [4, с. 138], необходимо рассматривать в контексте возникновения новых угроз, трансформации права и глобальной проблемы «инфодемии». Целенаправленное информационно-психологическое воздействие, осуществляемое с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, может быть направлено и на представителей различных государственных структур, на сотрудников правоохранительной сферы, а также на широкие круги населения с целью вовлечения их в противоправную антиобщественную и антигосударственную деятельность. В оказании такого воздействия могут быть заинтересованы представители преступных сообществ и отдельных криминальных элементов, коммерческих и некоммерческих организаций, несистемных оппозиционных политических объединений. К угрозам и противоправным действиям, направленным на подрыв системы информационной безопасности государства, следует относить действия, связанные в том числе с незаконным оборотом наркотических средств и цифровых валют; с социальной инженерией; с сексуальной эксплуатацией несовершеннолетних; с распространением и использованием информации, приносящей вред общественной нравственности и здоровью населения; с распространением деструктивных и экстремистских материалов. Нелегальные материалы и информация могут распространяться, например с помощью СМС рассылок, различных рекламных сайтов и мессенджеров.

Сотрудники государственных служб могут подвергаться информационно-психологическим атакам через традиционные средства коммуникаций и передачи информационных сообщений, к которым, в частности, могут быть отнесены средства телефонной связи и печатная продукция, включающая рекламные листки и объявления. Информационно-психологическому воздействию могут подвергаться и сотрудники силовых структур, которые в личной жизни в большей или меньшей степени, но обращаются к инструментам социальных сетей, обеспечивающих продвижение цифрового контента. К таким инструментам, через которые может быть оказано информационно-психологическое воздействие, следует отнести, например сайты для обмена фотографиями и видеоконтентом, микроблоги, автоматически генерируемые новостные RSS-каналы (*Rich Site Summary*) [5, с. 34].

Цели такого воздействия могут быть связаны с попытками криминальных элементов использовать служебное положение представителей силовых структур, мотивировав их к уклонению от корректного выполнения должностных обязанностей и создав препятствия для решения поставленных перед ними оперативно-служебных задач. Деструктивное информационно-психологическое воздействие на сотрудников правоохранительной сферы может быть ориентировано на создание у сотрудников состояния тревоги за своё будущее и искажённого ощущения реальных и вымышленных угроз, размывание чувства и гордости за свою страну. Деструктивное воздействие может быть направлено не только на изменение сознания, самовосприятия и психологического состояния отдельных сотрудников, но и на деформацию социальных отношений в коллективе путём создания состояния групповой подавленности или конфликтности. К числу важнейших элементов системы защиты как сотрудников государственных служб, так и пользователей социальных сетей от угроз

и деструктивного воздействия глобального информационного пространства следует отнести психологическую устойчивость участников социальных коммуникаций.

Экономические права граждан могут нарушаться со стороны злоумышленников с преступными корыстными мотивами. К типичным экономическим угрозам в интернете следует отнести, например действия хакеров, направленные на кражи криптоценностей и средств, принадлежащих гражданам и хранящимся на банковских депозитах. Получение доступа к личным данным владельцев банковских вкладов может осуществляться как, например, с помощью различных мошеннических приёмов, связанных с социальной инженерией и информационно-психологическим воздействием на потенциальных жертв, так и с помощью создания поддельных сайтов и аккаунтов. В частности, такие угрозы представляют злоумышленники, эксплуатирующие болезненные состояния потенциальных жертв и стимулирующие их к игровым зависимостям (интернет-аддикции). Интернет-аддикция представляет собой форму изменённого психического состояния и поведения, связанную с пагубными привычками, компьютерными и игровыми зависимостями и уходом в виртуальную реальность. Органы государственной власти и институты гражданского общества постоянно совершенствуют правовые рычаги для защиты детей и молодого поколения от тлетворного негативного информационно-психологического влияния глобального информационного пространства.

Однако, по мнению Чимарова С. Ю., Чимарова Н. С. [6, с. 71], для решения проблем интернет-аддикции необходима совместная работа многих специалистов, так как, несмотря на разрозненные усилия психологов, юристов, медиков и педагогов, число интернет-зависимых людей, часто не осознающих этой зависимости, не только не уменьшается, а постоянно увеличивается. К деструктивным молодёжным субкультурам, представители которых демонстрируют признаки психических заболеваний и представляют угрозы для личности, общества и государства, можно отнести суицидальные субкультуры («группы смерти»), депрессивные, радикальные, агрессивные и девиантные сообщества; а также группы, поддерживающие вооружённые нападения злоумышленников на учащихся внутри учебных заведений (скулшутинг).

Жертвами преступников, профессионально владеющих приёмами информационно-психологического воздействия, могут легко стать дети и подростки, не имеющие достаточного жизненного опыта и навыков критического анализа информации. В работе Ратникова И. Г. отмечено [7, с. 322], что информационно-психологическими последствиями бесконтрольного доступа детей к интернету могут стать: знакомство детей с потенциально опасными людьми; нарушение нормального развития ребёнка; неправильное формирование нравственных ценностей и киберзависимость.

Жертвами злоумышленников могут также стать взрослые люди, для психологического портрета которых характерны в первую очередь следующие черты: инфантильность, внушаемость, восприимчивость к воздействию на когнитивно-эмоциональную сферу; отсутствие навыков и способностей к анализу потенциальных рисков; отсутствие склонности к критическому восприятию информации; безответственные решения и стремление к достижению «лёгких результатов», эмоциональный тип мышления и «клиповая психология» [8, с. 44].

В свою очередь, в ряде случаев не только жертвы, попавшие в психологическую зависимость, но и их друзья и родственники могут быть вовлечены в преступные схемы, невольно став исполнителями кем-либо запрограммированных действий. Не только сами действия, нарушающие законы государства и предполагающие уголовное преследование, но и обсуждение намерений, а также и подготовка к совершению преступных действий, могут осуществляться с помощью различных психологических приёмов, использующих различные информационно-коммуникационные технологии. Как правило, информационно-психологическое

воздействие ориентировано на изменение информационного статуса или личностных характеристик объекта воздействия и осуществляется с помощью определённым образом оформленной и декларируемой информации.

В качестве целенаправленных методов воздействия обычно используются методы внушения, убеждения, заражения и стимулирования к подражанию. Инструментальной основой психологического давления и доставки угроз и оскорблений до жертвы могут выступать СМС рассылки, звонки с мобильных телефонов, мгновенные сообщения и электронные письма. В связи с тем что оскорбления, насмешки и провокации могут поступать с разных адресов электронной почты или номеров телефонов, защита от злоумышленников с помощью «чёрных и белых списков» не всегда является достаточно эффективной. В качестве инструментальных средств для осуществления «криминальной деятельности» могут выступать анонимные почтовые серверы; зеркала Фейсбука, запрещённого в некоторых странах; различные сайты, на которых реализованы форумы об оружии; анонимные торговые площадки для наркобизнеса и для торговли криптовалютой. В манипулятивный набор применяемых психотехнологий с целями психологического воздействия могут входить различные приёмы и способы подачи информации с учётом социального контекста, момента и выгодного физического фона для подачи информации. К таким приёмам следует отнести, например: ложь, смещение понятий, утаивание деталей и важных аспектов; искажение; компоновку тем; подтасовку фактов; манипулирование предрассудками; создание потока бессмысленной информации [3, с. 41].

Современные информационно-коммуникационные инструменты позволяют злоумышленникам реализовать психотехнику так называемого «кибербуллинга», оказывая круглосуточное давление на участников информационных коммуникаций, в частности на сотрудников правоохранительных органов, и распространяя фейковую или компрометирующую информацию для практически неограниченной аудитории. В ряде случаев инструментом воздействия на потенциальных жертв являются угрозы информационно-психологического воздействия и психологические атаки, использующие методы психологического травмирования пользователя с помощью контента брутального содержания. В качестве инструментов информационно-психологического воздействия на широкий круг лиц, например в сфере общественной деятельности, также может применяться технология так называемого «краудсорсинга», которая позволяет с помощью информационно-технических средств вовлечь большое количество участников в процесс достижения поставленных целей на добровольных началах или за незначительное вознаграждение.

Сложность решения многих проблем правовой, экономической и информационно-психологической безопасности личности и государства обусловлена целым рядом обстоятельств, к которым относится в том числе то, что глобальное информационное пространство представляет собой открытую систему с отсутствием централизованного управления, а неоднозначность подходов мирового сообщества к оценке информационных угроз, проблемных контентов и признаков деструктивной информации создаёт барьеры для установления единых стандартов.

На международном уровне отсутствует единство мнений относительно терминологии и наполнения понятий «информационная безопасность» и «информационная безопасность личности». Регулирование информационных потоков в глобальном пространстве интернета осуществляется отдельными государствами и частными компаниями на основе действующих и изменяющихся правовых и организационных мер, имеющих как разрешительный, так и запретительный характер. Отсутствие централизованного управления глобальным интернет-пространством обусловлено целым рядом правовых и имущественных обстоятельств,

в соответствии с которыми многие компоненты интернет-инфраструктуры принадлежат крупнейшим государственным или частным телекоммуникационными компаниям. Владельцы межконтинентальных оптоволоконных линий и телефонных сетей, спутников связи, маршрутизаторов, центров обработки данных по своему усмотрению могут сдавать в аренду сетевые ресурсы не только крупным провайдерам, но и мелким операторам, работающим с конечными потребителями, которые, в свою очередь, с помощью различных экономических рычагов, касающихся размеров оплаты за предоставляемое в аренду оборудование, трафик и различные сервисы, могут ограничивать коммуникационные возможности граждан.

Возможности скрытых сетей по организации бесконтрольной и анонимной передачи информации являются своего рода гарантией безопасности и безнаказанности для различного рода злоумышленников и правонарушителей, позволяя им эффективно реализовывать преступные замыслы, что может способствовать формированию ощущения вседозволенности и безнаказанности при совершении противоправных действий у всех пользователей, работающих в сети «*DarkNet*».

По мнению Рожкова А. А. и Аникеевой Н. В. [9, с. 32], для обеспечения информационной безопасности необходимо создание единого международного правового пространства. Вместе с тем несмотря на то что в настоящее время в РФ происходит постепенное формирование информационного законодательства, законодательные инициативы носят порой разрозненный характер, а вопросы, связанные с концептуальной основой обеспечения национального информационного суверенитета, как и с обеспечением устойчивости, стабильности, защищённости, непрерывности и целостности функционирования национального сегмента сети Интернет, нуждаются в дальнейшей доработке.

По мнению Сергун П. П. и Герасимова Ю. С. [10, с. 114], к важнейшим принципам, которые должны быть положены в основу создания системы информационной безопасности личности, следует отнести принцип международного сотрудничества в сфере информационной безопасности, реализация которого предполагает международный обмен опытом и оценку эффективности мер, принятых для решения конкретных проблем. Для создания эффективных механизмов международного регулирования в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе необходима разработка современных моделей и новых подходов для прогнозирования перспектив развития и трансформации международных норм информационной безопасности. В том случае если мировое сообщество придёт к пониманию необходимости формирования безопасного глобального виртуального пространства с помощью международных структур централизованного управления, потребуется разработка единой нормативно-правовой базы; формирование органов управления международного уровня; создание структур для предупреждения и пресечения противоправных действий, для выявления преступного контента, для расследования инцидентов и преступных сделок в глобальной сети [11, с. 346].

Таким образом, по результатам проведённого исследования и на основании указанных примеров можно сделать вывод, что проблемы, связанные с информационной безопасностью личности и государства, актуальны, имеют комплексный характер и должны решаться системными методами. Терминологическая база категории информационной безопасности требует постоянного правового сопровождения и актуализации. Целесообразной следует считать разработку моделей информационных угроз, психологических портретов и мотивов злоумышленников, осуществляющих преступные действия с помощью современных информационных технологий. Для решения проблем информационной безопасности в масштабах глобального информационного пространства необходимы усилия всего мирового сообщества.

1. Кузьменкова Т. Н. Проблемные аспекты правового сопровождения информационной безопасности личности // Проблемы устойчивого развития регионов Республики Беларусь и сопредельных стран : сборник научных статей XI Международной научно-практической интернет-конференции / под редакцией Н. В. Маковской. Могилев, 2022. С. 71–74.
2. Бражник Т. А. Отдельные аспекты правового регулирования информационной безопасности личности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3(38). С. 182–189.
3. Алексеева Л. А., Майорова С.А. К вопросу о государственном суверенитете в условиях глобализации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 3(59). С. 39–44.
4. Полякова Т. А., Шинкарецкая Г. Г. Проблемы формирования системы международной информационной безопасности в условиях трансформации права и новых вызовов и угроз // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 138–142.
5. Мушта А. А. Проблемные аспекты защищенности органов безопасности и правопорядка от деструктивного информационного воздействия // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика: сборник статей по итогам VI Международного научно-практического семинара. Минск, 2021. С. 33–35.
6. Чимаров С. Ю., Чимаров Н. С. Правовое регулирование вопросов сетевой безопасности сотрудников органов внутренних дел в контексте ведомственных нормативных правовых актов // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран. Материалы X Международной научно-практической конференции / отв. редакторы А. М. Бычкова, Н. В. Кешикова. Иркутск, 2021. С. 70–74.
7. Ратникова И. Г. О необходимости профилактики интернет-аддикции как вида психологической зависимости и о некоторых правовых аспектах в сфере информационной безопасности детей // Дни науки. Сборник трудов международной научно-практической конференции. В 2-х ч. / под редакцией В. И. Бакайтис, 2018. С. 319–324.
8. Смирнов А. А. Роль и функции МВД России в системе обеспечения информационно-психологической безопасности // Научный портал МВД России. 2022. № 2(58). С. 41–49.
9. Рожков А. А., Аникеева Н.В. Психолого-педагогические условия противодействия информационно-психологическим угрозам в служебной деятельности // Морально-психологическое обеспечение деятельности органов внутренних дел: современные подходы и перспективы развития. Материалы всероссийской научно-практической конференции. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. С. 30–35.
10. Сергун П. П., Герасимов Ю. С. Информационная безопасность в Российской федерации: отдельные аспекты правового регулирования. Вестник Российской правовой академии. 2020. № 2. С. 112–117.
11. Смольяков А. А. К вопросу о защите прав и свобод человека и гражданина в контексте информационной безопасности личности // Закон. Право. Государство. 2022. № 2(34). С. 344–350.

1. Kuz`menkova T. N. Problemny`e aspekty` pravovogo soprovozhdeniya informacionnoj bezopasnosti lichnosti // Problemy` ustojchivogo razvitiya regionov Respubliki Belarus` i sopredel`ny`x stran : sbornik nauchny`x statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii / pod redakciej N. V. Makovskoj. Mogilev, 2022. S. 71–74.
2. Brazhnik T. A. Otdel`ny`e aspekty` pravovogo regulirovaniya informacionnoj bezopasnosti lichnosti // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Se-riya: Pravo. 2019. № 3(38). S. 182–189.

3. Alekseeva L. A., Majorova S.A. K voprosu o gosudarstvennom suverenitete v usloviyax globalizacii // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 3 (59). S. 39–44.
4. Polyakova T. A., Shinkareczkaya G. G. Problemy` formirovaniya sistemy` mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti v usloviyax transformacii prava i novy`x vy`zovov i ugroz // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2020. № 10 (190). S. 138–142.
5. Mushta A. A. Problemny`e aspekty` zashhishhennosti organov bezopasnosti i pravoporyadka ot destruktivnogo informacionnogo vozdejstviya // Deyatel`nost` pravooxranitel`ny`x organov na sovremennom e`tape: nauka, obrazovanie, praktika : sbornik statej po itogam VI Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara. Minsk, 2021. S. 33–35.
6. Chimarov S. Yu., Chimarov N. S. Pravovoe regulirovanie voprosov setevoj bezopasnosti sotrudnikov organov vnutrennix del v kontekste vedomstvenny`x normativ-ny`x pravovy`x aktov // Problemy` sovremennogo zakonodatel`stva Rossii i zarubezhny`x stran. Materialy` X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. redaktory` A. M. By`chkova, N. V. Keshikova. Irkutsk, 2021. S. 70–74.
7. Ratnikova I. G. O neobxodimosti profilaktiki internet-addikcii kak vida psixologicheskoj zavisimosti i o nekotory`x pravovy`x aspektax v sfere informaci-onnoj bezopasnosti detej // Dni nauki. Sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x ch. / pod redakciej V. I. Bakajtis, 2018. S. 319–324.
8. Smirnov A. A. Rol` i funkcii MVD Rossii v sisteme obespecheniya informaci-onno-psixologicheskoj bezopasnosti // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2022. № 2 (58).S. 41–49.
9. Rozhkov A. A., Anikeeva N.V. Psixologo-pedagogicheskie usloviya protivodej-stviya informacionno-psixologicheskim ugrozam v sluzhebnoj deyatel`nosti // Moral`-no-psixologicheskoe obespechenie deyatel`nosti organov vnutrennix del: sovremenny`e podxody` i perspektivy` razvitiya. materialy` vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. SPb.: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2022. S. 30–35.
10. Sergun P. P., Gerasimov Yu. S. Informacionnaya bezopasnost` v Rossijskoj fe-deracii: otdel`ny`e aspekty` pravovogo regulirovaniya. Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2020. № 2. S. 112–117.
11. Smol`yakov A. A. K voprosu o zashhite prav i svobod cheloveka i grazhdanina v kontekste informacionnoj bezopasnosti lichnosti // Zakon. Pravo. Gosudarstvo. 2022. № 2(34). S. 344–350.

Информация об авторе

Ольга Васильевна Беляева. Доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga V. Belyaeva. Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines. Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 01.04.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 25.03.2025; approved after review on 01.04.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СТРУКТУРНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Бирюкова Марина Сергеевна[1], Черенкова Анна Игоревна[2]
[1,2]Луганский филиал Воронежского института МВД России, Луганская Народная Республика, Луганск, Россия

[1]bms-lavd@mail.ru
[2]anna.cherenkova.99@mail.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является изучение структуры Министерства внутренних дел Российской Федерации в контексте дифференциации системы специальных званий – полиции, внутренней службы и юстиции. Авторами выполнен историко-правовой анализ реализованных ранее реформ в органах внутренних дел России. Значительное внимание было уделено характеристике деятельности некоторых подразделений органов внутренних дел России. Предложены варианты совершенствования организации работы Министерства внутренних дел Российской Федерации с целью повышения качества и эффективности. Сделан акцент на существенных различиях в функциональных обязанностях отдельных служб в Министерстве внутренних дел Российской Федерации, что подразумевает необходимость внесения определённых корректировок в их правовой статус. Подчёркнута важность организационно-правовой дифференциации структурных подразделений органов внутренних дел России для оптимизации их деятельности.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, внутренняя служба, юстиция, специальные звания, государственная служба, правоохранительные органы.

Для цитирования: Бирюкова М. С. Черенкова А. И. Организационно-правовая дифференциация структурных подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации: предложения по совершенствованию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 44–53.

ORGANIZATIONAL AND LEGAL DIFFERENTIATION OF STRUCTURAL DIVISIONS OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION: SUGGESTIONS FOR IMPROVEMENT

Marina S. Biryukova[1], Anna I. Cherenkova[2]
[1,2]Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Russia

[1]bms-lavd@mail.ru
[2]anna.cherenkova.99@mail.ru

Annotation. The purpose of this study is to examine the structure of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in the context of differentiation of the system of special ranks - police, internal service and justice. The authors performed a historical and legal analysis of previously implemented reforms in the internal affairs bodies of Russia.

Considerable attention was paid to the characteristics of the activities of some divisions of the internal affairs bodies of Russia. Options for improving the organization of the work of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in order to improve the quality of its work are proposed. Emphasis is placed on significant differences in the functional responsibilities of individual services in the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which implies the need to make certain adjustments to their legal status. The importance of organizational and legal differentiation of structural divisions of the internal affairs bodies of Russia in order to optimize their activities is emphasized.

Keywords: internal affairs bodies, police, internal service, justice, special ranks, civil service, law enforcement agencies.

For citation: Biryukova M. S. Cherenkova A. I. Organizational and legal differentiation of structural divisions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: suggestions for improvement // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 44–53.

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) является составной частью системы органов исполнительной власти государства, среди которых указанное ведомство предстаёт одним из самых многочисленных по количеству сотрудников. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 05.12.2022 № 878 установлена следующая штатная численность (без персонала по охране и обслуживанию зданий) органов внутренних дел Российской Федерации:

с 1 января 2023 г. – 922 061 единица,

с 1 января 2024 г. – 934 011 единиц,

с 1 января 2025 г. – 938 856 единиц[1].

В настоящее время данная организация является наиболее многочисленным органом исполнительной власти: безусловно, деятельность такой масштабной структуры требует качественной организации путём грамотного правового регулирования, исследование которого и было проведено в данной научной работе.

В настоящее время в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 в единую централизованную систему МВД России входят: «органы внутренних дел, включающие в себя полицию; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России»[2]. Исходя из процитированной нормы, мы можем сделать вывод, что термины «Министерство внутренних дел» и «органы внутренних дел» не являются идентичными и соотносятся как «целое» и «часть». Именно такой позиции придерживается ряд правоведов: например, Безруков А. В. отмечает:«…применительно к системе МВД России полиция является всё же не органом государственной власти, а структурным подразделением федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел [1, с. 31]».

С другой стороны, на сегодняшний день в системе МВД России отсутствуют иные службы, помимо органов внутренних дел, следовательно, употребление двух

[1] Об установлении предельной штатной численности органов внутренних дел Рос. Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 5 декабря 2022 г. № 878 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 50 (Часть III), ст. 8891.

[2] Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти: Указ Президента Рос. Федерации от 20 мая 2004 г. № 649 // Рос. газ. 2004., 22 мая, № 106.

упомянутых категорий в рамках исследования в качестве синонимов не следует считать грубой ошибкой.

Обратим внимание, что в настоящее время для сотрудников органов внутренних дел учреждаются следующие специальные звания трах видов – полиция, юстиция и внутренняя служба, которые присваиваются в соответствии с перечнем типовых должностей в органах внутренних дел и соответствующих им специальных званий, утверждаемых Президентом Российской Федерации[1]. Необходимо отметить, что такая интересная дифференциация специальных званий неожиданно появилась после громкой реформы МВД России в 2011–2012 гг. и подразумевала начало масштабных организационных трансформаций. Разберём, в чем же, на наш взгляд, заключался смысл, заложенный законодателем, и насколько грамотно он был реализован.

Следует обозначить, что, к сожалению, сегодня мы можем лишь предположить цели и мотивы закреплённых новелл, поскольку официальная позиция относительно упомянутой модернизации озвучена так и не была. Следовательно, разрешить данную задачу мы можем исключительно путём детального анализа действующего законодательства Российской Федерации в контексте дифференциации правовых статусов сотрудников, исходя из их званий – полиции, юстиции и внутренней службы.

Начнём с центральной и самой многочисленной единицы МВД России – полиции, которая в соответствии с законодательством берёт на себя обязанности по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, а также иностранных граждан, лиц без гражданства[2]. В Указе Президента Российской Федерации от 01.03.2011 № 250 перечислены организации и службы полиции: к таковым данный нормативный акт относит подразделения, на которые возлагается приём, регистрация и проверка заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях и о происшествиях, выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, розыск лиц, совершивших преступления, обеспечение безопасности граждан и общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения, осуществление экспертно-криминалистической деятельности и т. д.[3]

Все единицы, которые не включены в данный список, не являются полицией, но входят в систему органов внутренних дел Российской Федерации, и им присваивается специальное звание «внутренняя служба» или «юстиция» [2, с. 80].

В современности к внутренней службе отнесены подразделения, занимающиеся медицинским, юридическим, информационным обеспечением, а также сопровождением документооборота и подготовкой проектов управленческих решений: то есть все структурные единицы, которые выполняют вспомогательные функции для поддержания деятельности самой полиции на должном уровне. Сразу стоит обратить внимание, что в рамках федерального законодательства отсутствует легальная «расшифровка» внутренней службы, не обозначены её цели, задачи, предназначения. Одновременно с этим, исходя из предназначений перечисленных структурных подразделений, можем дать общую характеристику внутренней службе: её основная задача заключается в выполнении административных и канцелярских обязанностей для более качественной работы органов внутренних дел, следовательно, она является

[1] О службе в органах внутренних дел Рос. Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Парламентская газета. 2011 г., № 52-53.
[2] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Рос. газ. 2011, 25 авг. № 25.
[3] Вопросы организации полиции: Указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011, № 10, ст. 1336.

своеобразным «вспомогательным» аппаратом для стабилизации работы всего ведомства.

Интересно, что ранее звание «внутренняя служба» рассматривалось совершенно с иной позиции: например, оно присваивалось сотрудникам Государственной противопожарной службы (упразднена в 2001 году), которая входила в состав МВД России, но выполняла совершенно различные с полицией функции. Таким образом, в ретроспективе специальные звания были одной из отличительных черт, ограничивающих от иных структурных подразделений полиции, поскольку специфика прохождения ими службы и функциональные обязанности в корне отличались.

В настоящее же время цель, заложенная законодателем, при отделении структурных подразделений органов внутренних дел со званием «внутренняя служба» от полиции не до конца понятна, поскольку из видимых отличий от сотрудников полиции можно найти лишь некоторую разницу в ношении форменной одежды. В то же время социальные гарантии, выслуга лет для присвоения очередного звания, правила для поступления на службу и её прохождение, служебное время и время отдыха также не имеют глобальных различий. Можем предположить, что в 2011 году это был шаг к ещё одной назревающей реформе – оптимизации работы МВД России путём придания особого статуса некоторым службам, которые занимаются обеспечительными мерами для стабильного функционирования полиции, и отграничения их от подразделений, занимающихся непосредственно раскрытием и расследованием преступлений или охраной общественного порядка. В данном случае идея законодателя вполне понятна, поскольку многие службы внутри органов внутренних дел не взаимодействуют напрямую с населением и не выполняют на повседневной основе привычные для полицейского функции (патрулирование улиц, раскрытие и расследование преступлений, а также административных правонарушений). Аврутин Ю. Е. подчёркивает, что это негативно сказывает на финансовом аспекте, так как «до трети аттестованного личного состава полиции непосредственным обеспечением правопорядка не занимается» [3, с. 295]. Гришковец А. А. также делает акцент на негативный аспект излишней милитаризации органов внутренних дел России, замечая, что замена ряда аттестованных должностей на государственную гражданскую службу поможет выстроить партнёрские отношения с населением, которое порой видит в ведомстве исключительно образ аппарата принуждения, а не помощи [4, с. 113].

Однако их вклад в полноценное функционирование всей системы достаточно высок, но всё-таки в отношении внутренней службы требования по линии физической и огневой подготовки, а также состояния здоровья являются не такими высокими, как в отношении сотрудников полиции. Кроме того, последние чаще сталкиваются с такими проблемами, как повышенный риск при выполнении служебных задач, а также ненормированный график труда. Следовательно, конкретизация функций «вспомогательного аппарата внутренней службы» с одновременным расширением социальных гарантий сотрудников полиции помогла бы найти баланс между интересами всех служб.

Ещё одним важным моментом является проблема привлечения высококвалифицированных специалистов на службу. Объективно говоря, для сотрудника полиции действительно большую роль играет профессиональный служебный опыт в силу специфики и уникальности. Ряд аналогичных подразделений внутренней службы можно встретить также и в иных гражданских организациях, однако при приглашении грамотного специалиста с многолетним стажем на службу, МВД России является «неконкурентоспособным» работодателем по ряду причин. Прежде всего, об-

ратим внимание, что новому сотруднику (при наличии высшего образования и ранее не проходившему службу) при назначении на соответствующую должность присваивается офицерское звание «младший лейтенант внутренней службы», а стаж государственной гражданской службы (в рамках которой также предусмотрено присвоение классных чинов) не учитывается. Всё перечисленное негативно может отразиться на денежном довольствии индивида, который до службы в МВД России много лет являлся государственным гражданским служащим с соответствующими доплатами за заработанный стаж. Еще раз повторимся, что большинство подразделений внутренней службы не выполняют прямые обязанности по охране общественного порядка или борьбе с преступностью, следовательно, некоторые требования аналогичные для полиции (состояние здоровья, физическая подготовка, предельный возраст для приема на службу) не должны служить преградой для трудоустройства, так как не «играют» ключевую роль в выполнении служебных обязанностей.

Именно поэтому, на наш взгляд, в отношении внутренней службы (но не полиции) в таких ситуациях должен быть предусмотрен несколько иной вариант приема на службу, аналогичный государственной гражданской службе, так как подобный вариант модернизации помог бы увеличить кадровый резерв вспомогательного аппарата МВД России. Но в настоящее время это невозможно, поскольку границы между организационной моделью внутренней службой и полицией весьма эфемерны, поэтому внедрение упрощенной системы приема на службу в рамках действующего законодательства нецелесообразно. Однако всё-таки отметим, что при реорганизации внутренней службы акцент должен быть сделан на квалификационные требования и уровень профессионализма в конкретной области.

Однако ещё более неоднозначно ситуация обстоит со специальным званием «юстиция», которое присваивается исключительно сотрудникам, проходящим службу в следственных подразделениях органов внутренних дел России. В теории логика присвоения специального звания юстиции сотрудникам следственных подразделений МВД России вполне оправдана, так как среди специалистов всё чаще стали появляться мнения о необходимости предоставления им большей степени самостоятельности. Стоит обратить внимание, что законодатель неоднократно осуществлял меры по реализации упомянутой идеи. Например, свою работу в современном виде Следственный департамент МВД России начал лишь в 2011 году[1], до этого данный орган именовался Следственный Комитет при МВД России и в определённый промежуток времени даже был автономией внутри исследуемого ведомства, поскольку с 2010 года кандидатуру на пост руководителя Следственного департамента МВД России предлагал главе государства не Министр МВД России, а Председатель Правительства Российской Федерации[2], но после проведения реформы всё-таки вернулся прежний алгоритм назначения.

Интересно, что практически параллельно с введением в систему специальных званий МВД России звания «юстиция» начинал функционирование новый орган государственной власти – Следственный комитет Российской Федерации. Возможно, таким образом законодатель стремился уравнять позицию следственных органов двух структур, однако данная попытка так и не увенчались успехом, поскольку новые звания не сделали его самостоятельным по аналогии со Следственным комитетом Российской

[1] Об утверждении положения о Следственном департаменте Министерства внутренних дел Рос. Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Sledstvennij_departament/Polozhenie (дата обращения: 01.07.2024 г.)

[2] О мерах по реализации Указа Президента Рос. Федерации от 23 ноября 1998 г. № 1422 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Departamenti/Sledstvennij_departament/Polozhenie (дата обращения: 12.12.2024 г.)

Федерации. Именно в пользу аргументации последнего замечания следует обратить внимание на ещё один дискуссионный вопрос: распространяется ли Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» на сотрудников со специальными званиями юстиции (органы предварительного следствия) и внутренней службы (правовой отдел, медицинские учреждения, бухгалтерия, штаб, отдел по связям с общественностью и т. д.)?

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «О полиции» сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание, предусмотренное ст. 26 – звание полиции. Следовательно, отвечая на данный вопрос, исходя из буквального толкования законодательства, – нет, не распространяется. Однако в соответствии со ст. 32 данного нормативного правового акта сотрудники органов внутренних дел, не являющиеся сотрудниками полиции, а также стажёры могут привлекаться к выполнению обязанностей, возложенных на полицию, в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел, что должно быть оформлено соответствующим приказом (распоряжением) руководителя[1]. В этом случае на них распространяются установленные законом обязанности, права, ответственность, гарантии правовой и социальной защиты сотрудников полиции. Таким образом, начальник органа дознания вправе возложить дополнительные обязанности как на сотрудников со специальным званием юстиции, так и со специальным званием внутренней службы. Однако без соответствующего специального правового акта на основании действующего законодательства сотрудники внутренней службы и предварительного следствия не наделяются правами и обязанностями, возложенными на полицию. В таком случае возникает вопрос о легальности применения мер государственного принуждения без соответствующего документа. При этом нельзя не отметить, что в сознании граждан абсолютно все сотрудники органов внутренних дел ассоциируются со статусом полицейского и просьба выполнить указания со стороны внутренней службы или юстиции может вызывать ряд недоумений. Как видим, открытых вопросов в действующей правовой базе, регламентирующей деятельность органов внутренних дел России, достаточно много, но фактическая ситуация не отменяет нашей позиции о важности организационно-правовой дифференциации структурных подразделений МВД России. Так для чего же она так важна?

На наш взгляд, это позитивно бы отразилось на оптимизации работы исследуемого ведомства. Как видим, в МВД России представлены абсолютно разные службы, специфика которых существенно отличается друг от друга. Подразделения полиции в большей степени направлены на коммуникацию с гражданами, охраной общественного порядка или борьбой с преступностью. Ввиду перечисленного к данным структурным подразделениям выдвигаются более высокие требования относительно профессиональной служебной подготовки, состояния здоровья, а также чаще возникают такие проблемы, как ненормированный рабочий день и повышенная опасность в ходе выполнения должностных обязанностей. Деятельность внутренней службы всё-таки более ориентирована на документационную и отчётную работу, для которой у работодателя возникают иные запросы в контексте образования и трудовых навыков. Вариант их несения службы является не менее важным, но всё-таки в корне отличается от полиции. Разделение правовых статусов перечисленных субъектов

[1] О порядке привлечения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, не являющихся сотрудниками полиции, а также стажеров к выполнению обязанностей, возложенных на полицию: приказ МВД России от 15 августа 2011 г. № 942 // Рос. газ. № 251, ст. 251.

помогло бы сделать акцент со стороны государства на наличие необходимых навыков, а также более чётко сформулировать требования для несения дальнейшей службы.

На следственные подразделения возложены задачи по раскрытию и расследованию преступлений, что является ключевым направлением в сфере обеспечения национальной безопасности России. Поэтому необходимость повышения уровня их автономии является вполне оправданным требованием, обусловленным степенью ответственности и объёмом работы.

Справедливо будет отметить, что со стороны законодателя всё-таки были сделаны первые решительные шаги к реформированию ведомства, но, к сожалению, большинство зародившихся идей так и не нашло своего дальнейшего воплощения в жизнь. Повторимся, что до сих пор не определён правовой статус сотрудников внутренней службы органов внутренних дел из-за отсутствия соответствующего правового регламентирования. Не менее проблематично выглядит ситуация и с правовым положением следственных подразделений: сотрудники следствия МВД России, которым присваивается специальное звание юстиции, на сегодняшний день фактически выполняют функции сотрудника полиции и не обладают самостоятельностью, следовательно, присвоение им отличительного специального звания не несёт за собой никакого процессуального смысла. Как уже ранее было сказано, возможно, при присвоении звания юстиции законодатель хотел приравнять статус сотрудников следственных подразделений к статусу следователей Следственного комитета Российской Федерации, появившегося на базе Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации, и подчеркнуть автономное положение следователей в системе МВД России. Однако необходимо учитывать, что в вышеупомянутой ситуации Следственный комитет Российской Федерации стал самостоятельным государственным органом власти, а следствие органов внутренних дел всё-таки остаётся составной частью МВД России, и в случае необходимости на них могут быть возложены функции полицейского. Безусловно, это никак не влияет на их процессуальную независимость, но всё-таки ограничивает самостоятельное правовое положение, поскольку помимо выполнения главной задачи – расследование и раскрытие преступлений – следователь достаточно часто выполняет и иные задачи, относящиеся к компетенции полиции. Последний упомянутый факт в какой-то степени негативно влияет на эффективность и мобильность раскрытия преступлений ввиду высокой загруженности следователя иными обязанностями, помимо функциональных. Данную позицию поддерживает Яшин А. В., отмечая, что такое правовое положение следователей ограничивает их самостоятельность [5, с. 6]».

По разрешению данной проблемы нами может быть предложен следующий вариант. Например, можно исключить возможность начальника территориального органа внутренних дел России возлагать на сотрудников следствия функциональные обязанности полиции, оставив лишь административно-хозяйственные полномочия. Это поставило бы заключительную точку в спорах о независимости следствия в настоящее время, поскольку в соответствии со ст. 38 УПК РФ процессуальное положение следователя не зависит от принадлежности его к определённому ведомству[1], поскольку «принцип процессуальной самостоятельности и независимости следователя преподносится как некая эволюционно-историческая данность, имманентная часть уголовно-процессуальной идеологии и даже технологии [6, с. 105]». Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что сегодня в органах

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 249.

внутренних дел России сотрудникам присваиваются разные звания в зависимости от структурного подразделения, в котором они проходят службу. В целом же все подразделения можно разделить на две группы: выполняющие главные и вспомогательные функции правоохранительной системы [7, с. 144]. В настоящее время система МВД России нуждается в существенном реформировании, в частности в области своего правового регулирования. Так, Мыльников М. А. в своём диссертационном исследовании подчеркнул существующие организационные и правовые дефекты в структуре МВД России, требующие незамедлительного разрешения [8, с. 8].

Главная проблема кроется в реформе, которая всё ещё не нашла своего логического завершения. Градация на три разные категории специальных званий подразумевала сделать систему органов внутренних дел более эффективной путём преобразования её структурных подразделений в относительно автономные подразделения (например, следствие), а также отграничить полицию от внутренней службы ввиду различных задач, поставленных перед ними. Идея о разграничении правовых статусов сотрудников МВД России различных подразделений выглядит вполне современно и целесообразно, но реформа не нашла своего логического завершения и в настоящее время внесла лишь правовую путаницу, поскольку положение сотрудников органов внутренних дел с разными специальными званиями не имеет глобальных различий, кроме их принадлежности к различным структурным подразделениям, и некоторых отличий в форменной одежде. Справедливо также будет отметить, что из всех органов исполнительной власти МВД России является самым многопрофильным ведомством, охватывающим множество сфер жизни граждан: миграционные процессы, безопасность дорожного движения, охрана общественного порядка, расследование и раскрытие преступлений. При этом, помимо главных подразделений, существует и ряд других служб, выполняющих обеспечительные меры для беспрерывного нормального функционирования первых. Их роль не менее важна в работе органов внутренних дел, однако она влечёт за собой ряд особенностей, которые необходимо учитывать. Принимая во внимание вышеперечисленные факты, можно предложить два варианта разрешения сложившейся проблемы. Первый – конкретизация правового положения каждой группы сотрудников (внутренней службы, юстиции, полиции) и чёткое отражение в законодательстве их отличий друг от друга. Второй же заключается в унификации всех специальных званий сотрудников органов внутренних дел для предупреждения возможных коллизий.

Министерство внутренних дел Российской Федерации является масштабной и важной единицей в государственном аппарате, поскольку участвует практически во всех сферах жизни гражданина и берёт на себя обязанности по охране интересов личности. Также ведомство предстаёт основным федеральным органом исполнительной власти по вопросам обеспечения внутренней безопасности общества и государства от противоправных посягательств [9, с. 135]. Именно от эффективной работы органов внутренних дел зависит уровень безопасности в государстве, что является первым критерием оценки качества жизни в стране. Реформирование любого ведомства, безусловно, преследует цель модернизации и оптимизации его работы, но все правовые изменения должны быть полностью завершены и преобразованы в единую грамотную систему. В настоящее время нельзя назвать реформирование МВД России завершённым, поскольку как на теоретическом, так и на практическом уровне остаётся много открытых вопросов.

1. Безруков А. В. Конституционно-правовые основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в России // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 30–34.
2. Ольшевский А. В. К вопросу о соотношении понятий «органы внутренних дел» и «полиция» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 3(93). С. 77–83.
3. Аврутин Ю. Е. Моделирование государственной политики в сфере организационно-правового строительства системы МВД России // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития / Санкт-Петербургский университет МВД России. Том I. СПб. 2017. С. 292–296
4. Гришковец А. А. Проблемы совершенствования государственной службы в системе МВД России // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : V Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 60-летию доктора юридических наук, профессора Виктора Васильевича Денисенко. Новороссийск. 2016. С. 109–116.
5. Яшин А. В. Вопросы организации предварительного следствия в органах внутренних дел // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 1. С. 5–12.
6. Пьянкова Н. В. Организационные и эвристические основания принципа самостоятельности и независимости следователя // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4(52). С. 145–149.
7. Беженцев А. А. Правоохранительная система: шаг вперёд в контексте оптимизации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 142–151.
8. Мыльников М. А. Правовые и организационные основы формирования профессионального состава полиции в органах внутренних дел Российской Федерации: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 27 с.
9. Соломатина Е. А., Калинкин А. А. Изменение административно-правового статуса МВД России как органа исполнительной власти в условиях административного реформирования // Вестник экономической безопасности. 2016. № 3. С. 135–136.

1. Bezrukov A. V. Konstitucionno-pravovy`e osnovy` deyatel`nosti organov vnutrennix del po obespecheniyu pravoporyadka v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 1. S. 30–34.
2. Ol`shevskij A. V. K voprosu o sootnoshenii ponyatij «organy` vnutrennix del» i «policiya» // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 3(93). S. 77–83.
3. Avrutin Yu. E. Modelirovanie gosudarstvennoj politiki v sfere organizaci-onno-pravovogo stroitel`stva sistemy` MVD Rossii // Gosudarstvo i pravo: e`volyuciya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy` razvitiya / Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. Tom I. SPb. 2017. S. 292–296
4. Grishkovecz A. A. Problemy` sovershenstvovaniya gosudarstvennoj sluzhby` v sisteme MVD Rossii // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravooxranitel`-noj deyatel`nosti: teoriya i praktika : V Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konfe-rencii, posvyashhennoj 60-letiyu doktora yuridicheskix nauk, professora Viktora Vasi-l`evicha Denisenko. Novorossijsk. 2016. S. 109–116.
5. Yashin A. V. Voprosy` organizacii predvaritel`nogo sledstviya v organax vnut-rennix del // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestven-ny`e nauki. 2021. № 1. S. 5–12.

6. P`yankova N. V. Organizacionny`e i e`vristicheskie osnovaniya principa samostoyatel`nosti i nezavisimosti sledovatelya // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 4(52). S. 145–149.
7. Bezhencev A. A. Pravooxranitel`naya sistema: shag vperyod v kontekste optimiza-cii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 142–151.
8. My`l`nikov M. A. Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` formirovaniya professional`nogo sostava policii v organax vnutrennix del Rossijskoj Federacii: avto-referat dis. ... kand. yurid. nauk :. M., 2024. 27 s.
9. Solomatina E. A., Kalinkin A. A. Izmenenie administrativno-pravovogo statusa MVD Rossii kak organa ispolnitel`noj vlasti v usloviyax administrativnogo reformirovaniya // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2016. № 3. C. 135–136.

Информация об авторах

Марина Сергеевна Бирюкова. Начальник учебного отделения, кандидат юридических наук.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Анна Игоревна Черенкова. Преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин.
Луганский филиал Воронежского института МВД России.
291047, Россия, Луганская Народная Республика, г. Луганск, ул. Краснодонская, 6.

Information about the authors

Marina S. Biryukova. Head of the educational department. Candidate of Law Sciences.
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Anna I. Cherenkova. Lecturer of the Department of State and Civil Law Disciplines.
Lugansk branch of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
291047, Russia, Lugansk People's Republic, Lugansk, Krasnodonskaya Str., 6.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 25.02.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 25.02.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 347.9

ПРИВЯЗКА ОПОРНОЙ ТОЧКИ НА МЕСТЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ К СТАЦИОНАРНЫМ ОБЪЕКТАМ

Гольчевский Виталий Феликсович[1], Сапожников Александр Юрьевич[2]
[1]Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия
[2]Адвокатская палата Иркутской области, Иркутск, Россия

[1]gvf.65@mail.ru
[2]dtp998001@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые особенности осмотра и фиксации исходных данных при осмотре места дорожно-транспортного происшествия. Особое внимание уделяется доследственным действиям с использованием специальных знаний и современных технических средств. Выявлены характерные ошибки, допускаемые при осмотре места происшествия. Изучены особенности привязки опорной точки к неподвижным объектам на месте происшествия. Показано, как из-за упущений в ходе фиксации исходных данных коренным образом меняется принятое решение. Предложены мероприятия, направленные на повышение качества составления протокола осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, опорная точка, доследственная проверка, дорожная обстановка, дорожно-транспортное происшествие, топографическая привязка, полоса движения.

Для цитирования: Гольчевский В. Ф., Сапожников А. Ю. Привязка опорной точки на месте дорожно-транспортного происшествия к стационарным объектам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 54–62.

LINKING A REFERENCE POINT AT THE SITE OF A TRAFFIC ACCIDENT TO STATIONARY OBJECTS

Vitaly F. Golchevsky[1], Alexander Y. Sapozhnikov[2]
[1]East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia
[2]Bar Association of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia

[1]gvf.65@mail.ru
[2]dtp998001@mail.ru

Annotation. The article discusses some features of inspection and recording of initial data during inspection of the scene of a road traffic accident. Particular attention is paid to pre-fatal actions using special knowledge and modern technical means. Typical omissions made during inspection of the scene of an accident are revealed. Features of binding the reference point to stationary objects at the scene of an accident are considered. It is shown how omissions during recording of initial data radically change the decision made. Measures aimed at improving the quality of drawing up the protocol of inspection of the scene of an accident are proposed.

Key words: inspection of the scene of the incident, reference point, pre-flight check, traffic situation, road traffic accident, topographic reference, traffic lane.

For citation: Golchevsky V. F., Sapozhnikov A. Y. Linking a reference point at the site of a traffic accident to stationary objects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 54–62.

Основной и неотъемлемой частью успешного раскрытия и расследования преступления, связанного с дорожно-транспортным происшествием (далее – ДТП), является быстрота, качество проведения доследственных проверок с использованием специальных знаний и современных технических средств.

Доследственная проверка при рассмотрении сообщения по преступлениям, предусмотренным ст. 264 УК РФ[1], связанным с совершением ДТП, имеющего признаки преступления, в результате которого причинён вред здоровью либо смерть человека, должна проводиться в кратчайшие сроки и с повышенной внимательностью. В первую очередь речь идёт об осмотре места происшествия. Дело в том, что первоначальная обстановка на месте ДТП может измениться в зависимости от интенсивности дорожного движения в считаные минуты. В любом случае первоначальным следственным действием является осмотр места происшествия (далее – ОМП) и составление протокола ОМП, который является основополагающим доказательством. Именно поэтому качество его оформления непосредственно влияет на раскрытие преступления. Решающее значение при проведении доследственных проверок по ст. 264 УК РФ имеет владение следователем методикой расследования ДТП, что на практике бывает крайне редко. Это происходит по большей части потому, что осмотр места ДТП проводит следователь, не специализирующийся на расследовании такого рода дел, и он просто не знает, на что необходимо обратить внимание при осмотре места происшествия. Осмотр транспортного средства, также являющегося составной частью исследования обстановки места происшествия, проводят, как правило, инспекторы государственной автомобильной инспекции (далее – ГАИ). Не обладая специальными знаниями в дорожно-транспортной трасологии, они неполно отражают следы повреждений, направления, формы и расположение деформаций на транспортных средствах [1, с. 46].

Особо следует обратить внимание на осмотр места ДТП с участием несовершеннолетних, поскольку эти происшествия находятся на особом контроле и довольно часто происходят при следующих обстоятельствах.

Первая ситуация: один из участников ДТП, управляя транспортным средством в состоянии опьянения, допустил наезд на пешехода или ребёнка, управляющего в городской среде современными средствами индивидуальной мобильности, к которым относятся электросамокаты, скейтборды, электроскейтборды, гироскутеры, сегвеи, моноколёса и иные аналогичные средства передвижения и не являются транспортными средствами[2]. Оценив степень тяжести последствия совершённого им ДТП, виновный принимает решение покинуть место происшествия.

Вторая ситуация: все участники ДТП из-за полученных травм находятся на месте происшествия и впоследствии госпитализируются в медицинские организации.

Третья ситуация: участники ДТП скончались от полученных травм на месте происшествия.

---

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Современные средства индивидуальной мобильности [Электронный ресурс]. URL: ttps://koltush.vsevobr.ru/index.php/dostizheniya/dostizheniya-uchitelej/2-uncategorised/481-sovremennye-sredstva-individualnoj-mobilnosti (дата обращения: 10.01.2025).

Осмотр места ДТП следует начинать с определения границ происшествия, так как объекты происшествия: следы автомобиля, пострадавших, осыпь и др. – часто находятся друг от друга на значительном расстоянии. Следующий этап – это фиксация опорной точки, которой в большинстве случаев является место расположения транспортного средства [2, с. 127]. Довольно специфической особенностью осмотра и описания является осмотр трупа, по месту расположения которого можно выдвигать версию о нахождении пострадавшего до момента ДТП. В протоколе осмотра отражаются специфические особенности места происшествия (профиль пути, дорожное покрытие и его состояние, наличие дорожных знаков, техническое состояние ТС и т. д.).

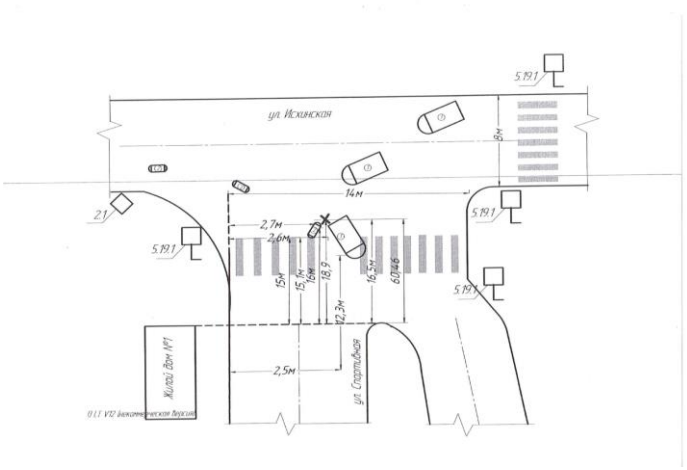
Следует отметить, что Следственный департамент МВД России совместно с ЭКЦ МВД России подготовил и внедрил в подразделения МВД России по субъектам Российской Федерации в практическую деятельность следственных подразделений специализированный бланк протокола осмотра места ДТП с целью повышения качества осмотра места ДТП [3, с. 88]. Безусловно, эта помощь имеет большое значение, с одной стороны, но порой не заставляет проявлять разумную инициативу при осмотре места происшествия. Поэтому учитывая специфику каждого происшествия, осмотр должен проводиться объективно, чтобы не утратить следы на месте преступления, а также вещественные доказательства. Ведь восполнить пробелы, допущенные при первоначальном осмотре, путём проведения повторного осмотра уже зачастую не удаётся [4, с. 10]. Ещё следует обратить внимание на приобретение компетенций выпускниками образовательных организаций системы МВД России. В. М. Данилкина говорит, что выполнение практических учебных заданий, связанных с осмотром места ДТП, позволит приобрести будущим следователям и дознавателям компетенции, необходимые для применения в ходе дальнейшей профессиональной деятельности. В результате будет достигнута главная цель для квалифицированной подготовки кадров – сближение учебного процесса и практической деятельности [5, с. 126]. Мы абсолютно согласны с данным высказыванием, только необходимо разработать механизм реализации данной задачи, поскольку одинаковых ДТП не бывает и везде нужен свой индивидуальный подход. Общие принципы одни, и их необходимо применять к конкретной ситуации с учётом всех обстоятельств и оперативности работы. Следователь до выезда на место происшествия может получить исходные сведения с видеокамер аппаратного программного комплекса «Безопасный город», которые позволят в реальном времени наблюдать обстановку на месте ДТП, а также просмотреть видеозапись произошедшего преступления [6, с. 195].

В ряде научных работ отмечается, что при осмотре места происшествия допускаются типовые ошибки, одной из которых является отсутствие полной информация о следах или объектах: топографическая привязка (не менее двух точек), расположение и взаиморасположение следов или объектов в осматриваемом пространстве [7, с. 87].

Обстоятельством, подлежащим доказыванию, является установление причинно-следственной связи между совершённым преступлением и наступившими последствиями. Важнейшее значение при этом имеет автотехническая судебная экспертиза, отвечающая в том числе на вопросы о возможных причинах ДТП, и на вопросы о том, какие именно правила дорожного движения были нарушены [8, с. 73].

Учитывая специфику методики расследования рассматриваемого преступления, отметим, что качество и своевременность доследственной проверки является залогом успешного и быстрого раскрытия преступления, так как собранные на её этапе доказательства становятся основой для доказывания вины. Ошибки, допускаемые в ходе ОМП, такие как несвоевременность обнаружения, фиксации и изъятия информации и следов, станут невосполнимой утратой и негативно повлияют на исход

дела вплоть до невозможности принятия решения о возбуждении уголовного дела или установления виновного лица. Следует учитывать определённый уровень широты мышления следователя и его возможность нестандартного подхода к расследованию (например, поиск следов в нетипичных местах), что способствует быстрой оценке следственной ситуации и всестороннему исследованию обстоятельств ДТП, так как



установление даже незначительных деталей произошедшего способствует его раскрытию и расследованию.

Рассмотрим характерный пример ДТП, когда допущенные ошибки в первоначальный момент осмотра места происшествия позволили коренным образом изменить приятое следствием решение. Краткие обстоятельства происшествия: 12.09.2023 около 11 часов 05 минут водитель Петров Г. И., управляя автомобилем Тойота Камри государственный регистрационный номер М 001 МА 38 регион, следуя по проезжей части главной улицы Исхинской г. Иркутска при выполнении манёвра поворота налево на проезжую часть ул. Спортивной в районе строения № 1, допустил столкновение с питбайком *Kayo Evolution* 125 без государственных регистрационных знаков под управлением Смирнова С. С., 25.07.2010 года рождения, который следовал по проезжей части ул. Исхинской (рис. 1).

В результате ДТП водитель питбайка *Kayo Evolution* 125 получил телесные повреждения, повлёкшие тяжкий вред здоровью[1].

Рис. 1. Схема дорожно-транспортного происшествия

1 – автомобиль Тойота Камри (предполагаемый виновник ДТП);

2 – питбайк Kayo Evolution 125 (ТС пострадавшего).

Принимая во внимания, что имеются достаточные данные, указывающие на признаки преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 264, руководствуясь ст.ст. 143, 151, 140, 145, 146 (147) и частью первой ст. 156 УПК РФ [2], следователь принимает решение возбудить уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, в отношении Петрова Г.И., 07.07.2005 года рождения.

Ознакомившись с материалом доследственных мероприятий и схемой ДТП, можно сказать, что никаких особых вопросов к следователю по принятому решению нет. Однако в ходе следственных мероприятий был выявлен целый ряд замечаний, которые коренным образом изменили суть данного события.

[1] Постановление о возбуждении уголовного дела и принятия его к производству г. Иркутск 9 января 2024 г. № 12401250083000001

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ходе допроса водитель Петров Г.И. указал, что 12 сентября 2023 г. около 11 ч. он на Тойота Камри государственный регистрационный номер М 001 МА 38 регион следовал по проезжей части дороги улицы Исхинской и ему нужно было повернуть на ул. Спортивную, ведущую в сторону лыжной базы. Подъехав к перекрёстку с данной дорогой, он обнаружил, что дорога, которая примыкает к главной дороге, расположена под углом. Начало закруглений на повороте находится далеко от пересечения самих проезжих частей. Дальняя от него граница пересечения смещена к пешеходному переходу. Из-за неопределённых границ перекрёстка выполнял поворот следующим образом: принял левее и, двигаясь вперёд, смещался влево таким образом, чтобы при въезде на перекрёсток не оказаться на полосе встречного движения. В момент выполняемого манёвра (поворот налево) других транспортных средств, приближающихся во встречном направлении, не было. Когда передняя часть его автомобиля находилась на разметке «пешеходный переход», в правую переднюю часть его автомобиля ударился мотоцикл (питбайк). В момент удара автомобиль и питбайк располагались под углом 130–140 градусов. Автомобиль Тойота Камри в момент удара располагался под углом к той дороге, с которой выполнялся манёвр поворота.

Из схемы ДТП видно, что автомобиль Тойота Камри не расположен параллельно дороге, на которую он поворачивал. Задняя часть автомобиля Тойота Камри уже была полностью на автодороге ул. Спортивной. Питбайк в момент удара также располагался под углом к проезжей части главной дороги по ул. Исхинской. Следовательно, столкновение произошло за пределами главной дороги. Со слов водителя Смирнова С. С., он двигался со скоростью 70–80 км/ч. Из расположения транспортных средств, места удара и заключения эксперта следует, что водитель питбайка (мотоцикла) перед столкновением отворачивал вправо и выехал за пределы дороги, по которой двигался (ул. Исхинская). В ходе дополнительного осмотра места происшествия и проведения следственного эксперимента ставилась задача обнаружить место нахождения питбайка в момент начала манёвра поворота а/м Тойота Камри, а также установления траектории движения а/м Тойота Камри при выполнении поворота и установления положения а/м Тойота Камри в момент столкновения относительно границ проезжей части.

Кроме этого, в постановлении о назначении экспертизы отсутствуют необходимые исходные данные для обоснованных и достоверных выводов эксперта на поставленные вопросы. Так, вопрос о технической возможности водителя питбайка Смирнова С. С. предотвратить столкновение с автомобилем Тойота Камри, как ранее указывал следователь при отказе в удовлетворении ходатайств защиты, «заведомо обречён на отрицательный результат», т. к. в исходных данных указаны субъективные данные потерпевшего, который заинтересован в исходе дела, а не объективные данные, на основании которых эксперт может дать объективный ответ. Вопрос о том, где расположен автомобиль Тойота Камри относительно границ проезжей части ул. Спортивной согласно схеме и протоколу осмотра места ДТП, не требует экспертного исследования, поскольку положение автомобиля Тойота Камри после ДТП зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия и схеме ДТП. Кроме этого, расположение автомобиля Тойота Камри после ДТП не относится к предмету доказывания, т. к. является конечным положением транспортного средства после столкновения. Автомобиль после столкновения остановился не сразу и проехал некоторое расстояние, и поэтому место, где он расположен, после остановки не имеет значения и не указывает на положение автомобиля в момент столкновения. Соответственно, вопрос о том, какими требованиями ПДД РФ должен руководствоваться водитель автомобиль Тойота Камри, исходя из места конечного расположения автомобиля, не относится к данному делу, потому что не является ни

причиной столкновения, ни обстоятельствами при которых столкновение произошло. Исследования эксперта в данной части построены на неверных исходных данных: ширине проезжей части в месте нанесения разметки «пешеходный переход» – 14 м. Однако это ширина только в месте перехода, какова действительная ширина проезжей части, которая в месте столкновения шире, – неизвестно.

При ознакомлении с постановлением о назначении дополнительной экспертизы сторона защиты выразила своё несогласие с исходными данными, представленными эксперту, и вопросами, поставленными на разрешение эксперта, указав, что после дополнительного допроса подозреваемого и рассмотрения заявленных ходатайств будут поставлены дополнительные вопросы, а также необходимо указать объективные исходные данные. Однако следователем возможность поставить более широкий круг вопросов после дополнительного допроса и рассмотрения ходатайств не предоставлена, что является нарушением требований ст. 198 УПК РФ. При проведении следственного эксперимента установлено, что водитель а/м Тойота Камри, двигаясь при повороте налево по той траектории движения, которую указал водитель, и доезжая до места столкновения, полностью освобождает полосу движения питбайка, что подтверждается приложенными к ходатайству фотографиями. Согласно требованиям ст. 207 УПК РФ при недостаточной ясности или полноте заключения эксперта, а также при возникновении новых вопросов в отношении ранее исследованных обстоятельств уголовного дела может быть назначена дополнительная судебная экспертиза, производство которой поручается тому же или другому эксперту. В случаях возникновения сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту. Поскольку в заключении эксперта содержатся явные несоответствия материалам уголовного дела, что ставит под сомнение заключение эксперта, по делу получены дополнительные данные, в частности о траектории движения а/м Тойота Камри, водитель которого полностью освобождает полосу движения питбайка, следователь не предоставил возможность реализовать право на постановку дополнительных вопросов эксперту, которые имелись и имеются у стороны защиты, следовательно, по данному уголовному делу имеются основания для назначения повторной автотехнической экспертизы. На основании изложенного и руководствуясь требованиями ст. 198, 207 УПК РФ, было предложено назначить по данному уголовному делу повторную автотехническую экспертизу и поставить на разрешение эксперта дополнительные вопросы:

1. Провести дополнительный осмотр места происшествия с участием подозреваемого, в ходе которого замерить расстояние от жилого дома № 1 до места аварии, так как все измерения и привязки имеют отношение к данному строению (следствием было отказано в проведении данного исследования. Обоснование – отсутствие необходимости в этом).

2. Назначение по делу автотехнической экспертизы для разрешения вопросов: располагал ли водитель питбайка «*Kayo Evolution 125*» без гос. регистрационных номеров технической возможностью избежать столкновения при движении в прямом направлении по своей полосе без изменения направления движения вправо и выезда на ул. Спортивную. Является ли предпринятый водителем питбайка Смирновым С. С. манёвр изменения направления движения вправо оправданным?

3. Проведение следственного эксперимента для установления траектории движения а/м Тойота Камри, что позволило бы установить: освободил ли к моменту ДТП водитель автомобиля Тойота Камри полосу движения питбайка. Следствие посчитало, что эти вопросы не требуют специальных познаний и ставить их перед

экспертом нет необходимости. Отказы в удовлетворении ходатайства были обжалованы руководству следственного отдела. Жалоба частично была удовлетворена, и дано указание – следственный эксперимент провести. В частности, о проведении следственного эксперимента для установления траектории движения автомобиля Тойота Камри. Данный эксперимент был проведён, в ходе которого установлено, что автомобиль Тойота Камри к моменту столкновения полностью освободил полосу движения питбайка. Кроме этого, защитник обратился с адвокатским запросом к кадастровому инженеру, в котором просил провести измерения от жилого дома 1 п. до края проезжей части ул. Исхинской (рис. 2).

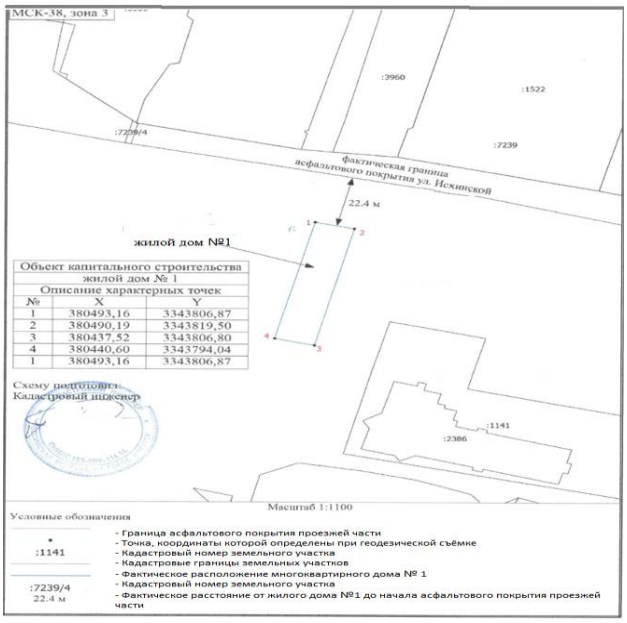


Рис. 2. Кадастровая привязка стационарного объекта
к основной дороге места ДТП

Данное заключение было приобщено к материалам уголовного дела в качестве доказательства того, что место столкновения ТС расположено не на ул. Исхинской, а за её пределами на проезжей части ул. Спортивной. На официальной кадастровой схеме видно, что расстояние от стационарного жилого дама 1, к которому делалась привязка опорной точки, до ул. Исхинской, на которой предположительно произошло столкновение транспортных средств, составляет 22,4 м. Расстояние, указанное на схеме ДТП (рис. 1) от жилого дома 1 до места столкновения, 18,9 м, соответственно, столкновение произошло на ул. Спортивной на удалении 3,5 м от перекрёстка. Это позволило полностью подтвердить доводы стороны защиты в той части, что причина столкновения – это не манёвр водителя автомобиля Тойота Камри, который, поворачивая налево, полностью закончил манёвр и освободил полосу движения питбайка, а действия несовершеннолетнего водителя питбайка, который, нарушая п. 10.1 абз. 2 ПДД РФ[1], увидев поворачивающий автомобиль, изменил направление движения своего ТС вправо и уже на пределах главной дороги столкнулся с автомобилем Тойота Камри. Следствием уголовное дело в отношении водителя Тойота Камри было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, т. е. он был полностью оправдан.

[1] Правила дорожного движения [Электронный ресурс]: постановлений Правительства Рос. Федерации от 26 марта 2020 г. № 341. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Рассмотренный пример ещё раз доказывает значимость осмотра и фиксации особенностей места происшествия, которые в дальнейшем будут использованы в качестве доказательств при расследовании. Можно рекомендовать, что при проведении измерений необходимо применять технические средства, сертифицированные в России; получить лицензию и пройти обучение на осуществление геодезических работ. В обязательном порядке зафиксированные данные измерений должны быть привязаны к системе прямоугольных координат.

1. Демидова Т. В. Качественный осмотр места происшествия по делам о ДТП как одно из условий предупреждения экспертных ошибок // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 3. С. 45–47.
2. Залескина А. Н., Мандарханова Л. М. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при расследовании дорожно-транспортных преступлений, в случаях отказа лица от управления транспортным средством в момент совершения ДТП // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 1(21). С. 48–59.
3. Сучков А. И. Актуальность использования специализированного бланка протокола осмотра места дорожно-транспортного происшествия // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 3(88). С. 86–96.
4. Андрух Е. А., Сретенцев Д. Н. Проблемы осмотра места происшествия при расследовании ДТП // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3(76). С. 9–12.
5. Данилкина В. М. Практические занятия по тактике следственного осмотра места дорожно-транспортного происшествия: связь науки и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 1. С. 125–129.
6. Сафонов Г. И., Дубровин С. В. Актуальные аспекты тактики осмотра места дорожно-транспортного происшествия в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 7. С. 194–199.
7. Корытов Д. А. Типичные ошибки оформления результатов работы специалиста в протоколе осмотра места происшествия // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра Восточно-Сибирский институт МВД РФ. № 4(24). 2022. С. 117–126.
8. Селедников Н. В., Лаврова О. Н. Особенности производства следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 264 УК. РФ // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности. сборник статей. Орёл, 2022. С. 71–75.

1. Demidova T. V. Kachestvenny`j osmotr mesta proisshestviya po delam o DTP kak odno iz uslovij preduprezhdeniya e`kspertny`x oshibok // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 3. S. 45–47.
2. Zaleskina A. N., Mandarxanova L. M. Takticheskie osobennosti proizvodstva osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii dorozhno-transportny`x prestuplenij, v sluchayax otkaza licza ot upravleniya transportny`m sredstvom v moment sovershheniya DTP // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra. 2022. № 1 (21). P. 48–59.
3. Suchkov A. I. Aktual`nost` ispol`zovaniya specializirovannogo blanka protokola osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 3(88). S. 86–96.
4. Andrux E. A., Sretencev D. N. Problemy` osmotra mesta proisshestviya pri rassledovanii DTP // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 3(76). S. 9–12.

5. Danilkina V. M. Prakticheskie zanyatiya po taktike sledstvennogo osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya: svyaz` nauki i praktiki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 1. S. 125–129.
6. Safonov G. I., Dubrovin S. V. Aktual`ny`e aspekty` taktiki osmotra mesta dorozhno-transportnogo proisshestviya v sovremenny`x usloviyax // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2023. № 7. S. 194–199.
7. Kory`tov D. A. Tipichny`e oshibki oformleniya rezul`tatov raboty` specialista v protokole osmotra mesta proisshestviya // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra Vostochno-Sibirskij institut MVD RF. № 4(24). 2022.
8. Selednikov N. V., Lavrova O. N. Osobennosti proizvodstva sledstvenny`x dejstvij na pervonachal`nom e`tape rassledovaniya prestuplenij, predusmotrenny`x
st. 264 UK. RF // Aktual`ny`e problemy` ugolovno-processual`nogo prava, kriminalistiki i operativno-rozy`sknoj deyatel`nosti. sbornik statej. Oryol, 2022. S. 71–75.

Информация об авторах

Гольчевский Виталий Феликсович. Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, кандидат технических наук, доцент.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтов, д. 110.

Сапожников Александр Юрьевич. Почетный адвокат, адвокат, член Президиума Иркутской областной коллегии адвокатов, заведующий филиалом.
Иркутская областная коллегия адвокатов.
Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Марата, д. 6.

Information about the authors

Vitaly F. Golchevsky. Teacher of the Department of Tactical and Special Training. Candidate of Technical Sciences, Associate Professor.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
664074, Russia, Irkutsk, Lermontov Str., 110.

Alexander Y. Sapozhnikov. Honorary lawyer, lawyer, member of the Presidium of the Irkutsk Regional Bar Association, head of the branch.
Irkutsk Regional Bar Association.
664003, Russia, Irkutsk, Marata Str., 6.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 07.02.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.92

ИНФРАСТРУКТУРНЫЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ БЕЗОПАСНОГО УЧАСТИЯ В ДОРОЖНОМ ДВИЖЕНИИ ВЕЛОСИПЕДИСТОВ (ОБЗОР ЗАРУБЕЖНОЙ ПРАКТИКИ)

Гордеева Анастасия Дмитриевна
ФКУ «Научный центр БДД МВД России», Москва, Россия

agordeeva9@mvd.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых мер, направленных на формирование инфраструктурных решений для более безопасного участия в дорожном движении велосипедистов. Иллюстрируются примеры отдельных инфраструктурных решений в отношении велосипедных улиц, получивших наибольшее распространение в странах Европы и в некоторых штатах США. Автором делаются соответствующие выводы относительно внедрения велосипедных улиц в городское пространство.

Ключевые слова: дорожно-транспортный травматизм, дорожно-транспортное происшествие, велосипед, велосипедная улица.

Для цитирования: Гордеева А. Д. Инфраструктурные решения для безопасного участия в дорожном движении велосипедистов (обзор зарубежной практики) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. №. 2(103). С. 63–72.

INFRASTRUCTURE SOLUTIONS FOR THE SAFE PARTICIPATION OF CYCLISTS IN ROAD TRAFFIC (REVIEW OF FOREIGN PRACTICES)

Anastasia D. Gordeeva
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation», Moscow, Russia

agordeeva9@mvd.ru

Annotation. This article is devoted to the consideration of some measures aimed at the formation of infrastructural solutions for safer participation in road traffic by cyclists. Examples of individual infrastructure solutions for bicycle streets, which are most widespread in European countries and in some US states, are illustrated. The author draws the appropriate conclusions regarding the introduction of bicycle streets into urban space.

Keywords: road traffic injuries, road traffic accident, bicycling, bicycle street.

For citation: Gordeeva A. D. Infrastructure solutions for the safe participation of cyclists in road traffic (review of foreign practices) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. №. 2(103). P. 63–72.

Во многих городах мира растёт число велосипедистов благодаря пропаганде велосипеда как здорового и устойчивого вида транспорта, а также за счёт инвестиций в велосипедную инфраструктуру. Последнее стало возможным в связи с включением вопросов развития передвижения на велосипеде в документы стратегического

планирования многих стран [1]. Например, в Стратегии безопасности дорожного движения Австрии на 2021–2030 годы указано, что активная мобильность, такая как пешие прогулки и езда на велосипеде, является важным фактором повышения безопасности дорожного движения, а также поддерживает достижение целей по охране окружающей среды и климата[1]. Поскольку в документе декларируется необходимость повысить безопасность на дорогах в соответствии с философией «Безопасной системы», предусмотрено, чтобы австрийские города и муниципалитеты стали более удобными для пешеходов и велосипедистов.

В соответствии с Концепцией обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь государственная политика в этой области основывается на осуществлении мер, принимаемых в отношении дорожно-транспортной инфраструктуры, в том числе предусматривающих создание необходимых условий для участия в дорожном движении велосипедистов посредством строительства и обустройства велосипедных дорожек и велосипедных парковок[2].

В соответствии с целевыми показателями Национального плана по снижению смертности и травматизма в ДТП в Бразилии на 2021–2030 годы предусмотрено снижение по меньшей мере на 50 % количества погибших в ДТП пешеходов и велосипедистов, а также увеличение не менее чем на 20 % доли активных видов мобильности[3]. В этой связи указанным документом предусматривается подготовка программы по внедрению инфраструктуры для безопасного передвижения велосипедистов на дорогах, обновлённых стандартов в отношении инфраструктуры для велосипедистов при строительстве новых дорог, а также стандартов в отношении освещения дорожек, предназначенных для передвижения на них велосипедистов.

В соответствии с Национальным планом действий по безопасности дорожного движения на 2022–2025 годы Норвегии поставлена цель снижения на 23 % погибших и тяжело раненных в ДТП велосипедистов, при этом к 2026 году 75 % велосипедистов должны передвигаться на велосипедах в шлемах[4].

Безопасное передвижение на велосипеде заявлено одним из шести приоритетных направлений деятельности Плана действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2022–2025 года Швеции[5].

Бельгия также относится к группе стран, активно развивающих продвижение использования экологичных видов транспорта, к которым относится велосипед. Проведённое недавно исследование показало, что четыре из десяти человек работающего

---

[1] Австрийская стратегия безопасности дорожного движения 2021–2030 (Österreichische Verkehrssicherheitsstrategie 2021–2030). [Электронный ресурс]. URL: https://www.bmk.gv.at (дата обращения: 08.04.2025).

[2] Концепция обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, утвержденная Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 22 мая 2023 года № 329 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 24.05.2023. 5/51704 [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=C22300329 (дата обращения: 08.04.2025).

[3] Национальный план по снижению смертности и травматизма на дорогах на 2021–2030 гг. Бразилии (Plano Nacional de Redução de Mortes e Lesões no Trânsito 2021-2030) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.br/transportes/pt-br/assuntos/transito/arquivos-senatran/anexo_i_pnatrans_2.pdf. (дата обращения: 08.04.2025).

[4] Национальный план действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2022–2025 годы Норвегии (National Plan of Action for Road Safety 2022–2025) [Электронный ресурс]. URL: https://www.vegvesen.no/globalassets/fag/fokusomrader/trafikksikkerhet/national-plan-of-action-for-road-safety-2022-2025---short-version-in-english.pdf (дата обращения: 08.04.2025).

[5] План действий по обеспечению безопасности дорожного движения на 2022-2025 годы Швеции (Road Safety Action Plan 2022–2025) [Электронный ресурс]. URL: https://bransch.trafikverket.se/en/startpage/operations/Operations-road/vision-zero-academy/management-by-objectives/action-plan-for-safe-road-traffic/ (дата обращения: 08.04.2025).

населения Бельгии (39 %) с разной частотой использовали велосипед для того, чтобы добраться на работу. Указанные показатели продолжают расти, что стало возможным благодаря принятому несколько лет назад решению о выплате работодателями работникам так называемого велосипедной надбавки. Надбавка к заработной плате за использование работником велосипеда как средства передвижения до работы обязывает некоторые категории работодателей выплачивать компенсацию сотруднику (в размере 0,28 евро за километр (2024), который использует велосипед для поездок на работу. Таким образом, работники могут получить финансовую компенсацию за расходы, которые они несут, добираясь на работу на велосипеде. Эта надбавка является способом поощрить использование экологичных средств передвижения и тем самым внести вклад в сохранение окружающей среды[1].

В качестве отдельной меры по развитию велосипедного движения в Бельгии предусмотрено стимулирование использования служебных велосипедов в деятельности сотрудников полиции[2]. Отмечено, что в населённых пунктах использование велосипедов сотрудниками полиции даёт реальную дополнительную выгоду с точки зрения безопасности дорожного движения: это позволяет им оставаться более мобильными, лучше понимать ситуации, с которыми сталкиваются другие активные участники дорожного движения, тем самым способствуя совместному участию в дорожном движении всех категорий населения. К сожалению, с ростом использования велосипедов увеличивается и количество ДТП и раненных в них людей, как правило, самих велосипедистов [2].

По данным Австрии, из года в год, как правило, до 10 % погибших и около 25 % всех тяжело раненных в ДТП в этой стране составляют велосипедисты. Неоднократно отмечалось, что основой для повышения безопасного участия в дорожном движении велосипедистов и снижения уровня дорожно-транспортного травматизма с их участием является правильное планирование инфраструктурных решений. В этом ключе важным является обеспечение безопасной интеграции велосипедистов в общее дорожное движение при условии как можно меньшего количества велосипедистов, попавших в ДТП. Распространёнными видами велосипедной инфраструктуры являются раздельные велодорожки и велополосы, причём первые являются более безопасными для велосипедистов в условиях смешанного дорожного движения.

В последнее время приобретает популярность такой вид инфраструктурного решения, как велосипедная улица, которая представляет собой особый тип улицы со смешанным условием движения, часто спроектированный таким образом, чтобы его можно было распознать как улицу, где велосипедисты имеют приоритет перед механическими транспортными средствами (далее – ТС), при этом скорость автомобилей невысокая, а само количество ТС относительно невелико. Хотя велосипедные улицы появились сравнительно недавно, существует большое количество концепций их проектирования, ограничивающих интенсивность и скорость автомобильного движения, чтобы сделать велосипед и пешехода более приоритетными. Примерами инфраструктурных решений по проектированию велосипедных улиц могут служить зоны с ограничением скорости ТС 30 км/ч и зоны *woonerven* (букв. «живая улица»[3]) в Нидерландах, американское планирование городов-садов, успокоение

[1] [Электронный ресурс]. URL: https://www.mbrella.eu/commuting-allowances (дата обращения: 08.04.2025)
[2] Федеральный план безопасности дорожного движения 2021-2025 Бельгии (Plan Fédéral de Sécurité Routière 2021-2025) [Электронный ресурс]. URL: https://mobilit.belgium.be/sites/default/files/documents/publications/2023/Plan%20fédéral%20sécurité%20routière%202021-2025.pdf (дата обращения: 08.04.2025).
[3] Среди приемов - разделение пространства, успокоение движения и низкие ограничения скорости. Термин woonerven был принят непосредственно некоторыми англоязычными изданиями.

движения в масштабах городского района и «домашние зоны» (*home zones*) в Великобритании.

Бельгийские и немецкие исследователи приходят к выводам, что важным при проектировании таких инфраструктурных решений является узнаваемый дизайн велосипедных улиц, поскольку он повышает субъективную безопасность велосипедистов. Такой дизайн особенно узнаваем, если велосипедная улица имеет красную проезжую часть, знак (табличку) «Автомобили – это гости» (*Cars are guests*) и соответствующую дорожную разметку.

Проведённые исследования, касающиеся выбора маршрута велосипедистами в Портленде, штат Орегон (США), показали, что велосипедные улицы настолько влияют на комфорт для велосипедистов, что они готовы при необходимости ехать большее количество километров в объезд, чтобы проехать именно по специально спроектированным велосипедным улицам.

Исследование аварийности, проведённое в Нидерландах, показало, что в среднем количество ДТП на велосипедных улицах ниже по сравнению с другими типами велосипедной инфраструктуры. Наиболее важным элементом, указанным в некоторых зарубежных источниках, является ширина проезжей части, поскольку она оказывает сильное влияние на скорость и поведение водителей механических транспортных средств при обгоне. Так, более широкая проезжая часть может располагать к превышению скорости водителей, в то время как слишком узкая проезжая часть может привести к опасным манёврам при совершении обгона. Ярким примером эффективного инфраструктурного решения по проектированию велосипедной улицы, по мнению ряда зарубежных исследователей, является велосипедная улица в городе Утрехт (Нидерланды) (рис. 1).

Рис. 1. Велосипедная улица в городе Утрехт (Нидерланды)

Специалисты по безопасности дорожного движения положительно оценивают широкий дизайн полосы движения, в частности, потому, что, несмотря на ширину, благодаря средней полосе автомобили не превышают скорость. При этом наличие средней полосы обеспечивает безопасный обгон и чётко разделяет два направления.

Кроме того, в качестве положительного элемента упоминается гладкий асфальт красного цвета. Тем не менее есть некоторые опасения по поводу отсутствия шумовых полос по краям дороги, а также отсутствия достаточного расстояния между припаркованными транспортными средствами и проезжающими велосипедистами, чтобы избежать возможного столкновения. Большинство специалистов положительно оценивают чёткую разметку и знаки на велосипедной улице в городе Калмтхауте (Бельгия) (рис. 2), хотя некоторые отмечают, что разметка нечёткая и запутанная, поскольку она похожа на разметку для велосипедных дорожек.

Рис. 2. Велосипедная улица в городе Калмтхауте (Бельгия)

С другой стороны, разметка помогает расположить велосипедистов в центре улицы и предотвратить наезд на возможную открывающуюся дверь припаркованных транспортных средств. Другие аргументы касаются того, как организована парковка. Положительным моментом является то, что парковка частично параллельная, отрицательным – большое количество парковочных мест.

Самым положительным элементом велосипедной улицы в городе Ювяскюля (Финляндия) (рис. 3) является то, что на ней нет парковки, только внеуличная площадка, а полосы вымощены из булыжника, что вынуждает водителей передвигаться с более медленной скоростью. Булыжники также помогают понять, что участники дорожного движения едут по другому типу улицы. Однако выделены и негативные аргументы такой конструкции. Отмечено, что булыжники могут быть скользкими на мокрой дороге, что представляет особую опасность для велосипедистов.

Рис. 3. Велосипедная улица в городе Ювяскюля (Финляндия)

В качестве положительных элементов отмечены приподнятый пешеходный переход, а также дорожное покрытие (красный гладкий асфальт). По мнению большинства специалистов по безопасности дорожного движения, велосипедная улица в городе Дрездене (Германия) (рис. 4) чётко обозначена, особенно на перекрёстке, который выделен полностью красным цветом, чтобы подчеркнуть пересечение. Однако некоторыми отмечено, что разметка полос на участке дороги нечёткая и большая часть разметки заканчивается после перекрёстка. Обеспокоенность вызывает запутанная разметка на перекрёстке, поскольку неясно, каковы правила приоритета.

Рис. 4. Велосипедная улица в городе Дрездене (Германия)

Большинство отмечают положительные элементы велосипедной улицы в городе Берлине (Германия) (рис. 5), особо выделяя наличие зелёной разметки, что подчёркивает особый статус дороги. Перпендикулярная парковка, по мнению специалистов, отрицательно сказывается на безопасности велосипедной улицы, поскольку возможны конфликты с припаркованными автомобилями, выезжающими с парковочных мест. Кроме того, припаркованные транспортные средства, а также растительность и дорожные работы создают помехи для обзора как велосипедистам, так и транспортным средствам, выезжающим с парковки. Кроме того, неясно, является ли улица односторонней или двусторонней как для велосипедистов, так и для автомобилей.

Рис. 5. Велосипедная улица в городе Дрездене (Германия)

Что касается велосипедной улицы в городе Люксембурге (Люксембург) (рис. 6), большинство отмечают, что, поскольку улица узкая, это приводит к снижению скорости ТС и повышению видимости велосипедистов. Однако некоторые относятся к узкой улице более негативно, поскольку она слишком узкая для совершения обгона, что создаёт стрессовые ситуации, когда автомобили вынуждены следовать за велосипедистами. К негативным элементам также относится наличие по обеим сторонам улицы параллельной парковки. Что касается указателей, одна группа исследователей положительно оценила их наличие, при этом другая сочла их слишком маленькими и запутанными.

Рис. 6. Велосипедная улица в городе Люксембурге (Люксембург)

В качестве положительного элемента велосипедной улицы в городе Оденсе (Дания) (рис. 7) отмечается наличие чётко выраженной различимой разметки. Остальные аргументы отрицательные. Так, большинство отрицательно оценивают тот факт, что дизайн дороги провоцирует водителей ТС превышать скорость движения, поскольку дорога широкая, похожа на скоростную и не имеет мер, направленных на снижение скорости. Кроме того, на улице визуально отсутствует ощущение, что велосипедистам отдаётся приоритет.

Рис. 7. Велосипедная улица в городе Оденсе (Дания)

Единственный положительный аргумент о велосипедной улице в городе Пало-Алто (США) (рис. 8) относится к ограничению скорости с помощью дорожных знаков. Остальные комментарии носят нейтральный или отрицательный характер. Несколько негативных комментариев касается парковки, поскольку она не разделена, чтобы, например, предотвратить наезд на пешеходов. Другие негативные аргументы касаются ширины улицы, поскольку она широкая, что провоцирует водителей на превышение скорости. Кроме того, дизайн улицы похож на обычную улицу: неясно, является ли эта улица особым типом велоинфраструктуры в том числе из-за отсутствия чёткой разметки. Наконец некоторые аргументы касаются безопасности кругового движения, поскольку оно выглядит небезопасным как для велосипедистов, так и для пешеходов, и кажется, что вероятность конфликтов с ТС выше.

Рис. 8. Велосипедная улица в городе Пало-Алто (США)

Что касается велосипедной улицы в городе Цюрихе (Швейцария) (рис. 9), положительной оценки заслужили дорожные знаки, которые являются достаточно чёткими, чтобы обозначать велосипедную улицу. Негативные моменты связаны с отсутствием чёткой дорожной разметки, чтобы предотвратить наезд на пешеходов и обозначить положение велосипедистов на дороге. Некоторые отметили, что улица слишком узкая, чтобы быть двусторонней, а парковка делает её ещё более узкой и мешает обзору. Кроме того, сама парковка кажется небезопасной, поскольку открываемые водителями двери могут задеть проезжающих велосипедистов.

Рис. 9. Велосипедная улица в городе Цюрихе (Швейцария)

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы относительно внедрения велосипедных улиц в городское пространство. По мнению некоторых зарубежных специалистов, важное значение для оценки безопасности велосипедных улиц имеет ширина проезжей части. С одной стороны, ширина может повысить безопасность велосипедной улицы, поскольку узкие улицы способствуют снижению скорости движения автотранспорта, в то время как на широких улицах может произойти обратное. По сравнению с узкими велосипедными улицами более широкие велосипедные улицы в большей степени провоцируют превышение скорости водителями ТС.

Ещё одна часто упоминаемая характеристика – дорожная разметка. В существующих исследованиях субъективной безопасности шведские и бельгийские исследования показали, что дорожная разметка с символами велосипедов улучшает восприятие безопасности велосипедистов. Что касается наличия парковочных мест для

ТС, исследователями высказано несколько соображений. Специалисты по безопасности дорожного движения при оценке безопасности велосипедных улиц чаще всего упоминают вероятность удара велосипедистов открытой дверью, что повышает как риск ДТП, так и риск травмирования велосипедистов. Большинство исследователей утверждают, что безопаснее, когда ТС припаркованы параллельно, а не перпендикулярно. При перпендикулярной парковке обзор водителю ТС могут загораживать другие припаркованные ТС, особенно когда автомобиль выезжает с парковки в обратном направлении. С другой стороны, исследования показывают, что при параллельной парковке может возникнуть проблема наезда велосипедиста на открывающуюся дверь автомобиля. В большинстве случаев наличие знаков и информационных табличек положительно влияет на более острожное вождение, при этом особо отмечается положительный эффект от таблички «Автомобили – гости».

Что касается дорожного покрытия, то отмечают положительный эффект от цвета его покрытия, его типа или гладкости. Так, красное гладкое дорожное покрытие из асфальта наиболее благоприятно для велосипедистов, так как улицу легко идентифицировать как приоритетную именно для этой категории участников дорожного движения [3], что будет способствовать снижению скорости транспортных средств [4]. Анализ проведённых исследований наглядно демонстрирует мнение о том, что разработка наиболее оптимального инструментария для комплексного целенаправленного воздействия на отдельные аспекты состояния безопасности дорожного движения может быть осуществлена только при участии научного и экспертного сообщества, в т. ч. в результате проводимых в других государствах исследований [5].

---

1. Баканов К. С., Гордеева А. Д., Исаев М. М. Обзор международных и зарубежных документов стратегического планирования в области обеспечения безопасности дорожного движения: учебное пособие. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России». 2024 г. 116 с.
2. Баканов К. С., Гордеева А. Д. и др. Зарубежный опыт противодействия основным факторам риска в дорожном движении: учебное пособие. М.: ФКУ «Научный центр БДД МВД России». 2024. 180 с.
3. W. Baert, I. Caers, M. de Jong. Rapport fietsstraten en fietszones. Report on bicycle streets and bicycle zones, Fietsberaad Vlaanderen. 2021.
4. P. Jörgensen. Shared speed for safe transportation and sustainable cities. A study from a cyclist perspective on how traffic design can promote shared speed and the acceptance of mixed traffic. Chalmers University of Technology. 2020.
5. Черников М. Ю. О соответствии государственной политики Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения приоритетам, провозглашенным на международном уровне // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 6–10.

1. Bakanov K. S., Gordeeva A. D., Isaev M. M. Obzor mezhdunarodnykh i zarubezhnykh dokumentov strategicheskogo planirovaniya v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: uchebnoe posobie. M.: FKU «NTs BDD MVD Rossii». 2024 g. 116 s.
2. Bakanov K. S., Gordeeva A. D. i dr. Zarubezhnyy opyt protivodeystviya osnovnym faktoram riska v dorozhnom dvizhenii: uchebnoe posobie. M.: FKU «Nauchnyy tsentr BDD MVD Rossii». 2024. 180 s.
3. W. Baert, I. Caers, M. de Jong. Rapport fietsstraten en fietszones. Report on bicycle streets and bicycle zones, Fietsberaad Vlaanderen. 2021.

4. P. Jörgensen. Shared speed for safe transportation and sustainable cities. A study from a cyclist perspective on how traffic design can promote shared speed and the acceptance of mixed traffic. Chalmers University of Technology. 2020.
5. Chernikov M. Yu. O sootvetstvii gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya prioritetam, provozglashennym na mezhdunarodnom urovne // Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 2. S. 6–10.

Информация об авторе

Анастасия Дмитриевна Гордеева. Начальник отдела обеспечения научной и редакционно-издательской деятельности, кандидат юридических наук.
ФКУ «Научный центр БДД МВД России».
121293, Россия, г. Москва, ул. Поклонная, 17.

Information about the author

Anastasia D. Gordeeva. Head of the Department for Support of Scientific, Editorial and Publishing Activities. Candidate of Sciences in Jurisprudence.
Federal public establishment «Scientific State Institution of Road Safety of the Ministry of the Interior of the Russian Federation».
121293, Russia, Moscow, Poklonnaya Str., 17.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 14.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.951

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ И СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕР АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРЕСЕЧЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Денисенко Константин Витальевич
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

denkos32@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы выполнения участниками правоохранительных отношений установленных законом норм и процедур относительно применения некоторых мер административного и силового характера сотрудниками полиции. Проведён анализ современных условий, качественно влияющих на характер и результат взаимодействия субъектов при реализации государственной функции по охране общественного порядка. Делается вывод о необходимости ревизии содержания действующих правовых норм для коррекции нормативного регулирования применения отдельных юридических процедур в целях гармонизации правовых взаимоотношений граждан и органов внутренних дел.

Ключевые слова: меры административного пресечения, меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, личная безопасность, задержание, доставление, личный досмотр, наружный досмотр, правовая культура, правоотношения.

Для цитирования: Денисенко К. В. Разграничение применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и специальных мер административного пресечения в деятельности органов внутренних дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 73–80.

DISTINCTION BETWEEN THE APPLICATION OF MEASURES TO SECURITY PROCEEDINGS IN CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES AND SPECIAL MEASURES OF ADMINISTRATIVE PRESERVATION IN THE ACTIVITIES OF INTERNAL AFFAIRS BODIE

Konstantin V. Denisenko
Bryansk Branch of the Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Bryansk, Russia

denkos32@mail.ru

Annotation. The article examines current issues of implementation by participants in law enforcement relations of the norms and procedures established by law, regarding the application of certain administrative and forceful measures by police officers. An analysis of modern conditions that qualitatively affect the nature and result of interaction between subjects in the implementation of the state function of protecting public order is carried out. A conclusion is made about the need to revise the content of current legal norms to correct

regulatory control when applying individual legal procedures, in order to harmonize legal relationships between citizens and internal affairs agencies.

Keywords: administrative restraining measures, measures to ensure administrative proceedings, personal security, detention, delivery, personal search, external search, legal culture, legal relations.

For citation: Denisenko K. V. Distinction between the application of measures to security proceedings in cases of administrative offenses and special measures of administrative preservation in the activities of internal affairs bodie // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 73–80.

Современные реалии в жизни российского общества требуют открытости в деятельности всей системы органов государственной власти, особенно это касается вопросов применения принудительных и силовых возможностей правоохранительных ведомств в ходе выполнения возложенных на них задач и функций в том числе в ситуациях, не связанных с грубым нарушением урегулированных правом норм социального поведения. Актуальность рассматриваемой тематики заключается в понимании того, что, как известно, осознанное выполнение участниками правоохранительных отношений установленных законом правил и процедур является наиболее позитивной и желательной формой их реализации в интересах всего общества [1, с. 8]. Достижение данного уровня законопослушного поведения является, прежде всего, задачей государственных органов власти в целом и сотрудников органов внутренних дел в частности, а её решение начинается с каждодневного их профессионального общения с рядовыми гражданами.

Возможно, предлагаемая тематика может показаться вполне нормативно отработанной и теоретически изученной, однако хотелось бы рассмотреть эти вопросы применительно к современным условиям развития российского общества и государства, имеющих определённую специфику, на примере применения некоторых мер административного принуждения.

Учитывая распространённость административных правонарушений в общем объёме правовых деликтов, практическая реализация полицией мер административного пресечения и мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях является потенциально наиболее распространённым видом правового взаимодействия граждан с сотрудниками органов внутренних дел [2, с. 133].

Вместе с тем выполнение государством правоохранительной функции приобрело сегодня ряд специфических особенностей (о которых мы укажем ниже) по сравнению с условиями практической деятельности ведомства двадцати и даже десятилетней давности. При этом действующая правовая нормативная и процедурная регламентация выполнения служебных обязанностей остаётся по большому счёту прежней «классической» в хорошем смысле этого слова, но не всегда соответствующей быстро меняющемся условиям, которые существенно влияют на субъективную оценку правомерности действий должностных лиц со стороны общественного мнения. Ведь сегодня объективное выражение действия, иными словами, «внешняя картинка», играет, пожалуй, более важную роль, чем его истинная внутренняя направленность и содержание. Огромную ключевую роль в этом процессе играют «здесь и сейчас» такие факторы, как позитивное формирование юридической грамотности населения и одновременно стремительно происходящий технологический прогресс.

Прежде всего, речь идёт о факторе развития правовой информированности граждан, которая, в отличие от правовых знаний, в своей содержательной части основывается не на познании сущности правовых норм и процедур [3, с. 20], а на

комментариях различных «экспертов» в средствах массовой информации и сети Интернет, чья компетенция порою вызывает определённые сомнения.

Вместе с этим развитие технических средств фотовидеофиксации действий как правонарушителей, так и сотрудников правоохранительных органов также стало сегодня одним из существенных факторов при принятии решения о правомерности или противоправности действий субъектов со стороны «зрителя». Однако даже демонстрация видеозаписи деяния не отражает полного развития ситуации правонарушения от начала до конца и требует, как правило, необходимого экспертного исследования специалистов для его должной правовой оценки.

Между тем отмеченные обстоятельства в целом играют потенциально положительную праворегулирующую роль. При этом первое из указанных условий связано с тем, что, исходя из превенции наличия правовых представлений, поведение гражданина должно быть законопослушным. И второе, что наличие наружных средств контроля является как минимум гарантией фиксации и дополнительным аргументом при оценке правомерности обоюдных действий «сторон конфликта». Однако фактическая имплементация указанных обстоятельств в нормах права в современных реалиях вынуждает обратить внимание на другой базовый фактор – содержание практической реализации основной и наиболее «востребованной» для населения правоохранительной задачи, а именно охраны общественного порядка[1].

Выполнение этой важнейшей для каждого гражданина задачи возложено в нашем государстве, прежде всего, на Министерство внутренних дел Российской Федерации в лице его различных структурных подразделений, а в частности – на патрульно-постовую службу полиции[2]. Именно это подразделение наряду с участковыми уполномоченными полиции наиболее часто взаимодействует с гражданами, а его сотрудники олицетворяют для населения самого «доступного представителя власти», в связи с чем их действия по реализации «правоохранительной услуги» очень важны и оцениваются ими особенно пристрастно.

Привлечение физического лица к административной ответственности при совершении правонарушения наиболее «распространённый» случай возможного применения к нему предусмотренных законом мер пресечения и мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. От качества выполнения должностными лицами указанных процедур во многом зависит одобрение со стороны «обывателя» полноты и объективности обеспечения государством правоохранительной функции. Таким образом, обозначив социальную актуальность темы исследования, перейдём к сути рассматриваемых вопросов. Известно, что процедура привлечения к административной ответственности носит относительно «упрощённый» характер по сравнению с привлечением гражданина к уголовной ответственности[3]. Это выражается в сокращённой форме и сроках проведения административного расследования, более простой процедуре процессуального оформления факта правонарушения (например, не является обязательным присутствие свидетелей или очевидцев, оформление протокола на месте и т. д.), а установление формы вины, как правило, определяется фиксацией факта правонарушения и не требует дополнительных обоснований и тому подобное [4, с. 79].

---

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 28 июня 2021 г. № 495. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако несмотря на относительно пониженную степень общественной опасности правонарушений (общественную вредность), тем не менее особенностью административного производства является возможность применения мер пресечения и обеспечения административного производства[1], содержательная часть которых связана с ограничением определённых важных и гарантированных Конституцией прав человека (достоинство личности; свобода и личная неприкосновенность; неприкосновенность жилища и частной жизни; свобода передвижения; право частной собственности). Поэтому, в отличие, например, от процедуры проверки документов, одним из наиболее «неприятных» для любого гражданина является, пожалуй, возможный не вербальный, а физический контакт с представителем власти. Очень важно, что проведение таких административных процессуальных действий, как доставление, задержание и личный досмотр, в определённой степени сопряжено с применением сотрудником полиции физической силы и специальных средств. При этом обеспечение защиты конституционных прав и свобод человека в ходе решения вопроса его привлечения к юридической ответственности также гарантированно государством и закреплено в нормативных документах [5, с. 134].

Очень важно для понимания проблематики, что рассматриваемые меры часто применяются в их последовательном сочетании и для обычного человека они не разграничены между собой (ни в процессуальном, ни в нормативном, ни в содержательном плане). Также указанные меры неотличимы для гражданина от применения некоторых мер по обеспечению личной безопасности сотрудников, порядок выполнения которых носит лишь рекомендательный, а не процедурный характер по тактике их выполнения. Например: наружный досмотр; требования сотрудника отойти на безопасное расстояние, встать на колени, подойти к стене, достать содержимое из карманов; выйти из автомобиля; предъявить имеющиеся опасные предметы; применение служебных собак и т. д.

С одной стороны, сложность в адекватном принятии и внутреннем одобрении комментируемых мер заключается в их сущностной интерпретации, исходя из социальных реалий жизни, когда, прежде всего, ценятся такие качества восприятия внешней информации, как краткость, ёмкость, наглядность, а также эмоциональность при получении и анализе «контента» [6, с. 262]. Классическое же изложение норм административно-процессуального права порою представляется для граждан излишне сложной, запутанной и, пожалуй, не всегда обоснованной для человека, ценящего в качестве главных основ социального взаимодействия простоту в решении конфликтных ситуаций.

С другой стороны, для правоохранительных органов действующие федеральные и ведомственные нормативные правовые акты предписывают выполнение строго определённых действий при исполнении должностных обязанностей в конкретных ситуациях служебной деятельности. При этом проблема заключается в том, что начинающие и неопытные сотрудники порою воспринимают эти нормативные предписания как сугубо «теоретические» и во многом чисто правовые «формальности», не концентрируясь на их содержательной части. Особенно это актуально при реализации мер и полномочий, которые предусмотрены законом, но порядок их применения детально не регламентирован (доставление, задержание, наружный досмотр). В связи этим задача актуализировать предъявляемые требования соблюдения нормативного и должного порядка исполнения служебных обязанностей для представителя исполнительной власти является достаточно важной.

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Даже несмотря на относительно «личностный» характер отношения граждан к требованиям правовых норм, актуальной остаётся известная фраза «незнание закона не освобождает от ответственности». Если перефразировать её применительно к процедуре отдельных мер административного принуждения и обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, то непонимание субъектом сути применяемых сотрудником действий никак не влияет на нормативность их осуществления, и в то же время вариативность действий полицейского при применении указанных мер также может ставить вопрос для гражданина об их правомерности.

В такой ситуации мы подходим к вопросу о значении обязательности разъяснения гражданину со стороны сотрудника правовых основ, целей, порядка, сути и последствий применяемых мер в момент их осуществления, а в случае оказания противодействия – сразу после этого. Однако сложность заключается в том, что такая обязанность не отражена непосредственно в конкретной норме права, а предполагается к исполнению исходя из принципов деятельности полиции и других общих правовых норм[1].

Речь идёт, прежде всего, о таких действиях, как доставление и административное задержание, и определённых связанных с ними мер пресечения и обеспечения личной безопасности, главным образом наружного досмотра. При этом будем откровенны, что процедура и порядок документального оформления рассматриваемых действий, изложенная в нормативных актах, также весьма неоднозначна. Так, проведение действий по доставлению, административному задержанию, изъятию вещей и предметов предусматривает возможность оформления сразу нескольких процессуальных документов (протокол о доставлении, протокол об административном задержании, протокол об административном правонарушении, протокол об изъятии), при этом отсутствует определённая регламентация составления документов в конкретных случаях, которая определяется, как правило, «местной» правоприменительной практикой.

Определённую сложность привносит и «внешняя схожесть» таких различных по основаниям, целям и содержанию мер, как личный досмотр и наружный досмотр, а также совмещение процедур доставления и административного задержания с действиями по неисполнению и преодолению противодействия законным требованиям сотрудников полиции при их осуществлении. Поэтому характер их исполнения всегда потенциально связан с ситуацией применения физической силы и специальных средств, которые, однако, не являются содержательной частью самих процессуальных действий, а применяются дополнительно в предусмотренных законом случаях и требуют отдельного обоснования и порядка выполнения [7, с. 4].

Вместе с тем применение некоторых мер по обеспечению личной безопасности (не считая применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия) также не регламентировано законом. Ярким примером тому является проведение наружного досмотра, основания, цели, порядок проведения и документального оформления которого нормативно не определены, хотя и затрагивают конституционные права человека. Это касается и некоторых других мер, связанных с применением важных административных процедур, но не являющихся их обязательными элементами (отстранение от управления транспортным средством, медицинское освидетельствование и др.). Поэтому, реализуя своё «право на насилие», сотрудник полиции в обязательном порядке должен разъяснять и аргументировать

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

гражданину содержание своих действий нормами права и при этом разъяснять ему его права и обязанности.

При этом очень важно, что, применяя меры административного принуждения в целом, сотрудник полиции должен действовать тактически верно в том числе и для обеспечения личной безопасности. Эти действия, как мы уже отмечали, не предписаны нормами административного законодательства, а регламентированы другими ведомственными правовыми актами, но во многом именно они определяют эффективность и безопасность применяемых процедур. В то же время для гражданина содержание и характер таких действий, возможно, будут находиться за «периметром» известной ему правовой карты и, следовательно, могут вызывать сомнения в их законности как нормативной, так и содержательной.

И здесь, к сожалению, с точки зрения правового эксперта, у обычного человека нет обязанности разбираться в тонкостях закона. Задача пропаганды и разъяснения сути правовых предписаний лежит на государственных органах, общественных организациях правоохранительной направленности и в том числе на средствах массовой информации. Формирование же сознательной позиции правомерного поведения является очень важной, но длительной по времени задачей, которая в итоге может стать залогом минимизации конфликтных ситуаций при контактах гражданина с правоохранительными органами. Одновременно представляется, что порядок применения мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, мер пресечения, мер обеспечения личной безопасности, которые затрагивают конституционные права человека, должен быть более чётко законодательно разграничен и регламентирован (например, по примеру ст. 19 закона «О полиции») и содержать порядок обязательных действий сотрудника полиции в ходе их осуществления и документирования в конкретных случаях.

Учитывая изложенное, возможно, мы находимся сегодня в определённом «правоприменительном тупике», когда искажённость нормативной грамотности и сохранившийся правовой нигилизм населения, с одной стороны, а также отсутствие должной качественной подготовки и опыта у сотрудников полиции, в условиях нехватки кадрового состава органов внутренних дел, с другой стороны, порождают необязательные конфликты в ситуациях правоприменительной практики.

Необходимо отметить, что злободневность рассматриваемых вопросов определяется не только наличием у полиции самого права на осуществление определённых принудительных действий, сколько адекватностью и необходимостью их применения в конкретной ситуации в солидаризации с фактором внешней оценки этих актов со стороны населения. Затрудняет процесс применения и разграничения мер принуждения и обеспечения их разная правовая регламентация материальными нормами и административно-процессуальными нормами. Ознакомиться с их основаниями применения, видами, сроками, должностными лицами (органами), уполномоченными их применять, особенностью реализации и процессуального оформления представляется возможным только на базе тщательного предметного анализа обширного массива нормативных правовых актов различной юридической силы [8, с. 19]. В сложившихся условиях в целях должной реализации правоохранительной функции, по нашему мнению, требуется параллельно решить сразу несколько равноценных задач.

Во-первых, провести рациональную ревизию содержания действующих правовых норм, предусматривающих реализацию мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и специальных мер административного пресечения, с учётом реальной практики их применения и современных тенденций и условий осуществления правоохранительной деятельности.

Во-вторых, в целях позитивной корректировки состояния правосознания и правовой культуры населения необходимо предусмотреть и закрепить процедурную обязанность сотрудников полиции разъяснять основания осуществляемых мер и последствия их невыполнения непосредственно для каждой конкретной административной принудительной меры в соответствующей ей норме права.

В-третьих, законодательно детализировать порядок и содержание процедурных действий по осуществлению таких мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, как доставление и административное задержание, в законодательных актах, регламентирующих деятельность органов, правомочных осуществлять административно-процессуальные действия.

В-четвёртых, нормативно регламентировать процедуру наружного досмотра как меры, связанной с определённым ограничением прав и свобод человека, и одной из важнейших мер по обеспечению личной безопасности в деятельности сотрудников территориальных подразделений органов внутренних дел.

В-пятых, интегрировать реализацию данных предложений в систему подготовки кадров для органов внутренних дел на всех её этапах и уровнях (профессиональное обучение, служебная подготовка, повышение квалификации и др.).

Предложенные варианты оптимизации процедур взаимодействия граждан и должностных лиц правоохранительных органов в рамках осуществления административно-правовых процедур, безусловно, требуют дальнейшего предметного и профессионального обсуждения, а возможно, критической и экспертной оценки, однако сам факт обращения к этой проблематике актуализирует, по нашему мнению, этот важный вопрос. Ведь процедурное и практическое разграничение порядка применения мер административного принуждения в целом, мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и мер обеспечения личной безопасности в деятельности органов внутренних дел может стать сегодня одним из положительных факторов на пути гармонизации правовых взаимоотношений их субъектов.

---

1. Шерер А. А., Рахматуллина О. В. Формирование законопослушного поведения несовершеннолетних: методические рекомендации / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования». Екатеринбург. ГАОУ ДПО СО «ИРО». 2023. 39 с.
2. Мамедов Э. Х. О классификации нарушений законности применения полицией мер административного принуждения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 132–139.
3. Осипов Р. А. Правовая информированность и правосознание граждан (вопросы теории): диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов. 2018. 215 с.
4. Булгакова Л. С. О некоторых вопросах административного расследования // Криминалист. 2020. № 4(33). С. 77–81.
5. Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1(122). С. 130–139.
6. Баринова О. И. Влияние визуального контента в социальных сетях на восприятие информации // Молодой ученый. 2022. № 7(402). С. 261–263.
7. Пресняков Д. А. Меры пресечения административных правонарушений: проблемы правоприменения // Новый юридический вестник. 2020. № 1(15). С. 3–6.

8. Елисеев А. В. Правовые и организационные основы применения административного задержания в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: монография. Домодедово: ВИПК МВД России. 2019. 84 с.

1. Sherer A. A., Raxmatullina O. V. Formirovanie zakonoposlushnogo povedeniya nesovershennoletnix: metodicheskie rekomendacii / Ministerstvo obrazovaniya i molodezhnoj politiki Sverdlovskoj oblasti, Gosudarstvennoe avtonomnoe obrazova-tel`noe uchrezhdenie dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya Sverdlovskoj oblasti «Institut razvitiya obrazovaniya». Ekaterinburg. GAOU DPO SO «IRO». 2023. 39 s.
2. Mamedov E`. X. O klassifikacii narushenij zakonnosti primeneniya policiej mer administrativnogo prinuzhdeniya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2020. № 3. S. 132–139.
3. Osipov R. A. Pravovaya informirovannost` i pravosoznanie grazhdan (voprosy` teorii): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskix nauk. Saratov. 2018. 215 s.
4. Bulgakova L. S. O nekotory`x voprosax administrativnogo rassledovaniya // Kriminalist. 2020. № 4 (33). S. 77–81.
5. Lebedev V. A. Konstitucionny`e osnovy` ogranichenij prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Lex Russica. 2017. № 1 (122). S. 130–139.
6. Barinova O. I. Vliyanie vizual`nogo kontenta v social`ny`x setyax na vospriya-tie informacii // Molodoj ucheny`j. 2022. № 7 (402). S. 261–263.
7. Presnyakov D. A. Mery` presecheniya administrativny`x pravonarushenij: pro-blemy` pravoprimeneniya // Novy`j yuridicheskij vestnik. 2020. № 1 (15). S. 3–6.
8. Eliseev A. V. Pravovy`e i organizacionny`e osnovy` primeneniya administra-tivnogo zaderzhaniya v deyatel`nosti organov vnutrennix del Rossijskoj Federacii: monografiya. Domodedovo: VIPK MVD Rossii. 2019. 84 s.

Информация об авторе

Константин Витальевич Денисенко. Доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский пер., 2а.

Information about the author

Konstantin V. Denisenko. Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines. Candidate of Law Sciences.

Bryansk branch of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky lane, 2a.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (ПОЛИЦИИ), НАДЕЛЁННЫХ ФУНКЦИЕЙ РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ

Жбанова Светлана Александровна[1], Шаклеин Сергей Николаевич[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Управление Госавтоинспекции УМВД России по Магаданской области, Магадан, Россия

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]shaklein83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы разграничения полномочий должностных лиц органов внутренних дел (полиции), наделённых функцией разрешения административных дел. Анализируются основные трудности, связанные с неопределённостью и дублированием полномочий, недостатком квалификации сотрудников, а также проблемами взаимодействия с другими государственными органами. Уделяется внимание последствиям этих проблем для эффективности работы полиции и защиты прав граждан. В качестве путей решения предлагаются меры по чёткому определению полномочий, повышению квалификации сотрудников и улучшению межведомственного взаимодействия. Статья направлена на выявление ключевых аспектов, требующих внимания для повышения правоприменительной практики в сфере административного права.

Ключевые слова: административная юрисдикция, полномочия, административные дела, региональное и федеральное законодательство.

Для цитирования: Жбанова С. А., Шаклеин С. Н. Проблемы разграничения полномочий должностных лиц органов внутренних дел (полиции), наделённых функцией разрешения административных дел // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 81–90.

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF POWERS OF OFFICIALS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES (POLICE), ENDOWED WITH THE FUNCTION OF RESOLVING ADMINISTRATIVE CASES

Svetlana A. Zhbanova[1], Sergey N. Shaklein[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Head of the Department of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan region

[1]svetlanasamotina@mail.ru
[2]shaklein83@mail.ru

Annotation. The article considers the problems of delimitation of powers of officials of internal affairs bodies (police), endowed with the function of resolving administrative cases. The article analyses the main difficulties associated with uncertainty and duplication of powers, lack of qualification of employees, as well as problems of interaction with other

state bodies are analysed. Attention is paid to the consequences of these problems for the efficiency of police work and the protection of citizens' rights. Measures to clearly define powers, improve staff qualifications and improve inter-agency co-operation are proposed as solutions. The article aims to identify key aspects that require attention to improve law enforcement practice in the field of administrative law.

Keywords: administrative jurisdiction, powers, administrative matters, regional and federal legislation.

For citation: Zhbanova S. A., Shaklein S. N. Problems of Differentiation of Powers of officials of internal affairs bodies (police), Endowed with the Function of Resolving administrative Cases // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 81–90.

Правопорядок в российском обществе является его юридической основой, базисом функционирования государственной власти. Прочный правопорядок, основанный на принципах права, выступает гарантией функционирования гражданского общества. Поэтому актуальной проблемой правоохранительной деятельности представляется обеспечение правопорядка в различных сферах жизнедеятельности. Президент Российской Федерации Путин В. В. отметил: «Безусловно, жизнь, развитие страны требуют корректировки, настройки нашей правовой системы и законодательства. Но вместе с тем нужно признать, что наше правовое поле меняется очень быстро, может быть, слишком быстро и порой не системно, что создаёт немало угроз в процессе правоприменения»[1].

В современном обществе органы внутренних дел (далее – ОВД), в частности полиция, играют ключевую роль в обеспечении правопорядка и защите прав граждан. Одной из важных функций полиции является разрешение административных дел, что связано с необходимостью соблюдения законности и справедливости в административном процессе. Однако в этой сфере существует ряд проблем, касающихся разграничения полномочий должностных лиц, что может негативно сказываться на эффективности работы органов и правозащитной деятельности. Проблемы разграничения полномочий сотрудников полиции, наделённых функцией разрешения административного дела, невзирая на длительную дискуссию среди учёных-административистов и проведённые ими исследования феномена административной юрисдикции, вопросы определения и законодательного закрепления административного производства (далее – АП), административного процесса, содержания понятия административного дела, всё ещё требуют разрешения. Указанные обстоятельства негативно сказываются на развитии административно-правовых отраслей российского права и непосредственно административно-правового регулирования общественно-правовых отношений.

Одной из основных проблем является неопределённость и размытость полномочий различных должностных лиц в рамках административного процесса. В зависимости от конкретных ситуаций одни и те же действия могут подпадать под юрисдикцию разных подразделений полиции или даже других государственных органов. Это приводит к путанице и затрудняет работу как самих сотрудников, так и граждан, которые зачастую не знают, к кому обратиться за помощью или разрешением своей проблемы.

Дублирование функций между различными подразделениями полиции также создаёт трудности. Например, функции по составлению протоколов об административных правонарушениях могут выполнять как патрульные, так и

[1] http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/22931

специальные группы. Это приводит к неэффективному использованию ресурсов и потенциальным конфликтам между различными подразделениями. В результате может возникнуть ситуация, когда одно и то же правонарушение будет рассматриваться несколькими разными структурами, что затягивает процесс и усложняет его.

Другой важной проблемой является недостаток квалификации некоторых должностных лиц, занимающихся разрешением административных дел. Поскольку административное право требует глубоких знаний законодательства и навыков применения норм права, отсутствие соответствующей подготовки у сотрудников может привести к ошибкам в процессе рассмотрения дел. Это не только ущемляет права граждан, но и подрывает доверие к правоохранительным органам.

Разграничение полномочий также затрудняется необходимостью взаимодействия полиции с другими государственными органами. Например, в случаях, когда административное правонарушение связано с деятельностью других ведомств (например, налоговых или экологических), возникают сложности в координации действий. Это может приводить к конфликтам интересов и задержкам в разрешении дел. Обратившись к точкам зрения основоположников теории российского права, мы можем установить, что подведомственность, как правило, понимается ими как «…круг дел (спорных производств по вопросам права или правовых вопросов), разрешение которых относится законодательством к компетенции конкретного юрисдикционного органа» [1, с. 137; 2 с. 13] или же как «…относимость споров о праве или материальных требований, необходимых к разрешению государственными полномочиями, в рамках юрисдикции государственных органов» [3, с. 43].

В контексте проводимого нами исследования заслуживает упоминания точка зрения на глобальное предназначение подведомственности. Её авторы отмечают, что при построении и реализации системы государственной власти, основывающейся на концепции разделения властей, подведомственность становится не чем иным, как рабочим юридическим механизмом, который непосредственно влияет на исполнение положений Конституции в формировании правового государства ввиду того, что определяет конкретные условия для градации государственной власти на три независимые ветви: законодательную власть, исполнительную, судебную [4, с. 71].

Подведомственность подразумевает наличие у определённого органа или должностного лица полномочий для принятия решений по юридическому факту, границы этой компетенции, порядок АП по делу, распределение полномочий между смежными органами и должностными лицами, наделёнными правом рассмотрения административных дел. В статье 23.3 КоАП РФ[1] определяет, что полиция стоит во главе имеющейся системы органов отраслевой административной юрисдикции. Её положения также отвечают на вопросы относительно того, по каким категориям административных дел и какие должностные лица полиции уполномочены вести производство, принимать решения относительно порядка, вида, размера и границ назначения административного наказания. Особенность подведомственности и разграничения полномочий полицейских, наделённых функцией разрешения административных дел на основе установленных норм права, заключается в том, что в разрезе полномочий иных органов исполнительной власти они включаются в АП непосредственно с первой стадии – возбуждения дела об административном правонарушении – и участвуют в ней до последней стадии – исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

Отдельно стоит отметить, что законодатель наделил органы полиции в рамках её административной юрисдикционной деятельности эксклюзивным статусом,

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

продиктованным такими полномочиями, как выявление административных правонарушений, инициирование АП, применение мер обеспечения, рассмотрение административных дел и вынесение обоснованных решений, что свидетельствует о наличии определённой «карательной» направленности деятельности полиции в рамках административного процесса, а это в ряде случаев приводило к нивелированию таких значимых характеристик административного процесса, как беспристрастность, всесторонность исследования обстоятельств правонарушения, объективность при принятии решения или полнота проведённого административного расследования. Такое положение вещей требовало совершенствования нормативно-правовых основ АП и реформирования органов полиции, в связи с которыми был принят действующий Федеральный закон Российской Федерации «О полиции»[1].

Наряду с ключевыми изменениями положения данного закона исключили возможность должностных лиц полиции составлять протоколы об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена законодательством субъектов РФ. В этой связи Верховный Суд РФ длительное время выносил решения о несоответствии регионального законодательства федеральному в вопросах полномочий полиции по составлению протоколов об административных правонарушениях[2].

В итоге данный правовой казус был урегулирован благодаря внесённым в КоАП РФ в середине 2014 года изменениям[3]. Был установлен механизм передачи полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, ответственность за которые установлена региональным законодательством путём заключения соглашений между МВД России и органами исполнительной власти субъектов РФ о передаче части полномочий по составлению протоколов об административных правонарушениях, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность.

Указанный выше феномен стал возможен благодаря положениям федерального законодательства, допускающим передачу части полномочий от органов исполнительной власти субъектов РФ органам исполнительной власти РФ при условии взаимного согласия сторон и выделения финансовых средств из регионального бюджета для закупки материальных средств и оплаты расходов, необходимых МВД России для исполнения передаваемых полномочий. Для обеспечения работы указанного механизма делегирования полномочий в МВД России разработан проект типового соглашения, и его утверждённая форма прошла соответствующую экспертизу в Минюсте РФ.

В конце 2016 года проект типового соглашения был разослан в территориальные ОВД на уровне субъектов РФ и началась нормативно-правовая работа по передаче полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ в МВД России. В типовом проекте содержалось также указание о необходимости материального и финансового обеспечения территориальных органов внутренних дел на региональном уровне при осуществлении ими соответствующих административных производств. Однако на тот момент в бюджетном законодательстве отсутствовала действенная система предоставления федеральному бюджету субвенций из бюджета субъекта РФ при соответствующей передаче полномочий. До его устранения возможно было только

[1] О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
[2] Определения Верховного Суда Рос. Федерации от 29 августа 2012 г. № 5-АПГ12-21, от 27 февраля 2013г. № 46-АПГ13-2, от 14 августа 2013 г. № 78-АПГ13-15, от 13 ноября 2013 г. № 91-АПГ13-2.
[3] О внесении изменения в статью 28.3 Кодекса Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 247-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (Часть I), ст. 4248.

реализовать материальное обеспечение территориальных органов внутренних дел, и органы исполнительной власти субъектов РФ были вынуждены проводить закупки средств обеспечения деятельности полиции самостоятельно и безвозмездно передавать их в оперативное управление в соответствии с положениями постановления Правительства РФ от 13.06.2006 № 374[1]. В этой связи возник вопрос методического обеспечения расчётов потребностей территориальных органов в материальном обеспечении, и в этих целях в МВД России были подготовлены соответствующие методические рекомендации, предусматривавшие приобретение для полиции достаточно объёмного перечня бланочной специальной продукции, технических, транспортных, канцелярских средств, расходных материалов и т. п. Определение объёмов и перечня закупаемых средств определялось представителями территориальных ОВД и органа исполнительной власти субъекта РФ.

С учётом региональных особенностей и при иной необходимости утверждённый перечень и объёмы материально-технических потребностей могли быть пересмотрены.

В конце 2014 года в Бюджетном кодексе РФ[2] была внесена специальная норма, предусматривающая возможность передачи в федеральный бюджет соответствующих субвенций из регионального бюджета для финансового обеспечения территориальных органов внутренних дел при осуществлении регионального производства по делам об административных правонарушениях, посягающего на общественный порядок и общественную безопасность. Письмом Минфина России от 24.03.2015 № 10-05-05/16110 определены коэффициенты расчёта финансовых расчётов, исходя из прогнозируемых показателей выявляемых административных правонарушений, ответственность за которые установлена региональным законодательством, усреднённых значений стоимости необходимых средств обеспечения деятельности полиции и т. п.

К настоящему моменту на территории исконно российских территорий работает действенный механизм материального и финансового обеспечения территориальных органов полиции при осуществлении ими АП по делам об административных правонарушениях, ответственность за которые установлена региональным законодательством, однако в настоящее время отсутствуют соглашения между МВД России и Луганской Народной Республикой, Донецкой Народной Республикой, Республикой Крым, г. Севастополем, Запорожской и Херсонской областями. Полицейские в указанных субъектах РФ юридически не имеют административно-юрисдикционных полномочий по пресечению и документированию административных правонарушений в сфере общественного порядка и общественной безопасности, предусмотренных региональными законами указанных административно-территориальных единиц об административных правонарушениях. Огромное количество административных проступков не пресекается, и за их совершение не следует административные наказания. Всё это негативно сказывается на удовлетворённости населения новых регионов общественным порядком, показатели социальной напряжённости оставляют желать лучшего, растёт количество жалоб на бездействие полиции.

Учитывая вышеизложенное, хотелось бы обратить внимание на опасность сложившейся ситуации «возмездности» деятельности полиции, а также на увязку

[1] О перечнях документов, необходимых для принятия решения о передаче имущества из федеральной собственности в собственность субъектов Российской Федерации или муниципальную собственность, из собственности субъекта Российской Федерации в федеральную собственность или муниципальную собственность, из муниципальной собственности в федеральную собственность или собственность субъекта Российской Федерации: постановление Правительства Рос. Федерации от 13 июня 2006 г. № 374 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 25, ст. 2734.

[2] Бюджетный кодекс Рос. Федерации: Федер. Закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 52, ст. 3128.

финансирования деятельности полиции исходя из прогнозируемых показателей выявляемых административных правонарушений, ответственность за которые установлена региональным законодательством. Создаётся почва для злоупотреблений, где прогнозируемые показатели административных правонарушений могут негативно сказываться на административно-юрисдикционных полномочиях полиции. Полагаем, указанные обстоятельства должны учитываться при доработке Проекта[1] и их разрешение положительно скажется на совершенствовании и оптимизации административно-юрисдикционных полномочий органов внутренних дел (полиции).

Анализируя проблемы разграничения полномочий должностных лиц ОВД (полиции), наделённых функцией разрешения административных дел на основе установленных норм права, следует отметить, что законодателем на регулярной основе ведётся работа по оптимизации административно-юрисдикционных полномочий полиции. Так, в конце 2023 года Правительством РФ для рассмотрения в Государственной Думе РФ был внесён проект поправок для КоАП РФ, в соответствии с которым предлагалось исключить из полномочий полиции участие в административном производстве по 46 составам административных правонарушений. Предложенные Правительством РФ изменения, прежде всего, направлены на ликвидацию повторения полномочий полиции и других органов исполнительной власти в сфере административного производства, а также на снижение нагрузки на индивидуальных предпринимателей со стороны контрольных (надзорных) органов. Разработчиками Проекта предлагается передать полномочия по возбуждению дела об административном правонарушении по ряду составов только представителю контрольного органа, в компетенцию которого входит пресечение нарушения. Предложен также к установлению срок давности привлечения к административной ответственности по указанным в Проекте составам, как утверждается, в целях объективного и всестороннего рассмотрения дела, а также обеспечения неотвратимости наказания.

К исключению из административной юрисдикции полиции предлагаются полномочия, включающие в себя такие критерии:

1) если административные правонарушения выражены в неисполнении обязательных требований, оценка соблюдения которых реализуется органами исполнительной власти в рамках видов государственного контроля (надзора), муниципального контроля;

2) в случае если полномочия по составлению протоколов и рассмотрению дел об административных правонарушениях закреплены одновременно за полицией и за контрольными (надзорными) органами.

Более того, разработчиками предлагается исключить из компетенции должностных лиц полиции составление протоколов об административном правонарушении в тех областях общественных отношений, где у полиции отсутствуют контрольные полномочия:

– составы административных правонарушений в области охраны собственности (ст. 7.19, 7.20 КоАП РФ);

– состав административных правонарушений на транспорте (ч. 2 ст. 11.1 КоАП РФ);

– составы административных правонарушений в области предпринимательской деятельности (ч. 3 и 4 ст. 14.1 КоАП РФ);

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 3128.

– состав административных правонарушений в области финансов, налогов и сборов, страхования, рынка ценных бумаг, добычи, производства, использования и обращения драгоценных металлов и драгоценных камней (15.14 КоАП РФ).

Предлагается также оставить без изменения полномочия ОВД (полиции) по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях в ряде значимых сфер:

– составы административных правонарушений, посягающих на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность (ч. 2 и 3 ст. 6.3, ст. 6.13, 6.21, 6.21.1, 6.21.2 КоАП РФ);

– составы административных правонарушений в области охраны окружающей среды (ч. 1, 3.1, 3.2, 3.3, 3.4 ст. 8.2, 8.3, 8.6, ч. 1, 3–5 ст. 8.13, ч. 1, 2, 3 ст. 8.28, ч. 5 ст. 8.28.1, ст. 8.29, 8.30, 8.31, 8.32, ч. 1 и 2 ст. 8.37, ст. 8.42 КоАП РФ);

– составы административных правонарушений на транспорте (ч. 3 ст. 11.1, ч. 7 ст. 11.5, ст. 11.9, ст. 11.15.1, 11.23 КоАП РФ);

– составы административных правонарушений в области связи и информации (ч. 9, 10, 10.1, 10.2, 11 ст. 13.15 КоАП РФ);

– составы административных правонарушений в области незаконного оборота алкогольной и табачной продукции (ч. 1 ст. 14.3.1, ч. 1 и 2 ст. 14.16, ч. 2.1 ст. 14.16, ст. 14.17.1, ч. 2 ст. 14.53 КоАП РФ) и пр.

Поскольку возбуждение дела об административном правонарушении, выражающемся в нарушении обязательных требований, допускается только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия и оформления его результатов, законопроект также предусматривает установление годичного срока давности привлечения к административной ответственности за правонарушения, исключаемые из компетенции полиции, в целях объективного и всестороннего рассмотрения дела. В свою очередь, это позволит сосредоточить административно-юрисдикционную деятельность полиции на таких приоритетных направлениях, как противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности [5, с. 62].

Подводя итог, можно сделать вывод, что в условиях современного общества, где безопасность граждан и соблюдение закона становятся приоритетными задачами государства, роль полиции как основного органа правопорядка не может быть переоценена.

Однако с увеличением объёма задач, стоящих перед правоохранительными органами, возникает необходимость в оптимизации административно-юрисдикционных полномочий полиции. Это требует комплексного подхода, направленного на улучшение эффективности работы полиции, защиту прав граждан и повышение доверия общества к правоохранительным органам. Специфика вопросов подведомственности ОВД заключается, прежде всего, в том, что ввиду разнообразия общественных отношений, защита которых обеспечивается ОВД в силу действующего законодательства, предопределяет для последних обширную подведомственность рассматриваемых дел об административных правонарушениях.

Развитие российской государственности неотъемлемо связано с эффективностью законодательства, в этом случае особенная роль принадлежит правовым категориям, одной из которых является административное законодательство, т. к. основной закон страны относит эту правовую категорию к предмету совместного ведения, что, с одной стороны, должно повышать стабильность правовых процессов, происходящих в каждом отельном субъекте, с другой стороны, порождает юридико-правовые коллизии в том числе в административно-юрисдикционных производствах [6, с. 73]. Административно-юрисдикционные полномочия полиции включают в себя широкий

спектр функций – от предотвращения правонарушений до применения мер административного воздействия. Эффективность выполнения этих функций во многом зависит от чёткости и прозрачности нормативной базы, а также от уровня подготовки и профессионализма сотрудников полиции. Неопределённость и размытость полномочий должностных лиц в рамках административного процесса представляют собой значительную проблему для функционирования правоохранительных органов и обеспечения правопорядка. Эта ситуация не только затрудняет работу сотрудников полиции, но и создаёт сложности для граждан, которые сталкиваются с необходимостью взаимодействия с различными государственными органами. Несмотря на наличие законодательных норм, регулирующих деятельность полиции, в практике часто наблюдаются проблемы, связанные с недостаточной координацией действий различных подразделений, избыточной бюрократией и нехваткой ресурсов. Кроме того, отсутствие чётких критериев для оценки эффективности работы полиции может приводить к злоупотреблениям полномочиями и нарушению прав граждан. Эти проблемы требуют решения для повышения общей эффективности административно-юрисдикционных полномочий полиции.

Для решения указанных проблем необходимо принять комплексные меры. Во-первых, следует чётко определить полномочия каждого подразделения полиции и должностных лиц, работающих в сфере административного правопорядка. Это позволит избежать путаницы и повысить эффективность работы. Необходима работа над упрощением и систематизацией действующего законодательства, регулирующего деятельность полиции. Это позволит избежать правовых коллизий и повысить уровень правовой определённости как для сотрудников правоохранительных органов, так и для граждан. Объединение и систематизация существующих норм в едином кодексе или своде правил, касающихся полномочий полиции и других государственных органов.

Во-вторых, необходимо обеспечить должную подготовку сотрудников, занимающихся разрешением административных дел. Регулярные курсы повышения квалификации помогут им лучше ориентироваться в законодательстве и применять нормы права на практике. Развитие современного мира невозможно без использования цифровых технологий, оказывающих значимое влияние на различные сферы социальной действительности. Современные государства самостоятельно формируют и реализуют национальную политику, связанную с внедрением цифровых технологий в отдельные общественные сферы [7, с. 52].

В-третьих, важно наладить эффективное взаимодействие между различными государственными органами. Создание межведомственных рабочих групп может способствовать более оперативному и согласованному решению вопросов, связанных с административными правонарушениями. В-четвёртых, вовлечение граждан в процессы контроля за действиями полиции через создание общественных наблюдательных советов может повысить уровень доверия к правоохранительным органам. Открытость и доступность информации о деятельности полиции способствуют формированию конструктивного диалога между обществом и правоохранительными органами. Следует заметить, что ряд учёных склонны утверждать, что сами правонарушители являются объектами исполнительного производства, поскольку на них оказывается воздействие государственными органами для достижения цели административного наказания [8, с. 104]. Если взаимная работа будет организована должным образом и будут соблюдены все вышеуказанные положения, это непосредственным образом обеспечит достижение поставленных целей и реализацию задач [9, с. 41].

Таким образом, проблемы разграничения полномочий должностных лиц ОВД в сфере разрешения административных дел являются актуальной темой для

обсуждения. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего чёткое определение полномочий, повышение квалификации сотрудников и улучшение взаимодействия между различными государственными органами. Только так можно добиться повышения эффективности работы полиции и защиты прав граждан в рамках административного процесса. Оптимизация административно-юрисдикционных полномочий полиции является важной задачей для обеспечения правопорядка и защиты прав граждан. Комплексный подход, включающий упрощение законодательства, обучение сотрудников, внедрение новых технологий и активное участие общества, может существенно повысить эффективность работы полиции. В конечном итоге это приведёт к созданию более безопасной и справедливой среды для всех граждан, что является основной целью любого правового государства.

1. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954. 407 с.
2. Дружков П. С. Судебная подведомственность споров о праве и иных правовых вопросов, рассматриваемых в порядке гражданского судопроизводства: автор. дис. … канд. юрид. наук. Свердловск, 1966. 21 с.
3. Осипов Ю. К. Подведомственность юридических дел: автор. дис. д-ра юрид. наук. Свердловск, 1974. 34 с.
4. Гражданское право и гражданский процесс в современной России / И. В. Решетникова, В. В. Ярков. М., Екатеринбург : НОРМА, 1999. VIII, 302 с.
5. Шевцов А. В. К вопросу о соответствии составов административных правонарушений административно-юрисдикционным полномочиям должностных лиц органов внутренних дел //Административное право и процесс, 2019, № 4(24). С. 59–62.
6. Жбанова С. А., Понежина Л. Ю., Копыл Д. В. Некоторые проблемы теории и практики оказания профессиональной юридической помощи гражданам, привлекаемым к административной ответственности // Философия права : науч.- теоретич. журн. Ростов-на-Дону. 2024. № 3(110). С. 72–78.
7. Калюжный Ю. Н. Цифровые технологии как новые возможности обеспечения безопасности дорожного движения //Административное право и процесс", 2021, № 11. С. 52–54.
8. Жбанова С. А., Шкеля О. В. Проблемы реализации института исполнения постановлений о наложении административных наказаний в области безопасности дорожного движения и пути их преодоления // Общество и право. 2022. № 2 (80). С. 102–106.
9. Жбанова С. А. Взаимодействие Госавтоинспекции с участковыми уполномоченными полиции в принятии мер по предупреждению дорожно-транспортных происшествий на обслуживаемой территории // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3(92). С. 39–46.

1. Klejnman A. F. Sovetskij grazhdanskij process. M., 1954. 407 s.
2. Druzhkov P. S. Sudebnaya podvedomstvennost` sporov o prave i iny`x pravovy`x voprosov, rassmatrivaemy`x v poryadke grazhdanskogo sudoproizvodstva: avtor. dis. … kand. yurid. nauk. Sverdlovsk, 1966. 21 s.
3. Osipov Yu. K. Podvedomstvennost` yuridicheskix del: avtor. dis. d-ra yurid. nauk. Sverdlovsk, 1974. 34 s.
4. Grazhdanskoe pravo i grazhdanskij process v sovremennoj Rossii / I. V. Reshetnikova, V. V. Yarkov. M., Ekaterinburg : NORMA, 1999. VIII, 302 s.

5. Shevczov A. V. K voprosu o sootvetstvii sostavov administrativny`x pravona-rushenij administrativno-yurisdikcionny`m polnomochiyam dolzhnostny`x licz organov vnutrennix del // Administrativnoe pravo i process, 2019, № 4(24). S. 59–62.
6. Zhbanova S. A., Ponezhina L. Yu., Kopy`l D. V. Nekotory`e problemy` teorii i praktiki okazaniya professional`noj yuridicheskoj pomoshhi grazhdanam, privle-kaemy`m k administrativnoj otvetstvennosti // Filosofiya prava : nauch.- teoretich. zhurn. Rostov-na-Donu. 2024. № 3(110). S. 72–78.
7. Kalyuzhny`j Yu. N. Cifrovy`e texnologii kak novy`e vozmozhnosti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya //Administrativnoe pravo i process", 2021, № 11. S. 52–54.
8. Zhbanova S. A., Shkelya O. V. Problemy` realizacii instituta ispolneniya posta-novlenij o nalozhenii administrativny`x nakazanij v oblasti bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya i puti ix preodoleniya // Obshhestvo i pravo. 2022. № 2 (80). S. 102–106.
9. Zhbanova S. A. Vzaimodejstvie Gosavtoinspekcii s uchastkovy`mi upolnomochen-ny`mi policii v prinyatii mer po preduprezhdeniyu dorozhno-transportny`x proisshe-stvij na obsluzhivaemoj territorii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 3(92). S. 39–46.

Информация об авторах

Светлана Александровна Жбанова. Заместитель начальника кафедры организации деятельности Госавтоинспекции, кандидат экономических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сергей Николаевич Шаклеин. Начальник управления Госавтоинспекции УМВД России по Магаданской области.
УМВД России по Магаданской области.
685000, Россия, г. Магадан, ул. Гагарина, 39/21.

Information about the authors

Svetlana Al. Zhbanova. Deputy Head of the Department of Organization of traffic police activities. Candidate of Economic Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Sergey N. Shaklein. Head of the Department of the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan region.
The Ministry of Internal Affairs of Russia in the Magadan region.
685000, Russia, Magadan, Gagarina Str., 39/21

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.951

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОТИВОПРАВНЫХ ДЕЛИКТОВ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Капустина Елена Геннадьевна
Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова

elenka.kapustina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию инновационных форм и методов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних, рекомендуемых автором для использования различными государственными органами, подразделениями полиции, а также общественными организациями. Обращается внимание на причины и условия, способствующие совершению правонарушений несовершеннолетними. Делается акцент на совместные профилактические мероприятия полиции с органами власти, образования и общественностью. Отмечается, что возможности использования разнообразных, в том числе креативных форм профилактики способны снизить уровень подростковой деликтности и повысить их правосознание и воспитанность. Формулируется вывод, что качественные изменения в применении инновационных форм пропаганды позволят улучшить работу всех субъектов профилактики по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетние, формы и методы, профилактическая работа, воспитание молодёжи, способы воздействия, противоправные деликты.

Для цитирования: Капустина Е. Г. Отдельные аспекты профилактики современных противоправных деликтов среди несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 91–99.

SELECTED ASPECTS OF THE PREVENTION OF MODERN ILLEGAL OFFENSES AMONG MINORS

Elena G. Kapustina
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

elenka.kapustina@rambler.ru

Annotation. The article is devoted to the study of innovative forms and methods of prevention of juvenile delinquency, recommended by the author for use by various state bodies, police departments, as well as public organisations. Attention is drawn to the causes and conditions contributing to the commission of offences by minors. Emphasis is placed on joint preventive activities of the police with the authorities, education and the public. It is noted that the possibility of using various, including creative, forms of prevention can reduce the level of juvenile delinquency and increase their legal awareness and education. The conclusion is formulated that qualitative changes in the use of innovative forms of propaganda will improve the work of all subjects of prevention to prevent juvenile delinquency.

Keywords: juveniles, forms and methods, preventive work, education of young people, ways of influence, unlawful torts.

For citation: Elena G. Kapustina Selected aspects of the prevention of modern illegal offenses among minors // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 91–99.

СЕГОДНЯ ДЕТИ – ЗАВТРА НАРОД! – известная фраза советского и российского кинорежиссёра, актёра Никиты Сергеевича Михалкова как никогда сегодня глубока, актуальна и заставляет задуматься о формах воспитания подрастающего поколения на многие века вперёд. В современных условиях переписывания истории и изменения традиционных ценностей, цифровых технологий и вседозволенности, глобализации и миграционных процессов, наркопреступности и экстремизма, стремления к преобладанию материального над духовным, буллинга и агрессии среди несовершеннолетних основная задача, стоящая перед органами государственной власти, – это воспитание и обучение подрастающего поколения. Ещё Карамзин Н. М. отмечал, «…что в письменных источниках XVII века, рассказывавших о прошлом Руси, есть фактологические несоответствия и очевидные противоречия, которые при внимательном анализе письменных свидетельств нетрудно установить» [1, с. 91].

«А тенденция к переписыванию истории, к уравниванию преступников, объявленных таковыми Нюрнбергским трибуналом, и освободителей Европы, достаточно давно происходит в Прибалтике, в Польше и в ряде других стран Европейского Союза. Это проблема, с которой необходимо очень жёстко бороться», – заявил Министр иностранных дел Российской Федерации Лавров С. В.

Учитывая стратегические приоритеты государства, основное внимание следует уделять профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, которая возлагается на государственные органы и учреждения.

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) выступает одним из субъектов профилактики правонарушений и руководствуется в данной сфере общественных отношений Федеральным законом Российской Федерации от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[1], приказом МВД России от 15.10.2013 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации»[2], приказом МВД РФ от 24.08.2023 № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений»[3], согласно которым подразделения органов внутренних дел участвуют в профилактике правонарушений в пределах своей компетенции. Согласно п. 1.4.7 приказа МВД России № 619 одним из направлений профилактики является предупреждение и пресечение безнадзорности, беспризорности и антиобщественных действий среди несовершеннолетних.

На коллегии МВД России 5 марта текущего года Президент Российской Федерации Путин В. В. отметил: «…благодаря совместным усилиям органов власти, системы образования, организаций гражданского общества и, конечно, профилактической работе органов МВД сокращается уровень подростковой

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ от 24 августа 2023 г. № 619. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

преступности – за последние десять лет этот показатель снизился более чем вдвое. Это результат целенаправленной работы на этом направлении» [2].

Прежде чем рассматривать формы и методы профилактической работы, следует проанализировать причины и условия, им способствующие. Нельзя не согласиться с Джанибековой Н. А., которая в своей публикации пишет о том, что «…характеристика несовершеннолетних правонарушителей во многом обусловлена особенностями подросткового возраста, с которыми связаны определённые биологические, психологические и психические изменения в сознании личности. Переход опекаемого взрослыми детства к самостоятельности, смена привычного школьного обучения на другие виды социальной деятельности, а также гормональная перестройка организма делают подростка более уязвимым и податливым к отрицательным влияниям среды» [3, с. 88].

По статистике, самыми распространёнными правонарушениями, совершаемыми несовершеннолетними лицами, сегодня являются: нахождение в состоянии опьянения несовершеннолетних; потребление (распитие) ими алкогольной и спиртосодержащей продукции либо потребление ими наркотических средств или психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ; мелкое хищение; мелкое хулиганство; нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака, потребления никотинсодержащей продукции или использования кальянов, курение «вейпов», электронных сигарет, систем нагревания табака (типа IQOS); потребление безалкогольных тонизирующих напитков (в том числе энергетических).

Следует отметить, что всё большую «популярность» приобретает стрельба из оружия в неотведённых для этого местах, а также вооружённые нападения в образовательных организациях как уголовно наказуемое деяние, влекущее смерть, экстремистские акции – все эти факты, к сожалению, не единичные и говорят о том, что работа, в том числе в сфере профилактики, должна строиться эффективнее с применением инновационных способов и средств.

Каждое из названных деликтов имеет причины и условия, способствующие криминальному поведению несовершеннолетних, и требует детального исследования. Среди факторов, влияющих на противоправность поведения подростков, можно выделить: непонимание и занятость родителей, неблагополучие в семье, безразличие учителей; желание привлечь к себе внимание, казаться взрослым; негативное влияние сверстников, буллинг; бравада, стремление повысить свой авторитет в глазах сверстников; негативное влияние интернета, социальных сетей и мессенджеров на сознание подростка. Одним из наиболее эффективных способов воздействия на детей и подростков остаётся активная пропаганда, формирование устойчивых правомерных знаний, умений и навыков. Необходимо воспитывать и образовывать детей и подростков. Здесь ключевая роль принадлежит родителям и учителям, а также сотрудникам полиции нужно работать с целевыми аудиториями, необходимо активизировать деятельность всех государственных и правоохранительных органов по профилактике безнадзорности, формированию менталитета подрастающего поколения [5, с. 162].

Сегодня профилактическое мероприятие должно представлять собой систему (а не разовую акцию) взаимодействия сотрудников полиции с представителями государственной власти, СМИ, общественными организациями, коммерческими структурами, представителями различных этнических и религиозных групп, волонтёрами, нацеленную на достижение конкретных результатов снижения количества правонарушений среди несовершеннолетних. Поэтому при проведении профилактического мероприятия важное значение имеет разъяснение его целей и задач именно на подготовительном этапе, вовлечение в него тематически заинтересованных

профессиональных должностных лиц, которые дадут нужный пропагандистский эффект. При этом пропаганда должна включать в себя: просветительскую работу, распространение и освещение информации, позволяющей несовершеннолетним достичь базового уровня знаний в сфере экстремистской деятельности; предоставление данных, имеющих информационный и рекомендательный характер; демонстрация примеров должного и правомерного поведения [6, с. 8].

Акцентировать внимание необходимо на применении специализированных тематических фильмов, роликов, презентаций, выставок, мастер-классов, кластеров, обучающих вебинаров, тренингов, интеллектуальных игр по пропаганде здорового образа жизни, недопущении табакокурения, употребления алкогольной продукции и наркотических веществ, позволяющих эффективно (визуально) воспринимать доводимую информацию и в дальнейшем руководствоваться ею в жизнедеятельности. Помимо сотрудников полиции и специалистов системы образования, должны быть задействоваться врачи, социальные работники, представители администраций, политических партий, общественности, артисты, медийные персоны, журналисты средств массовой информации, блогеры, а также участники специальной военной операции, военнослужащие.

В настоящее время на воспитание подрастающего поколения делается упор и возлагаются большие надежды, выделяются огромные финансовые средств для реализации федеральных проектов, вместе с тем требуется качественная высококвалифицированная работа самих субъектов профилактики, чтобы вывести эту работу на новый уровень. «Россия продолжит развивать суверенную систему образования от школы до вузов. Через воспитание молодёжи сохраняется связь поколений, историческое единство нашей страны. Тем самым формируется прочная основа не только национальной безопасности, технологической, экономической независимости и самодостаточности, но и духовного, ценностного суверенитета», – подчеркнул Президент Российской Федерации Путин В. В. [7]. Поэтому для эффективной профилактики необходимо создавать новые федеральные проекты и осуществлять системные социальные кампании, исходя из потребностей и интересов государства и самих подростков. Следует отметить, что для полноценной профилактики правонарушений несовершеннолетних необходимо использовать разнообразные формы её осуществления. Акцент на этом делал и глава государства, который отметил, «…что нельзя действовать по шаблонам. Нужно видеть проблемы, сложности каждого молодого человека». Президент Российской Федерации Путин В. В. заявил о необходимости формирования единой государственной системы социального сопровождения подростков, склонных к правонарушениям [8]. Об этом пишет в своей публикации Вагайцев В. М., который выделяет оказание социальной, психологической, педагогической и иной помощи несовершеннолетним и их родителям социально-реабилитационными центрами и приютами, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, органами опеки и попечительства, органами по делам молодежи. Например, органы и учреждения культуры, туризма и спорта привлекают несовершеннолетних к занятиям в технических, художественных, спортивных клубах [9, с. 161], это можно практиковать и с трудными подростками и с детьми из неблагополучных семей.

Одной из эффективных форм является проведение тематических крэш-курсов, посвящённых реальным событиям, происходящим с несовершеннолетними. Цель проекта – через эмоциональное восприятие изменить мировоззрение детей и подростков. К проведению тематического креш-курса могут привлекаться сотрудники различных служб (МВД, МЧС, Здравоохранения, СМИ). В ходе проведения таких акций акценты расставляются на безоговорочном соблюдении норм права, недопустимости употребления алкоголя и наркотиков вреде вейпов и энергетиков.

Положительным моментом подобных проектов является, прежде всего, вовлечение большой группы несовершеннолетних и доведение информации от профессиональных лиц и самих участников таковых событий. Примером может служить проект «Безопасность информационного пространства».

Следующей формой профилактики правонарушений может выступать организация экскурсий в наркодиспансеры, специализированные больницы, боксы, на площадки, выставки, демонстрирующие негативные последствия алкоголя, наркотиков и других психоактивных веществ на организм человека.

Совместные мероприятия и акции полиции в лице подразделений по делам несовершеннолетних (далее – ПДН), участковых уполномоченных полиции, сотрудников Госавтоинспекции с настоятелями православных церквей и мусульманских мечетей позволят приобщить несовершеннолетних к духовным ценностям, развитию гуманности, сострадания и терпимости к другим людям; к оказанию помощи малоимущим, больным, бездомным людям, к посильной работе при храмах и мечетях. Нельзя не брать во внимание волонтёров, студентов и участников молодёжных движений, которые проводят наглядную агитацию и вовлекают в свои ряды сверстников и друзей через социальные сети и мобильные приложения. Благодатной почвой является участие в профилактике членов Общественных советов при МВД, ГУМВД, УМВД России в субъектах Российской Федерации, а также ветеранов органов внутренних дел, тех людей, которые имеют большой житейский и профессиональный опыт. Сотрудникам подразделений по делам несовершеннолетних, Госавтоинспекции, оперуполномоченным, участковым уполномоченным полиции следует организовывать «Родительские патрули» для патрулирования улиц в городах и населённых пунктах, выявляя несовершеннолетних правонарушителей. В праздничные дни (знаменательные даты) можно проводить мероприятия с участием представителей (владельцев) стрелковых клубов, секций, общественных объединений, администраторов и активных пользователей интернет-сайтов, мобильных приложений, поисковых отрядов.

Сегодня как никогда необходима гуманитарная помощь военнослужащим, бойцам специальной военной операции и их семьям, поэтому можно привлекать несовершеннолетних, состоящих на учёте в ПДН, трудных подростков, детей из неблагополучных семей к содействию волонтёрам и неравнодушным гражданам. Эта помощь может выражаться в изготовлении маскировочных сеток, свечей, написании писем «открыток солдату» и будет способствовать предотвращению совершения ими новых правонарушений и формирования патриотизма на примере героических поступков защитников Отечества. Как пишет Дорошенко О. М. «…Патриотизм выступал и выступает главным объединяющим фактором… гармонично сочетает национальные идеалы, преданность служению Родины. Любое воспитание, в том числе и патриотическое, должно опираться на национальные традиции, наилучшие духовные и культурные достижения народа. Нужно уметь затронуть струны души детей таким образом, чтобы у них осталось глубокое переживание, связанное с Родиной [11, с. 405] и здесь огромная ответственность возлагается на педагогов.

Одной из эффективных форм профилактики является размещение на телевизорах, дисплеях, в общественном транспорте, на фасадах зданий, в многофункциональных центрах, социальных объектах культуры и здравоохранения информации, демонстрирующей ответственность за нарушение закона, последствия для здоровья после употребления алкоголя, наркотиков, табакокурения, вейпов, кальянов.

Отдельного внимания заслуживают проекты просветительской направленности, которые положительно себя зарекомендовали, такие как общество «Знание», «Университетские смены», фонды «Талант и успех», «Семья», «Кадры», «Молодёжь

России», федеральная территория «Сириус», построение цифровой образовательной среды «Сферум», куда активно привлекаются молодые люди.

Огромным успехом пользуется Лига безопасного интернета (далее – ЛБИ) – организация, которая была создана после трагических событий в Крокус-сити в марте 2024 года. Её цель – защищать от опасного интернет-контента подрастающее поколение, где публикуются памятки о том, как распознать фейковую информацию и не стать участником противоправных деликтов. Одной из действенных форм ЛБИ является сбор сведений о противоправных действиях тех или иных криминогенных лиц, распространяющих информацию о точках сбыта наркотиков, о распространении детской порнографии и вовлечении детей в неё, гей-пропаганде, призывов к сепаратизму, поджогов военкоматов и военных частей Российской Федерации, неправомерности деятельности блогеров, рэперов, стендаперов и стримеров, призывов к самоубийству, совершению опасных иных для жизни действий, игре в казино, склонению к проституции, жестокому обращению с животными и многое другое, что в дальнейшем позволяет предупреждать преступления и правонарушения и привлекать виновных к ответственности. ЛБИ совместно с МВД России, МЧС и Национальным центром помощи детям в январе 2024 года была организован Всероссийский онлайн-урок безопасного интернета, где задействовано 169 тыс. человек.

Нельзя не сказать о модном сегодня движении квадроберов – подражание животным, наибольшую популярность получившем весной 2024 года. Квадробинг ведёт к деградации личности, зависимости от интернет-группы, ребёнок становится управляемым, общается только с себе подобными, не разговаривает, а издаёт звуки животных, носит маску, делает трюки и выкладывает видео, соревнуется, участвует в квестах, акциях, часто опасных для жизни и здоровья. К сожалению, имеют место такие случаи, как нападение квадроберов на людей с лезвием, ассоциирующимся с когтями животного. Здесь важно администрациям образовательных организаций проводить обучающие семинары с родителями и с педагогами, чтобы научить их правильной реакции на подобное поведение несовершеннолетних и инновационным формам профилактики среди детей, увлекающихся подобной субкультурой. Важно проводить предупреждающие беседы, классные часы, родительские собрания, дискуссии, диспуты, освещающие историю субкультуры, её традиции, приглашать психологов, социологов и иных узких специалистов.

Одним из действенных инструментов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних является, на наш взгляд, создание единой информационной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, которая будет представлять отдельную базу данных, содержащую в себе статистическую информацию о несовершеннолетнем: сведения, характеризующие личность несовершеннолетнего, допущенные им нарушения законодательства, приводы, доставления, факты употребления алкогольной и наркотической продукции, самовольных уходов детей, неблагополучия, безнадзорности и беспризорности, насилия, допускаемого как несовершеннолетними, так и в отношении них, информация об обучении, занятости и досуге, вовлечении в деструктивные группы, криминальные социальные сети и многое другое; а также в отношении родителей, состоящих на учёте в правоохранительных органах, органах опеки и попечительства, здравоохранения, иных специализированных организациях, родителей, допускающих факты насилия (или попустительства), жестокого обращения в отношении детей, меры социальной поддержки, оказываемые государством, состояние жилых помещений и условия жизнедеятельности, характеристика семьи, её статус и т. д. Подобная информационная система должна быть доступна органам системы профилактики согласно Федеральному закону РФ № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений

несовершеннолетних»[1] и позволит надзорным органам контролировать как работу самих субъектов профилактики, так и несовершеннолетних и их семьи, входящих в группы риска. Таким образом, можно сделать вывод, что форм профилактики противоправных деликтов и воспитания несовершеннолетних огромное множество, необходимо только неравнодушие и заинтересованность не только подразделений полиции, но и государственных органов, коммерческих структур и общественности.

Для совершенствования системы профилактики и воспитания несовершеннолетних правонарушителей необходимо:

– осуществлять квалифицированный подбор кадров во всех государственных органах и организациях, занимающихся обучением, воспитанием, социализацией и защитой прав и интересов несовершеннолетних, а также их систематическое повышение квалификации и переподготовка в соответствии с новыми вызовами и потребностями общества;

– проводить активную и систематическую правовую агитацию в образовательных организациях с участием специалистов конкретной отрасли;

– работать с целевыми аудиториями в том числе через сеть Интернет, аккаунты, мессенджеры и медиаплатформы;

– формировать тренд на осознанное, правовое поведение детей и подростков;

– мотивировать сотрудников полиции и иных должностных лиц к актуализации использования креативных форм профилактической работы с несовершеннолетними;

– создать единую информационную систему профилактики правонарушений несовершеннолетних, которая позволит комплексно владеть информацией, направленной на раннюю профилактику и предупреждение противоправных деликтов.

Только благодаря совместным усилиям органов власти, системы образования, организаций гражданского общества и, конечно, полиции воспитанность и правосознание несовершеннолетних будут расти, а уровень подростковой деликтности сокращаться, но для этого нужны высококвалифицированные кадры с творческим подходом к профилактической работе среди несовершеннолетних.

1. Прохорова И. Е. «Наука жить» в письмах Н. М. Карамзина и П. А. Вяземского 1821 г. // Новый филологический вестник. 2019. № 1(48). С. 82–95.
2. http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения 05.03.2025).
3. Джанибекова Н. А. Особенности подросткового возраста и их влияние на правонарушения несовершеннолетних // Молодой ученый. 2013. № 7(54). С. 358.
4. Кузминова Е. Ю., Никонов Л. А. Проблемные аспекты системы профилактики правонарушений несовершеннолетних и пути их решения В сборнике: Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов // Сборник научных трудов. Под общей редакцией Сусловой Г.Н., Тверь, 2023. С. 137–141.
5. Капустина Е. Г. Модернизация средств административно-правового предупреждения и пресечения правонарушений, совершаемых несовершеннолетними// Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 162–164.
6. Ахтанина Н. А. Молодёжный экстремизм: современные тенденции и противодействие. В сборнике статей «Социально-экономические, философско-

[1] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

этические, религиозные и психологические аспекты противодействия экстремизму: актуальные проблемы государственно-правового строительства». Орёл. 2024. С. 7–10.
7. Президент обозначил главные приоритеты воспитания и образования российской молодежи [Электронный ресурс]. URL:https://rg.ru/2023/03/02/urok-dlinoiu-v-god.html (дата обращения 05.02.2025).
8. Выступление В. В. Путина за создание единой системы для подростков, склонных к преступлениям [Электронный ресурс]. URL: URL: https://tass.ru/obschestvo/13740213 (дата обращения 06.03.2025).
9. Вагайцев В. М. Система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 160–164.
10. Гамзина А. В. Целесообразность создания всероссийской детско-юношеской массовой организации как фактора профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Сборник научных статей по итогам работы международного круглого стола. 28 февраля 2019 г. Часть 2. Шахты: ООО «Конверт», 2019. 208 с.
11. Дорошенко О. М. Гражданско-патриотическое воспитание как профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии, под редакцией Коврова В.В. 2019. С. 403–406.

1. Proxorova I. E. «Nauka zhit`» v pis`max N.M. Karamzina i P.A. Vyazemskogo 1821 g. // Novy`j filologicheskij vestnik. 2019. № 1(48). S. 82–95.
2. http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (data obrashheniya 05.03.2025)
3. Dzhanibekova N. A. Osobennosti podrostkovogo vozrasta i ix vliyanie na pravonarusheniya nesovershennoletnix // Molodoj ucheny`j. 2013. № 7(54). S. 358.
4. Kuzminova E. Yu., Nikonov L. A. Problemny`e aspekty` sistemy` profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnix i puti ix resheniya V sbornike: Obespechenie prav cheloveka v deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov // Sbornik nauchny`x trudov. Pod obshhej redakciej Suslovoj G.N., Tver`, 2023. S. 137–141.
5. Kapustina E. G. Modernizaciya sredstv administrativno-pravovogo preduprezhdeniya i presecheniya pravonarushenij, sovershaemy`x nesovershennoletnimi// Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2020. № 1. S. 162–164.
6. Axtanina N. A. Molodyozhny`j e`kstremizm: sovremenny`e tendencii i protivodejstvie. V sbornike statej «Social`no-e`konomicheskie, filosofsko-e`ticheskie, religiozny`e i psixologicheskie aspekty` protivodejstviya e`kstremizmu: aktual`ny`e problemy` gosudarstvenno-pravovogo stroitel`stva». Oryol. 2024. S. 7–10.
7. Prezident oboznachil glavny`e prioritety` vospitaniya i obrazovaniya rossijskoj molodezhi [E`lektronny`j resurs]. URL:https://rg.ru/2023/03/02/urok-dlinoiu-v-god.html (data obrashheniya 05.02.2025g.)
8. Vy`stuplenie V.V. Putina za sozdanie edinoj sistemy` dlya podrostkov, sklonny`x k prestupleniyam [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tass.ru/obschestvo/13740213 (data obrashheniya 06.03.2025g.)
9. Vagajcev V. M. Sistema profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnix na sovremennom e`tape // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2021. № 4. S. 160–164
10. Gamzina A. V. Celesoobraznost` sozdaniya vserossijskoj detsko-yunosheskoj massovoj organizacii kak faktora profilaktiki pravonarushenij sredi nesovershennoletnix // Sbornik nauchny`x statej po itogam raboty` mezhdunarodnogo kruglogo stola. 28 fevralya 2019 g. Chast` 2. Shaxty`: OOO «Konvert», 2019. 208 s.

11. Doroshenko O. M. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie kak profilaktika beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnix // Sbornik statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhaetsya 75-letiyu Gumanitarno-pedagogicheskoj akademii, pod redakciej Kovrova V.V. 2019. S. 403–406.

Информация об авторе

Елена Геннадьевна Капустина. Доцент кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат педагогических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Elena G. Kapustina. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 01.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 351.81

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ ПЕШЕХОДОВ – УЧАСТНИКОВ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Копыл Дмитрий Владимирович[1], Ноговицина Елена Николаевна[2]
[1]Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия
[2]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]kopyl.kumvd@mail.ru
[2]nen1957@yandex.ru

Аннотация. В статье авторами проводится анализ государственной политики в сфере обеспечения безопасности дорожного движения; рассматриваются актуальные подходы и методы для поиска и реализации новейших средств воздействия для сокращения количества дорожно-транспортных происшествий, в том числе уменьшения детского дорожно-транспортного травматизма и происшествий с уязвимыми участниками дорожного движения. Кроме того, акцентируется внимание на разработке новых, дополнительных и эффективных способов для проведения профилактической работы и пропаганды посредством уже имеющегося арсенала средств.

Ключевые слова: дорожно-транспортные происшествия, детский дорожно-транспортный травматизм, уязвимые участники дорожного движения, профилактическая работа.

Для цитирования: Копыл Д. В., Ноговицина Е. Н. Актуальные проблемы безопасности детей и взрослых пешеходов – участников дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 100–109.

CURRENT PROBLEMS OF SAFETY FOR CHILDREN AND ADULT PEDESTRIANS IN THE ROAD TRAFFIC

Dmitry V. Kopyl[1], Elena N. Nogovitsina[2]
[1]Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia
[2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]kopyl.kumvd@mail.ru
[2]nen1957@yandex.ru

Annotation. In the article, the authors provide an analysis of state policy in the field of road safety, consider new approaches and methods for finding and implementing the latest means of influence to reduce the number of road accidents, including reducing child traffic injuries and accidents involving vulnerable road users. In addition, attention is focused on the development of new, additional and effective ways to carry out preventive work and propaganda through the existing arsenal of tools.

Keywords: traffic accidents, child traffic injuries, vulnerable road users, preventive work.

For citation: Kopyl D. V., Nogovitsina E. N. Current problems of safety for children and adult pedestrians in the road traffic // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute

of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 100–109.

Одной из остро стоящих проблем общества является профилактика дорожно-транспортного травматизма наиболее уязвимых участников дорожного движения, в особенности детей. Обучать детей правильному поведению на дорогах крайне важно с раннего возраста. В первую очередь именно родители и педагоги способны воспитать и вырастить грамотных и дисциплинированных участников дорожного движения. Несмотря на то что в Российской Федерации принимаются довольно серьёзные меры в области законодательного регулирования вопросов обеспечения безопасности дошкольников и школьников на проезжей части и тротуарах, к сожалению, практика показывает недостаточную осведомлённость первопричинами несчастных случаев на дорогах с участием детей, а также довольно низкий уровень охраны детского здоровья и жизни.

Чем раньше обучить ребёнка навыкам аккуратного поведения на дорогах, т. е. начиная с детского сада, тем выше шанс, что можно уменьшить тяжёлые последствия и риск попадания в ДТП в будущем. Безусловно, огромную роль играет и наглядный пример перед глазами ребёнка, т. е. безопасное поведение на дорогах самим взрослым, который является авторитетом для ребёнка. Учитывая широкое использование слова «уязвимость» и связанных с ним слов, таких как адаптация и устойчивость во многих исследованиях, следует ответить на вопрос: «Что такое уязвимость?».

Как объясняют многие исследователи, слово «уязвимость» происходит от латинского *«vulnerare»*, что означает ранить. Данное суждение объясняет, почему термин «уязвимость» обычно используется для обозначения возможности быть раненым. По сути, это относится к хрупкости существ и вещей. Оценка уязвимости и реагирование на неё учитывают подверженность воздействию, восприимчивость, устойчивость и решения. Упоминание о незащищённых участниках дорожного движения, которых позже стали обычно называть уязвимыми участниками дорожного движения, впервые появилось в литературе в 1950-х годах.

Концепция продолжала использоваться и уточняться в 1960-х, 1970-х и 1980-х годах по мере продолжения исследований аварий между транспортным средством (далее – ТС) и пешеходом с упором на конструкцию перевозочного средства для пешеходов. Хотя концепция используется всё чаще, многие учёные утверждали, что уязвимым участникам дорожного движения уделялось меньше внимания в исследованиях. Использование данной концепции с годами расширилось и широко используется в публикациях, на конференциях, в программах и политике. Широко признано, что уязвимые участники дорожного движения составляют непропорционально большую долю людей, погибших и травмированных от дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), на национальном и международном уровнях.

Но что подразумевается под термином «уязвимые участники дорожного движения»? В литературе они определяются как участники дорожного движения вне автомобиля; лица, наиболее подверженные риску в ходе дорожного движения; и те, кто не защищён внешним щитом [1, с. 207]. Уязвимые участники дорожного движения, которых в литературе обычно называют пешеходами, велосипедистами и мотоциклистами.

Что касается демографических характеристик и возможностей, утверждается, что некоторые группы пешеходов и велосипедистов более уязвимы, чем другие. Обычно выделяют три группы: дети, люди с ограниченными возможностями (особенно

те, кто пользуется креслами-каталками) и пожилые люди. Зачастую участники дорожного движения пренебрегают элементарными нормами к собственной безопасности и, конечно, требованиями правил дорожного движения: находятся на проезжей части в состоянии опьянения, не обозначают себя светоотражающими элементами или переходят дорогу в неустановленном для этого месте. Поздним вечером или ночью водителю крайне сложно заметить такого человека на дороге и вовремя среагировать.

Логичный вопрос из предыдущего описания заключается в том, существует ли всеобъемлющая теория или концептуальная модель уязвимых участников дорожного движения и уязвимости в исследованиях транспорта. В литературе очевидны различные теоретические аспекты уязвимых участников дорожного движения.

Например, взаимосвязь между скоростью столкновения и тяжестью травматизма пешехода была тщательно изучена, пересмотрена и уточнена. Исследования 1990-х годов, которые широко цитировались, показали, что у пешеходов было 90 % шансов выжить в автокатастрофах на скорости 30 км/ч или ниже, но менее 50 % шансов выжить при столкновениях на скорости 45 км/ч. Через некоторое время после исправления ошибок выборки и статистического анализа в предыдущих исследованиях учёные обнаружили, что взрослый пешеход имеет примерно 20 %-ный риск смерти при наезде автомобиля на скорости 60 км/ч[1].

Научные усилия по пониманию и сокращению числа аварий продолжают расширяться, особенно в областях уязвимых групп участников дорожного движения. Три группы, которым уделяется всё большее внимание в литературе, – это молодые водители, мотоциклисты и водители старшего возраста [2, с. 46]. Данные группы подвергаются повышенному риску попасть в аварию или получить серьёзные травмы, и исследования по-прежнему сосредоточены на источниках такого риска, а также на разработке соответствующих контрмер для улучшения результатов вождения для вышеперечисленных групп. Однако в настоящее время остаётся неясным, какие факторы вносят наибольший вклад в риск дорожно-транспортной аварийности (далее – ДТА) или какие контрмеры, вероятно, окажут наибольшее долгосрочное положительное воздействие на дорожную безопасность.

Кроме того, к наиболее уязвимой группе участников дорожного движения относятся дети, пожилые люди, лица с мышечной дистрофией, лица с временными или постоянными психическими и/или физическими нарушениями, лица, несущие груз, беременные женщины, лица, находящиеся под воздействием наркотиков или алкоголя, лица, находящиеся в состоянии стресса [3, с. 48].

Уязвимая группа – это та часть участников дорожного движения, которые не могут самостоятельно пользоваться дорожной инфраструктурой; сталкиваются с трудностями доступа к различной дорожной инфраструктуре; испытывают физический и психический стресс при использовании дорожной инфраструктуры; получают прямые и косвенные травмы при использовании дорожной инфраструктуры. Проблема обеспечения благоприятной среды для всех участников дорожного движения вызывает огромные разногласия в Федеральном законе Российской Федерации «О безопасности дорожного движения», принятом Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации от 15.11.1995[2]. Этот правовой акт обусловлен необходимостью защиты жизни, здоровья и имущества граждан, защиты их

[1] Как скорость влияет на ДТП с пешеходами и не только [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/kak_skorost_vliyaet_na_dtp_s_peshekhodami_i_ne_tolko_8723207 (дата обращения: 23.02.2025)

[2] О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прав и законных интересов, а также защиты интересов общества и государства путём сведения к минимуму дорожно-транспортных происшествий и их последствий.

Предотвращение ДТП и травм среди уязвимых групп населения является приоритетной областью для рассмотрения, которая требует внимания политиков/планировщиков и проектировщиков; поскольку данный аспект важен не только с точки зрения здравоохранения, социальной сферы и транспорта, но и имеет первостепенное значение для обеспечения безопасной мобильности детей, в том числе с ограниченными возможностями[1]. Изучение факторов, определяющих решения детей-пешеходов о переходе дороги в опасных ситуациях, приводит к возникновению конфликта между моторизованными/немоторизованными средствами передвижения и пешеходом, является обычным явлением и проявляется в серии аварий/смертей школьников на дорогах. Данная ситуация имеет место не только на основных дорогах, но и на магистралях.

В литературе указывается, что это результат сниженного восприятия ими опасности, поскольку они не способны оценивать скорость автомобиля при переходе улицы, а также результат неиспользования пешеходного перехода, игр на улицах, где проезжают машины, незнания обязанностей пешеходов, физической и умственной незрелости для соблюдения правил дорожного движения, а также чувства соперничества и скорости, характерных для этой возрастной группы. Кроме того, в городах существует конфликт между ТС и пешеходами в сочетании с отсутствием уважения к пешеходам со стороны водителей автомототранспорта.

«Доступность и мобильность для всех» могут быть достигнуты при надлежащем размещении стандартных, недвусмысленных дорожных знаков и светофоров на дорогах, средств для ограничения движения вблизи школьных территорий и благоустроенных дорожных переходов. Использование надлежащего цвета и контрастности дорожного покрытия. Стратегические изменения в существующей системе помогли бы разработать более совершенную систему для будущего. Требуются устойчивые, совместные и концентрированные усилия. В противном случае некогда считавшиеся благом технологии, ставшие сегодня необходимостью, превратятся в злоупотребление и могут привести к невыносимым человеческим потерям в виде инвалидности и смерти в результате дорожного инцидента [4, с. 39].

В условиях современной действительности при глобальной оценке безопасности дорожного движения Всемирная организация здравоохранения напоминает участникам дорожного движения, что половина из миллиона смертельных случаев, ежегодно происходящих на дорогах мира, касается уязвимых участников дорожного движения, при этом дети и пожилые люди чрезмерно представлены среди жертв[2]. «Уязвимый участник дорожного движения» – это термин, применяемый к тем, кто подвергается наибольшему риску в дорожном движении, то есть к тем, кто не защищён внешним щитом. Соответственно, пешеходы, велосипедисты на педалях и мотоциклисты считаются уязвимыми, поскольку они практически не имеют внешних защитных устройств, которые образовывали бы барьер при столкновении. Кроме того, вышеуказанные участники дорожного движения почти без исключения являются слабой стороной в ДТП.

---

[1] Формирование безопасного поведения на дорогах у обучающихся [Электронный ресурс] http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/14655/2/2020azyasevaaa.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

[2] Нарушение скоростного режима является ключевым фактором риска смертности и травматизма на дорогах [Электронный ресурс]. URL:https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_po_obespecheniju_bezo/Publikacii_i_vistuplenija/item/10197964 (дата обращения: 26.02.2025).

Способы решения проблемы участников безопасности дорожного движения (далее – БДД) касаются всех участников дорожного движения и, как ожидается, приведут к значительному улучшению их общей безопасности. Основными проблемами, которые подрывают безопасность в сфере дорожного движения, выступают основанные на реалиях фактические данные: скорость и видимость. Скорость играет ключевую роль в обеспечении БДД, поскольку увеличивает как риск, так и тяжесть аварии. При столкновении с автомобилем на скорости 45 км /ч выживают менее 50 % пешеходов или велосипедистов. При скорости 30 км/ ч выживают более 90 %. Усилия по снижению превышения скорости включают установление и обеспечение соблюдения скоростного режима, а также инженерные меры по успокоению дорожного движения (лежачие полицейские, перекрёстки с круговым движением) [5, с. 957].

Снижение скоростного режима в густонаселённых районах, вероятно, является наиболее эффективным и доступным средством предотвращения несчастного случая как в регионах с высоким, так и с низким уровнем дохода. Систематический обзор контролируемых исследований «до / после» показал, что инженерные меры по снижению смертности и травматизма в результате аварий могут потенциально способствовать снижению смертности и травматизма в результате ДТА, но их влияние на развивающиеся регионы всё ещё нуждается в дальнейшей оценке.

Видимость (достаточный диапазон беспрепятственного обзора) и заметность (чёткая различимость) имеют основополагающее значение для предотвращения происшествий. Одной из основных ошибок водителей, приводящих к столкновениям, является позднее обнаружение других участников дорожного движения. В Российской Федерации более 50 % всех смертельных столкновений ТС с пешеходами происходит ночью.

Систематический анализ базы данных системы отчётности по анализу смертности в России показывает, что смертность пешеходов увеличивается по мере уменьшения освещённости, даже когда другие факторы остаются постоянными. Данные систематических обзоров [6, с. 35] указывают на то, что уличное освещение может предотвращать дорожные происшествия, травмы и смертельные исходы для всех участников дорожного движения. Однако по-прежнему необходимы дальнейшие, хорошо продуманные исследования для определения эффективности уличного освещения в развивающихся регионах. Средства заметности (фонари, мигалки, световозвращающие материалы) также потенциально могут улучшить обнаружение и распознавание и заслуживают дальнейшего развития, чтобы завоевать общественное признание, особенно со стороны велосипедистов и пешеходов, путешествующих в сельской местности без дорожных фонарей и в городских районах с плохим освещением.

Что касается моторизованных двухколёсных средств передвижения, то наиболее эффективной защитой, которая может быть предложена, является шлем. Разрабатываются новые защитные устройства, такие как жилетные подушки безопасности, но их надёжность по-прежнему оставляет желать лучшего [7, с. 961]. Антиблокировочные тормозные системы и комбинированные тормозные системы (передние и задние тормоза приводятся в действие одним средством управления) оказались полезными в предотвращении значительного числа падений, но их широкое распространение сталкивается с финансовыми препятствиями.

Эффективные улучшения дорожного полотна, направленные на снижение риска для водителей моторизованных двухколёсных ТС, включают нанесение устойчивой к скольжению дорожной разметки, текущий ремонт дорог (незначительные дефекты могут представлять угрозу безопасности велосипедистов и мотоциклистов) и усилия по

созданию более щадящих условий на обочинах, такие как замена защитных барьеров на защитные барьеры, удобные для мотоциклов.

Модификации застроенной территории могут существенно снизить риск серьёзных травм среди пешеходов и велосипедистов, отделив их от автомобильного движения [8, с. 1154]. Согласно обзорам инженерных мероприятий, основанных на фактических данных, тротуары и островки-безопасности представляют интерес для защиты пешеходов от столкновений с автомобилями, в то время как велосипедные сооружения (например, велосипедные маршруты по бездорожью, велосипедные дорожки для бездорожья) связаны с наименьшим риском для велосипедистов.

Высокая стоимость изменения застроенной среды требует, чтобы велосипедные и пешеходные сооружения устанавливались в ограниченном количестве в местах, где наиболее вероятны столкновения, например: в центрах городов, между смежными кварталами и вдоль основных транспортных магистралей. Данные практики указывают на то, что обучение пешеходов безопасности может изменить наблюдаемое поведение при переходе дороги. Но снижает ли это риск травмирования пешеходов, пока неизвестно.

Специалисты в области обеспечения БДД указывают на наиболее распространённые опасные действия, допускаемые пешеходами:

- ✓ переход через проезжую часть вне пешеходного перехода при наличии в непосредственной близости подземного (надземного) пешеходного перехода;
- ✓ переход через проезжей часть в не предназначенном для этого месте (при наличии в зоне видимости перекрёстка);
- ✓ переход проезжей части в запрещённом месте (оборудованном пешеходными ограждениями);
- ✓ неподчинение сигналам регулирования;
- ✓ неожиданный для водителей выход из-за стоящего или движущегося ТС;
- ✓ неожиданный выход на проезжую часть из-за сооружений (деревьев);
- ✓ ходьба вдоль проезжей части;
- ✓ игра детей на проезжей части;
- ✓ нахождение на проезжей части без цели её перехода;
- ✓ появление пешехода дошкольного возраста без взрослого;
- ✓ пешеход в состоянии алкогольного или наркотического опьянения;
- ✓ ожидание маршрутного ТС на проезжей части [9, с. 310].

Однако образовательные программы, ориентированные на пешеходов, могут представлять интерес, особенно если они адаптированы с точки зрения культуры и доступны для широкой аудитории [10, с. 183]. Поскольку во многих авариях с участием пешеходов водитель, как сообщается, не видит пешехода до столкновения, им следует уделять особое внимание опасностям взаимодействия с дорожным движением и использованию средств обеспечения видимости, особенно ночью.

Таким образом, состояние безопасности на дорогах является самой серьёзной проблемой современности во всем мире. Общественности по-прежнему не хватает данных для оценки реальных масштабов бремени, и многое ещё предстоит сделать для изучения всех потенциальных решений.

Однако, как это часто бывает в сфере транспортной безопасности, успешным будет только комплексный подход, сочетающий пассивные и активные устройства с правилами, правоприменением и информационными общественными организациями в отношении как всех участников дорожного движения, так и наиболее уязвимых участников движения. Кроме того, мероприятия по профилактике травматизма должны преодолевать дополнительные проблемы, связанные со стоимостью, осуществимостью, устойчивостью и более высоким уровнем смешанного движения. Совершенствование

системы обеспечения безопасности на дорогах для детей и пешеходов требует комплексного подхода, который включает в себя как технические, так и организационные меры. Вот несколько рекомендаций:

1. Внедрение программ по обучению детей ПДД в школах и детских садах. Использование интерактивных методов, таких как игры и симуляции. Организация семинаров для родителей о важности соблюдения ПДД и безопасного поведения на дороге.

2. Обеспечение наличия безопасных пешеходных переходов с яркой разметкой и светофорами, а также установка умных светофоров, которые реагируют на движение пешеходов. Зоны безопасности: создать специальные зоны с ограничением скорости вблизи школ и детских учреждений, а также устанавливать знаки, предупреждающие водителей о приближении к таким зонам. Дороги и тротуары: регулярно проводить обследования состояния дорог и тротуаров, устранять ямы и другие препятствия, которые могут угрожать безопасности пешеходов.

3. Обозначение мест остановок: обозначить места остановок общественного транспорта для детей с особым вниманием к безопасности. Технические средства: обеспечить наличие современных систем безопасности в общественном транспорте, таких как видеонаблюдение и кнопки экстренной связи.

4. Ужесточение наказаний: рассмотреть возможность ужесточения наказаний для водителей, нарушающих ПДД вблизи учебных заведений. Контроль за соблюдением правил: увеличить количество патрулей и камер видеонаблюдения в зонах с высокой концентрацией пешеходов.

5. Вовлечение местных жителей: создать инициативные группы из числа родителей, учителей и жителей для мониторинга ситуации с безопасностью на дорогах и предложения улучшений. Обратная связь: открыть каналы для обратной связи от граждан по вопросам безопасности на дорогах, чтобы учитывать их мнения и предложения.

6. Использование мобильных приложений: разработать приложения для смартфонов, которые будут информировать пешеходов о состоянии дорог, наличии пешеходных переходов и других важных данных. Системы умного города: внедрять технологии умного города, такие как датчики движения, которые могут помочь в управлении потоком транспорта и в обеспечении безопасности пешеходов.

7. Анализ данных о ДТП: регулярно проводить анализ данных о ДТП с участием детей и пешеходов для выявления проблемных участков и разработки мер по их устранению. Оценка эффективности мер: проводить периодические оценки эффективности принятых мер по обеспечению безопасности на дорогах и корректировать их при необходимости. Эти рекомендации могут быть адаптированы в зависимости от конкретных условий и потребностей региона или города.

Система обеспечения безопасности дорожного движения является многоуровневым комплексом взаимосогласованных организационных, правовых, социально-экономических, контрольных и иных мер, реализуюемых уполномоченными на это государственными органами, а также иных действий общественных организаций, осуществляемых для предотвращения ДТП, повышения уровня защищённости участников дорожного движения от ДТП и их последствий. Дороги выступают в виде сложной динамической системы, которая включает в себя совокупность трёх элементов: «человек (водитель и пешеход)», «автомобиль», «дорога», функционирующих в определённой «среде».

При этом самыми незащищёнными участниками дорожного движения являются пешеходы, вследствие чего необходимо предусматривать реализацию различных мероприятий по снижению количества ДТП с их участием. Эффективность деятельности

государственных органов и иных субъектов обеспечения БДД зависит от формирования и реализации обновлённой государственной политики и идеологии, создания концепции, основанной на фундаментальных институтах социологии, философии, теории права, теории безопасности и государственного управления. Иными словами, необходимо основываться на синергетических принципах обеспечения безопасности дорожного движения во взаимосвязи современной теории и устоявшейся, апробированной практики.

1. Мамедов А.Ш.О., Тарасов А. Ю. Перспективы обеспечения безопасности уязвимых участников дорожного движения, мировой опыт // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 4–3 (62). С. 206–209.
2. Ульрих С. А. Аварийность с наиболее уязвимыми участниками дорожного движения // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2023. № 2(45). С. 192–195.
3. Николаева Р. В., Попова И. И. Повышение безопасности пешеходов // Техника и технология транспорта. 2021. № 4 (23). С.45-49.
4. Слободчикова Н. А., Плюта К. В. Безопасность пешеходных переходов // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2019. Т. 5. № 3. С. 91–99.
5. Ханин А. С. Обеспечение безопасности дорожного движения как основная задача государственной инспекции безопасности дорожного движения в правоохранительной деятельности // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. Сборник материалов XXVIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией С. С. Чернова. 2017. С. 37–42.
6. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 года. Информационно-аналитический обзор / К. С. Баканов, П. В. Ляхов, А. С. Айсанов [и др.]. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024, 41 с.
7. Потанин В. С. Безопасность на мотоцикле // Дни науки студентов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Сборник материалов научно-практических конференций. 2018. С. 953–961.
8. Котик Д. С. Проектирование автомобильных дорог как эффективное средство повышения безопасности дорожного движения // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В. Г. Шухова, посвященная 160-летию со дня рождения В. Г. Шухова. 2013. С. 1153–1156.
9. Косолапов А. В., Реветнев А. А., Андриянов А. Ю. Проблема сохранения аварийности пешеходов на фоне улучшения показателей безопасности дорожного движения: сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая». Кемерово, 2017. 310 с.
10. Кобзев А. В., Логинов О. Н. Обучение пешеходов в раннем возрасте правилам дорожного движения, как следствие предотвращения ДТП // Инновации технических решений в машиностроении и транспорте.сборник статей II Всероссийской научно-технической конференции для молодых ученых и студентов с международным участием. Пензенский государственный университет; Межотраслевой научно-информационный центр. 2016. С. 181–184.

1. Mamedov A.Sh.O., Tarasov A. Yu. Perspektivy` obespecheniya bezopasnosti uyazvimy`x uchastnikov dorozhnogo dvizheniya, mirovoj opy`t // Evrazijskoe Nauchnoe Ob``edinenie. 2020. № 4–3 (62). S. 206–209.

2. Ul`rix S. A. Avarijnost` s naibolee uyazvimy`mi uchastnikami dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Barnaul`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. № 2(45). S. 192–195.
3. Nikolaeva R. V., Popova I. I. Povy`shenie bezopasnosti peshexodov // Texnika i texnologiya transporta. 2021. № 4 (23). S.45-49.
4. Slobodchikova N. A., Plyuta K. V. Bezopasnost` peshexodny`x perexodov // Vest-nik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii. 2019. T. 5. № 3. S. 91–99.
5. Xanin A. S. Obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya kak osnovnaya zada-cha gosudarstvennoj inspekcii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v pravooxranitel`noj deyatel`nosti // Gosudarstvennoe i municipal`noe upravlenie v XXI veke: teoriya, metodologiya, praktika. Sbornik materialov XXVIII Mezhdunarod-noj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pod obshhej redakciej S. S. Chernova. 2017. S. 37–42.
6. Dorozhno-transportnaya avarijnost` v Rossijskoj Federacii za 9 mesyacev 2024 goda. Informacionno-analiticheskij obzor / K. S. Bakanov, P. V. Lyaxov, A. S. Ajsanov [i dr.]. M.: FKU «NCz BDD MVD Rossii», 2024, 41 s.
7. Potanin V. S. Bezopasnost` na motocikle // Dni nauki studentov Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor`evicha i Nikolaya Grigor`evicha Stoletovy`x. Sbornik materialov nauchno-prakticheskix konferencij. 2018. S. 953–961.
8. Kotik D. S. Proektirovanie avtomobil`ny`x dorog kak e`ffektivnoe sredstvo povy`sheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Mezhdunarodnaya nauchno-texnicheskaya konferenciya molody`x ucheny`x BGTU im. V. G. Shuxova, posvyashhennaya 160-letiyu so dnya rozhdeniya V. G. Shuxova. 2013. S. 1153–1156.
9. Kosolapov A. V., Revetnev A. A., Andriyanov A. Yu. Problema soxraneniya ava-rijnosti peshexodov na fone uluchsheniya pokazatelej bezopasnosti dorozhnogo dvizhe-niya: sbornik materialov IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii molo-dy`x ucheny`x s mezhdunarodny`m uchastiem «Rossiya molodaya». Kemerovo, 2017. 310 s.
10. Kobzev A. V., Loginov O. N. Obuchenie peshexodov v rannem vozraste pravilam dorozhnogo dvizheniya, kak sledstvie predotvrashheniya DTP // Innovacii texnicheskix reshenij v mashinostroenii i transporte.sbornik statej II Vserossijskoj nauchno-texnicheskoj konferencii dlya molody`x ucheny`x i studentov s mezhdunarodny`m uchasti-em. Penzenskij gosudarstvenny`j universitet; Mezhotraslevoj nauchno-informacionny`j centr. 2016. S. 181–184.

Информация об авторах

Дмитрий Владимирович Копыл. Доцент кафедры безопасности дорожного движения. Кандидат исторических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Елена Николаевна Ноговицина. Преподаватель кафедры организации деятельности Госавтоинспекции.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Dmitry V. Kopyl. Associate Professor of the Department of RoadSafety. Candidate of Historical Sciences.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128.

Elena N. Nogovitsyna. Lecturer at the Department of Traffic Police Organization.
Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 18.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ДЕАНОНИМИЗАЦИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Матросова Лидия Дмитриевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

itdovd@gmail.com

Аннотация. Цель статьи заключается в исследовании методов деанонимизации пользователей в сети Интернет. В работе рассматриваются современные подходы и технологии, используемые для идентификации личности пользователей на основе анализа различных цифровых следов, оставляемых ими в процессе сетевой активности. Особое внимание уделено методам, основанным на анализе поведения пользователей, их взаимодействии с различными онлайн-сервисами и контент-анализе публикаций. Автор подчёркивает важность значения деанонимизации пользователей сети Интернет. В заданном контексте доказано значение и роль данного процесса, а также предложен способ его совершенствования посредством инновационного открытия. Статья содержит обзор существующих научных исследований в области деанонимизации, а также рассматривает правовые аспекты данной проблемы, включая вопросы регулирования обработки персональных данных и ответственности за нарушение прав на конфиденциальность. Педставленный материал будет полезен для преподавателей и обучающихся, проводящих научные исследования в области информационного права.

Ключевые слова: информационные технологии, телекоммуникационные технологии, цифровизация, анонимность, деанонимизация, правоохранительные органы, сеть Интернет.

Для цитирования: Матросова Л. Д. Роль и значение деанонимизации пользователей сети Интернет в правоохранительной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 110–119.

THE ROLE AND IMPORTANCE OF DEANONYMIZATION OF INTERNET USERS IN LAW ENFORCEMENT

Lidiya D. Matrosova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

itdovd@gmail.com

Annotation. The purpose of the article is to study the methods of deanonymization of users on the Internet. The paper examines modern approaches and technologies used to identify users based on the analysis of various digital footprints left by them in the process of network activity. Special attention is paid to methods based on the analysis of user behavior, their interactions with various online services and content analysis of publications. The authors analyze the importance of deanonymization of Internet users. In this context, the importance and role of this process is proved, as well as a way to improve it through innovative discovery is proposed. The article provides an overview of existing scientific

research in the field of deanonymization, as well as examines the legal aspects of this problem, including issues of regulating the processing of personal data and liability for violations of privacy rights. Thus, the presented material will be useful for teachers and students who have conducted scientific research in the field of information law.

Keywords: information technologies, telecommunication technologies, digitalization, anonymity, deanonymization, law enforcement agencies, the Internet.

For citation: Matrosova L. D. The role and importance of deanonymization of internet users in law enforcement // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 110–119.

Повышение уровня развития цифровизации и информационных технологий является ключевым фактором реализации инновационной политики государства. Как совершенно точно подмечает В. В. Василенко, «в связи с этим многие исследователи и учёные сосредоточены на изучении влияния информационно-коммуникационных технологий на экономический рост и ускорение развития технологической сферы общества» [1, с. 101].

Одними из преимуществ информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ), привлекающих криминальные элементы, является возможность дистанционного совершения преступлений и сокрытие реальной личности субъекта преступления за цифровой личностью. По мере технологического развития информационных систем меняются установленные стандарты человеческой деятельности, их использование стало более необходимым не только в торговле и промышленности, но и в системе правоохранительных органов. Для идентификации личности интересующего объекта и получения о нём информации в настоящее время может эффективно использоваться *Open Source INTelligence* (далее – *OSINT*), представляющая собой комплекс разведывательно-аналитических средств и методов извлечения сведений из общедоступных ресурсов сети Интернет [2, с. 66].

Наиболее важной информацией, как замечает Поздышев Р. С., «в данном контексте представляется информация об адресах устройств, связанных с лицом, которым интересуется орган предварительного следствия, в сети Интернет (*ip-адресах*). Базовые методы работы с подобной информацией достаточно давно усвоены правоохранителями, однако, когда дело касается современных средств анонимизации личности в сети Интернет, возникают серьёзные и порой непреодолимые трудности» [3, с. 51].

В другом своём исследовании Поздышев Р. С. определяет, что «к основной сложности, с которой сталкиваются правоохранительные органы в данной сфере, следует отнести деанонимизацию пользователей компьютерных сетей. В данном контексте ключевой представляется информация об адресах устройств, связанных с пользователем, в сети Интернет (*ip-адресах*)» [4, с. 103].

В свою очередь Плешков В. Д. полагает, что «нарушители активно используют методы анонимизации для сокрытия следов своих преступлений. В связи с этим одной из крайне актуальных и перспективных задач компьютерной безопасности с точки зрения законодательства Российской Федерации становится способ идентификации пользователей сети Интернет. В ходе данного исследования был предложен и реализован один из методов решения проблемы деанонимизации пользователя мессенджеров» [5, с. 84].

Деанонимизация пользователей сети Интернет – это процесс, в ходе которого анонимные или псевдонимные данные пользователей становятся идентифицируемыми. В связи с чем можно выделить аспекты, которые подтверждают важнейшее значение исследования данной темы для правоохранительной деятельности.

Во-первых, деанонимизация позволяет правоохранительным органам выявлять и задерживать преступников, которые используют анонимность для совершения незаконных действий, таких как киберпреступления, торговля наркотиками, терроризм и другие виды преступлений.

Во-вторых, понимание методов деанонимизации помогает правоохранительным органам разрабатывать стратегии и технологии для мониторинга и анализа онлайн-активности, что способствует поддержанию общественного порядка.

В-третьих, деанонимизация может быть использована для сбора доказательств в судебных делах, где анонимные пользователи могут быть связаны с преступной деятельностью.

В-четвёртых, исследование деанонимизации помогает в анализе угроз, связанных с анонимными сетями и сервисами, такими как *Tor* или *Dark Web*, где преступные действия могут происходить под прикрытием анонимности.

В-пятых, исследование роли деанонимизации также поднимает важные вопросы о конфиденциальности, защите данных и прав человека, что требует от правоохранительных органов соблюдения баланса между безопасностью и правами граждан.

Так, изучив роль и значение деанонимизации пользователей сети Интернет для правоохранительной деятельности, считаем целесообразным предложить внедрять инновационные проекты, методы и способы. На наш взгляд, определённый интерес представляет изобретение, предложенное Бречко А. А., Булгаковой М. И. и Стародубцевым Ю. И., о способе деанонимизации пользователей сети Интернет [6]. Технический результат заключается в повышении надёжности деанонимизации пользователей сети Интернет. В способе транслируют мультимедиа-сообщения, смешанные с потоком данных, на одно или несколько электронных устройств, при этом поток данных содержит идентификатор, принимают на сервере идентификатор и данные по меньшей мере об одном устройстве связи, где в способе также принимают паразитное электромагнитное излучение, генерируемое электронным устройством при обработке мультимедиа- сообщения, смешанного с потоком данных, радиоприёмным модулем по меньшей мере на одном устройстве связи, затем извлекают идентификатор из принятого электромагнитного сигнала, после приёма сервером идентификатора и данных по меньшей мере об одном устройстве связи устанавливают личность пользователя.

Как справедливо отмечают Иванов И. И. и Кондрат И. Н., проблемная ситуация внедрения искусственного интеллекта в криминалистическое изучение преступной деятельности сегодня характеризуется рядом факторов. Один из которых – неудовлетворительный уровень технического оснащения подразделений, специализирующихся на расследовании киберпреступлений и сложность идентификации преступников в случаях, когда преступление совершено с использованием незащищённой сети передачи данных [7, с. 8].

Изобретение относится к области идентификации пользователей сети, в частности их деанонимизации. Средство обеспечения анонимности – это программное/программно-аппаратное средство, обеспечивающее сокрытие идентификационных данных пользователя (потребителя) какого-либо ресурса в сети Интернет, при этом идентификационные данные включают, но не ограничиваются персональными данными пользователя, IP-адресом, настройками браузера, идентификатором в сети провайдера.

На сегодняшний день одной из основных проблем как в организационном, тактическом, техническом, так и правовом аспектах можно считать проблему деанонимизации пользователя сети Интернет. Под понятием деанонимизации

пользователя сети Интернет понимается комплекс мероприятий, направленный на установление его личности. При этом пользователь сети Интернет [в контексте способа] рассматривается как лицо, совершающее противоправные деяния в киберпространстве.

Известен способ деанонимизации пользователей сети Интернет, заключающийся в том, что в сетях с низкой задержкой передачи (т. е. в сетях *Tor* и *VPN*) пользователя идентифицируют за счёт корреляции времени прохождения пакетов. Недостатком данного способа является сложность реализации и низкая эффективность из-за необходимости одновременного контроля большого числа узлов сети связи.

Можно выделить ещё один способ деанонимизации пользователей сети Интернет, который заключается в том, что пользователя идентифицируют за счёт собираемых характеристик электронного устройства (*ip-адрес*, *MAC-адрес*, значения настроек и т. д.). Недостатком этого способа является низкая эффективность из-за слабой корреляции собираемых данных с личностью пользователя. Наиболее близким по технической сущности и выполняемым функциям к заявленному (прототипом) является «Способ кросс-девайс таргетинга пользователей», заключающийся в том, что транслируют мультимедиа-сообщения, смешанные с потоком аудиоданных на одно или несколько электронных устройств, при этом поток аудиоданных содержит идентификатор, принимают поток аудиоданных по меньшей мере на одном устройстве связи, извлекают идентификатор из принятого потока аудиоданных, принимают на сервере идентификатор и данные по меньшей мере об одном устройстве связи, отправляют одно или более сообщений по меньшей мере на одно устройство связи, связанное с идентификатором. При этом идентификатор, содержащийся в потоке аудиоданных, может быть как в слышимом, так и в неслышимом диапазоне частот. Техническая проблема состоит в необходимости расширения арсенала технических средств деанонимизации.

Техническая проблема обусловлена ограниченностью применения существующих средств деанонимизации. Техническим результатом является расширение арсенала технических средств деанонимизации. Поэтому любая техническая проблема расширения арсенала технических средств деанонимизации пользователей сети Интернет устраняется за счёт создания технического решения, заключающегося в использовании дополнительного идентификатора, извлекаемого из паразитного электромагнитного излучения (ЭМИ) электронного устройства, при этом излучение принимается на радиомодуль устройства связи, идентифицированного относительно личности владельца. Указанная проблема, по нашему мнению, решается таким образом, что в способе деанонимизации пользователей сети Интернет транслируют мультимедиа-сообщения, смешанные с потоком данных, на одно или несколько электронных устройств, при этом поток данных содержит идентификатор, принимают на сервере идентификатор и данные по меньшей мере об одном устройстве связи, согласно изобретению дополнительно принимают паразитное ЭМИ, генерируемое электронным устройством при обработке мультимедиа-сообщения, смешанного с потоком данных, радиоприёмным модулем по меньшей мере на одном устройстве связи, затем извлекают идентификатор из принятого электромагнитного сигнала, после приёма сервером идентификатора и данных по меньшей мере об одном устройстве связи устанавливают личность пользователя. Паразитное ЭМИ – это нежелательное электромагнитное излучение, которое возникает в результате работы различных электронных компонентов внутри устройства. Например, такие излучения могут возникать от микропроцессоров, видеокарт, антенн и других элементов при их функционировании. Таким образом, речь идёт о процессе, когда электронные устройства могут случайно принимать нежелательные сигналы, вызванные работой

мультимедийных приложений, и смешивать их с основными данными, передаваемыми по беспроводному каналу.

Проведённый нами анализ уровня техники позволил установить, что аналоги, характеризующиеся совокупностями признаков, тождественными всем признакам заявленного способа, отсутствуют. Следовательно, заявленное изобретение соответствует такому условию патентоспособности, как «новизна». Перечисленная новая совокупность существенных признаков обеспечивает расширение возможностей способа прототипа за счёт использования электронного устройства в качестве радиопередатчика, транслирующего в радиоэфир идентификатор, который принимает устройство связи, находящееся в непосредственной близости к электронному устройству.

Результаты поиска известных решений в данной и смежной областях использования техники с целью выявления признаков, совпадающих с отличительными от прототипов признаками заявленного изобретения, показали, что они являются уникальными, не похожи на уже известные разработки и не являются очевидным развитием существующих технологий. Из определённого заявителем уровня техники не выявлена известность влияния предусматриваемых существенными признаками заявленного изобретения на достижение указанного технического результата. Следовательно, заявленное изобретение соответствует условию патентоспособности «изобретательский уровень». «Промышленная применимость» способа обусловлена наличием элементной базы, на основе которой могут быть выполнены устройства, реализующие данный способ с достижением указанного в изобретении результата.

Заявленный способ поясняется тем, что в качестве устройства трансляции мультимедиа-сообщений выступает любой ресурс в сети Интернет, например сайт. При этом транслируемые сообщения предварительно смешивают с данными, при обработке которых на электронном устройстве пользователя сети Интернет возникают паразитные ЭМИ с заданными параметрами. Идентификатор представляет собой некоторое число, связанное на стороне сервера с конкретным электронным устройством, которое получало мультимедиа-сообщения. В качестве приёмника транслируемых мультимедиа-сообщений может выступать любое электронное устройство, например ПЭВМ. При этом доступ пользователя сети Интернет к транслируемым сообщениям осуществляется с помощью средств обеспечения анонимности, например сети *Tor*.

В настоящее время актуальным для расследования преступлений, связанных с использованием телекоммуникационных технологий, являются технологии обработки электромагнитных излучений (ЭМИ), возникающих при работе электронных устройств. В данном случае речь идёт о ситуации, когда устройство связи принимает нежелательные (паразитные) сигналы, возникающие при передаче или обработке мультимедийной информации. Эти сигналы могут смешиваться с основным потоком данных, передаваемых через радиоприёмный модуль устройства.

Можно выделить некоторые технические процессы, включающие несколько блоков, связанных с обработкой сигналов и данных.

Блок 1 содержит электронное устройство, которое занимается обработкой мультимедийных сообщений. Это может быть любое устройство, связанное с цифровыми технологиями, такими как компьютеры, смартфоны, серверы и т. п., работающие с аудио-, видео- или графическими файлами. Когда такое устройство обрабатывает мультимедийный контент (например, кодирует видео, отправляет или принимает медиафайлы), оно генерирует электромагнитные излучения (ЭМИ), поскольку его компоненты (процессоры, схемы, память и т. д.) работают на высоких частотах.

Блок 2 отвечает за приём электромагнитных волн, которые возникают как результат обработки мультимедийных данных. Паразитное ЭМИ, генерируемое первым блоком, попадает сюда вместе с полезным сигналом (потоком данных). Такой приёмник может находиться на другом электронном устройстве или в пределах одного устройства, где происходят другие процессы обработки данных. То есть второй блок фиксирует ЭМИ-сигнал, который является результатом функционирования первого блока, но этот сигнал не несёт полезной информации, он считается паразитным шумом, мешающим нормальной работе.

В правоохранительных органах используется основной полезный сигнал, передаваемый между устройствами. Например, это может быть передача файлов по сети, обмен информацией между узлами или работа программного обеспечения. Однако в этом потоке также присутствуют нежелательные электромагнитные колебания (паразитное ЭМИ), вызванные работой электронного оборудования.

Основными целями применения такой системы являются:

– мониторинг паразитных излучений. Возможно, система предназначена для анализа или измерения уровня электромагнитных помех, создаваемых электронными устройствами. Это важно для разработки методов снижения влияния паразитных ЭМИ на работу устройств;

– использование паразитного ЭМИ для диагностики. Иногда ЭМИ может использоваться для оценки состояния электроники. Некоторые неисправности в оборудовании могут вызывать необычные виды электромагнитных излучений, которые можно использовать для диагностики проблем;

– защита от несанкционированного перехвата данных. Паразитное ЭМИ также может нести информацию о передаваемом сигнале, поэтому изучение этих колебаний иногда используется для защиты передачи данных от утечек.

В блоке 1 принимают паразитное ЭМИ, генерируемое электронным устройством при обработке мультимедиа-сообщения, смешанного с потоком данных, радиоприёмным модулем по меньшей мере на одном устройстве связи. Устройство связи [в контексте способа] – программно-аппаратное устройство, предназначенное для работы в сетях сотовой связи. При этом современные устройства связи, помимо основного радиоприёмного модуля, обеспечивающего функционирование устройства по прямому назначению, как правило, имеют другие радиоприёмные модули, например: модуль *Bluetooth*, модуль *Wi-Fi* или FM-приёмник.

В блоке 2 извлекают идентификатор из принятого электромагнитного сигнала. Под извлечением идентификатора из паразитного ЭМИ понимается выявление изменения по известному шаблону любого из параметров принятого радиосигнала, например амплитуды демодулированного сигнала при настройке радиоприемного модуля на заданную частоту. После извлечения идентификатора информацию и данные об устройстве связи, радиомодулем которого было принято паразитное ЭМИ, отправляют на сервер. Данные об устройстве связи представлены, но не ограничены mac-адресом, номером IMEI, номером телефона. Идентификатор и данные об устройстве связи отправляют известными способами через сеть Интернет с помощью предустановленного на устройстве программного обеспечения или посредством способов удалённого управления устройством, предусмотренных стандартом GSM.

В блоке 3 принимают на сервере идентификатор и данные по меньшей мере об одном устройстве связи. Приём осуществляется известными способами.

В блоке 4 устанавливают личность пользователя сети Интернет. Личность пользователя устанавливается при помощи сопоставления полученного идентификатора с данными об устройстве связи, идентифицированном относительно личности владельца, который одновременно является пользователем сети Интернет.

Например, в соответствии с Федеральным законом «О связи» для получения идентификационного электронного модуля абонента (SIM-карта) необходимо предоставление оператору связи паспортных данных абонента[1]. Также операторы связи хранят объём информации, достаточный для установления личности пользователя по данным об устройстве связи, в том числе паспортные данные пользователя, текстовые сообщения, направления вызовов, данные о местоположении[2]. При этом предполагается, что устройство связи не используется для совершения противоправных действий, зарегистрировано на пользователя и функционирует без использования средств обеспечения анонимности.

Таким образом, идентификатор, отправленный вместе с мультимедиа-сообщением на электронное устройство, через которое осуществляется анонимный доступ к ресурсу в сети Интернет, подвергаясь обработке электронным устройством, излучается в радиоэфир в виде паразитного ЭМИ. При этом идентификатор принимается радиоприёмным модулем устройства связи, а устройство связи, идентифицированное относительно личности пользователя, отправляет на сервер вместе с идентификатором данные об устройстве связи, при этом на сервере устанавливается личность пользователя путём сопоставления идентификатора и данных об устройстве связи. Следовательно, представленная совокупность существенных признаков достаточна для решения проблемы и достижения технического результата.

Исследуемый способ деанонимизации пользователей сети Интернет заключается в том, что транслируют мультимедиа-сообщения, смешанные с потоком данных, на одно или несколько электронных устройств, при этом поток данных содержит идентификатор, принимают на сервере идентификатор и данные по меньшей мере об одном устройстве связи, отличающийся тем, что принимают паразитное электромагнитное излучение, генерируемое электронным устройством при обработке мультимедиа-сообщения, смешанного с потоком данных, радиоприёмным модулем по меньшей мере на одном устройстве связи, затем извлекают идентификатор из принятого электромагнитного сигнала, после приёма сервером идентификатора и данных по меньшей мере об одном устройстве связи устанавливают личность пользователя.

Как справедливо отмечает Шумилин В. П., «залог успеха деятельности любых подразделений правоохранительной системы в большинстве своём зависит от степени систематизированности информации о совершённых в прошлом преступлениях, причастных к преступлениям лицах, средствах и формах их совершения, различных следах на месте преступления и объектах криминального характера, а также от возможности и умения сотрудника ОВД пользоваться подобными банками данных в своей повседневной деятельности для выявления, розыска и отождествления интересующих его явлений и объектов» [8, с. 174].

По нашему мнению, современные технологии позволяют правоохранительным органам эффективно идентифицировать преступников в интернете, используя широкий спектр инструментов – от анализа сетевого трафика до сотрудничества с провайдерами и социальными платформами. Примеры конкретных дел и судебных решений служат ярким доказательством эффективности этих методов. Однако работа оставляет открытым вопрос о потенциальных злоупотреблениях властью и риске нарушения

[1] О связи : Федер. закон Рос. Федерации от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. 2003.10 июл. № 135.
[2] Об утверждении Правил хранения операторами связи текстовых сообщений пользователей услугами связи, голосовой информации, изображений, звуков, видео- и иных сообщений пользователей услугами связи: постановление Правительства Рос. Федерации от 12 апреля 2018 г. № 445 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018, № 17, ст. 2489.

конституционных прав граждан. В этой связи авторы предлагают ряд рекомендаций по совершенствованию законодательства и внедрению механизмов контроля над деятельностью правоохранительных органов в сфере цифровой идентификации. Таким образом, исследование деанонимизации пользователей в интернете является важным аспектом для эффективной работы правоохранительных органов и обеспечения безопасности общества.

Современные технологии предоставляют правоохранительным органам целый арсенал инструментов для идентификации преступников в интернете. Отметим несколько ключевых направлений, где цифровые методы помогают в этой работе:

1. Анализ сетевого трафика – правоохранительные органы используют специализированные системы мониторинга трафика для отслеживания подозрительных действий в сети. Эти инструменты позволяют анализировать данные, передаваемые через интернет, включая IP-адреса, метаданные и другие технические характеристики соединений. Это помогает выявлять хакеров, мошенников и иных злоумышленников, действующих в киберпространстве.

2. Использование технологий *Big Data* – большие объёмы данных собираются и обрабатываются системами анализа больших данных (*Big Data*). Эти системы позволяют находить скрытые связи между различными источниками информации, такими как аккаунты социальных сетей, электронные письма, банковские транзакции и др., что значительно упрощает процесс расследования преступлений.

3. Киберполиция и сотрудничество с IT-компаниями – взаимодействие правоохранительных органов с крупными технологическими компаниями играет важную роль в борьбе с киберпреступностью. Социальные платформы, такие как *Facebook, Twitter, VKontakte*, активно сотрудничают с полицией, предоставляя доступ к данным пользователей, если есть подозрения в нарушении закона. Это способствует быстрой блокировке вредоносной активности и идентификации нарушителей.

4. Цифровые отпечатки (*Digital Footprints*) – каждое устройство оставляет уникальный цифровой след в интернете – от IP-адресов до файлов *cookie*. Анализируя эти следы, правоохранители могут отслеживать действия конкретного лица даже в условиях анонимизации. Например, использование VPN-сервисов и прокси-серверов усложняет идентификацию, но современные технологии позволяют связывать активности различных устройств и учётных записей, восстанавливая цепочку действий преступника.

5. Децентрализованные и зашифрованные сети – несмотря на сложность работы с такими технологиями, как *Tor* и криптовалюты, правоохранительные органы разрабатывают новые способы отслеживания и деанонимизации участников подобных сетей. Использование специальных алгоритмов машинного обучения и методов анализа графов позволяет устанавливать взаимосвязь между пользователями и их действиями.

Все эти технологии вместе создают мощную систему защиты правопорядка в цифровом пространстве. Благодаря сотрудничеству между государственными органами, техническими компаниями и аналитиками правоохранительные структуры получают возможность оперативно реагировать на преступления в интернете и предотвращать их повторение.

---

1. Матросова Л. Д. Цифровые технологии в реализации конституционного права граждан на информацию // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 98–106.
2. Матросова Л. Д., Кислицин И. А. Инструменты для поиска оперативно-значимой информации по открытым источникам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 65–72.

3. Патент № 2782705 C1 Российская Федерация, МПК H04N 21/25, H04L 61/00. способ деанонимизации пользователей сети Интернет : № 2021138281 : заявл. 22.12.2021 : опубл. 01.11.2022 / А. А. Бречко, М. И. Булгакова, Ю. И. Стародубцев [и др.] ; заявитель Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение высшего образования Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.
4. Плешков В. Д. Разработка программного комплекса по деанонимизации пользователей сети Интернет // Инновационные технологии в подготовке современных профессиональных кадров: опыт, проблемы : сборник научных трудов, Челябинск, 30 января 2023 года. Челябинск: Челябинский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. С. 83–88.
5. Поздышев Р. С. Активная деанонимизация личности преступника в сети интернет с использованием canarytokens // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1(69). С. 101–106.
6. Поздышев Р. С. Деанонимизация личности преступника в сети Интернет // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2(34). С. 50–53.
7. Иванов И. И., Кондрат И.Н. Особенности предупреждения преступлений, совершенных с использованием современных информационно-телекоммуникационных технологий // Мировой судья. 2024. № 12. С. 2–9.
8. Шумилин В. П. Система информации и информационное обеспечение управления в правоохранительных органах // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 4(77). С. 173–176.

1. Matrosova L. D. Cifrovy`e texnologii v realizacii konstitucionnogo prava grazhdan na informaciyu // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 98–106.
2. Matrosova L.D., Kislicin I.A. Instrumenty` dlya poiska operativno-znachimoj informacii po otkry`ty`m istochnikam // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4(93). S. 65–72.
3. Patent № 2782705 C1 Rossijskaya Federaciya, MPK H04N 21/25, H04L 61/00. sposob deanonimizacii pol`zovatelej seti Internet : № 2021138281 : zayavl. 22.12.2021 : opubl. 01.11.2022 / A. A. Brechko, M. I. Bulgakova, Yu. I. Starodubcev [i dr.] ; zayavitel` Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe voennoe obrazovatel`noe uchre-zhdenie vy`sshego obrazovaniya Akademiya Federal`noj sluzhby` oxrany` Rossijskoj Fe-deracii.
4. Pleshkov V. D. Razrabotka programmnogo kompleksa po deanonimizacii pol`zo-vatelej seti Internet // Innovacionny`e texnologii v podgotovke sovremenny`x pro-fessional`ny`x kadrov: opy`t, problemy` : sbornik nauchny`x trudov, Chelyabinsk, 30 yan-varya 2023 goda. – Chelyabinsk: Chelyabinskij filial federal`nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel`nogo uchrezhdeniya vy`sshego obrazovaniya «Rossijskaya akademiya narodnogo xozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby` pri Prezidente Rossijskoj Federacii», 2023. S. 83–88.
5. Pozdy`shev R. S. Aktivnaya deanonimizaciya lichnosti prestupnika v seti inter-net s ispol`zovaniem canarytokens // Vestnik Vserossijskogo instituta povy`sheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii. 2024. № 1(69). S. 101–106.
6. Pozdy`shev R. S. Deanonimizaciya lichnosti prestupnika v seti Internet // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2(34). S. 50–53.

7. Ivanov I.I., Kondrat I.N. Osobennosti preduprezhdeniya prestuplenij, sover-shenny`x s ispol`zovaniem sovremenny`x informacionno-telekommunikacionny`x tex-nologij // Mirovoj sud`ya. 2024. № 12. S. 2–9.
8. Shumilin, V. P. Sistema informacii i informacionnoe obespechenie upravle-niya v pravooxranitel`ny`x organax // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo in-stituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2018. № 4(77). S. 173–176.

Информация об авторе

Лидия Дмитриевна Матросова. Начальник кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Lidya D. Matrosova. Chief of the Department of Information technologies in Ministry of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 30.03.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 30.03.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК. 342.9

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Набока Алла Александровна[1], **Реутова Валентина Ивановна**[2]
[1]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия
[2]Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Россия

[1]Alla_naboka@mail.ru
[2]valreu1@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам организации профилактической работы участкового уполномоченного полиции в отношении лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений. Проведён анализ причин и условий возникновения семейно-бытовых конфликтов, исследованы основные направления профилактики преступлений и административных правонарушений на бытовой почве участковыми уполномоченными полиции. Предлагается программа предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, направленная на снижение уровня семейно-бытового насилия, повышение эффективности работы органов внутренних дел в данной области. Обосновывается необходимость комплексного подхода, объединяющего усилия правоохранительных органов, социальных служб и всего общества.

Ключевые слова: органы внутренних дел, полиция, семейно-бытовые отношения, насилие в семье, участковый уполномоченный полиции, профилактика, проблемы, семейно-бытовой конфликт, семейно-бытовые преступления, домашнее насилие.

Для цитирования: Набока А. А., Реутова В. И. Актуальные проблемы деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 120–127.

CURRENT ISSUES OF THE ACTIVITIES OF DISTRICT POLICE OFFICERS TO PREVENT OFFENCES IN THE SPHERE OF FAMILY AND DOMESTIC RELATIONS

Alla A. Naboka[1], Valentina I. Reutova[2]
[1]Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia
[2]University of prosecutor’s office of the Russian Federation, Moscow, Russia

[1]Alla_naboka@mail.ru
[2]valreu1@mail.ru

Annotation. The article is devoted to current issues of organizing preventive work of a district police officer in relation to persons committing offenses in the sphere of family and domestic relations. An analysis of the causes and conditions for the emergence of domestic

conflicts was conducted, and the main areas of prevention of crimes and administrative offenses on domestic grounds by district police officers were analyzed. A program for recording offenses in the sphere of family and domestic relations is proposed, aimed at reducing the level of family and domestic warfare, increasing the efficiency of the work of internal affairs agencies in this area. The need for a comprehensive council that combines the efforts of relevant agencies, social services and the entire society is substantiated.

Keywords: internal affairs agencies, police, family and domestic relations, domestic violence, district police officer, prevention, problems, family and domestic conflict, family and domestic crimes, domestic violence.

For citation: Naboka A. A., Reutova V. I., Actual problems of the activities of district police officers in preventing offenses in the sphere of family and domestic relations // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 120–127.

Правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений являются одной из наиболее распространенных категорий административных правонарушений в России. Важная роль в разрешении, локализации и разбирательстве семейно-бытового конфликта отводится участковым уполномоченным полиции (далее – УУП) [1, с. 70]. Под правонарушением, совершенным на почве семейно-бытовых отношений следует понимать, предусмотренное законом умышленное или неосторожное деяние, совершенное в сфере семейного или жилищного быта в результате конфликта между лицами, состоящими в брачно-семейных, родственных, дружеских, соседских отношениях, по личным неприязненным мотивам и посягающие на жизнь, здоровье, личную свободу, честь и достоинство, общественный порядок [2, с. 13].

В сфере семейно-бытовых отношений правонарушения могут быть связаны с насилием в семье, оскорблением, угрозами, уничтожением имущества, нарушением прав детей, пренебрежением обязанностями по содержанию семьи, конфликтами, приводящими к нарушению общественного порядка.

Как правило, жертвами домашнего насилия чаще всего становятся женщины, дети, пожилые родственники, что приводит к серьезным последствиям, включая ущерб здоровью, психическому состоянию, а в самых тяжелых ситуациях смертельный исход. Поэтому исследование вопросов, связанных с защитой прав потерпевшего от бытового насилия, остается важной и актуальной задачей для общества и государства. Интерес к данной проблеме вызван большим количеством правонарушений на почве семейно-бытовых конфликтов, которые чаще всего происходят во время праздников. Домашнее насилие также связано с социальными напряжениями в обществе, например, пандемия, безработица. Нахождение граждан в замкнутом пространстве длительное время увеличивает количество семейных конфликтов [3, с. 221].

В контексте семейно-бытовой сферы можно выделить такие деликты как насилие в семье (физическое или психологическое насилие, за которое предусмотрена как административная, так и уголовная ответственность), неисполнение родительских обязанностей (уклонение от уплаты алиментов, ненадлежащее воспитание детей и т. д.), порча имущества (умышленное разрушение или повреждение общесемейного имущества). Статистика показывает, что в 2024 году было выявлено 128 699 административных правонарушений, связанных с домашним насилием, из которых большую часть составили побои в семье. Статья 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях[1] (далее – КоАП РФ) предусматривает ответственность за побои или

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

иные действия, не повлекшие причинение вреда здоровью, но причинившие физическую боль. Если нанесение побоев повлекло вред здоровью, то ответственность будет по статьям Уголовного кодекса.

Воспитание детей – это не только право родителей, но и их прямая обязанность, вплоть до совершеннолетия ребенка и вне зависимости от совместного проживания родителей. Однако, по данным Росстата, 9,3 % детей, которым положены алименты, их не получают. Административная ответственность за неуплату алиментов установлена ст. 5.35.1 Кодекса об административных правонарушениях. Она наступает за неуплату алиментов без уважительных причин в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства. В 2024 году было выявлено 99 902 административных правонарушения по ст. 5.35.1 КоАП РФ.

Административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних предусмотрена ст. 5.35 КоАП, где уклонение родителей от выполнения своих обязанностей предполагает систематическое, т. е. неоднократное невыполнение родительского долга, отсутствие заботы о своих детях - об их нравственном и физическом развитии, обучении, подготовке к общественно полезному труду и т. п.

Умышленное уничтожение или повреждение общесемейного имущества может рассматриваться как административное правонарушение по ст. 7.17 КоАП РФ, а в случае причинения значительного ущерба, как преступление, предусмотренное ст. 167 УК РФ, где общесемейное имущество - это имущество, которое принадлежит всем членам семьи в равных долях или является совместной собственностью всех членов семьи. Умышленное повреждение или уничтожение общесемейного имущества может также быть связано с другими правонарушениями, например, с мелким хулиганством (ст. 20.1 КоАП РФ) или с нарушением семейных прав (ст. 151.1 КоАП РФ).

По данным Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на профилактическом учете состоят более 73 тысячи граждан, допустивших правонарушения в семейно-бытовой сфере, что в свою очередь свидетельствует об актуальности проблемы.

Административно-правовые средства предупреждения и пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере играют важную роль в защите прав граждан и поддержании общественного порядка. Эффективность этих мер зависит от взаимодействия различных государственных структур, а также от активного участия общества в профилактике и борьбе с правонарушениями.

Актуальными проблемами деятельности УУП по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений является нехватка ресурсов, часто сотрудники перегружены работой, обслуживая большие участки с многочисленным населением. Это не позволяет им уделять достаточное внимание каждой семье, находящейся в «группе риска». Также, работа с семейно-бытовыми конфликтами требует специальных знаний в психологии, социальной работе, юриспруденции. Часто УУП не обладают необходимой подготовкой и опытом для эффективного разрешения семейных конфликтов, оказания помощи жертвам насилия и работы с агрессорами.

Для положительного разрешения конфликта УУП необходимо установление психологического контакта с конфликтующими сторонами. Во время разбирательства сотруднику полиции необходимо занять нейтральную позицию, предоставив всем участникам конфликта возможность спокойно высказаться обо всем, не перебивать их. Это дает возможность сотруднику получить более или менее четкое представление о случившемся и о виновнике конфликта. Когда конфликтующие стороны, в т. ч. ви-

новник конфликта, увидят, что их спокойно и внимательно слушают, не проявляют нетерпения и агрессивности, они становятся доступными для установления психологического контакта. Попытки же возражать или объяснять что-либо возбужденному человеку лишь повышают накал его эмоций, и это лишает участкового уполномоченного возможности объективно разобраться в ситуации. Поэтому очень важно строить беседу так, чтобы избежать конфликта [4, с. 41].

Еще одной их проблем, с которой сталкивается УУП, является сбор доказательств в делах о семейно-бытовом насилии. Многие семейно-бытовые конфликты остаются скрытыми от глаз общественности и органов правопорядка. Жертвы насилия часто боятся или стесняются обращаться за помощью, давать показания, отказываются от медицинского освидетельствования, либо не хотят разрывать отношения с агрессором. Это осложняет привлечение виновных к ответственности. Доказательства насилия в семье (телесные повреждения, психологическая травма) могут быть неявными или быстро исчезать. Сбор и фиксация доказательств требует специальных навыков и знаний. Важно обращать внимание на признаки телесных повреждений, следы борьбы или побоев у людей. При взаимодействии с гражданами также стоит обратить внимание на внешние проявления насилия, включая психическое: например, испуганное выражение лица, а также признаки подавления воли, такие как угрожающие жесты.

Одним из важных аспектов реализации в профилактике правонарушений, связанных с семейно-бытовыми конфликтами, является проведение индивидуально профилактической работы. Индивидуальная профилактическая работа является важной составляющей превентивной деятельности государства в области обеспечения и защиты прав и свобод человека, противодействия противоправным деяниям [5, с. 41].

В целях предупреждения и пресечения правонарушений УУП проводится информационно-просветительская работа, в том числе семинары и лекции для семей, направленные на повышение правовой грамотности, совместно с социальными работниками ведется активная работа для выявления и предотвращения конфликтных ситуаций. Проводимая УУП в этой области комплексная работа напрямую влияет на социальную стабильность и благополучие семей. Так, профилактическая работа, проводимая УУП, является основным способом предупреждения насилия в сфере внутрисемейного быта [6, с. 26].

Однако профилактическая работа часто ограничивается формальными визитами и беседами. Отсутствует системный подход к выявлению семей «риска», работе с ними и привлечению других специалистов (социальных работников, психологов). Отсутствие своевременного выявления и реагирования на потенциально опасные ситуации приводит к обострению конфликтов и совершению правонарушений.

Важным является то, что после привлечения к ответственности агрессор может продолжать совершать насильственные действия. Необходим более эффективный механизм контроля и реабилитации таких лиц.

Не всегда есть эффективные механизмы воздействия на правонарушителей, а процедура привлечения к ответственности за семейно-бытовые правонарушения может быть затяжной и сложной, что снижает эффективность работы УУП.

Эффективное решение проблем в сфере семейно-бытовых отношений требует сотрудничества участкового уполномоченного с другими службами, такими как:

– органы социальной защиты населения;
– школы и другие учебные учреждения, а также органы, управляющие образованием;
– органы опеки и попечительства;
– ведомства, ответственные за вопросы молодежи, материнства и детства;

– больницы и другие медицинские учреждения, а также учреждения, заботящиеся о здравоохранении;

– службы занятости;

– органы, контролирующие оборот наркотических средств;

– учреждения, входящие в уголовно-исполнительную систему.

Эти органы играют важную роль в обеспечении защиты семейных интересов и обеспечении благополучия семей в обществе [7, с. 144].

Вместе с этим серьезной проблемой взаимодействия различных субъектов профилактики семейно-бытовых правонарушений является ограниченность информации медицинских учреждений о людях, имеющих наркотическую или алкогольную зависимость. Основанием для отказа передачи третьим лицам информации о выявлении лиц с наркотической или алкогольной зависимостью являются положения Федеральных законов от 21.11.2012 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[1].

Значительное влияние на сферу семейно-бытовых отношений оказывают социально-экономические факторы, такие как бедность, безработица, алкоголизм и наркомания – эти факторы, значительно повышающие риск возникновения семейно-бытовых конфликтов и насилия. Также негативными факторами «риска» являются социальная изоляция и негативный социальный опыт. Когда отсутствие социальных связей и поддержки увеличивает уязвимость семей перед лицом трудностей, а насилие в семье часто передается из поколения в поколение, формируя порочный круг.

Эффективность производства по делам об административных правонарушениях зависит от того насколько достаточно и всесторонне установлены обстоятельства совершенного правонарушения [8, с. 21].

Исходя из анализа проблем, предлагается комплексная программа предупреждения правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, в которой задействованы органы внутренних дел, органы социальной защиты населения, образования, культуры, здравоохранения, служб занятости, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства. Данная программа направлена на снижение уровня семейно-бытового насилия и других правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, повышение эффективности работы УУП и органов внутренних дел в целом, а также на оказание помощи жертвам насилия и содействие укреплению семейных ценностей. Она включает следующие профилактические мероприятия:

1. Разработка и реализация информационно-пропагандистских кампаний, направленных на повышение осведомленности населения о проблеме семейно-бытового насилия и путях его предотвращения (использование средств массовой информации, социальных сетей, листовок, плакатов, лекций в школах, университетах и т. д.) в том числе, создание и распространение информации о правах ребенка, адаптированной для детей, родителей, учителей, специалистов, работающих с детьми и в интересах детей, через средства массовой информации, сеть «Интернет», организации и учреждения для детей.

2. Организация и проведение психологами подразделений по работе с личным составом территориальных органов МВД России тренингов и семинаров с УУП по вопросам выявления и пресечения семейно-бытового насилия. Обучение сотрудников современным методам работы с семьями, знаниям в области психологии;

3. Создание и развитие системы раннего выявления семей, находящихся в «группе риска». В этих целях активное взаимодействие между участковыми

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 21.11.2012 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

уполномоченными полиции, подразделениями по делам несовершеннолетних территориальных органов МВД России, социальными службами, медицинскими учреждениями, образовательными организациями и общественными организациями, занимающимися проблемами семейно-бытового насилия.

4. Организация и проведение мероприятий пропагандирующих ценности семьи, приоритет ответственного родительства, защищенного детства, нетерпимость ко всем формам насилия и телесного наказания в отношении детей через средства массовой информации, систему образования, социальной защиты, здравоохранения и культуры.

5. Организация на межведомственной основе системы раннего выявления социального неблагополучия семей и комплексной работы с ними для предотвращения распада семьи и лишения родителей родительских прав (при участии органов социальной защиты населения, образования, здравоохранения, служб занятости, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов опеки и попечительства) с надлежащей координацией деятельности всех служб в сфере реабилитации семьи.

6. Создание единой информационной системы, координирующей действия различных служб.

Данная программа является образцом и требует адаптации под конкретные условия региона и имеющиеся ресурсы. Необходимо учитывать специфику региона, статистические данные по семейно-бытовому насилию, а также особенности работы местных органов внутренних дел и социальных служб.

Эффективное предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений требует комплексного подхода, объединяющего усилия правоохранительных органов, социальных служб и всего общества. Только совместными действиями можно снизить уровень насилия в семье и обеспечить безопасность и благополучие граждан [9, с. 47].

---

1. Строева О. А., Барышников М. В. Административно-правовые средства локализации семейно-бытового конфликта участковым уполномоченным полиции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 4(97). С. 66–76.
2. Барышников М. В. Организация деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: учебное пособие. Орёл: Орловский юридический институт МВД России, 2011. 63 с.
3. Волкова И. И. Проблемы доказывания по уголовным делам, возбуждаемым по фактам насилия в отношении членов семьи // Технологические инновации и научные открытия : Сборник научных статей по материалам XVI Международной научно-практической конференции, Уфа, 14 ноября 2024 года. Уфа: Общество с ограниченной ответственностью "Научно-издательский центр "Вестник науки", 2024. С. 220–233.
4. Шелег О. А. Некоторые аспекты реализации профилактических мероприятий по недопущению преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. Выпуск № 2(32), 2013 г.: Научно-теоретический журнал. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2013. 168 с.
5. Хабибова Л. Д. Основные направления деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и профилактике правонарушений и преступлений // Право: ретроспектива и перспектива. 2021. № 2(6).С. 39–44.

6. Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. К вопросу о деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Полицейская деятельность. 2023. № 6. С. 24–35.
7. Алешин С. В. К вопросу взаимодействия полиции с иными органами, осуществляющими предупреждение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений // Сборник научных трудов по итогам научно-представительских мероприятий, проводимых в Уфимском юридическом институте МВД России в 2024 году, Уфа, 29 января – 14 2024 года. Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. С. 143–147.
8. Каменев М. А. Особенности производства по делам об административных правонарушениях в отношении лиц, находящихся в местах общего пользования в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные вопросы административного права и процесса: Электронный сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Белгород, 22 марта 2024 года. Белгород: Белгородский юридический институт МВД РФ им. И.Д. Путилина, 2024. С. 20–27.
9. Гайдуков А. А. Административно-правовое регулирование деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2018. 180 с.

1. Stroeva O. A., Bary`shnikov M. V. Administrativno-pravovy`e sredstva lokalizacii semejno-by`tovogo konflikta uchastkovy`m upolnomochenny`m policii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 4(97). S. 66–76.
2. Bary`shnikov M. V. Organizaciya deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii po preduprezhdeniyu pravonarushenij v sfere semejno-by`tovy`x otnoshenij: uchebnoe posobie. Oryol: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2011. 63 s.
3. Volkova I. I. Problemy` dokazy`vaniya po ugolovny`m delam, vozbuzhdaemy`m po faktam nasiliya v otnoshenii chlenov sem`i // Texnologicheskie innovacii i nauchny`e otkry`tiya : Sbornik nauchny`x statej po materialam XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ufa, 14 noyabrya 2024 goda. Ufa: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu "Nauchno-izdatel`skij centr "Vestnik nauki", 2024. S. 220–233.
4. Sheleg O. A. Nekotory`e aspekty` realizacii profilakticheskix meropriyatij po nedopushheniyu prestuplenij, sovershaemy`x v sfere semejno-by`tovy`x otnoshenij // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. Vy`pusk № 2(32), 2013 g.: Nauchno-teoreticheskij zhurnal. Kaliningrad: Kaliningradskij filial SPbU MVD Rossii, 2013. 168 s.
5. Xabibova L. D. Osnovny`e napravleniya deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii po preduprezhdeniyu i profilaktike pravonarushenij i prestuplenij // Pravo: retrospektiva i perspektiva. 2021. № 2(6).S. 39–44.
6. Shumskij V. V., Tkachenko V. V., Kolenichenko V. V. K voprosu o deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii po profilaktike pravonarushenij v sfere semejno-by`tovy`x otnoshenij // Policejskaya deyatel`nost`. 2023. № 6. S. 24–35.
7. Aleshin S. V. K voprosu vzaimodejstviya policii s iny`mi organami, osushhestvlyayushhimi preduprezhdenie pravonarushenij v sfere semejno-by`tovy`x otnoshenij // Sbornik nauchny`x trudov po itogam nauchno-predstavitel`skix meropriyatij, provodimy`x v Ufimskom yuridicheskom institute MVD Rossii v 2024 godu, Ufa, 29 yanvarya – 14 2024 goda. Ufa: Ufimskij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2024. S. 143–147.
8. Kamenev M. A. Osobennosti proizvodstva po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax v otnoshenii licz, naxodyashhixsya v mestax obshhego pol`zovaniya v

sostoyanii alkogol`nogo op`yaneniya // Aktual`ny`e voprosy` administrativnogo prava i processa: E`lektronny`j sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Belgorod, 22 marta 2024 goda. Belgorod: Belgorodskij yuridicheskij institut MVD RF im. I.D. Putilina, 2024. S. 20–27.
9. Gajdukov A. A. Administrativno-pravovoe regulirovanie deyatel`nosti policii po preduprezhdeniyu i presecheniyu pravonarushenij v sfere semejno-by`tovy`x otnoshenij: dis. … kand. yurid. nauk. Omsk, 2018. 180 s.

Информация об авторах

Алла Александровна Набока. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат психологических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Валентина Ивановна Реутова. Ведущий научный сотрудник, отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, кандидат психологических наук.

Университет прокуратуры Российской Федерации.

123022, Россия, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15.

Information about the authors

Alla A. Naboka. Senior Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Psychological Sciences.

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia.

308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Valentina I. Reutova. Leading researcher, Department of Psychological Support for Prosecutor's Activities. Candidate of Psychological Sciences.

University of prosecutor’s office of the Russian Federation.

123022, Russia, Moscow, 2nd Zvenigorodskaya Str., 15.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 18.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 18.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ФОРМИРОВАНИЯМИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Павлова Евгения Васильевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл, Россия

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа правовых норм, авторских умозаключений учёных-административистов и правоприменителей сформулировано утверждение, что должный уровень организации такого сотрудничества является эффективным средством профилактики нарушений правил дорожного движения. Осуществлена систематизация основных элементов механизма взаимодействия Госавтоинспекции с иными субъектами профилактики по предотвращению правонарушений в сфере безопасности дорожного движения с учётом особенностей возрастных категорий лиц, в отношении которых осуществляется реализация метода убеждения и формирования законопослушного поведения на дорогах. Выдвинуто предложение о необходимости разработки приказа МВД России, определяющего порядок организации взаимодействия сотрудников полиции с гражданами и общественными объединениями в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, безопасность дорожного движения, профилактика, взаимодействие, направления деятельности, общественные объединения.

Для цитирования: Павлова Е. В. Взаимодействие органов внутренних дел с общественными формированиями в сфере профилактики правонарушений в области дорожного движения // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 128–134.

INTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES WITH PUBLIC ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF ROAD SAFETY AS A FACTOR IN CRIME PREVENTION

Evgenia V. Pavlova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

pavlova.evgenia.78@yandex.ru

Annotation. On the basis of the analysis of legal norms, author's conclusions of administrative scientists and law enforcers, it is formulated the statement that the proper level of organisation of such cooperation is an effective means of prevention of traffic violations. The systematisation of the main elements of the mechanism of interaction between the State Automobile Inspectorate and other subjects of prevention to prevent offences in the field of road safety, taking into account the characteristics of age categories of persons in respect of whom the method of persuasion and formation of law-abiding behaviour on the roads is implemented. A proposal has been made to develop an order of the Ministry of Internal

Affairs of the Russian Federation defining the procedure for organising interaction between police officers and citizens and public associations in the area of road safety.

Keywords: State traffic Inspectorate, road safety, prevention, interaction, areas of activity, public associations.

For citation: Pavlova E. V. Interaction of internal affairs bodies with public organizations in the field of road safety as a factor in crime prevention // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 128–134.

Безопасность дорожного движения (далее – БДД) является ключевой составляющей обеспечения внутренней безопасности государства ввиду того, что в результате дорожно-транспортных происшествий причиняется значительный ущерб как государству в целом, так и конкретным гражданам в частности. Следует учитывать, что данная проблема более широкая и затрагивает в том числе и финансовую составляющую, ибо со сложившейся политической ситуацией на международной арене всё большую привлекательность приобретают автомобильные перевозки как пассажиров, так и грузов. Именно поэтому значительное количество учёных-правоведов подвергают исследованию [1, с. 16; 2, с. 9; 3, с. 105; 4, с. 5; 5, с. 47] основные направления обеспечения БДД, смещая основной акцент анализа именно на средства предупреждения и пресечения рассматриваемых правовых деликтов. Официальные статистические данные свидетельствуют об эффективности проводимой государственной политики, в частности: в 2020 году количество ДТП составило 145 073, в 2021 – 133 331, в 2022 – 126 705, в 2023 – 132 466, в 2024 – 132 037; погибших, соответственно, 16 152 (2020 год); 14874 (2021 год) и 14 172 (2022 год) 14 504 (2023), 14 403 (2024)[1].

Вместе с тем анализ вышеуказанных данных свидетельствует о незначительном увеличении показателей за последние два года, для этого есть и объективные причины: в связи с проводимой специальной военной операцией, а также санкциями отдельных иностранных государств увеличился поток транспортных средств (далее – ТС) ввиду недоступности иных видов транспорта. С другой стороны, это свидетельствует о необходимости поиска новых форм и средств противодействия нарушениям правил дорожного движения (далее – ПДД), снижением количества ДТП. В этой связи полагаем обоснованным считать, что именно консолидация усилий всех субъектов профилактики правонарушений в области дорожного движения позволит стабилизировать ситуацию в рассматриваемой сфере правоотношений. Взаимодействие государственных органов с институтами гражданского общества в изучаемой плоскости способно положительно повлиять на основные показатели аварийности на дорогах. В свою очередь, данное обстоятельство указывает на значимость сферы взаимодействия, необходимость построения должного механизма координации усилий с целью накопления положительного опыта, определения основных направлений совместной деятельности.

Вторая глава ФЗ РФ № 3 от 07.02.2011 «О полиции»[2] определяет основные принципы её деятельности, среди которых взаимодействие и сотрудничество. Законодателем определено, что полиция при реализации своих полномочий взаимодействует с общественными объединениями, организациями и гражданами. Рассмотренное основополагающее начало деятельности полиции находит своё

[1] Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. URL: http://www.http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 19.02.2025).
[2] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

выражение во всех структурных подразделениях органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, в том числе Государственной инспекции БДД МВД России.

Анализируя деятельность Госавтоинспекции МВД России, следует отметить, что сложились основные направления взаимодействия с общественными объединениями, накапливается опыт совместной работы и делаются соответствующие предложения по повышению эффективности такой деятельности. Считаем необходимым проанализировать основные элементы механизма такого регулирования с целью корректировки некоторых аспектов для повышения эффективности рассматриваемого правового института. Первым, что следует отметить, так это наличие широких полномочий по взаимодействию органов внутренних дел с общественными формированиями через специальные координационные органы – общественные советы. Исходя из содержания ФЗ РФ № 3 от 07.02.2011 «О полиции», в частности ч. 7 ст. 9, общественные советы правомочны совершать ряд действий, направленных на консолидацию интересов граждан и государственных органов правоохранительной направленности в сфере поддержания должного уровня правопорядка.

Следует выделить ряд направлений взаимодействия общественных советов с общественными формированиями в рассматриваемой сфере:

– вовлечение в профилактику, нарушений ПДД и эксплуатации ТС медийных личностей, имеющих авторитет в разных возрастных категориях, с целью формирования менталитета, направленного на безусловное соблюдение правовых предписаний;

– вовлечение граждан в процедуру обсуждения и подготовки нормативных правовых актов, направленных на регулирование общественных отношений в обозначенной области;

– активное использование возможностей средств массовой информации в том числе при освещении различных акций и кампаний профилактической направленности, реализуемых во взаимодействии с общественностью;

– проведение общественного контроля деятельности ОВД по обеспечению БДД [6, с. 35].

В качестве положительного опыта следует отметить заседание Общественного совета при ГУ МВД России по Воронежской области, посвящённое формированию безопасной модели поведения студентов за рулём, проведённое 7 июля 2023 года[1], где осуществлён анализ статистических данных аварийности, произошедших по вине водителей, имеющих небольшой стаж управления ТС, обозначены конкретные мероприятия в рамках взаимодействия Госавтоинспекции субъекта, Общественного совета и граждан, направленные на воспитание законопослушного поведения студентов на дорогах. Вместе с тем полагаем обоснованным считать, что такая форма взаимодействия носит опосредованный характер, так как между полицией и гражданами существует орган – общественный совет.

Практика показывает, что посредническое взаимодействие не приносит такой эффективности, нежели медиактивное. Поэтому в дальнейшем будет необходимо рассмотреть формы и направления непосредственного взаимодействия ОВД с общественными формированиями. Важность и целесообразность должного уровня взаимодействия Госавтоинспекции с институтами гражданского общества в современной действительности не вызывают сомнения, руководство профильного ГУ МВД России неоднократно подчёркивало необходимость детального нормативного правового закрепления статуса таких объединений и их членов. Необходимо

[1] Обзор деятельности Общественных советов при территориальных органах МВД России за 2023 год. Официальный интернет-сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL:https://media.mvd.ru/files/embed/5642950(дата обращения 09.02.2025)

подчеркнуть, что одной из эффективных форм коммуникации населения и государственных органов правоохранительной направленности является пропаганда законопослушного поведения на дорогах. В качестве положительного опыта следует отметить социальную кампанию «Вместе в движении», организованную на территории Новгородской области с 15 февраля текущего года во взаимодействии государственных и муниципальных органов, общественных формирований и граждан. При этом следует отметить, что целевая аудитория указанной кампании – это молодёжь, и она направлена на привитие навыка сотрудничества, поддержки и взаимовыручки на дороге всех участников движения, при этом сотрудник дорожно-патрульной службы становится не только контролирующим и карательным элементов, а партнёром такого взаимодействия[1].

Укажем также активную позицию руководства Госавтоинспекции по Липецкой области в части привлечения общественных организаций к профилактической работе, направленной на формирование законопослушного поведения у участников дорожного движения. В частности 26 марта 2025 года сотрудники полиции и студенты-волонтёры образовательных организаций города Ельца провели профилактическую акцию «Пешеход», в рамках которой участникам движения вручены листовки и проведены беседы о необходимости взаимного уважения на дороге и соблюдения правил дорожного движения[2]. Кроме того, на территории региона создан центр по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма «Лаборатория безопасности», представители которого на системной основе проводят занятия в игровой форме доводят до детской аудитории основы безопасного поведения на дороге, формируя тем самым нетерпимое отношение к нарушениям ПДД у подрастающего поколения.

В указанном направлении деятельности широкое распространение и продуктивность получили внештатные подразделения дорожно-патрульной службы как форма участия граждан в охране общественного порядка [7, с. 36], которые:

– осуществляют информирование граждан о деятельности Госавтоинспекции в области противодействия правонарушениям;

– оказывают положительное влияние на правовое сознание граждан в сфере БДД.

При этом важно учесть, что правовая регламентация такого сотрудничества определена приказом МВД России № 8 от 10.01.2012, который утверждает Инструкцию по организации деятельности внештатных сотрудников полиции. В данном нормативном правовом акте определены требования к кандидатам, права и обязанности как внештатных сотрудников, так и сотрудников полиции, во взаимодействии с которыми они осуществляют деятельность. Отражены направления деятельности, по которым организована совместная деятельность, и обеспечение безопасности дорожного движения входит в указанный перечень. Вместе с тем полагаем обоснованным считать, что с учётом специфики деятельности сотрудников Госавтоинспекции требует разработки самостоятельный документ, регламентирующий особенности участия внештатных сотрудников в обеспечении безопасности дорожного движения, который в том числе будет направлен на обеспечение личной безопасности граждан при несении службы. Используя возможность постоянного контакта, можно эффективно прививать гражданам чувство важности соблюдения правил дорожного движения, воспитывать в них ответственность не только за свою безопасность, но и за безопасность других участников дорожного движения. Благодаря более широкому

[1] Обучение молодежи принципам взаимодействия и взаимопомощи на дороге стало основополагающим звеном новгородской социальной кампании «Вместе В ДВИЖЕНИИ!» [Электронный ресурс]. URL: https://53.мвд.рф/news/item/61847999(дата обращения 09.02.2025).

[2] «Пешеходам - безопасный переход» - требование Елецких студентов [Электронный ресурс]. URL:https://госавтоинспекция.рф/r/48(дата обращения 09.02.2025).

охвату граждан посредством включения в эту деятельность общественных формирований можно достичь высоких показателей в области правовой осведомлённости граждан о правилах дорожного движения. Обеспечить изучение общественного мнения населения в том числе путём проведения опросов. В данном случае также достигается более широкий охват респондентов за счёт участия общественных формирований. Не исключается возможность использования в деятельности Госавтоинспекции результатов социологических исследований, проведённых общественными организациями.

Немалое значение в области обеспечения безопасности дорожного движения приобретает работа с несовершеннолетними лицами – участниками дорожного движения. Помимо прямого взаимодействия с образовательными учреждениями, подразделения Госавтоинспекции имеют возможность взаимодействовать с детскими общественными формированиями. Повсеместная пропаганда, поступающая со стороны семьи, школы, кружков и секций, которые посещают несовершеннолетние, о необходимости соблюдения правил дорожного движения и осторожности поведения на проезжей части помогает достичь высоких результатов в области профилактики детского дорожно-транспортного травматизма. Всё это возможно благодаря:

– участию совместно с детскими общественными формированиями в разработке планов совместных мероприятий по профилактике правильного поведения на дороге;

– участию в проводимых общественными организациями мероприятиях, направленных на формирование у обучающихся нетерпимости к различным нарушениям правил дорожного движения;

Помимо указанных целевых направлений, можно выделить более общие направления взаимодействия Госавтоинспекции и общественных формирований в сфере дорожного движения [7, с. 37]: агитационно-массовая работа, образовательная деятельность, развитие научной составляющей, повышение безопасности дорожного движения. Также важно отметить роль средств массовой информации в сфере обеспечения БДД.

За многие годы сотрудничества ОВД и СМИ (далее – СМИ) сложились определённые формы взаимодействия, многие из которых остались действенными средствами достижения целей данных систем [8, с. 97]. Следует учесть, что с развитием сети Интернет, различных информационных площадок и мессенджеров и иных форм коммуникации всё сложнее контролировать ту информацию, которая в них поступает. Соответственно, нужно взять инициативу в свои руки и совместно с региональными СМИ вести странички в социальных сетях, доводить до населения необходимые сведения, получать обратный контакт и учитывать его при разработке стратегических программ и планов в области обеспечения БДД. Благодаря широкому охвату населения ОВД имеют возможность доносить необходимую информацию до граждан. Также не стоит забывать, что информационное поле СМИ можно использовать в качестве обучающей платформы, назначением которой является дистанционное обучение граждан о правилах поведения на дороге, а также последовательности действий при возникновении ДТП. Можно сказать, что посредством взаимодействия СМИ и ОВД при правильном осуществлении совместной деятельности можно достигнуть высоких результатов в области обеспечения безопасности дорожного движения.

Подводя итог проведённого исследования, целесообразно отметить, что взаимодействие Госавтоинспекции МВД России с институтами гражданского общества по вопросам предупреждения и профилактики нарушений ПДД является эффективным средством снижения количества совершаемых правовых деликтов в рассматриваемой сфере, а также тяжести последствий в результате их совершения. Характер взаимодействия ОВД с общественными формированиями в области обеспечения БДД

носит вспомогательный характер, что не исключает высокой эффективности использования любой формы взаимодействия.

В целях дальнейшего совершенствования рассматриваемого правового института полагаем целесообразным предложить ряд положений, которые направлены на вовлечение большего количества граждан в орбиту указанных правоотношений:

– материальное и моральное стимулирование граждан, которые осуществляют содействие в предупреждении и выявлении правовых деликтов в области дорожного движения;

– детальная регламентация нормативного правового статуса членов общественных формирований правоохранительной направленности в том числе при непосредственном обнаружении ими нарушений ПДД;

– вовлечение представителей общественных объединений в проведение пропагандистских мероприятий с различными категориями населения.

Кроме того, полагаем целесообразным разработать приказ МВД России, определяющий порядок организации взаимодействия сотрудников полиции с гражданами и общественными объединениями в области обеспечения БДД, который детализирует уже существующие положения по отношению к исследуемой сфере. Следует активнее использовать опыт отдельных субъектов Российской Федерации (Республика Коми, Вологодская, Нижегородская, Белгородская области и т. д.), которые предусматривают денежное вознаграждение гражданам за выявленные и подтверждённые факты административных правонарушений в области дорожного движения, что, на наш взгляд, будет стимулировать участников дорожного движения на законопослушное поведение и формировать модель партнёрского взаимодействия сотрудников Госавтоинспекции и населения.

---

1. Москалу Р. А., Биксултанова Е. С. Система обеспечения безопасности дорожного движения как один из важнейших элементов системы национальной безопасности российской федерации // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2024. № 52(52). С. 16–17
2. Кардашова И. Б Безопасность дорожного движения в контексте обеспечения национальной безопасности // Безопасность дорожного движения. 2023. № 1. С. 6–11.
3. Афонина Е. Г. О роли национальных проектов и стандартов обеспечения детской дорожной безопасности в повышении безопасности дорожного движения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4(58). С. 104–107.
4. Калюжный Ю. Н. Безопасность дорожного движения как компонент системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право. 2020. № 4. С. 3–7.
5. Капустина Е. Г. Деликтологический аспект обеспечения безопасности дорожного движения на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2021. № 4. С. 46–48.
6. Калюжный Ю. Н. Взаимодействие Госавтоинспекции МВД России с институтами гражданского общества и гражданами в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и практика администрирования. 2017. № 6. С. 33–40
7. Афонин В. В. Особенности взаимодействия ГИБДД со службами органов внутренних дел, государственными и общественными организациями в области обеспечения безопасности дорожного движения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения (состояние, проблемы, пути совершенствования). 2017. С. 34–39.
8. Капустина Е. Г. Административно-правовые средства взаимодействия ГИБДД с общественными формированиями и гражданами по вопросам обеспечения

безопасности дорожного движения // Современное состояние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. 2020. С. 94–100.

1. Moskalu R. A., Biksultanova E. S. Sistema obespecheniya bezopasnosti dorozhno-go dvizheniya kak odin iz vazhnejshix e`lementov sistemy` nacional`noj bezopasnosti rossijskoj federacii // Vestnik Vostochno-Sibirskoj Otkry`toj Akademii. 2024. № 52 (52). S. 16–17
2. Kardashova I. B Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya v kontekste obespecheniya nacional`noj bezopasnosti // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 1. S. 6–11.
3. Afonina E. G. O roli nacional`ny`x proektov i standartov obespecheniya det-skoj dorozhnoj bezopasnosti v povy`shenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Vest-nik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 4(58). S. 104–107.
4. Kalyuzhny`j Yu. N. Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya kak komponent sistemy` obespecheniya nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Transportnoe pra-vo. 2020. № 4. S. 3–7.
5. Kapustina E. G. Deliktologicheskij aspekt obespecheniya bezopasnosti dorozhno-go dvizheniya na sovremennom e`tape // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2021. № 4. S. 46–48.
6. Kalyuzhny`j Yu. N. Vzaimodejstvie Gosavtoinspekcii MVD Rossii s institutami grazhdanskogo obshhestva i grazhdanami v sfere obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2017. № 6. S. 33–40
7. Afonin V. V. Osobennosti vzaimodejstviya GIBDD so sluzhbami organov vnut-rennix del, gosudarstvenny`mi i obshhestvenny`mi organizaciyami v oblasti obespeche-niya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya). 2017. S. 34–39.
8. Kapustina E. G. Administrativno-pravovy`e sredstva vzaimodejstviya GIBDD s obshhestvenny`mi formirovaniyami i grazhdanami po voprosam obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Sovremennoe sostoyanie i perspektivy` obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: teoriya i praktika. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. 2020. S. 94–100.

Информация об авторе

Евгения Васильевна Павлова. Заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности ОВД, кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орёл, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Evgenia V. Pavlova. Deputy Head of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Department of Internal Affairs. Candidate of Law, Associate Professor.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.95

ПРОФИЛАКТИКА НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ, ФИКСИРУЕМЫХ В АВТОМАТИЧЕСКОМ РЕЖИМЕ: К ВОПРОСУ О ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Смолин Павел Витальевич
ФГКУ «ВНИИ МВД России», Москва, Россия

pavelmolchanov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме профилактики нарушений правил дорожного движения, количество которых ежегодно растёт. Рассмотрены основные новеллы в области правового регулирования эксплуатации комплексов автоматической фиксации данных нарушений, определены недостатки в их работе, препятствующие реализации профилактического потенциала. Одной из существенных проблем является заинтересованность региональных органов власти в максимизации количества взимаемых штрафов, которые в размере 75 % поступают в бюджеты субъектов Российской Федерации. Автором разработаны предложения по изменению порядка зачисления в бюджет штрафов за нарушения ПДД, в рамках которых обоснованы два возможных пути.

Ключевые слова: профилактика, административное правонарушение, административный штраф, дорожное движение, фотовидеофиксация нарушений.

Для цитирования: Смолин П. В. Профилактика нарушений правил дорожного движения, фиксируемых в автоматическом режиме: к вопросу о повышении эффективности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 135–141.

PREVENTION OF TRAFFIC OFFENCES RECORDED IN AUTOMATIC MODE: TOWARDS GREATER EFFECTIVENESS

Pavel V. Smolin
«NRI of the Ministry of Interior of Russia», Moscow, Russia

pavelmolchanov@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the problem of prevention of traffic offences, the number of which is growing annually. The main novelties in the field of legal regulation of the operation of complexes of automatic fixation of these violations are considered, the shortcomings in their work that hinder the realization of preventive potential are identified. One of the significant problems is the interest of regional authorities in maximizing the number of collected fines, which in the amount of 75% go to the budgets of the subjects of the Russian Federation. The author has developed proposals to change the procedure for transferring fines for traffic violations to the budget, within which two possible ways are justified.

Keywords: prevention, administrative offence, administrative fine, road traffic, photo-video recording of violations.

For citation: Smolin P. V. Prevention of traffic offences recorded in automatic mode: towards greater effectiveness // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 135–141.

Воздействие административной ответственности на участников дорожного движения является важным инструментом обеспечения безопасности дорожного движения (далее – БДД). Цель данного воздействия заключается в предотвращении и профилактике дорожно-транспортных происшествий за счёт формирования установки на правомерное поведение, соблюдение требований Правил дорожного движения (далее – ПДД). В настоящее время в России наблюдается ежегодный рост административной деликтности в рассматриваемой сфере: так, в 2024 году было выявлено 257,1 млн нарушений[1], что на 6,9 % больше, нежели в 2023 году. Общая сумма штрафов превысила 176 млрд рублей, тем самым достигнув рекордного показателя за последние пять лет. Следует констатировать, что административная ответственность в области дорожного движения характеризуется низким профилактическим потенциалом. Согласно результатам проведённого нами социологического исследования, большинство респондентов (61,4 %) в вопросе о цели взимания административных штрафов за нарушения ПДД выбрали вариант «наполнение местных бюджетов, так как это фактически стало платой за возможность нарушить ПДД» и только чуть менее 34,3 % полагают возможным «предупреждение новых правонарушений как самим нарушителем, так и другими лицами» [1, с. 58].

Учёные-административисты также отмечают «бесперспективность попыток искоренить правонарушения в области дорожного движения только путём установления или усиления ответственности» [2, с. 3–10]. Шергин А. П. рассматривает современное состояние административной деликтности как угрозу национальной безопасности в публичной сфере, называя следующие черты административной деликтности в области дорожного движения: 1) масштабность противоправных деяний; 2) увеличение количества лиц, привлечённых к административной ответственности; 3) рост причиняемого ущерба; 4) устойчивость тенденций массового пренебрежения к соблюдению РДД; 5) продолжение противоправной деятельности после применения наказания [3, с. 25]. В области дорожного движения наиболее распространённой санкцией, применяемой к нарушителям, является наложение административного штрафа. А. П. Коренев характеризовал административный штраф «как материальное воздействие на нарушителя, которое выражается в денежном взыскании за неправомерный поступок» [4, с. 33].

Основная масса штрафов за правонарушения в области дорожного движения назначается в автоматическом режиме на основе показаний технических средств автоматической фото- и видеофиксации нарушений ПДД (далее – средства ФВФ). Как отмечает Майоров В. И., применение средств ФВФ является одним из эффективных способов профилактики ДТП и повышения БДД [5, с. 44]. Однако современная тенденция в виде стремления к максимизации фиксируемых нарушений и взимаемых за них штрафов препятствует реализации профилактического потенциала.

Одной из основных причин формирования данной тенденции стал существующий порядок зачисления установленных КоАП РФ штрафов за нарушения ПДД и правил эксплуатации транспортных средств в части бюджетного адресата, который регулируется ч. 3 ст. 46 Бюджетного кодекса РФ[2] (далее – БК РФ). Следует отметить, что в 2024 году данный порядок претерпел изменения – ранее суммы штрафов в полном объёме зачислялись в бюджет субъектов Российской Федерации. В настоящее время сумма штрафа подлежит «зачислению в федеральный бюджет – по нормативу 25 процентов; в бюджет субъекта Российской Федерации по месту нахождения должностного лица федерального органа исполнительной власти, органа

[1] По статистическим данным Госавтоинспекции МВД России.
[2] Бюджетный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прокуратуры Российской Федерации или исполнительного органа субъекта Российской Федерации, принявшего решение о наложении административного штрафа или направившего дело об административном правонарушении на рассмотрение судье, в комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, – по нормативу 75 процентов». В таких условиях остаётся высокой заинтересованность органов власти субъектов РФ во взимании максимального количества штрафов за нарушения ПДД. Генеральная прокуратура РФ отмечает наличие многочисленных нарушений, связанных с установкой и работой комплексов ФВФ, в том числе: 1) корыстное использование комплексов, которые становятся источником дополнительных доходов как для региональных органов власти, так и для предпринимателей; 2) недостатки в работе и настройке средств ФВФ, приводящие к незаконному привлечению к ответственности; 3) нецелевое расходование, а также хищение бюджетных средств, выделяемых на установку и содержание комплексов [6, с. 8–9] и др.

Появлению нарушений способствовал рекомендательный характер ряда норм, регулировавших применение рассматриваемых технических средств. С целью устранения данного недостатка Федеральный закон РФ от 08.11.2007 № 257-ФЗ «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 257-ФЗ) был дополнен[1] новой ст. 22.1, урегулировавшей отношения в области установки и эксплуатации средств ФВФ. Ввиду важности новелл остановимся на них более подробно. В первую очередь обратим внимание на то, что законодательное определение средств ФВФ закреплено не было, однако была конкретизирована их классификация и установлены обязательные требования, которым они должны соответствовать. Использование не соответствующих требованиям средств ФВФ для фиксации нарушений ПДД не допускается, а полученную с их помощью информацию запрещено использовать для привлечения к ответственности за нарушения ПДД.

Ключевыми требованиями к средствам ФВФ являются:

1) обеспечение контроля за соблюдением ПДД и фиксация в зоне обзора всех нарушений ПДД, для выявления которых они предназначены;

2) отсутствие какого-либо усмотрения или непосредственного воздействия со стороны человека;

3) утверждение в установленном порядке в качестве средств измерений с наличием соответствующего сертификата и действующего свидетельства о метрологической поверке;

4) обязательность информирования участников дорожного движения о местах установки (либо маршрутах движения) средств ФВФ, включая географические координаты и виды фиксируемых нарушений ПДД.

В зависимости от особенностей размещения выделяются стационарные, передвижные и мобильные средства ФВФ. В 2024 году количество стационарных комплексов увеличилось на 11,2 % и составило 28 125. При этом количество передвижных уменьшилось на 5,5 % (всего 2 919). В свою очередь, мобильные средства ФВФ используются лишь единичными субъектами Российской Федерации ввиду их высокой стоимости.

[1] О внесении изменений в Федеральный закон Рос. Федерации «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Рос. Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации» и статью 3 Федерального закона Рос. Федерации «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон Рос. Федерации от 29 мая 2023 г. № 197-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Отдельное внимание следует обратить на регламентацию закрытого перечня мест установки средств ФВФ (п. 1 ч. 14 ст. 22.1 ФЗ РФ № 257-ФЗ). Например, на аварийно-опасных участках дорог, пешеходных переходах, перекрестках и др. Вместе с тем на мобильные средства ФВФ, установленные на транспортных средствах полиции, указанные требования не распространяются. Ещё одно исключение является территориальным: в городе федерального значения Москве, согласно Закону Российской Федерации от 15.04.1993 № 4802-I «О статусе столицы Российской Федерации», устанавливаются свои «особенности применения» норм ст. 22.1 Закона 257-ФЗ. При этом на практике регулирование использования средств ФВФ в Москве не только имеет свои особенности, но и прямо противоречит некоторым положениям рассматриваемой статьи. Например, в части мест установки средств ФВФ, количество которых достигает 12 % от общего числа по стране, или же в использовании мобильного приложения «Помощник Москвы», правомерность работы которого вызывает вопросы [7, с. 258–259].

Анализируя законодательные новеллы, следует указать, что при их разработке учитывались недостатки работы средств ФВФ, которые уже более 10 лет становятся предметом исследования учёных-административистов. Прежде всего это отсутствие информирования участников дорожного движения о работе средств ФВФ и их «скрытая» установка. Данные действия были направлены на увеличение количества фиксируемых нарушений и сумм штрафов, поступающих в бюджет. Очевидно, что цель профилактики нарушений в зоне работе средств ФВФ в таком случае не достигается, следовательно, их установка не оказывает никакого влияния на состояние БДД.

В настоящее время информирование об установке средств ФВФ является обязательным: согласно ч. 12 ст. 22.1 Федерального закона РФ № 257-ФЗ, данная информация «должна быть общедоступной и размещаться на официальном сайте в сети Интернет федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел». На практике сведения размещены не на сайте МВД России, а на сайте Госавтоинспекции, что является вполне рациональным.

Вместе с тем анализ карт с отмеченными местами установки средств ФВФ показывает, что не все требования закона соблюдаются, поскольку из необходимой информации присутствуют лишь адреса (или примерное географическое расположение) и наименования технических моделей средств ФВФ. Что касается фиксируемых нарушений, то во всех случаях фигурирует стандартная запись «административные правонарушения в области дорожного движения, ответственность за которые предусмотрена статьями главы 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и/или административные правонарушения в области благоустройства территории, предусмотренные законами субъектов Российской Федерации, совершённые с использованием транспортных средств»[1]. Представляется, что столь общая формулировка не соответствует «видам фиксируемых нарушений ПДД», требуемым по ч. 12 ст. 22.1 Закона № 257-ФЗ. Кроме того, отсутствуют данные о «контролируемых условиях и режимах движения», которые также являются обязательными. В итоге нововведение при всех его достоинствах было реализовано лишь фрагментарно, вследствие чего профилактический потенциал норм значительно снижен.

На наш взгляд, основным недостатком является отсутствие информации о контролируемых условиях и режимах движения. Для стимулирования к соблюдению ПДД водитель должен знать, во-первых, какие нарушения фиксируются камерой, во-

[1] Места размещения технических средств автоматической фотовидеофиксации [Электронный ресурс]. URL: https://госавтоинспекция.рф/milestones/23858. (дата обращения: 30.03.2025).

вторых, какие режимы движения, включая ограничения, установлены на участке дороги. Учитывая далеко не всегда оптимальное размещение технических средств организации дорожного движения (разметка, дорожные знаки, светофоры и др.) в границах улично-дорожной сети, частые нарушения их нормативно-технического состояния, несоответствие документации по организации дорожного движения, информирование лишь о факте наличия камеры не способны обеспечить понимание дорожной обстановки. В этой связи следует обратить внимание на актуальное предложение Майорова В. И. о создании интерактивных карт «размещения технических средств организации дорожного движения на основных улицах крупных городов, которые должны находиться в свободном доступе в сети Интернет. Расположение технических средств организации дорожного движения на этих картах должно соответствовать имеющимся схемам и проектам организации дорожного движения, реальной дорожной ситуации, требованиям нормативных правовых актов» [8, с. 23–24]. По нашему мнению, для надлежащего информирования участников дорожного движения и профилактики нарушений ПДД предложенные интерактивные карты необходимо совместить с картами средств ФВФ.

В целом следует положительно оценить новеллы, направленные на упорядочение размещения средств ФВФ и повышение их роли в профилактике аварийности. Действие новых правил уже проявило себя: в 2024 году процентный рост количества зафиксированных нарушений ПДД замедлился в 2–3 раза – увеличение составило лишь 6,2 % при среднем показателе 11–17 % в предшествующие годы. Многие комплексы ФВФ, эксплуатируемые с нарушениями, прекратили свою работу, или их данные не используются для привлечения к ответственности за нарушения ПДД. Тем не менее сам факт роста количества нарушений (как и количества стационарных средств ФВФ) в 2024 году показывает, что при ориентированности новых правил на обеспечение БДД фискальная направленность государственной политики в области дорожного движения продолжает сохраняться, ведь в 2024 году было принято ещё несколько новых законов, которые, во-первых, увеличили штрафы за ряд правонарушений в области дорожного движения с 1 января 2025 г., уменьшили сумму «скидки» при своевременной уплате штрафа до 25 %, а во-вторых, установили норматив зачисления в федеральный бюджет в виде 25 % от суммы собираемых штрафов.

Исходя из этого, несмотря на уточнение требований к средствам ФВФ и снижение на 25 % сумм поступающих в региональные бюджеты штрафов, фактические доходы бюджетов не станут меньше, поскольку их планируется компенсировать за счёт водителей-нарушителей. Чтобы штрафы за нарушения ПДД перестали восприниматься как источник доходов для бюджетов субъектов Российской Федерации, представляется необходимым дополнить рассмотренные выше меры корректировкой действующего порядка зачисления сумм штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения в части бюджетного адресата.

В соответствии с предлагаемым нами подходом возможны два варианта корректировки указанного порядка. Согласно первому следует принять норматив распределения сумм штрафов в соотношении 50 % в федеральный бюджет, 50 % – в бюджет субъекта Российской Федерации. В качестве правовой основы указанного предложения необходимо указать пункт «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, закрепляющий, что административное законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и её субъектов [7, с. 21]. В ст. 46 БК РФ имеется пример распределения штрафов в равных долях (50/50): это штрафы КоАП РФ, постановления по которым вынесены мировыми судьями и комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. Правда, подобное разделение предусмотрено между бюджетами субъекта Российской Федерации и муниципального образования

(ч. 4 ст. 46 БК РФ), однако само наличие механизма долевого распределения сумм штрафов позволяет использовать его и в отношении федерального бюджета.

Второй вариант заключается в зачислении 100 % от суммы штрафов за нарушения ПДД и правил эксплуатации транспортных средств в федеральный бюджет. Его обоснованием может послужить то, что КоАП РФ и ПДД являются нормативными правовыми актами федерального уровня, действующими на всей территории Российской Федерации, вне зависимости от уровня и количества субъектов. Кроме того, штрафы, налагаемые федеральными органами исполнительной власти, к которым относится и МВД России, в большинстве своём зачисляются в федеральный бюджет по нормативу 100 %. Однако есть риск, что с исчезновением какой-либо финансовой мотивации органы власти субъектов Российской Федерации потеряют заинтересованность в развитии и поддержании в рабочем состоянии сети комплексов ФВФ. Недостатком данного варианта также является то, что штрафы за нарушения ПДД являются одним из источников формирования региональных дорожных фондов. Поэтому более сбалансированной видится мера в виде равного разделения сумм штрафов между региональным и федеральным бюджетами.

Разумеется, помимо предложенного перераспределения штрафов, должен быть реализован комплекс иных мер, направленных на профилактику и предупреждение нарушений ПДД. Повышение санкций за некоторые правонарушения в области дорожного движения с принятием Федерального закона РФ от 26.12.2024 № 490-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» имело преимущественно фискальную направленность, поскольку было осуществлено механическим путём (с помощью увеличения штрафов в 1,5 раза), без учёта обоснованности существующих санкций и их зависимости от степени общественной опасности нарушений. Не была решена проблема предотвращения повторных нарушений, хотя учёными предлагается множество способов борьбы с ними: например, введение балльной системы учёта совершаемых нарушений ПДД [9, с. 18; 7, с. 357]. Как указывал Попов Л. Л., повышенная ответственность за рецидив правонарушений значительно усиливает превентивные возможности административных взысканий [10, с. 105].

В качестве вывода отметим, что в контексте стоящих перед государством задач по снижению смертности и травматизма в дорожном движении не следует недооценивать профилактический потенциал административной ответственности за нарушения ПДД. Однако для её эффективного воздействия на участников дорожного движения требуется изменение существующей установки на увеличение количества выявляемых нарушений ПДД с выдвижением на первый план приоритета их профилактики.

---

1. Молчанов П. В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: монография / М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. 248 с.
2. Рогачева О. С. Эффективность норм административно-деликтного права: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2011. 356 с.
3. Шергин А. П. Дорожная деликтология // Безопасность дорожного движения. 2024. № 2. С. 23–26.
4. Коренев А. П. Убеждение и принуждение в деятельности советской милиции // Труды Высшей школы МООП РСФСР. М., 1965. Вып. 11. С. 19–43.
5. Майоров В. И. Совершенствование использования технических средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения на основе цифровых технологий // Безопасность дорожного движения. 2023. № 3. С. 44–48.
6. Рубцова М.В. Роль органов прокуратуры в соблюдении законности при

заключении договоров на создание и эксплуатацию комплексов фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения // Современная наука. 2022. № 2. С. 7–11.
7. Смолин П. В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации: дис. … докт. юрид. наук. М., 2024. 530 с.
8. Майоров В. И., Денисенко В. В. Проблемы регулирования превышения установленной скорости движения: российский и зарубежный опыт // Безопасность дорожного движения. 2022. № 4. С. 19–25.
9. Романькова С. А. Административное принуждение, применяемое полицией в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 23 с.
10. Попов Л. Л. Эффективность административно-правовых санкций в сфере охраны общественного порядка. М.: изд. ВНИИ МВД СССР, 1976. 212 с.

1. Molchanov P. V. Administrativno-pravovoe obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii: monografiya / M.: Norma: INFRA-M, 2019. 248 s.
2. Rogacheva O. S. E`ffektivnost` norm administrativno-deliktnogo prava: monografiya. Voronezh: Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, 2011. 356 s.
3. Shergin A. P. Dorozhnaya deliktologiya // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2024. № 2. S. 23–26.
4. Korenev A. P. Ubezhdenie i prinuzhdenie v deyatel`nosti sovetskoj milicii // Trudy` Vy`sshej shkoly` MOOP RSFSR. M., 1965. Vy`p. 11. S. 19–43.
5. Majorov V. I. Sovershenstvovanie ispol`zovaniya texnicheskix sredstv fotovideofiksacii narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya na osnove cifrovy`x texnologij // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2023. № 3. S. 44–48.
6. Rubczova M.V. Rol` organov prokuratury` v soblyudenii zakonnosti pri zaklyuchenii dogovorov na sozdanie i e`kspluataciyu kompleksov fotovideofiksacii narushenij pravil dorozhnogo dvizheniya // Sovremennaya nauka. 2022. № 2. S. 7–11.
7. Smolin P. V. Administrativno-pravovoe obespechenie bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii: dis. … dokt. yurid. nauk. M., 2024. 530 s.
8. Majorov V. I., Denisenko V. V. Problemy` regulirovaniya prevy`sheniya ustanovlennoj skorosti dvizheniya: rossijskij i zarubezhny`j opy`t // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 4. S. 19–25.
9. Roman`kova S. A. Administrativnoe prinuzhdenie, primenyaemoe policiej v oblasti dorozhnogo dvizheniya: avtoref. diss. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2017. 23 s.
10. Popov L. L. E`ffektivnost` administrativno-pravovy`x sankcij v sfere oxrany` obshhestvennogo poryadka. M.: izd. VNII MVD SSSR, 1976. 212 s.

Информация об авторе

Павел Витальевич Смолин. Ведущий научный сотрудник, доктор юридических наук, доцент.
ФГКУ «ВНИИ МВД России».
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the author

Pavel V. Smolin. Leading Researcher. Doctor of Law, Associate Professor.
«NRI of the Ministry of Interior of Russia».
121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25.

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 03.03.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342

ОБ ОСНОВНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Фомичев Андрей Андреевич
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

andry2453@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению публичной власти, выявлению её основных характеристик. Исследуется природа данной власти, изучаются её наиболее значимые черты. Приводятся и освещаются различные точки зрения и подходы учёных по указанному вопросу. Акцентируется внимание на присущих им достоинствах и недостатках. Формируется и аргументируется авторская модель основных характеристик публичной власти. Делается вывод о системной взаимосвязи, взаимодополнении и взаимопроникновении приведённых в статье признаков и характеристик, выступающих неотъемлемым компонентом публичной власти независимо от её формы и исторической ступени развития. Подчёркивается, что именно система указанных характеристик (признаков) позволяет констатировать наличие публичной власти в том или ином обществе, а также предоставляет возможность отграничить её от иных видов социальной власти.

Ключевые слова: публичная власть, публичные интересы, артикуляция публичных интересов, принуждение, территориально-организованный коллектив, социальная власть.

Для цитирования: Фомичев А. А. Об основных характеристиках публичной власти // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 142–150.

THE MAIN CHARACTERISTICS OF PUBLIC AUTHORITY

Andrey An. Fomichev
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

andry2453@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of public power and the identification of its main characteristics. The nature of this power is investigated, its most significant features are studied. Various points of view and approaches of scientists on this issue are presented and highlighted. Attention is focused on their inherent advantages and disadvantages. The author's model of the main characteristics of public power is formed and argued. The conclusion is drawn about the systemic interrelation, complementarity and interpenetration of the features and characteristics listed in the article, which are an integral component of public power, regardless of its form and historical stage of development. It is emphasized that it is the system of these characteristics (signs) that makes it possible to establish the presence of public power in a particular society, and also provides an opportunity to distinguish it from other types of social power.

Keywords: public power, characteristics of public authority, public interests, articulation of public interests, coercion, geographically organized collective, social power.

For citation: Fomichev A. A. On the question of the main characteristics of public authority // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 142–150.

В настоящее время исследование основополагающих характеристик публичной власти приобрело особую актуальность вследствие активно протекающих политико-правовых преобразований. Феномен публичной власти сегодня оказался в центре государственных трансформаций, переживаемых Российской Федерацией [1, с. 18]. В одном из ежегодных посланий Федеральному Собранию РФ Президент РФ Путин В. В. обратил внимание на необходимость «закрепления в Конституции принципов единой системы публичной власти, выстраивания эффективного взаимодействия между государственными и муниципальными органами»[1]. Идея Президента РФ была поддержана российским парламентом и отразилась в Законе РФ о поправке к Конституции от 14.03.2020[2]. Ключевым событием при этом стало всероссийское голосование, по результатам которого категория публичной власти приобрела конституционно-правовое оформление в тексте Основного Закона России. Вместе с тем Конституция РФ не раскрывает ни перечень элементов публичной власти, ни самого её определения. Конкретное содержание, структуру и механизм функционирования публичной власти в России ещё только предстоит сформировать и отрегулировать в целом комплексе нормативных правовых документов [1, с. 19]. Как указывает Старилов Ю. Н., конституционно-правовое закрепление категории «публичная власть» неминуемо станет отправной точкой кардинального изменения российского законодательства [2, с. 28]. Поэтому уже сейчас важно не только исследовать данный феномен, но и вскрыть его сущностные характеристики, позволяющие понять, спрогнозировать и сконструировать многосторонние проявления государственно-правовой действительности.

Рассматривая основные характеристики публичной власти, прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что она является разновидностью социальной власти [3, с. 5; 4, с. 8], то есть существует в обществе и складывается между людьми в виде отношений господства и подчинения. Специфика этих отношений состоит в утверждении человеком своей воли вопреки волевому сопротивлению других людей. Иными словами, публичная власть как разновидность социальной власти реализуется в условиях противоречия, противоборства, сопротивления между руководящим и подчинённым субъектами.

Социальный характер публичной власти также предполагает наличие общественности, то есть некоторого коллектива людей, внутри и от имени которого реализуются отношения господства и подчинения. Масштабы данного коллектива могут быть весьма разнообразны: от небольшого объединения до целой нации или народа. Однако некоторые исследователи склонны считать, что публичная власть отличается массовостью – существует среди больших групп населения. Например, Югов А. А. отмечает, что, охватывая широкие слои населения, публичная власть обладает макросоциальным характером, отличающим её от иных форм социальной власти, реализуемых в средних и малых группах. В качестве примера Югов А. А. сравнивает государственную и родительскую власть, обращая внимание на количественную разницу между ними. При этом подчёркивается, что именно

[1] Послание Президента Рос. Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. // Рос. газ. 2020. 16 янв. № 7.

[2] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Рос. газ. 2020. 16 март. № 55.

количественный признак позволяет отличить публичную власть от иных форм социальной власти [5, с. 44]. Однако автор не указывает, где проходит эта количественная граница, с какого момента частная власть перерастает в публичную. Вместе с тем данный вопрос представляет наибольшую сложность и до настоящего времени он так и не был однозначно решён. Дело в том, что количественный признак весьма субъективен и не позволяет однозначно понять, где именно заканчивается частное и начинается публичное, будь то власть, отношения или интересы. Например, совершенно неясно, следует ли считать племенную власть публичной или частной? Ведь племя может быть образовано как несколькими десятками, так и несколькими сотнями или даже тысячей человек. То же самое касается родовых союзов, кланов и иных социальных объединений, предшествовавших образованию государства. Рассматривая обозначенный вопрос с точки зрения материалистической диалектики, необходимо понимать, что количественный признак совершенно непригоден для того, чтобы различить публичную власть от иных форм социальной власти, так как чёткой границы между ними нет. Она зависит от конкретных материальных условий существования общества. В этой связи нельзя сказать и о том, что за пределами определённой количественной черты начинают резко происходить качественные изменения в характере власти. Увеличение или уменьшение населения, от имени и в рамках которого реализуются отношения господства и подчинения, приводит к плавному качественному переходу социальной власти в частную или публичную форму.

Более продуктивной характеристикой публичной власти, позволяющей вскрыть её отличительные особенности, представляется связь отношений господства и подчинения не только с социальной общностью, но и с конкретной территорией, на которой эта общность (коллектив, объединение) проживает. Речь идёт о территориальной обособленности населения, воспринимающего себя частью определённого географического пространства, а также обладающего самостоятельностью и независимостью от иных подобных территориальных образований. Марченко А. А. по данному поводу справедливо указывает, что о наличии публичной власти можно говорить только тогда, когда власть осуществляется для территориальной общности людей, находящейся в органичном единстве и дистанцирующейся от иных подобных территориально-организованных объединений [6, с. 23]. Чиркин В. Е., исследуя публичную власть, также акцентирует внимание на её территориальном признаке. По его мнению, публичная власть может существовать только в коллективном сообществе, образуемом жителями определённой территории внутри её границ [3, с. 6].

Несмотря на очевидность территориального признака, актуальным остаётся вопрос о том, где пролегает граница, разделяющая публичную от частной или какой-либо иной власти? Каков минимальный размер территории, население которой становится носителем публичной власти? Думается, что, опираясь лишь на территориальный признак, ответить на данные вопросы невозможно, так как само по себе количественное изменение географического пространства не даёт понимания того, где находятся пределы частной власти и откуда начинается действие публичной власти. В чистом виде такой границы не существует, она подвижна и весьма условна. В этой связи определить публичную власть и понять её сущность можно не по одному конкретному признаку, а только по их совокупности.

Так, территориальный признак публичной власти позволяет понять внешние условия социального объединения людей. Совместное проживание в рамках единого и ограниченного географического пространства служит объективным фактором их интеграции. Однако не менее важным является внутреннее условие сплочённости

населения, от имени которого реализуются отношения господства и подчинения. Таким условием выступает наличие общих (публичных) интересов.

Публичные интересы образуются из слияния потребностей, желаний и устремлений всех лиц, проживающих на общей территории и в едином социальном пространстве. Рассматривая механизм образования публичных интересов, Гак Г. М. справедливо указывает, что каждый человек сочетает в себе не только индивидуальные особенности, подчёркивающие его уникальность, но и общие черты, которые отражают в нём исторически сложившуюся в определённый момент времени совокупность общественных отношений, связывают его с социальной группой, классом и другой общностью людей [7, с. 20]. Именно эти черты и обусловливают совмещение разрозненных потребностей и желаний отдельных лиц в единство общественных интересов. При этом необходимо подчеркнуть, что публичные интересы – это не механическая сумма человеческих устремлений, а качественно иное, самостоятельное образование, отражающее общую волю населения как единого социального субъекта.

Богдан В. В. и Шергунова Е. А. по данному поводу верно указывают, что публичные интересы представляют собой осмысленную обществом потребность, которая задаёт направление его стратегического развития. Публичные интересы не сводимы к интересам отдельных лиц, и, более того, они нередко противопоставляются им [8, с. 44].

Чикунова Е. В. делает важное замечание об изменчивости объёма и границ между частными и публичными интересами. Они подвижны и зависимы от представлений об общем благе, которые в конкретный исторический период выражают объективно необходимые условия для совместного бытия и согласованного сосуществования всех членов общества как равноправных субъектов, выступающих носителями этого самого блага [9, с. 307].

Некоторое обобщение свойств публичных интересов наблюдается в исследовании, проведённом Бакаевой О. Ю. и Погодиной Н. А., которые отмечают следующее. Во-первых, публичные интересы являются общественным продуктом, не зависят от социального статуса субъекта-носителя и не могут быть удовлетворены в индивидуальном порядке. Их реализация требует широкомасштабной организации и значительного количества ресурсов.

Во-вторых, осуществление публичных интересов выступает условием реализации частных интересов, что подтверждает их фундаментальный характер как для общества в целом, так и для отдельной личности, в частности.

В-третьих, граница между сферами частного и публичного интересов подвижна и определяется законодателем.

В заключение авторами подчёркивается основополагающая роль публичных интересов для существования государственных и общественных институтов, вследствие чего, с одной стороны, данные интересы фиксируются в праве, а с другой стороны, охраняются и защищаются государством [10, с. 45].

Большинство исследователей солидарны с тем, что публичные интересы обладают особенно высокой значимостью, так как их реализация напрямую связана с целостностью, устойчивостью, безопасным существованием и развитием общества как социального единства [11, с. 55; 12, с. 110]. В этом и состоит сущность публичных интересов, которая сводится к трансляции общезначимых потребностей, подчёркивающих связь и единство социального объединения. Как видится, это обстоятельство служит и основной причиной формирования публичной власти, призванной артикулировать, охранять и защищать публичные интересы в силу их фундаментальной ценности. В этой связи нельзя не согласиться с точкой зрения

Рачинского В. В. , по мнению которого, публичные интересы, выступающие системным свойством любого общества, составляют основу публичной власти [4, с. 14].

Ф. Энгельс справедливо указывал, что уже на первоначальном этапе развития любого социального объединения существуют общие интересы, требующие охраны и обеспечения. К ним относятся: разрешение споров; репрессии против лиц, превышающих свои права; надзор за орошением, особенно в жарких странах; на ступени первобытного состояния – религиозная миссия. Все эти функции возлагаются на отдельных лиц, хотя и под надзором всего общества. Подобные должности встречаются в первобытных общинах во все времена. Они обличены известными полномочиями и представляют собой зачатки государственной власти [13, с. 313].

Как видно, публичные интересы имеют решающее значение для образования публичной власти, выступают причиной и ядром в процессе её формирования, обусловливают цели и задачи функционирования господствующего субъекта. При этом вполне закономерным видится вопрос о том, кто способен воспринимать, защищать, представлять внутри и вовне социального объединения данные интересы? Очевидно, что это не каждый член общественности и даже не их совокупность. Принимая во внимание, что частные интересы нередко вступают в противоречие с публичными интересами, реализация последних неизбежно должна быть возложена на тех лиц или группу людей, с позицией которых согласно большинство членов общественного объединения. Данные лица считаются официальными представителями общественности как единого социального субъекта. В этом качестве они наделяются специальными обязанностями, правами и полномочиями, позволяющими им реализовывать отношения господства и подчинения с целью обеспечения публичных интересов. Благодаря такому формированию власть приобретает характеристику народности, что отождествляет её с народовластием и демократизмом. Как верно замечает В. В. Таболин, народность и публичность вполне можно признать родственными понятиями, во главе которых стоит народовластие и общественные интересы [14, с. 11]. С другой стороны, народность публичной власти есть её признание, одобрение и доверие, из которых выводится такая сущностная характеристика, как легитимность [15, с. 148].

Легитимность как признак публичной власти признаётся и упоминается многими исследователями. В частности, Марченко А. А. по данному поводу считает, что характерным признаком публичной власти выступает её признание со стороны подвластных. Имея потребность в управлении, они наделяют специально организованный субъект функцией руководства территориально-организованной общностью людей [6, с. 23].

Югов А. А. отмечает, что публичная власть – это легитимная власть. Она возникает и существует на основе представительства, базируется на свободно выраженном доверии тех людей, в отношении которых осуществляется властное регулирование [5, с. 44].

Вершинина С. И. говорит о том, что сама способность властвовать вытекает из консолидации полномочий каждого члена общества и передачи их публичному субъекту. Учреждая данный субъект, общество определяет предмет его ведения и делегирует ему часть своих полномочий на решение этих вопросов. В этой связи природа публичной власти производна от волеизъявления каждого члена социального объединения. При этом человек одновременно выступает и источником публичной власти, и объектом её управления [16, с. 8].

Зарубежные представители научной мысли аналогичным образом считают легитимность важным признаком публичной власти. М. Вебер видел её в качестве признания господства правителей и подчинённости управляемых [17, с. 26].

Ю. Хабермас рассматривает её как процесс интеграции и поддержания большинством членов общества тех ценностей и норм, которые провозглашаются и преследуются властвующим субъектом [18, с. 183]. Липсет С. М. говорит о легитимности как способности политической системы поддерживать веру населения в пригодность действующей власти для данного общества [19, с. 104].

Авдеев Д. А. констатирует, что легитимность власти – это не только согласие народа с проводимой политикой властвующего субъекта, но также всеобщее признание и одобрение его властной деятельности, выраженное через политическую волю большинства избирателей. Легитимность придаёт политическим решениям характер общности, народности, публичности, демонстрирующих выраженную в них волю большинства [15, с. 148].

Как видно, публичная власть существует с того момента и до тех пор, пока члены социального объединения чувствуют потребность в обеспечении общих интересов, убеждены в необходимости отношений господства и подчинения, а также доверяют их реализацию конкретным лицам (аппарату управления). Когда пропадает эта общая убеждённость, потребность и доверие, публичная власть теряет свой источник и перестаёт существовать. В противном случае не признаваемая и не одобряемая народом, она утрачивает свойство публичности (открытости, доступности, народности), деформируется, изменяет сущность, форму и преобразуется в совершенно иной вид власти. Например, в случае захвата власти путём прямого обмана или нелегитимного насилия кардинальным образом изменяются цели реализации отношений господства и подчинения, сменяются правила функционирования властвующего субъекта, преследуются не общие, а частные интересы или интересы отдельной группы людей. Поэтому во избежание деформации и утраты связи с источником усилия публичной власти в той или иной мере всегда направлены на поддержание своей легитимности.

В контексте легитимности особое значение имеет право публичной власти на использование принуждения. Принуждение есть проявление силы, выступающей неотъемлемым компонентом власти. Особенность публичной власти состоит в том, что данная сила применяется от лица территориально-организованного сообщества. Заранее ограничивая свою свободу и делегируя полномочия ограниченному кругу лиц, составляющих аппарат управления, население предполагает и добровольно предоставляет возможность использования принуждения в отношении самого себя, а именно – в отношении нарушителей охраняемых благ, норм и правил поведения. Первостепенное значение при этом имеют цели принуждения, так или иначе преследующие охрану, защиту, обеспечение и реализацию публичных интересов. Иными словами, принуждение, осуществляемое публичной властью, применяется во имя общего блага той социальной общности, которая эту власть учредила.

Вершинина С. И. по данному поводу отмечает, что в отношениях с субъектом публичной власти у гражданина, помимо прав, имеются и обязанности, которые он должен исполнять в целях удовлетворения общественных интересов. По этой причине публичная власть призвана не только охранять права частных лиц, но и создавать условия для исполнения всеми своих юридических обязанностей. Она должна быть способна обеспечить исполнение своих управленческих решений, в том числе путём подавления оказываемого сопротивления, пресечения противоправного поведения. Эта сторона публичной власти наибольшим образом связана с использованием принуждения, предполагающего наличие специального аппарата, механизма принудительного воздействия, а также способов и средств его реализации [16, с. 8].

Марченко А. А. также признаёт принуждение неотъемлемым компонентом публичной власти. Он указывает, что характерным признаком публичной власти как

особого волевого социального отношения выступает наличие субъекта управления, обладающего санкционированной возможностью применять силу принуждения и руководить территориально-организованной общностью людей, которые признают за этим субъектом функцию управления и руководства на соответствующей территории [6, с. 23].

В целом необходимо констатировать, что именно принуждение говорит о способности публичной власти управлять обществом, обеспечивать публичные интересы, пресекать и разрешать социальные конфликты. Только при наличии реальной возможности осуществлять систематическое принудительное воздействие от лица социального объединения можно говорить о действительном существовании публичной власти. В этой связи вполне оправданным видится выделение принуждения в качестве одного из сущностных признаков публичной власти.

Таким образом, публичная власть – это особая разновидность социальных отношений господства и подчинения, складывающихся в территориально-организованном коллективе и признаваемых им в целях обеспечения публичных интересов. Проведённый анализ позволяет выделить следующие сущностные характеристики и признаки публичной власти:

– социальный характер;

– наличие территории и постоянно проживающего на ней населения (территориально-организованного коллектива);

– наличие публичных интересов и общей потребности в их обеспечении (охране, защите, реализации);

– наличие аппарата управления, одобряемого и признаваемого населением;

– возможность и способность осуществлять принуждение от имени территориально-организованного коллектива.

Данные характеристики в своей системной взаимосвязи, взаимодополнении и взаимопроникновении выступают неотъемлемым компонентом публичной власти независимо от её формы и исторической ступени развития. Именно система указанных характеристик (признаков) позволяет констатировать наличие публичной власти в том или ином обществе, а также предоставляет возможность отграничить её от иных видов социальной власти.

---

1. Денисов Ю. П., Стаурский С. С. Феномен публичной власти в России в контексте современных трансформационных процессов // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 4. С. 17–21.
2. Старилов Ю. Н. Государственное управление в системе единой публичной власти: терминологический итого конституционной реформы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 1. С. 20–31.
3. Чиркин В. Е. О современной концепции публичной власти // Государство и право. 2016. № 2. С. 5–14.
4. Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. 28 с.
5. Югов А. А. Конституционные начала публичной власти: российское измерение // Российский юридический журнал. 2005. № 1. С. 43–53.
6. Марченко А. А. Категория муниципальной власти: теоретико-правовое осмысление // Бизнес в законе. 2010. № 5.
7. Гак Г. М. Диалектика коллективности и индивидуальности. М., 1987. 167 с.
8. Богдан В. В., Шергунова Е. А. К вопросу о понимании общественного интереса // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и

социальные аспекты: Сборник научных статей 7-й Международной научно-практической конференции. Курск, 2017. С. 43–46.
9. Чикунова Е. В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования // Вестник ТГУ. 2008. № 8 (64). С. 304–308.
10. Бакаева О. Ю., Погодина Н. А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011. № 4. С. 36–47.
11. Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995. 485 с.
12. Макарцев А. А. Публичные и индвидуальные интересы в избирательном праве России: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российской права. 2016. № 8. С. 108–117.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М.: Издательство АСТ, 2020. 480 с.
14. Таболин В. В. Эффективность публичной власти: подходы к пониманию и правовой природе // Конституционно-правовые проблемы эффективности публичной власти в России и зарубежных государствах: коллективная монография / под ред. А. А. Ларичева. Петрозаводск: Карельский филиал РАНХиГС, 2017. 328 с.
15. Авдеев Д. А. Легитимность и легитимация российской публичной власти // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 145–158.
16. Вершинина С. И. Понятие публичной власти и ее взаимодействие с государственным принуждением // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2010. № 1. С. 8–12.
17. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
18. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.
19. Филиппов А. Ф. Политическая социология. Фундаментальные проблемы и основные понятия // Полития. 2002. № 2.

1. Denisov Yu. P., Staurskij S. S. Fenomen publichnoj vlasti v Rossii v kontekste sovremenny`x transformacionny`x processov // Azimut nauchny`x issledovanij: e`konomika i upravlenie. 2020. T. 9. № 4. S. 17–21.
2. Starilov Yu. N. Gosudarstvennoe upravlenie v sisteme edinoj publichnoj vlasti: terminologicheskij itogo konstitucionnoj reformy` // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2020. № 1. S. 20–31.
3. Chirkin V. E. O sovremennoj koncepcii publichnoj vlasti // Gosudarstvo i pravo. 2016. № 2. S. 5–14.
4. Rachinskij V. V. Publichnaya vlast` kak obshhepravovaya kategoriya: teoretiko-prikladnoj aspekt: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2003. 28 s.
5. Yugov A. A. Konstitucionny`e nachala publichnoj vlasti: rossijskoe izmerenie // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2005. № 1. S. 43–53.
6. Marchenko A. A. Kategoriya municipal`noj vlasti: teoretiko-pravovoe osmy`slenie // Biznes v zakone. 2010. № 5.
7. Gak G. M. Dialektika kollektivnosti i individual`nosti. M., 1987. 167 s.
8. Bogdan V. V., Shergunova E. A. K voprosu o ponimanii obshhestvennogo interesa // Trendy` razvitiya sovremennogo obshhestva: upravlencheskie, pravovy`e, e`konomicheskie i social`ny`e aspekty`: Sbornik nauchny`x statej 7-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Kursk, 2017. S. 43–46.
9. Chikunova E. V. Individual`ny`j interes i obshhee blago: problema soglasovaniya // Vestnik TGU. 2008. № 8 (64). S. 304–308.
10. Bakaeva O. Yu., Pogodina N. A. O sootnoshenii chastny`x i publichny`x interesov // Zhurnal rossijskogo prava. 2011. № 4. S. 36–47.
11. Tixomirov Yu. A. Publichnoe pravo. M., 1995. 485 s.

12. Makarcev A. A. Publichny`e i indvidual`ny`e interesy` v izbiratel`nom prave Rossii: Pravovy`e pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii // Zhurnal rossijskoj prava. 2016. № 8. S. 108–117.
13. E`ngel`s F. Anti-Dyuring. M.: Izdatel`stvo AST, 2020. 480 s.
14. Tabolin V. V. E`ffektivnost` publichnoj vlasti: podxody` k ponimaniyu i pravovoj prirode // Konstitucionno-pravovy`e problemy` e`ffektivnosti publichnoj vlasti v Rossii i zarubezhny`x gosudarstvax: kollektivnaya monografiya / pod red. A.A. Laricheva. Petrozavodsk: Karel`skij filial RANXiGS, 2017. 328 s.
15. Avdeev D. A. Legitimnost` i legitimaciya rossijskoj publichnoj vlasti // Pravoprimenenie. 2021. T. 5, № 2. S. 145–158.
16. Vershinina S. I. Ponyatie publichnoj vlasti i ee vzaimodejstvie s gosudarstvenny`m prinuzhdeniem // Vektor nauki Tol`yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: yuridicheskie nauki. 2010. № 1. S. 8–12.
17. Veber M. Izbranny`e proizvedeniya. M.: Progress, 1990. 808 s.
18. Xabermas Yu. Problema legitimacii pozdnego kapitalizma. M.: Praksis, 2010.
19. Filippov A. F. Politicheskaya sociologiya. Fundamental`ny`e problemy` i osnovny`e ponyatiya // Politiya. 2002. № 2.

Информация об авторе

Фомичев Андрей Андреевич. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302028, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Andrey An. Fomichev. Lecturer of the Department of Criminology and Preliminary Investigation. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.
302028, Russia, Orel, Ignatov Str., 2.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 27.01.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 347.9

ПРОЦЕДУРА МЕДИАЦИИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Шалимова Ольга Николаевна
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

oly7788@yandex.ru

Аннотация. В статье на основании федеральных законов и научно-исследовательских работ рассматриваются положения, относящиеся к альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации), направленной на развитие взаимоотношений между партнёрами в различных сферах деятельности. Приводится практика использования процедуры медиации, история возникновения и предпосылки развития, сущностные характеристики, принципы, условия и порядок осуществления данной процедуры, а также зарубежный опыт её применения.

Ключевые слова: федеральный закон, процедура, медиация, посредник, споры, урегулирование, Российская Федерация, зарубежный опыт, исторические предпосылки.

Для цитирования: Шалимова О. Н. Процедура медиации в России и за рубежом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 151–158.

MEDIATION PROCEDURE IN THE RUSSIA AND ABROAD

Olga N. Shalimova
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

oly7788@yandex.ru

Annotation. The provisions relating to the alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure), aimed at developing relationships between partners in various fields of activity, provides the practice of using mediation procedures, the history and prerequisites for development, essential characteristics, principles, conditions and procedure for conducting procedures, as well as foreign experience in the application of this procedure.

Keywords: federal law, procedure, mediation, mediator, disputes, settlement, Russian Federation, foreign experience, historical background.

For citation: Shalimova O. N. Mediation procedure in the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 151–158.

В 2010 году Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный закон об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)[1], закон был одобрен Советом Федерации и подписан Президентом. Данный закон создан для обеспечения правовых условий и разрешения спорных, конфликтных вопросов между сторонами с помощью посредника (медиатора)

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и направлен не только на гармонизацию социальных отношений, но и на развитие взаимоотношений между партнёрами [1, с. 34] (субъектами права). В законе речь идёт о спорах, касающихся таких правоотношений, как гражданские, административные, публичные, трудовые, семейные и др. Если речь идёт о спорах, не указанных выше, то процедура медиации применяется при условии, что она установлена федеральными законами. Медиация нужна не только для того, чтобы с помощью медиатора сохранить ментальное здоровье и потенциал [2, с. 166], но и для решения такой фундаментальной задачи, как внесудебное решение споров, добровольно не доводимых сторонами конфликта до суда. Рассмотрим термин «медиация». На сайте *gramota.ru* даются следующие значения, приводимые из различных словарей. «Медиация» происходит от латинского слова *mediātio*, что означает – посредничество[1] в споре между людьми, государствами; содействие третьей стороны в мирном разрешении споров, преимущественно в международных отношениях[2] и т. п.

Рассматривая исторические предпосылки возникновения данной процедуры, стоит отметить, что существует она с давних пор в разных частях света. Так, уже сотни лет назад люди поняли, что конфликты и серьёзные разногласия необходимо решать с помощью переговоров с помощью посредника, называя данный процесс «посредничеством» или «предложением добрых услуг», «ходатайством». В качестве подобных специалистов [3, с. 46] в прошлом выступали жрецы, вожди, представители духовенства и власти.

В современной интерпретации процедура медиации впервые возникла в 20-х годах XX века в странах Северной Америки. Начало было заложено обширными забастовками трудящихся в США и их пресечением. Так сложилось, что исторически судебная система США была, прежде всего, призвана для разрешения споров [4, с. 90] и для того, чтобы избежать массовых политических конфликтов, вызванных судебными решениями, которые могли бы быть восприняты как пренебрежение нуждами трудящихся на предприятиях простых людей, в 1947 году была создана «Федеральная служба медиации и примирения». Данная ведомственная организация способствовала разрешению и урегулированию имеющихся споров и конфликтов в борьбе за равноправие, а также удовлетворяла потребности общества в дополнениях к правовой системе. Хорошая практика стала залогом для создания большего числа подобных ведомств. В 1964 году была основана «Служба общественных отношений»[3], относящаяся к министерству юстиции США. Вопросы, которыми занималась организация, касались национального, этнического и расового характера. Общество признало эффективность применения процедуры, и за последние десятилетия медиация укрепилась и продолжает внедряться во все сферы человеческой деятельности. Данная организация существует и в настоящее время. Практика применения процедуры медиации неразрывно связана с развитием профессии медиатора. В связи с растущим интересом к профессии неоднократно поднимается вопрос об отнесении медиации к специализации в области юриспруденции, а не к самостоятельной миротворческой профессии. Усилия прикладываются к разработке единого закона о медиации, который могли бы использовать все государства, типовые положения были представлены на Национальной конференции в США профессором Нэнси Роджерс и профессором Ричардом Рубеном. Такие действия вызваны желанием институционализации медиации в современном обществе. В западных странах действует единый закон о медиации

[1] Медиация [Электронный ресурс]. URL: https://gramota.ru/meta/mediatsiya (дата обращения: 10.01.2025).
[2] Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. URL:https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=29205&ysclid=m3fq681dbx915906644 (дата обращения: 10.01.2025).
[3] Community Relations Service [Электронный ресурс]. URL: https://www.justice.gov/crs (дата обращения: 10.01.2025).

(*The Uniform Mediation Act*)[1], который может быть применён ко всем процедурам медиации, устанавливающей чёткие правила, касающиеся применения процедуры, наделяющей каждого из её участников привилегиями. Крупные организации, оказывающие услуги по урегулированию конфликтов, устанавливают собственные требования и стандарты (*The Standards of Conduct*), стандарты поведения для семейной медиации (*the Standards of Conduct for Family Mediation*). Они носят рекомендательный характер, однако учитываются и часто используются судами и законодательными органами. Несмотря на то что преимущества применения медиации очевидны, уровень её использования даже в тех странах, где процедура применяется достаточно давно, остаётся относительно низким. Объясняется это тем, что большое количество людей по-прежнему не осведомлены о данной процедуре и о том, как ей можно воспользоваться. Обращение к адвокату остаётся основным средством для принятия решений в большинстве конфликтных ситуаций.

В настоящее время в ряде зарубежных штатов существует требование о сообщении адвокатами клиентам соответствующей информации ещё до подачи судебного иска. Это объясняется высокой эффективностью применения процедуры медиации на ранней стадии конфликта. В штате Техас, который занимает второе место по территории в США, например, стороны конфликта при первой явке в суд должны предоставить письменное подтверждение о том, что они были проинформированы о медиации и приняли осознанное решение начать судебный процесс. В штате Колорадо ассоциацией адвокатов было принято правило, требующее проведения процедуры медиации юристами, кроме того, можно обратиться в центр медиации (*Colorado Mediation Center, LLC*[2]). На электронной странице центра можно не только ознакомиться с рядом предоставляемых услуг, но и прослушать различного рода лекции, например о сохранении мира в семье.

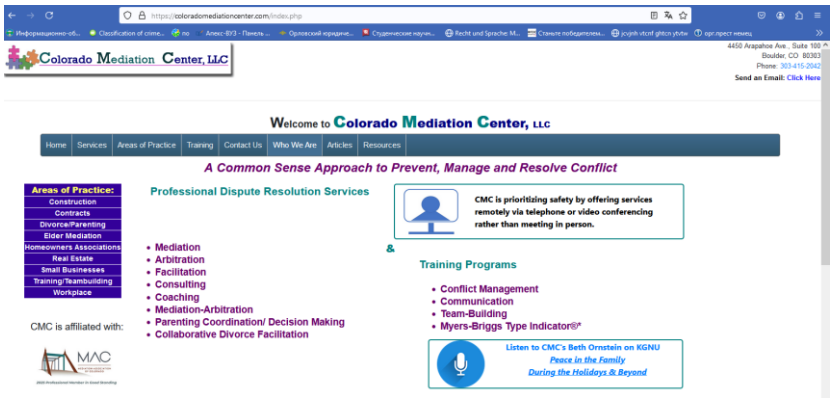


Рис. 1. Электронная страница центра медиации

Медиационные соглашения обладают юридической силой и могут быть исполнены судом в принудительном порядке. Обязательства по применению процедуры медиации возлагаются на крупные и средние торговые предприятия и корпорации, которые должны применять медиацию при возникновении споров как между сотрудниками своей организации, так с участием других сторонних лиц, а также предотвращать возникновение конфликтов. Служба по связям с общественностью использует данное обстоятельство в качестве прекрасного инструмента,

[1] The Uniform Mediation Act [Электронный ресурс]. URL: https://www.uv.es/medarb/observatorio/leyes-mediacion/eeuu/usa-uniform-mediation-act-2001.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
[2] Colorado Mediation Center. [Электронный ресурс]. URL: https://coloradomediationcenter.com/ (дата обращения: 10.01.2025).

способствующего налаживанию благоприятного климата в коллективе, стимулирования и поддержания высокой трудовой производительности. Несмотря на положительное влияние медиации, у данной процедуры всё же имеются критики, которые считают, что медиация предполагает несколько уровней правоприменения:

– первый уровень для лиц с высоким уровнем дохода, участвующих в спорах и способных оплатить частную услугу;

– второму уровню соответствуют работающие люди с невысоким уровнем дохода, вынужденные воспользоваться услугами общественных организаций.

Кроме того, осуждению подвержено положение о конфиденциальности услуги, что позволяет решать отдельные государственные и политические вопросы за закрытыми дверями, не в условиях создания прецедента и открытости, как того требует судебная система. Медиатор – это не просто посредник, сталкивающийся с широким спектром вопросов, касающихся бытового насилия, разводов, опеки, уплаты налогов, угрозы здоровью и многих других разноплановых проблем, это ещё и гражданин, часть общества и своей страны, человек, у которого могут возникнуть внутренние противоречия относительно отведённых ему ролей. Для устранения существующих недостатков законодатели и судьи обращаются к посредничеству в процессе разработки принципов, позволяющих сделать систему правосудия более чуткой к потребностям граждан. Так, в штате Орегон с помощью медиации была реформирована система семейного права, расширившая самоопределение, права и возможности заинтересованных сторон и предоставление безопасных мест для проведения дискуссий[1]. Есть несколько отличных видеороликов о медиации, созданных в рамках общественных и правительственных программам, транслирующихся теле- и радиостанциями поздно вечером и по воскресеньям.

Высказано мнение о внедрении ролика о медиации в телесериалы или в художественные фильмы, чтобы запечатлеть в умах граждан данную процедуру. Однако как и в случае с любой другой информационно-просветительской компанией, финансирование и концепция подачи должны исходить от правительства, а не от посреднической фирмы или отдельного медиатора. В нашей стране вопрос семейной медиации также является очень актуальным, так как процент семейных конфликтов бесспорно высок. Однако, в отличие от Австралии, Финляндии, США, Англии и Уэльса, в России нет отдельного законодательного акта, выделяющего семейную медиацию. Регламентация процедуры медиации закреплена во многих странах. Для определения её содержания принято использовать следующие подходы (см. таблицу 1).

Таб. 1. Подходы к определению содержания процесса семейной медиации

Подходы	**Описание подхода**
Нормативный подход	Медиация рассматривается как один из возможных способов мирного разрешения семейных споров и возникающих в семье конфликтов
Функциональный подход	Предлагается рассматривать семейную медиацию как своеобразный приём, направленный на достижение решения спора в семейных отношениях [5, с. 57]
Консультативный подход	Решение семейного спора с помощью предоставления консультативных услуг для одной из сторон конфликта

[1] Forrest S Mosten, Mediation and the Process of Family Law Reform, 37. Family Courts Review 429 for a proposed agenda for law reform [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/profile/Forrest-Mosten (дата обращения: 10.01.2025).

Коммуникативный подход	Обмен информации – основа. Участников трое и более, включая независимую сторону, оказывающую помощь в поиске компромисса
Психологический подход	Использование психологических методов и техник

Посредники часто конфликтуют между собой относительно вопросов, касающихся профессиональных стандартов, сертификации и правительственного финансирования, так как область достаточно новая и быстро развивающаяся. Многие практикующие медиаторы выбрали данное поле деятельности, поскольку сами были участниками затяжных судебных процедур. Психоаналитики объясняют внутренние мотивы стать медиатором стремлением разрешить собственные проблемы, возникающие на почве общения с другими людьми. Для успешной деятельности основной важной рекомендацией является моделирование медиативной деятельности как внутри медиативного сообщества, так и за его пределами. Как правило, ассоциации адвокатов создают медиативные сообщества на местах. Многие предметные сферы деятельности медиатора требуют наличия юридической практики для предоставления услуг (даже если речь идёт о добровольной услуге). В отечественной практике основное внимание уделяется юридическим нюансам реализации процедуры медиации в правовом поле [6, с. 103; 7, с. 26].

Стандарты проведения процедуры медиации и учебные программы курсов повышения квалификации и переподготовки оцениваются на предмет их соответствия существующим обязанностям юристов и надлежащим этническим нормам. Для многих юристов освоение профессии медиатора – шаг к будущему карьерному росту, способ конкурентной способности по предоставлению своих услуг и повышению репутации. Чем большее количество юристов знакомится с эффективной практикой медиаторов, тем больше споров переходит в конструктивный диалог. Работа и понимание проблемной области медиации возлагаются на медиаторов, не утративших интерес и энергию для того, чтобы внести свой вклад в общественную жизнь.

Вопрос конфиденциальности и приемлемости медиативных сообщений в суде рассматривается в судебных решениях, профессиональных стандартах, касается профессиональной этики. В настоящее время в США усиливается стремление к внедрению национальных стандартов конфиденциальности на государственном и местном уровнях, так как во время процедуры медиации стороны судебного процесса, юристы и медиаторы сталкиваются с противоречием между ожиданием конфиденциальности и потребностью суда в эффективности и соблюдении предписаний суда о проведении процедуры медиации. Используя практику посредничества, возможно улучшить свою репутацию только в случае осведомлённости о нюансах конфиденциальности.

Возможна кооперация медиаторов, объединяющих представителей разных полов, происхождения, стажа и опыта работы. Услуга медиаторов, скооперированных для частной практики, как правило, дешевле для клиента. Такая практика хороша и для клиента, и для предоставляющих услуги медиаторов, так как повышает эффективность и способствует обмену опытом в различных областях, а позитивное общение коллег медиаторов может выступить моделью позитивного поведения остальных участников судебного процесса. Один посредник управляет коммуникацией и переговорами, другой конспектирует важные моменты, которые нуждаются в корректировке. Следует отметить, что многие ассоциации адвокатов имеют ограничение на междисциплинарную практику и разделение гонораров, что негативно сказывается на кооперации медиаторов и усиливает конфликтность между сторонами. Обращаясь к истокам теоретической стороны вопроса, стоит упомянуть таких исследователей, как

Роберт Барух Буш и Джозеф Фолджер, которые ещё в 1994 году сформулировали уникальный на тот момент подход к вмешательству в конфликт в книге «Перспективы медиации: реагирование на конфликты благодаря расширению прав, возможностей и влияния»[1]. Авторы противопоставляют два подхода к медиации. Первый подход – делает упор на нахождение взаимоприемлемых решений, носит директивный характер, ориентирован на урегулирование. Второй подход – подход преобразующий, направлен на расширение прав, возможностей и признания в качестве основной цели, то есть предоставление сторонам конфликта самостоятельно определять поиски решения. Это означает, что сторона должна концентрироваться не только на собственной точке зрения, но и признать интересы другой стороны. Авторы утверждают, что такая трансформирующая медиация способствует моральному росту сторон конфликта. В течение формирования и совершенствования процедуры медиации второй подход утратил актуальность, но авторы подчёркивают, что в будущем он должен стать доминирующим.

Книга «Перспективы медиации: реагирование на конфликты благодаря расширению прав, возможностей и влияния» не является практическим руководством по медиации, а лишь содержит рекомендации о том, как применять данные подходы при урегулировании конфликтов и приводит несколько иллюстрированных тематических исследований к обозрению. Идеи, представленные в книге, будут интересны к изучению тем, кто работает в области разрешения конфликтов и медиации, а также тем, чья работа связана с умением использовать конфликт в качестве эффективного стимула при помощи интегративного подхода, неформальности, гибкости и обоюдного согласия в процессе снижения экономических и эмоциональных издержек. Уходя корнями в идею социальной справедливости, медиация [8, с. 73] должна объединять людей вокруг общих интересов, тем самым являясь противником эксплуатации. Это уникальный процесс, который позволяет сторонам трансформировать себя и общество. Даже в случае принятия решения не разрешать конфликт, стороны обретают силу и, как правило, начинают понимать точку зрения другой стороны. Конфликт рассматривается как реальная или кажущаяся проблема, которую нужно решить, как реальная или кажущаяся несовместимость потребностей или интересов. Существует ещё и «теория угнетения», утверждающая, что поскольку медиация предшествует прецеденту и не всегда учитывает общественные интересы, то она позволяет «сильным разделять и властвовать», влияя на социальные проблемы на индивидуальном и институциональном уровнях.

Приведённая выше информация позволяет сделать вывод о том, что применение процедуры медиации является чрезвычайно необходимым действием для каждой развитой страны. Используя богатый опыт различных стран, государства в силах разработать собственные законопроекты с учётом имеющихся национальных и других особенностей. В России, как и в других странах, широкое применение процедуры медиации будет способствовать снижению нагрузки на судебную систему [9, с. 7], поможет сформировать гражданские правоотношения [10, с. 104], выстроить порядок, основанный на доверии, обоюдном согласии и уважительном отношении к действующему закону, нормализовать сотрудничество в экономической и предпринимательской сферах.

---

[1] The Promise of Mediation: Responding to Conflict Through Empowerment and Recognition Robert A. Baruch Bush and Joseph P. Folger. [Электронный ресурс]. URL:http://www.intractableconflict.org/www_colorado_edu_conflict/transform/bushbook.htm (дата обращения: 10.01.2025).

1. Шалимова О. Н. Дидактические особенности формирования вербальных средств общения // Образование и общество. 2024. № 2(145). С. 33–39.
2. Мусатова О. А. К проблеме психологического потенциалы медиатора как источника урегулирования проблем межличностного взаимодействия // Педагогика и психология образования. 2021. № 4. С. 164–174.
3. Казаченок С. Ю. Соглашение об арбитраже в системе частноправового обеспечения внешнеэкономических сделок: методология формирования и практика применения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Волгоград, 2015. 46 с.
4. Пискунов Д. С., Мерзляков С. Э. Особенности судебной системы США и ее роль в формировании источников права // Закон и право. 2019. № 8. С. 90–93.
5. Усманова Е. Ф. Особенности и преимущества применения семейной медиации в зарубежных странах // Гуманитарные и политико-правовые исследования. 2019. № 1(4). С. 56–64.
6. Калашникова С. И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфороник-Медиа. 2012. 304 с.
7. Карпенко А.Д. Особенности российского медиаторства // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2001. № 2. С. 25–28.
8. Аллахвердова О. В., Иванова Е. Н. История развития медиации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. № 2. С. 73–77.
9. Некрасов С. Ю., Бердникова В. В. Перспективы развития судебной медиации в Российской Федерации // ГлаголЪ правосудия. 2019. № 3(21). С. 7–11.
10. Шелепина Е. А. Особенности применения медиации к спорам, возникающим из гражданских правоотношений // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 103–108.

1. Shalimova O. N. Didakticheskie osobennosti formirovaniya verbal`ny`x sredstv obshheniya // Obrazovanie i obshhestvo. 2024. № 2 (145). S. 33–39.
2. Musatova O. A. K probleme psixologicheskogo potencialy` mediatora kak istochnika uregulirovaniya problem mezhlichnostnogo vzaimodejstviya // Pedagogika i psixologiya obrazovaniya. 2021. № 4. S. 164–174.
3. Kazachenok S. Yu. Soglashenie ob arbitrazhe v sisteme chastnopravovogo obespecheniya vneshnee`konomicheskix sdelok: metodologiya formirovaniya i praktika primeneniya: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Volgograd, 2015. 46 s.
4. Piskunov D. S., Merzlyakov S. E`. Osobennosti sudebnoj sistemy` SShA i ee rol` v formirovanii istochnikov prava // Zakon i pravo. 2019. №8. S. 90–93.
5. Usmanova E. F. Osobennosti i preimushhestva primeneniya semejnoj mediacii v zarubezhny`x stranax // Gumanitarny`e i politiko-pravovy`e issledovaniya. 2019. № 1 (4). S. 56–64.
6. Kalashnikova S. I. Mediaciya v sfere grazhdanskoj yurisdikcii. M.: Inforonik-Media. 2012. 304 s.
7. Karpenko A.D. Osobennosti rossijskogo mediatorstva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2001. № 2. S. 25–28.
8. Allaxverdova O. V., Ivanova E. N. Istoriya razvitiya mediacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodny`e otnosheniya. 2007. № 2. S. 73–77.
9. Nekrasov S. Yu., Berdnikova V. V. Perspektivy` razvitiya sudebnoj mediacii v Rossijskoj Federacii // Glagol`` pravosudiya. 2019. №3 (21). S. 7–11.
10. Shelepina E. A. Osobennosti primeneniya mediacii k sporam, voznikayushhim iz grazhdanskix pravootnoshenij // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2015. № 8. S. 103–108.

Информация об авторе

Ольга Николаевна Шалимова. Доцент кафедры иностранных и русского языков, кандидат педагогических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Olga N. Shalimova. Associate Professor of the Department of Foreign and Russian languages. Candidate of Pedagogics.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 28.01.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 28.01.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 342.9

ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ НАРУШЕНИЙ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕОТВРАТИМОСТИ НАКАЗАНИЯ

Шапошников Виталий Леонидович
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

v.shaposhnikov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению вопросов, касающихся использования технических средств фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения в автоматическом режиме в целях реализации принципа неотвратимости наказания. Особое внимание уделено рабар-детекторам – техническим устройствам, используемым водителями транспортных средств для уклонения от административной ответственности за нарушения скоростного режима на дорогах общего пользования. Рассмотрена компетенция Госавтоинспекции в профилактике нарушений правил дорожного движения.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, неотвратимость наказания, административные правонарушения, радар-детектор, государственный регистрационный знак, превышение скорости.

Для цитирования: Шапошников В. Л. Технические средства автоматической фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения в механизме реализации принципа неотвратимости наказания // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 159–165.

TECHNICAL MEANS OF AUTOMATIC RECORDING OF VIOLATIONS OF TRAFFIC RULES IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF INEVITABILITY OF PUNISHMENT

Vitaly V. Shaposhnikov
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilina, Belgorod, Russia

v.shaposhnikov@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the consideration of issues related to the use of technical means of photo and video recording of traffic violations in automatic mode in order to implement the principle of the inevitability of punishment. Particular attention is paid to Rabar detectors - technical devices used by drivers of vehicles to evade administrative liability for speeding violations on public roads. The competence of the State Traffic Safety Inspectorate in preventing traffic violations is considered.

Keywords: road safety, inevitability of punishment, administrative offences, radar detector, state registration plate, speeding.

For citation: Shaposhnikov V. L. Technical means of automatic recording of violations in the field of road safety in the mechanism of implementing the principle

of inevitability of punishment // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 159–165.

Неотвратимость наказания в области безопасности дорожного движения (далее – БДД) является одним из ключевых способов профилактики правонарушений, совершаемых на дорогах общего пользования. Уклонение от ответственности нарушителей Правил дорожного движения (далее – ПДД) не только не обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания, но и является причиной совершения повторных правонарушений в области БДД, зачастую более опасных с точки зрения наступивших последствий. Способы уклонения от ответственности за совершение правонарушений разнообразны и зависят от индивидуальных особенностей участков дорожного движения, а противодействие таковым – от профессионализма сотрудников Госавтоинспекции, их активности в осуществлении контроля (надзора) в области БДД. Использование информации о способах уклонения от ответственности существенно повышает эффективность функционирования дорожно-патрульной службы при проведении индивидуальной профилактической работы с участниками дорожного движения.

Уклонение от ответственности необходимо рассматривать через призму знаний о наиболее распространённых видах правонарушений, совершаемых в области БДД. Согласно данным открытых источников, к ним относятся:

– превышение установленной скорости дорожного движения (ст. 12.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ)[1];

– нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов (ст. 12.6 КоАП РФ);

– проезд на запрещающий сигнал светофора или на запрещающий жест регулировщика (ст. 12.12 КоАП РФ);

– нарушение правил расположения транспортного средства на проезжей части дороги, встречного разъезда или обгона (ст. 12.15 КоАП РФ) и некоторые другие.

Совершение этих правонарушений зачастую является причиной дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), сопряжено с травматизмом, смертностью участников дорожного движения. В Российской Федерации смертность на дорогах является одной из самых высоких в Европе. Погибают в ДТП чаще всего из-за превышения установленной скорости, отсутствия ремней безопасности, выезда на встречную полосу движения. По данным Госавтоинспекции МВД России, в 2024 году в стране было выявлено 151 253 835 нарушений ПДД[2]. Значительная их часть – превышение скоростного режима. Учитывая высокую латентность правонарушений в области дорожного движения, их фактическое число должно быть на порядок выше.

Необходимо принять действенные меры по установлению оптимального скоростного режима на автомагистралях, максимально сократить практику хаотичной смены предельной скорости на многополосных улицах населённых пунктов [1, с. 55].

Выявление, пресечение и профилактика таких правонарушений осуществляется многими способами, в том числе посредством применения различного технологического оборудования: детекторов транспорта, которые находят наиболее «проблемные» с точки

[1] Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] «Рванули во все тяжкие». В 2024 году в России снизилось количество нарушителей ПДД, но штрафов собрали больше [Электронный ресурс]. URL:https://rg.ru/2025/02/17/shtrafnaia- dolia.html?utm_ refer-rer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F. (дата обращения: 01.04.2025).

зрения аварийности участки дорог, умных светофоров, автоматических комплексов фотовидеофиксации нарушений и т. д. Их эксплуатация сопряжена с некоторой технической спецификой, которая анализируется и учитывается при разработке новых технических изделий [2, с. 16–20; 3, с. 37–49; 4, с. 13–22; 5, с. 87–95].

Сегодня автоматические комплексы фотовидеофиксации нарушений активно используются и вносят существенный вклад в профилактику нарушений ПДД, снижение показателей аварийности, положительно влияют на дисциплину участников дорожного движения. Функционал таких комплексов постоянно совершенствуется и обновляется, а перечень правонарушений, которые может фиксировать техническое изделие, постоянно расширяется.

В соответствии с п. 10.1 ПДД водитель должен вести транспортное средство (далее – ТС) со скоростью, не превышающей установленного ограничения, учитывая при этом интенсивность движения, особенности и состояние ТС и груза, дорожные и метеорологические условия, в частности видимость в направлении движения. Скорость должна обеспечивать водителю возможность постоянного контроля за движением ТС для выполнения требований ПДД. Не желая быть привлечённым к установленной законом ответственности за нарушение скоростного режима, водители используют различные ухищрения, позволяющие от неё уйти.

Во-первых, выявляют места установки технических средств фотовидеофиксации нарушений. Здесь особо востребованы такие нравственные качества водителя, как внимательность и наблюдательность.

Во-вторых, размещают в ТС радар-детектор – техническое устройство, специализированный радиоприёмник, устанавливаемый в автомобиль и обнаруживающий работу радара – определителя скорости – и предупреждающий водителя о том, что скорость на данном участке дороги находится под контролем специальных технических устройств, показания которых являются основанием для привлечения к административной ответственности. Радар-детектор является пассивным устройством, которое обнаруживает радиолокационное облучение радара – определителя скорости – и предупреждает об этом водителя.

В Российской Федерации подобные устройства получили широкое распространение, пользуются популярностью у водителей. На рынке представлен широкий ассортимент моделей данного устройства. В то же время в ряде стран использование водителями радар-детекторов запрещено (Бразилия, Финляндия, Норвегия, Швеция, Бельгии, Германия и т. д.). Например, в Финляндию нельзя ввозить радары-детекторы, даже если они встроены в видеорегистратор и/или находятся в выключенном состоянии. При обнаружении такого – устройства конфискуются, а водитель может быть оштрафован [6, с. 87].

В России никаких ограничений по этому поводу нет и дискуссии по этому вопросу практически не возникают. Поэтому изготовители радаров-детекторов сконцентрировали своё внимание на двух основных рынках сбыта, где законодательная база более лояльна, – это Россия и ряд азиатских стран [7, с. 19].

Очевидно, что таким техническим устройством пользуются водители, которые допускают при управлении ТС отклонения от выполнения ПДД и не желают нести ответственность за совершение административных правонарушений. В меньшей степени радар-детектор востребован у тех, кто соблюдает ПДД, в целом относится к категории законопослушных граждан, но допускает нарушение скоростного режима по неосторожности. И в том и в другом случае использование радара-детектора становится, с одной стороны, своего рода гарантией непривлечения к ответственности, а с другой стороны, формирует у водителя ощущение безнаказанности, перерастающее в безответственность, провоцирует на совершение повторных административных

правонарушений. Вероятность совершения ДТП – следствие превышения скоростного режима – становится выше.

Наличие радара-детектора в автотранспортном средстве является для сотрудников дорожно-патрульной службы особым условным сигналом, требующим дополнительного внимания к водителю, и фактическим основанием для проведения с ним профилактических мероприятий в виде профилактической беседы, правового просвещения или правового информирования. Речь идёт о ситуациях, когда наличие или использование радара-детектора является очевидным фактом и устройство размещено на видимом месте (чаще это ветровое стекло). Подтверждение пользования радаром-детектором будет осложнено в ситуации, когда он относится к категории разнесённых радаров-детекторов, где его модули по техническим соображениям либо с целью сокрыть его от чужих и своих глаз распределены по автомобилю.

Разъяснение лицу, управляющему ТС, необходимости отказаться от использования радара-детектора видится малоэффективным. В то же время существует положительная практика эксплуатации ТС, принадлежащих юридическим лицам, где собственник самостоятельно ограничивает пользование радарами-детекторами на ТС организации[1].

Устройствами предупреждения водителей об автоматической фиксации правонарушений, получившими более массовое распространение, чем радары-детекторы, являются GPS-ГЛОНАСС-навигаторы, иные мобильные устройства, которые имеют обновляемые навигационные данные, включающие сведения о расположении на дорогах общего пользования комплексов, фиксирующих административные правонарушения в автоматическом режиме. Надо сказать, что в некоторых странах имеется прямое требование о запрете использования функции GPS-навигатора, указывающей на расположение камер контроля скорости [8, с. 55]. Массовое распространение GPS-навигаторов поднимает вопрос о допустимости создания, пользования и распространения баз (банков) данных с информацией о расположении автоматических комплексов фотовидеофиксации нарушений.

Решение задачи по обеспечению БДД через постановку под контроль пользования техническими устройствами, позволяющими получать данные о технических средствах фиксации правонарушений в автоматическом режиме, требует получения ответов на несколько серьёзных вопросов: ответственность должна наступать за наличие радара-детектора или за его использование? Доказывание факта в последнем случае является наиболее проблематичным. Второй вопрос связан с тем, как предупредить пользование радарами-детекторами. Не исключён тот вариант, который сегодня отрабатывается применительно к заглушкам для ремней безопасности[2].

Изменение отношения законодателя к радарам-детекторам является процессом длительным, учитывая существующую практику работы представительного органа. К решению проблемы необходимо подойти, активизировав деятельность Госавтоинспекции по применению ч. 1 ст. 12.5 КоАП РФ – управление ТС при наличии неисправностей или условий, при которых эксплуатация ТС запрещена.

---

[1] Требований в области промышленной и пожарной безопасности, охраны труда и окружающей среды к организациям, привлекаемым для выполнения работ и оказания услуг на объектах» [Электронный ресурс]: Инструкция по транспортной безопасности для подрядных организаций, эксплуатирующих автотранспорт и спецтехнику на объектах общества, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Дадут ремня: в РФ могут запретить продажу опасных автоаксессуаров [Электронный ресурс]. URL:https://iz.ru/1841188/kirill-sazonov-evgenii-bagdasarov/dadut-remna-v-rf-mogut-zapretit-prodazu-opasnyh-avtoaksessuarov (Дата обращения: 04.04.2025).

На практике административное наказание по этому составу назначается крайне редко. Однако любое устройство, закреплённое в зоне обзора водителя, включая ветровое стекло, может стать основанием для привлечения к административной ответственности. Эта норма обязывает водителя демонтировать устройство. В соответствии с п. 4.2 приложения № 8 Решения Комиссии Таможенного союза от 09.02.2011 № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колёсных транспортных средств» (далее – Технический регламент)[1], не допускается наличие дополнительных предметов или покрытий, ограничивающих обзорность с места водителя (за исключением зеркал заднего вида, деталей стеклоочистителей, наружных и нанесённых или встроенных в стёкла радиоантенн, нагревательных элементов устройств размораживания и осушения ветрового стекла). Таким образом, любой прибор, не предусмотренный конструкцией ТС и размещённый в нём, является неисправностью, при которой эксплуатация ТС запрещена. Этим предметом может стать радар-детектор.

Использование средств фотовидеофиксации правонарушений в автоматическом режиме предполагает наличие возможности идентификации ТС по государственным регистрационным знакам и установление лица, на которого оно зарегистрировано. Затрудняют идентификацию следующие обстоятельства:

– отсутствие регистрационного знака в установленных местах, а также установка регистрационного знака в месте, не предусмотренном конструкцией ТС. В соответствии с п. 12.2 приложения 8 Технического регламента, государственные регистрационные знаки должны устанавливаться на ТС в местах, предусмотренных его конструкцией;

– отсутствие (неисправность) внешних световых приборов – устройства для освещения заднего регистрационного знака в тёмное время суток.

Наличие внешнего светового прибора является обязательным. В соответствии с п. 1.3.1 приложения № 4 Технического регламента устройства освещения и световой сигнализации должны быть работоспособны и их режим работы должен соответствовать требованиям Технического регламента. Количество фонарей освещения заднего регистрационного знака должно быть достаточным для освещения всей его поверхности. В соответствии с п. 3.16 приложения 8 Технического регламента, фонарь освещения заднего государственного регистрационного знака должен включаться одновременно с габаритными огнями и работать в постоянном режиме;

– нечитаемость регистрационного знака, обусловленная его повреждениями либо загрязнением.

Последнее особо актуально в межсезонье, в зимнее время при частой смене положительных и отрицательных температур воздуха, когда наиболее интенсивно дороги подвержены воздействию осадков в виде дождя и снега, обрабатываются коммунальными службами противогололёдными реагентами для увеличения сцепных свойств дорожного покрытия. В этих условиях обязанность водителя ТС, осуществляющего его эксплуатацию, ежедневно следить за состоянием регистрационных знаков.

В соответствии с п. 4.3.5 приложения 7 Технического регламента, должна обеспечиваться возможность прочтения заднего государственного регистрационного знака с расстояния не менее 20 м в тёмное время суток при условии его освещения штатными фонарями, предусмотренными конструкцией ТС для этой цели.

[1] О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» [Электронный ресурс]: решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Наличие этих нарушений является основанием для привлечения к административной ответственности по ст. 12.2 КоАП РФ – управление ТС с нарушением правил установки на нём государственных регистрационных знаков.

Таким образом, в стремлении обеспечить работоспособность принципа неотвратимости наказания использование радаров-детекторов в силу указанных выше причин в Российской Федерации может быть поставлено под особый контроль или ограничено в целях повышения дисциплинированности водителей и снижения аварийности на дорогах общего пользования. Несомненно, найдётся немало защитников использования этого устройства. У одних такая позиция будет продиктована коммерческой заинтересованностью (по сведениям из разных источников, рынок радаров-детекторов в России стремительно растёт), а у других – личные интересы никак не соотносятся с интересами большинства добросовестных участников дорожного движения, сопряжены с удовлетворением желания на дороге делать всё, что хочется, без оглядки на существующие запреты и ограничения в области БДД.

1. Верзилин С. В. Актуальные проблемы совершенствования административного надзора в области обеспечения безопасности дорожного движения // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 52–55.
2. Головкин В. Д., Назаров С. В. Технические средства обеспечения безопасности дорожного движения. Фотовидеофиксация: технические требования и реализация // Транспортное право. 2017. № 2. С. 16–20.
3. Навой Д. В., Капский Д. В., Филиппова Н. А., Пугачев И. Н. Анализ алгоритмов обнаружения дорожно-транспортных инцидентов на скоростных автомагистралях, использующих стационарные детекторы транспорта // Системный анализ и прикладная информатика. 2023. № 4. С. 37–49.
4. Султанова Л. М., Гутиева Н. А., Батманов Э. З., Батманова К. М. К вопросу о стратегии дорожной безопасности в России и мире // Альманах Крым. Экономика, инновации. 2023. № 35. С. 13–22.
5. Шалыгин М. Г. Олисов С. А., Васина М. С. Автоматизированная транспортно-технологическая система организации дорожного движения и создания транспортных коридоров // Вестник Брянского государственного технического университета. 2021. № 8(105). С. 87–95.
6. Елина Л. А. В отпуск за границу: что везем туда и обратно // Главная книга. 2017. № 14. С. 85–91.
7. Агаян С. А. Радар-детектор: зачем разрешать то, что даёт возможность уклониться от закона? // Science Time. 2016. № 12. С. 16–19.
8. Вязов А. А. Сравнительная характеристика правил дорожного движения в европейских странах и России // Безопасность дорожного движения. 2022. № 4. С. 54–57.

1. Verzilin S. V. Aktual`ny`e problemy` sovershenstvovaniya administrativnogo nadzora v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Administrativnoe pravo i process. 2020. № 9. S. 52–55.
2. Golovkin V. D., Nazarov S. V. Texnicheskie sredstva obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya. Fotovideofiksaciya: texnicheskie trebovaniya i realizaciya // Transportnoe pravo. 2017. № 2. S. 16–20.
3. Navoj D. V., Kapskij D. V., Filippova N. A., Pugachev I. N. Analiz algoritmov obnaruzheniya dorozhno-transportny`x incidentov na skorostny`x avtomagistralyax, ispol`zuyushhix stacionarny`e detektory` transporta // Sistemny`j analiz i prikladnaya informatika. 2023. № 4. S. 37–49.

4. Sultanova L. M., Gutieva N. A., Batmanov E`. Z., Batmanova K. M. K voprosu o strategii dorozhnoj bezopasnosti v Rossii i mire // Al`manax Kry`m. E`konomika, innovacii. 2023. № 35. C. 13–22.
5. Shaly`gin M. G. Olisov S. A., Vasina M. S. Avtomatizirovannaya transportno-texnologicheskaya sistema organizacii dorozhnogo dvizheniya i sozdaniya transportny`x koridorov // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo texnicheskogo universiteta. 2021. № 8(105). S. 87–95.
6. Elina L. A. V otpusk za graniczu: chto vezem tuda i obratno // Glavnaya kniga. 2017. № 14. S. 85–91.
7. Agayan S. A. Radar-detektor: zachem razreshat` to, chto dayot vozmozhnost` uklonit`sya ot zakona? // Science Time. 2016. № 12. C. 16–19.
8. Vyazov A. A. Sravnitel`naya xarakteristika pravil dorozhnogo dvizheniya v evropejskix stranax i Rossii // Bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya. 2022. № 4. S. 54–57.

Информация об авторе

Виталий Леонидович Шапошников. Заместитель начальника кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Vitaly V. Shaposhnikov. Deputy Head of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Law, Associate Professor.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 09.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Уголовно-правовые науки

Научная статья
УДК 343.2

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Боева Милана Александровна
Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова, Брянск, Россия

BMil_120@mail.ru

Аннотация. Социальная обусловленность уголовной ответственности за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, сопряжена с повышенной степенью опасности, которую представляют собой транспортные средства. Нарушение правил их эксплуатации и нарушение правил дорожного движения влекут за собой тяжкие последствия, что требует законодательной регламентации мер правового характера по их предотвращению в том числе в части ужесточения уголовной ответственности. Действительно, при отсутствии надлежащего эффекта от административного наказания уголовная ответственность является способом обеспечения правомерного поведения нарушителей в будущем, поскольку осознание наступления судимости и уголовного наказания способствует предотвращению совершения преступлений такими лицами в дальнейшем.

Ключевые слова: транспортные средства, уголовная ответственность, правила дорожного движения, квалифицирующий признак, тяжкие телесные повреждения, правомерное поведение.

Для цитирования: Боева М. А. Уголовная ответственность за преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 166–173.

CRIMINAL LIABILITY FOR OFFENCES RELATED TO VIOLATION OF THE RULES OF ROAD TRAFFIC AND OPERATION OF MOTOR VEHICLES

Milana Al. Boeva
Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova, Bryansk, Russia

BMil_120@mail.ru

Annotation. The social conditionality of criminal liability for crimes related to violation of traffic rules and vehicle operation is associated with an increase in the number and increased degree of danger that vehicles pose.Violation of the rules of their operation and violation of traffic rules entail grave consequences, which requires legislative regulation of legal measures to prevent them, including in terms of tightening criminal liability.Indeed, in the absence of an appropriate effect from administrative punishment, criminal liability is a

way to ensure the lawful behavior of violators in the future, since awareness of the occurrence of a criminal record and criminal punishment helps to prevent such persons from committing crimes in the future.

Keywords: vehicles, criminal liability, traffic rules, qualifying feature, grievous bodily harm, lawful behavior.

For citation: Boeva M. A. Criminal liability for offences related to violation of the rules of road traffic and operation of motor vehicles // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 166–173.

Нарушение правил эксплуатации транспортных средств (далее – ТС) и нарушение правил дорожного движения (далее – ПДД) влекут за собой тяжкие последствия, что требует законодательной регламентации мер правового характера по их предотвращению в том числе в части ужесточения уголовной ответственности. О начале формирования уголовной ответственности за нарушение ПДД и эксплуатации ТС свидетельствует включение соответствующих норм в УК РСФСР 1960 года[1], до этого в ранее существовавших уголовных законах советского периода ответственность за рассматриваемые преступления не была предусмотрена. Представляется, что отсутствие данных норм в уголовном законе было связано с небольшим количеством ТС и незначительным количеством правонарушений с их участием.

В УК РСФСР 1960 года была закреплены нормы, которые стали прообразом современных. В УК были включены три статьи: 211, 212, 213, посвящённые преступлениям, связанным с нарушением безопасности дорожного движения. Статья 211 УК предусматривала ответственность за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации автомототранспорта или городского электротранспорта, ст. 212 – то же нарушение, но допущенное лицом, которое не является работником автомототранспорта. При этом для лица, которое являлось работником, была предусмотрена более строгая ответственность. Статья 213 УК предусматривала ответственность за нарушение правил, действующих на транспорте. Таким образом, в УК 1960 года был выделен специальный субъект исследуемого преступления – работник автомототранспорта или городского электротранспорта, то есть лицо, на профессиональной основе выполняющее функции водителя.

С внесением изменений в УК 1960 года указанные статьи также претерпевали изменения, в результате которых к моменту действия последней редакции кодекса названные преступные деяния были объединены в один состав, закреплённый в ст. 211 УК «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами». Однако в рамках одной статьи были закреплены три состава, которые разграничивались между собой в зависимости от степени общественной опасности наступающих в результате преступления последствий. В первом составе было названо последствие преступления, соответствующее современному толкованию вреда здоровью средней тяжести. То есть уголовная ответственность устанавливалась за деяние, которое в современном законодательстве является административным правонарушением. В пределах данной санкции было предусмотрено наказание за преступление, которое повлекло причинение тяжких телесных повреждений или смерть человека. Такой подход законодателя повлёк значительный разброс санкций за одно и то же деяние с разными последствиями. Третий состав, закреплённый в рамках ст. 211 УК, включал в качестве последствия

[1] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 497

смерть двух и более лиц. При этом в указанной норме отсутствовал состав, включающий состояние опьянения как квалифицирующего признака.

В 1996 году был принят УК РФ[1], в который была включена ст. 264, однако за время действия кодекса в данную статью девять раз вносились изменения. В 1998 году из статьи в качестве признака состава был исключён причинённый ущерб, а в 2003 году – признак причинения средней тяжести, который стал признаком состава административного правонарушения. Следующим изменением стало включение в норму квалифицирующего признака в виде состояния опьянения, что стало следствием увеличения количества преступлений с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения. В дальнейшем изменения коснулись наказания за рассматриваемое деяние, в частности снизился срок ареста, а также затем была включена его нижняя граница. В 2011 году в качестве наказания в статью были включены принудительные работы. В дальнейшем статью дополнило наказание в виде лишения права заниматься определённой деятельностью, которое должно детализироваться в приговоре путём указания на лишение права управления. В 2015 году был расширен круг предметов преступления, кроме того, законодатель установил правила определения состояния опьянения для целей применения санкции исследуемой статьи. В 2019 году в качестве квалифицирующего признака в статью было добавлено оставление места совершения преступления, что стало следствием невозможности установить наличие состояния опьянения, если водитель скрылся с места совершения преступления.

До 1993 года в УК РСФСР предусматривался и такой вид наказания, как направление в воспитательно-трудовой профилакторий [1, с. 18]. Спустя время в эти же учреждения стали направлять и тех лиц, которые были осуждены за нарушение правил паспортной системы, а также злостное уклонение от уплаты алиментов или ненадлежащего содержания детей. К 1993 году упоминание о них было исключено из уголовного закона.

В научной литературе встречается утверждение о том, что в зарубежном законодательстве нормы об уголовной ответственности за транспортные преступления достаточно хорошо систематизированы, а ответственность за указанные деяния дифференцирована. Как правило, для сопоставления аналогичных правовых норм при обращении к зарубежному праву наибольшее внимание уделяется романо-германской системе права, поскольку российская правовая система имеет наибольшее сходство с ней. В аспекте рассмотрения уголовной ответственности за транспортные преступления следует особое внимание обратить на законодательство некоторых европейских государств. Так, в УК Германии транспортным преступлениям посвящена отдельная глава – «Общеопасные наказуемые деяния». Здесь особое внимание следует обратить на то, что к числу транспортных преступлений законом отнесены в том числе деяния, которые в российском законодательстве считаются административными правонарушениями, например: установлена уголовная ответственность за опасное вождение. Достаточно жёсткое наказание установлено за причинение смерти человеку в результате совершения транспортных преступлений. Кроме того, в германском уголовном законодательстве закреплена норма об уголовной ответственности за вождение ТС в состоянии алкогольного опьянения. В российском праве соответствующая норма действует сравнительно недавно, её применение является следствием привлечения лица за аналогичное по объективной стороне правонарушение к административной ответственности ранее. Ярким примером степени тяжести

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации: Федер закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

ответственности за транспортные преступления в Германии является норма УК за оставление места дорожно-транспортного происшествия, в том числе если водителем не были нарушены правила дорожного движения.

Обращение к уголовному закону Франции свидетельствует о том, что в реализации данных норм широко применяется дополнительное наказание в виде лишения права управления. При этом указанное лишение применяется в разном объеме. В частности, в случае применения наказания о лишении водительских прав суд ограничивает указанное право вождением, которое может осуществляться за рамками выполнения трудовых обязанностей. Суд может установить запрет на вождение в определённое время или в определённом месте, запретить управление ТС определённой категории. Кроме того, французское уголовное законодательство допускает применение уголовного наказания в виде приведения ТС в неподвижное состояние. Для исполнения наказания у виновного изымается ТС, а при необходимости технически может быть приведено в состояние неподвижности.

Интерес представляет УК Сербии, которым предусмотрена ответственность за транспортные преступления, которыми причинён даже лёгкий вред здоровью. Также уголовное наказание предусмотрено за транспортные преступления, которые повлекли угрозу безопасности дорожного движения; повреждение или уничтожение дорожного сигнального оборудования; неоказание помощи пострадавшему в ДТП.

В странах СНГ законодательство об уголовной ответственности за рассматриваемые преступления имеет сходство с российским. В Армении, Азербайджане, Республике Беларусь, Кыргызской Республике имеются нормы, содержащие самостоятельные составы преступлений, аналогичных преступлению, предусмотренному ст. 264 УК РФ. В качестве наказания за данное преступление предусмотрены штраф, исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы в качестве основных наказаний, а также лишение права управления транспортным средством в качестве дополнительного наказания [2, с. 116]. Следует отметить, что наиболее мягкое наказание за нарушение ПДД, повлёкшее по неосторожности причинение вреда средней тяжести или тяжкий вред здоровью, предусмотрено уголовным законом Узбекистана (штраф и исправительные работы). Наиболее строгое и наименее альтернативное – в Туркменистане, где предусмотрено только два основных вида наказания: исправительные работы и лишение свободы сроком до 5 лет. В качестве примера уголовно-правовой системы, в которой наказание на нарушение ПДД имеет альтернативный характер, можно привести Армению, где за данное преступление предусмотрена возможность назначения нескольких видов наказания, в частности: штрафа, исправительных работ, ареста, лишения свободы с дополнительным наказанием.По своему содержанию близка российской норме об уголовной ответственности за нарушение ПДД норма, закреплённая в ст. 296 УК Республики Казахстан, где перечень возможных наказаний за преступление достаточно ограничен и связан с лишением свободы и её ограничением [3, с. 134].

Совершенствование норм уголовного законодательства в сфере транспортных преступлений состоит в выявлении органами власти закономерностей в соотношении количества противоправных деяний и случаев наступления негативных последствий. Так, возрастание количества правонарушений, состоящих в управлении ТС лицами в состоянии опьянения, повлекло за собой криминализацию повторных случаев управления в состоянии опьянения. Применение такого подхода законодателем называется административной преюдицией. В частности, речь идёт о деяниях, ответственность за которые установлена ст. ст. 264.1–264.3 УК РФ и которые предполагают наступление уголовной ответственности в случае совершения ранее тем же лицом административного правонарушения, схожего по объективным признакам.

Необходимость развития уголовного законодательства в этом направлении связана с отсутствием положительного воздействия на правонарушителя назначенного административного наказания. Например, поведение лица, привлёкшегося ранее к административной ответственности по ст. 12.8 или 12.26 КоАП РФ, если оно повторно управляет ТС в состоянии опьянения, свидетельствует об отсутствии результата назначенного ранее наказания в виде исправления и снижения общественной опасности такого лица [4, с. 203].

Действительно, при отсутствии надлежащего эффекта от административного наказания уголовная ответственность является способом обеспечения правомерного поведения нарушителей в будущем, поскольку осознание наступления судимости и уголовного наказания способствует предотвращению совершения преступлений такими лицами в дальнейшем. Генезис уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность дорожного движения, логически связан с формированием концепции его дальнейшего развития, а также с последующей реализации уголовной политики государства в данной сфере [5, с. 213].

Некоторыми исследователями обращается внимание на то, что значение для криминализации нарушений в сфере нарушения ПДД имеет не только повторность деяний, но и физиологические особенности лица, которое в состоянии опьянения управляет ТС [6, с. 8]. Основанием наступления уголовной ответственности является совершение преступного деяния лицом, подлежащим такой ответственности при наличии иных условий, которые закреплены в законодательстве. В настоящее время легальная дефиниция преступления закреплена в ст. 14 УК РФ. Законодатель определяет основным признаком преступления установление ответственности за деяние в уголовном законе (УК РФ). Также обязательными признаками преступления названа виновность и общественная опасность. При этом необходимо обратить внимание на соотношение в рассматриваемой норме указанных признаков и установления ответственности законом. Приведённые признаки должны присутствовать в совокупности, в связи с чем даже при наличии признака общественной опасности деяние не будет считаться преступлением, если ответственность за него не установлена уголовным законом.

Что же касается доктрины уголовного права, то, несмотря на большое количество трудов, посвящённых понятию, сущности и признакам данного преступления, единый подход к понятию не разработан. В научных исследованиях достаточно часто определение преступления, закреплённое законодателем, ставится под сомнение с точки зрения сложности его отграничения от иных правонарушений. В частности, признак виновности не является тем признаком, который позволяет отграничить данное преступление от других.

Романцова А. А., исследуя эволюцию понятия преступления, указывает на необходимость его определения через основные признаки, при этом автор опирается на то, что преступлением может выступать не только нарушение уголовного закона, но и нормы права, относимой к другой отрасли. Однако для того чтобы считать деяние преступлением, за него должна наступать именно уголовная ответственность [7, с. 151].

Некоторые авторы, рассматривая понятие и сущность преступления, ограничиваются перечислением его признаков, не приходя к выводу о том, что же следует считать таковым [8, с. 526]. Отметим, что подход к понятию преступления через исследование его признаков представляется верным. Первым признаком, как было отмечено, выступает противоправный характер деяния, выраженного в действии или бездействии гражданина или организации. То есть для возникновения вопроса о наличии правонарушения обязательной предпосылкой является наступление определённого события, юридического факта, который образует процесс или результат

противоправного деяния. Поскольку применительно к административным правонарушениям противоправность неразрывно связана с наказуемостью в соответствии с административным законодательством, следует определить признаки противоправности. Так, в ряде научных исследований встречается точка зрения, согласно которой противоправность рассматривается как самостоятельная категория и как административная противоправность. Разница заключается в том, какой нормой права закреплено описание правомерного или неправомерного действия (отрасль административного права или другая).

Никитин А. С. разграничивает данные понятия следующим образом. Административная противоправность предполагает нарушение деянием охранительной нормы (которой установлена ответственность за деяние), иные нормы права деянием могут быть не нарушены. Общая противоправность применительно к административному правонарушению предполагает нарушение одновременно охранительной и регулятивной правовой нормы, где последняя может быть закреплена в нормативных правовых актах иных отраслей [9, с. 174].

Приведённая позиция основана также на аналогичном подходе других исследователей. С таким подходом следует согласиться, при этом дополним, что в результате приведённого суждения можно утверждать, что два понятия административного правонарушения не имеют значения противоправности деяния.

В правоприменительной деятельности рассматриваемый термин приравнивается к понятию «незаконный», что с точки зрения практики применения нормы права, на наш взгляд, является верным. Однако при этом суды используют термин «противоправность» при решении вопроса о квалификации деяния. Например, в Обзоре судебной практики, как и в отдельных судебных актах, указывается на то, что суды пришли к выводу о наличии в действиях привлекаемого лица состава административного правонарушения, предусмотренного нормой КоАП РФ, «квалифицировав противоправное деяние как…» (далее описано деяние)[1].

Из приведённого примера видно, что противоправность деяния судом предполагается и вне квалификации деяния в соответствии с какой-либо нормой закона, устанавливающей ответственность. То есть противоправность по сути не связывается с закреплением нормы об ответственности, а рассматривается как самостоятельный признак административного правонарушения.

Обусловленность уголовной ответственности за деяния, предусмотренные ст. 264 УК РФ, на наш взгляд, наиболее очевидна, поскольку данное преступление имеет материальный состав, ответственность наступает при наличии последствий – причинения вреда жизни и здоровью человека и причинно-следственной связи между деянием виновного лица и наступившими последствиями.

Таким образом, на сегодняшний день нормы, закреплённые в ст. 264 УК РФ, продолжают изменяться, поскольку постоянно требуется приведение их в соответствие с современными реалиями. Упомянутые в статье нормы зарубежного законодательства свидетельствуют о том, что оно зачастую значительно отличается от уголовно-правовых норм об ответственности за транспортные преступления в России, однако это также говорит о социальной обстановке как признаке установления уголовной ответственности за рассматриваемые преступления. Уголовные наказания устанавливаются за деяния, которые в российском праве отнесены к числу административных правонарушений. Представляется, что российскому законодателю

[1] Обзор судебной практики Верховного суда Рос. Федерации № 4 (2021) // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2022. № 4, 5.

следует обращаться к опыту зарубежных стран в части применения более строгих мер ответственности за рассматриваемые деяния.

1. Бондарь К. А. Общесоциальные меры предупреждения дорожно-транспортных преступлений // Наука, образование и культура. 2022. № 3(63). С. 17–19.
2. Ларина Л. Ю. Уголовно-правовое обеспечение транспортной безопасности в странах СНГ // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 3(57). С. 114–120.
3. Рязанов Н. С. К вопросу об определении транспортной безопасности в качестве объекта уголовно-правовой защиты // Право и государство: теория и практика. 2022. № 3 (207). С. 133–136.
4. Гончаров И. В. Некоторые вопросы криминализации управления транспортным средством в состоянии опьянения // Вестник СГЮА. 2020. № 3(134). С. 201–209
5. Подчерняев А. Н., Кодзов Т. Н. Некоторые аспекты развития уголовно-правовых норм, обеспечивающих безопасность дорожного движения в современной России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 207–215.
6. Арзамасцев М. В. Конституционные основы уголовной ответственности за транспортные преступления // КриминалистЪ. 2023. № 2(43). С. 3–10.
7. Романцова А. А. Понятие административного правонарушения и административной ответственности: ретроспектива и современное состояние // Форум молодых ученых. 2022. № 11(75). С. 148–158.
8. Подройкина И. А. Проблема определения сущности и признаков административного правонарушения // Вестник Российской таможенной академии. 2020. № 4. С. 103–108; Побежимова Н. И. Административное правонарушение и уголовный проступок // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 525–529.
9. Никитин А. С. Особенности «Противоправности» административного правонарушения // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2010. № 2(36). С. 168–180.

1. Bondar` K. A. Obshhesocial`ny`e mery` preduprezhdeniya dorozhno-transportny`x prestuplenij // Nauka, obrazovanie i kul`tura. 2022. № 3(63). S. 17–19.
2. Larina L. Yu. Ugolovno-pravovoe obespechenie transportnoj bezopasnosti v stranax SNG // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 3(57). S. 114–120.
3. Ryazanov N. S. K voprosu ob opredelenii transportnoj bezopasnosti v kachestve ob``ekta ugolovno-pravovoj zashhity` // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2022. № 3 (207). S. 133–136.
4. Goncharov I. V. Nekotory`e voprosy` kriminalizacii upravleniya transportny`m sredstvom v sostoyanii op`yaneniya // Vestnik SGYuA. 2020. №3 (134). S. 201-209
5. Podchernyaev A. N., Kodzov T. N. Nekotory`e aspekty` razvitiya ugolovno-pravovy`x norm, obespechivayushhix bezopasnost` dorozhnogo dvizheniya v sovremennoj Rossii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 207–215.
6. Arzamascev M. V. Konstitucionny`e osnovy` ugolovnoj otvetstvennosti za transportny`e prestupleniya // Kriminalist``. 2023. № 2(43). S. 3–10.
7. Romanczova A. A. Ponyatie administrativnogo pravonarusheniya i administrativnoj otvetstvennosti: retrospektiva i sovremennoe sostoyanie // Forum molody`x ucheny`x. 2022. № 11(75). S. 148–158.
8. Podrojkina I. A. Problema opredeleniya sushhnosti i priznakov administrativnogo pravonarusheniya // Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2020. № 4. S. 103–108;

Pobezhimova N. I. Administrativnoe pravonarushenie i ugolovny`j prostupok // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. № 4. S. 525–529.
9. Nikitin A. S. Osobennosti «Protivopravnosti» administrativnogo pravonarusheniya // Ucheny`e zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V. B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2010. № 2(36). S. 168–180.

Информация об авторе

Милана Александровна Боева. Доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент.

Брянский филиал Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова.

241050, Россия, г. Брянск, 2-й Советский переулок, 2А.

Information about the author

Milana Al. Boeva. Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Law, Associate Professor.

Bryansk branch of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova.

241050, Russia, Bryansk, 2nd Sovetsky Lane, 2A.

Статья поступила в редакцию 04.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 04.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ХИЩЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЁМ ПРИСВОЕНИЯ ИЛИ РАСТРАТЫ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ ТРАНСПОРТЕ

Борисовская Татьяна Николаевна
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

borisovskaya_88@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются специфические особенности этапа проверки сообщения о предполагаемом преступлении – хищении в форме присвоения или растраты, совершённом на железнодорожном транспорте. Исследована специфика деятельности должностных лиц, уполномоченных уголовно-процессуальным законом осуществлять предварительную проверку по сообщению о преступлении; способы установления наличия либо отсутствия оснований к возбуждению уголовного дела по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, совершённого на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: присвоение или растрата, предварительная проверка сообщения о преступлении, возбуждение уголовного дела, железнодорожный транспорт.

Для цитирования: Борисовская Т. Н. Особенности возбуждения уголовных дел о хищениях, совершаемых путём присвоения или растраты на железнодорожном транспорте // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 174–181.

FEATURES OF THE INITIATION OF CRIMINAL CASES OF EMBEZZLEMENT COMMITTED BY EMBEZZLEMENT OR EMBEZZLEMENT IN RAILWAY TRANSPORT

Tatiana N. Borisovskaya
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

borisovskaya_88@mail.ru

Annotation. The article reveals the specific features of the verification stage of a report on an alleged crime – embezzlement in the form of embezzlement or embezzlement committed on railway transport. The article examines the specifics of the activities of officials authorized by the criminal procedure law to carry out a preliminary check on a crime report; ways to establish the presence or absence of grounds for initiating a criminal case on the grounds of a crime under Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation committed on railway transport.

Keywords: embezzlement or embezzlement, preliminary verification of a crime report, initiation of a criminal case, railway transport.

For citation: Borisovskaya T. N. Features of the initiation of criminal cases of embezzlement committed by embezzlement or embezzlement in railway transport //

Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 174–181.

Отправной точкой расследования любого преступления является этап принятия решения о возбуждении уголовного дела, оформленного соответствующим уголовно-процессуальным актом. Несмотря на достаточную научную разработанность возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии досудебного производства, её теоретико-прикладная сущность привлекает внимание современных учёных-криминалистов и в особенности тех, которые занимаются проблемами методико-криминалистического обеспечения предварительного расследования.

Целесообразность установления особенностей возбуждения уголовных дел по выбранному в качестве объекта научного исследования виду преступлений – хищениям, совершаемым путём присвоения или растраты на железнодорожном транспорте (далее – ж/д транспорте), – в рамках формируемой частной криминалистической методики диктуется, во-первых, обоснованными потребностями практики вследствие существующих особенностей: механизма данного вида преступления; поисково-познавательной деятельности по установлению (обнаружению и фиксации) обстоятельств преступления; технологии выявления, раскрытия и расследования преступления, находящейся под влиянием обстановки функционирования ж/д транспортной отрасли экономики [1, с. 443]. Во-вторых, отсутствием научно обоснованных положений, рекомендуемых к применению в качестве методической основы для расследования присвоения или растраты, совершаемых на железнодорожном транспорте. В-третьих, наличием выявленных в результате проведённого анализа упущений организационного, методического и тактического планов оперативно-разыскной и следственной деятельности органов внутренних дел на транспорте. В-четвёртых, не всегда достаточным уровнем опыта и теоретической подготовленности оперативных работников и следователей, выявляющих и расследующих данные виды хищений.

Отдельные вопросы криминалистического аспекта возбуждения уголовных дел по преступлениям рассматриваемой категории ранее подвергались системному изучению в рамках состоявшихся исследований [2, с. 96]. Оставив за рамками общеизвестные закономерности предварительной проверки сообщений о преступлениях, явившиеся результатом отдельных работ учёных-процессуалистов (Жогин Н. В., Рахунов Р. Д., Химичева Г. П., Победкин А. В. и др.) и криминалистов (Калюжный А. Н., Лавров В. П., Сергеев Л. А., Шурухнов Н. Г. и др.), в которых обсуждались понятийный аппарат [3, с. 113], процессуальный и тактический характер производства, остановимся на рассмотрении отличительных черт её организации относительно выбранной категории преступлений – присвоения или растраты, совершаемых на ж/д транспорте.

В наиболее общем виде алгоритм предварительной проверки сообщений о присвоении или растрате, совершаемых на ж/д транспорте, можно представить в виде трёх этапов.

1 этап – анализ сведений, изложенных в принятом и зарегистрированном сообщении. В первичной информации, в форме и содержании прилагаемых к ней документов, предметов, характеристике объектов должны быть выделены признаки, достаточные для принятия процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Реализуется путём поисково-познавательной деятельности, выполняемой на основе системного использования положений криминалистической характеристики хищений, совершаемых путём присвоения или растраты на ж/д транспорте [4, с. 85–87], групповой криминалистической характеристики преступлений против собственности,

совершаемых на транспорте, и родовой криминалистической характеристики преступлений в сфере экономики, совершаемых на ж/д транспорте и объектах его инфраструктуры, и их встраивании в версионную деятельность лиц, осуществляющих проверочные действия. Разыскные, поисковые и установочные версии индивидуализируются заложенной в их структуру производственно-экономической спецификой ж/д транспорта (специфические объекты, предметы, процессы и т. п.).

2 этап – собирание дополнительной информации о признаках хищения, совершаемого путём присвоения или растраты на ж/д транспорте. Для этого проводится работа по получению объяснений, истребованию документов и предметов, отбору образцов для сравнительного исследования, назначению судебных экспертиз. Организуются: осмотры места происшествия, документов, предметов; ревизионные и иные проверочные (например, инвентаризации) мероприятия. Сотрудникам органа дознания направляются письменные поручения о проведении конкретных оперативно-разыскных мероприятий (например, наведение справок, получение компьютерной информации и др.). К участию во всех вышеуказанных мероприятиях привлекаются необходимые специалисты. Технология собирания дополнительной информации строится на основе знаний положений родовой криминалистической методики расследования преступлений в сфере экономики, совершаемых на ж/д транспорте и объектах его инфраструктуры, и специальной программы действий по проверке сообщения о преступлении.

3 этап – изучение всех полученных сведений в процессе приёма, регистрации и проверки сообщения о хищении, совершённом путём присвоения или растраты на ж/д транспорте, а также их оценка и выделение криминалистически значимых элементов, несущих доказательственное значение; принятие процессуального решения о возбуждении уголовного дела; об отказе в возбуждении дела; о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[1] (далее – УПК РФ). В основе такого изучения лежат приёмы и методы криминалистического анализа криминалистически значимой информации [5, с. 53].

Предварительную проверку по фактам хищений, совершаемых путём присвоения или растраты на ж/д транспорте, индивидуализируют:

1. Круг субъектов-участников. Установлением оснований для возбуждения уголовных дел данной категории занимаются сотрудники оперативных подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК), подразделений по борьбе с преступными посягательствами на грузы (далее – БППГ) отделов внутренних дел на транспорте, получающие первичную информацию о совершённом или готовящемся преступлении из различных источников, сотрудники органа дознания, необходимые специалисты, привлекаемые ими для производства в установленном законом порядке проверочных действий.

2. Особые основания для проведения проверки. По результатам обобщения следственной, оперативной и судебной практики таковыми являются:

2.1. Информация, полученная оперативным путём, в результате деятельности подразделений ЭБиПК, БППГ транспортной полиции (36 %).

2.2. Заявление (сообщение) о преступлении, поступившее от граждан, пользующихся услугами, предоставляемыми организациями ж/д транспорта (24 %).

2.3. Сведения о выявленных фактах недостач (излишков) материальных объектов, денежных средств, подлежащих учёту в ж/д транспортной организации;

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

нарушениях финансовой, бюджетной, сметной дисциплины, установленные в результате инвентаризаций, ревизий и других проверок, проведённых как ведомственными (например, Управлением рисками, внутреннего контроля и аудита открытого акционерного общества «Российские железные дороги» (далее – ОАО «РЖД»), так и вневедомственными (например, контрольно-ревизионным управлением Министерства финансов Российской Федерации) контрольными и ревизионными органами (9 %).

2.4. Материалы совместной проверки, проведённой оперативными подразделениями ОВД на транспорте и контрольно-ревизионными органами организаций ж/д транспорта (31 %).

3. Особенности первичной информации, её источники.

3.1. Первичная информация о хищениях, совершаемых на ж/д транспорте путём присвоения или растраты, представляет собой сведения о фактах, отражающих особенности преступления, указывающие на его признаки. Они воспринимаются следователем посредством логического анализа исходной и дополнительной информации о материальных объектах, полученной в результате исследования обстановки присвоения или растраты на ж/д транспорте, и её сопоставления с содержанием структурных элементов криминалистической характеристики преступления. Формирует и индивидуализирует указанную информацию – специфика ж/д транспорта как отрасли экономики и особенности функционирования конкретных предприятий, исполнения обязанностей должностными и материально-ответственными лицами.

3.2. Источники исходной криминалистически значимой информации о хищениях, совершаемых на ж/д транспорте путём присвоения или растраты, представлены на основе существующей теоретической конструкции следующими группами:

– персонал ж/д транспортных организаций (машинисты, монтёры путей, проводники и др.) и служащие (инженерно-технические работники, работники экономических, бухгалтерских и иных служб; диспетчеры, начальники станций, вокзалов, участков и пр.);

– пользователи услуг ж/д транспорта (пассажиры, представители грузоотправителя, грузополучателя, иные физические или юридические лица);

– должностные лица государственных органов, обеспечивающих регистрационные, учётные, надзорные функции, безопасность на ж/д транспорте (например, Федеральное агентство ж/д транспорта, Ространснадзор, Управление транспортной безопасности Росжелдора и др.);

– обладающие свойствами носителя информации материальные и цифровые объекты [6, с. 25], имеющие непосредственное отношение к сфере деятельности ж/д транспортной организации, полученные в установленном законом порядке в качестве вещественных доказательств (служебные, производственные и учётные документы, материалы ревизий, аудита, инвентаризаций; компьютерная техника и пр.).

4. Особенности содержания криминалистического анализа первичной информации. Криминалистический анализ первичной информации о хищениях, совершаемых на ж/д транспорте в форме присвоения или растраты, проводимый на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении, подчинён цели поиска и познания типичных обстоятельств, подлежащих установлению и последующему доказыванию в рамках пространственно-временных границ. Они определены деятельностью ж/д транспортной организации и видом производственных и технологических процессов, связанных с деянием, а также учётно-отчётными периодами хозяйственной деятельности.

Криминалистический анализ первичной информации обеспечивается версионным процессом, основывающемся на использовании методов криминалистического познания [7, с. 64], экономической и в ряде случаев «цифровой криминалистики» [8, с. 124], теории временных связей и отношений, адаптированных к установлению пространственных связей и отношений, изучению условий, относящихся к событию таких преступлений и связанных:

– с местом совершения преступления – ж/д транспортная организация, её конкретное подразделение, участок, помещение;

– с временем совершения преступления – период, определённый рамками производственных, технологических, учётных процессов в ж/д транспортной отрасли (в железнодорожной организации); конкретные хозяйственные операции, в рамках которых осуществлялись действия по подготовке к непосредственному совершению и сокрытию следов хищения;

– с предметом преступного посягательства – материальные и нематериальные объекты, являющиеся собственностью железнодорожной транспортной организации и находящиеся в её обращении;

– с характеристикой личности, имеющей к преступлению прямое (должностное, материально-ответственное лицо железнодорожной транспортной организации) или косвенное отношение (например, представители организаций контрагентов), их действие/бездействие, мотивы;

– с способом совершения преступления – выполнение конкретных действий (например, принятие управленческих решений должностными лицами); использование приёмов и методов (фальсификации документов, искажения отчётности, нарушений технологии производственных операций и т. п.); приискание и использование в преступных целях орудий и инструментов (компьютерной техники, средств связи и пр.), обеспечивающих возможность совершения изъятия из оборота ж/д транспортной организации похищаемого имущества;

– с характером и размером вреда, причинённого преступлением, – материальный и репутационный ущерб конкретной ж/д транспортной организации, транспортной отрасли экономики в целом;

– с причинами и условиями, которые способствовали присвоению или растрате, использовались преступниками или были ими целенаправленно созданы в процессе подготовки к реализации преступного замысла (смена руководства или материально-ответственных лиц в организации, небрежное отношение к ведению бухгалтерского учёта и т. п.).

5. Поисково-познавательные задачи и организация их решения.

5.1. Получение первичной информации о хищении путём присвоения или растраты, совершённого на ж/д транспорте, основывается на использовании системы поисково-познавательной деятельности, являющейся основой организации и алгоритма производства предварительной проверки сообщения о преступлении. По делам рассматриваемой категории данная система позволяет решать две группы поисково-познавательных задач:

а) познания обстановки преступления и обстоятельств, способствовавших его совершению, личностных характеристик причастных к преступлению лиц;

б) поиска и установления информации (ориентирующей и доказательственной) о предмете преступного посягательства, способе преступления, оставленных следах-последствиях.

5.2. Организация решения поисково-познавательных задач на этапе предварительной проверки преследует цель упорядочения действий лиц, её осуществляющих, за счёт создания условий для качественного производства мероприятий (организационных, оперативно-разыскных), следственных, процессуальных и иных действий» [9, с. 140]. Правовая их регламентация приведена в ст. 144 УПК РФ с прямым указанием на доказательственное значение в ст. 74 УПК РФ. Решаются

указанные задачи посредством реализации тактических возможностей двух групп познавательно-удостоверительных мероприятий.

1 группа. Проверочные действия: получение объяснений; истребование документов и предметов; организация и проведение ревизионных и иных проверочных действий.

Получение объяснений. Особенность получения объяснений от должностных и материально ответственных лиц железнодорожных транспортных организаций заключается в установлении индивидуальных черт опрашиваемых, сформировавшихся вследствие их профессиональной и служебной деятельности.

Истребование предметов и документов. Решение поисково-познавательных задач предварительного этапа проверки информации о присвоении или растрате на ж/д транспорте предполагает необходимость получения информации, содержащейся в документах (учётных, отчётных, производственных, цифровых, материалах аудио- и видеозаписей и др.) и обращаемых предметах железнодорожной транспортной организации.

Особенности их истребования в рамках предварительной проверки предполагают необходимость ориентации следователя: в классификационных основаниях документов, предъявляемых требованиях к их оформлению; в применяемой системе документооборота; в понимании сути и предметного содержания производственных и технологических процессов (перевозка, обслуживание и ремонт подвижного состава и пр.). Отмеченное невозможно качественно выполнить без обладания специальными знаниями (экономическими и железнодорожными), а в ряде случаев и использования справочно-консультационной помощи сведущих лиц.

Организация ревизий и иных проверочных действий. Проверка сообщений (заявлений) о присвоении или растрате на ж/д транспорте предполагает необходимость проведения мероприятий документального и фактического контроля (ревизий, инвентаризаций и др.). Следует иметь в виду, что их производство урегулировано общими нормативными правовыми актами и конкретизировано ведомственными[1].

2 группа. Следственные и процессуальные действия: осмотр места происшествия, документов, предметов; изъятие предметов и документов; получение образцов для сравнительного исследования; назначение экспертиз. Их организация и производство направлены на обеспечение закрепления следов, оставленных преступлением, и оперативное получение процессуально значимой ориентирующей и доказательственной информации» [10, с. 76]. Тактику следственных действий, проводимых в ходе первоначальной проверки по делам рассматриваемой категории, характеризуют организационные и методические особенности (субъекты-участники, место и условия проведения, цели и др.).

Системный анализ содержания этапа возбуждения уголовных дел о хищениях, совершаемых путём присвоения или растраты на ж/д транспорте, выделение обоснованных теоретических закономерностей позволяют сделать ряд суждений, важных для содержания частной криминалистической методики.

1. Возбуждение уголовного дела о хищении, совершенном в форме присвоения или растраты на ж/д транспорте, осуществляется на основе предварительной проверки сообщения о преступлении посредством криминалистического анализа исходной информации.

[1] Об утверждении Методических указаний по инвентаризации имущества и финансовых обязательств: приказ Минфина Рос. Федерации от 13 июня 1995 г. № 49; Распоряжение ОАО «РЖД» от 12 октября 2016 г. № 2082р «Об обязательной инвентаризации активов и обязательств ОАО «РЖД» [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

2. Рекомендовано осуществление следственного сопровождения процедуры проверки сообщения о присвоении или растрате, совершённых на ж/д транспорте (в рамках криминалистического взаимодействия). Проявляет себя в получении оперативными работниками от следователя рекомендаций по выполнению целенаправленных действий, связанных с собиранием первичной и дополнительной информации; в тактически грамотном выполнении проверочных мероприятий; во включении в их алгоритм специальных тактических решений (оперативно-тактических комбинаций).

3. Качество предварительной проверки информации о хищении, совершённом в форме присвоения или растраты на ж/д транспорте, находится в прямой связи с объёмом используемых в её целях специальных знаний (экономических и отраслевых). В этой связи целесообразно активное вовлечение сведущих лиц в процесс следственного сопровождения первоначальной проверки сообщения о преступлении, обеспечивающее непосредственное выполнение её организационных, проверочных, оперативно-разыскных и следственных мероприятий справочно-консультационной формой.

---

1. Щукин В. И. Факторы, определяющие специфику расследования преступлений, совершенных на железнодорожном транспорте // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. Сборник научных трудов. Белгород: БУКЭП, 2014. С. 444–446.
2. Чиненов Е. В. Организация доследственной проверки и возбуждение уголовных дел по преступлениям в сфере экономики, совершаемым на железнодорожном транспорте // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 4(52) С. 95–101.
3. Лавров В. П. Проблемы предварительной проверки сообщений о преступлениях в современных российских условиях // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4(44). С. 111–114.
4. Борисовская Т.Н. Криминалистическая характеристика хищений, совершаемых на железнодорожном транспорте путем присвоения или растраты, и ее теоретическое и информационно-прикладное значение // Вестник ЮИ МВД России. 2024. № 1. С. 80–89.
5. Комаров И. М. Криминалистические операции и ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 4. С. 50–61.
6. Чаплыгина В. Н. Использование электронной информации и электронных носителей информации в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные проблемы правового регулирования, организации и тактики производства следственных действий: Материалы международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД РФ, 2023. С. 24–27.
7. Карепанов Н. В. Особенности версионного процесса в использовании методов криминалистического познания // Восточно-европейский научный журнал. 2022. № 1–2 (77). С. 63–68.
8. Голубятников С. П., Шумак Г. А. Проблемы адаптации положений экономических наук к задачам выявления и расследования преступлений // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016 № 2(34). С. 122–128.
9. Вологина Е. В., Голоманчук Э. В., Бирюков С. Ю. Сущность и значение предварительной проверки сообщений о преступлениях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 139–146
10. Чаплыгина В. Н. Реализация уголовно-процессуальных норм при проведении "доследственной" проверки // Наука и практика. 2014. № 4(61). С. 197–200.

1. Shhukin V. I. Faktory`, opredelyayushhie specifiku rassledovaniya prestuplenij, sovershenny`x na zheleznodorozhnom transporte// Aktual`ny`e problemy` yuridicheskoj nauki i pravoprimenitel`noj praktiki. Sbornik nauchny`x trudov. Belgorod: BUKE`P, 2014. S. 441–446.
2. Chinenov E. V. Organizaciya dosledstvennoj proverki i vozbuzhdenie ugolovny`x del po prestupleniyam v sfere e`konomiki, sovershaemy`m na zheleznodorozhnom transporte // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 4 (52) S. 95–101.
3. Lavrov V. P. Problemy` predvaritel`noj proverki soobshhenij o prestupleniyax v sovremenny`x rossijskix usloviyax // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2017. № 4 (44). S. 111–114.
4. Borisovskaya T.N. Kriminalisticheskaya xarakteristika xishhenij, sovershaemy`x na zheleznodorozhnom transporte putem prisvoeniya ili rastraty`, i ee teoreticheskoe i informacionno-prikladnoe znachenie // Vestnik YuI MVD Rossii. 2024. № 1. S. 80–89.
5. Komarov I. M. Kriminalisticheskie operacii i situacii v sisteme kriminalisticheskoj xarakteristiki rassledovaniya prestuplenij // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. 2014. № 4. S. 50–61.
6. Chaply`gina V. N. Ispol`zovanie e`lektronnoj informacii i e`lektronny`x nositelej informacii v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Aktual`ny`e problemy` pravovogo regulirovaniya, organizacii i taktiki proizvodstva sledstvenny`x dejstvij: Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Omsk: Omskaya akademiya MVD RF, 2023. S. 24–27.
7. Karepanov N. V. Osobennosti versionnogo processa v ispol`zovanii metodov kriminalisticheskogo poznaniya // Vostochno-evropejskij nauchny`j zhurnal. 2022. № 1–2(77). S. 63–68.
8. Golubyatnikov S. P., Shumak G. A. Problemy` adaptacii polozhenij e`konomicheskix nauk k zadacham vy`yavleniya i rassledovaniya prestuplenij // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2016 № 2(34). S. 122–128.
9. Vologina E. V., Golomanchuk E`. V., Biryukov S. Yu. Sushhnost` i znachenie predvaritel`noj proverki soobshhenij o prestupleniyax // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 139–146
10. Chaply`gina V. N. Realizaciya ugolovno-processual`ny`x norm pri provedenii "dosledstvennoj" proverki // Nauka i praktika. 2014. № 4(61). S. 197–200.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Борисовская. Старший преподаватель кафедры криминалистики.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина.

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Tatiana N. Borisovskaya. Senior lecturer at the Criminology Department.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 05.03.2025; одобрена после рецензирования 15.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 05.03.2025; approved after review on 15.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1, 343.98

РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕПРАВОМЕРНЫМ ДОСТУПОМ К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Волченко Анастасия Владимировна[1], Лакеева Екатерина Витальевна[2], Когтева Анна Николаевна[3]

[1,2]Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Белгород, Россия

[3]Финансовый Университет при правительстве РФ, Москва, Россия

[1]espy207@yandex.ru
[2]ms.volnyagina@mail.ru
[3]annelya1@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются статистические данные, которые указывают на высокий рост преступлений, предусмотренных статьёй 272 Уголовного кодекса Российской Федерации; также авторы рассматривают некоторые существующие способы неправомерного доступа к компьютерной информации. Предлагается алгоритм процессуальных и следственных действий, которые должны проводить органы предварительного расследования для выявления и раскрытия преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации в том числе на примере взлома портала федеральной государственной информационной системы «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)». Авторы приходят к выводам, которые будут способствовать увеличению раскрываемости преступлений, предусмотренных статьёй 272 УК РФ.

Ключевые слова: неправомерный доступ, компьютерная информация, Госуслуги, фишинг, вредоносная программа, брутфорс-атаки, инсайдерские угрозы, SIM-свопинг, IP-адрес, MAC-адрес, логи-авторизации.

Для цитирования: Волченко А. В., Лакеева Е. В., Когтева А. Н. Расследование преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 182–190.

ON THE QUESTION OF INVESTIGATION OF CRIMINAL CRIMES RELATED TO ILLEGAL ACCESS TO COMPUTER INFORMATION USING

Anastasiya V. Volchenko[1], Ekaterina V. Lakeeva[2], Anna N. Kogteva[3]

[1,2]Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

[3]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

[1]espy207@yandex.ru
[2]ms.volnyagina@mail.ru
[3]annelya1@yandex.ru

Annotation. The article analyses statistical data, which indicate a high growth of crimes under Art. 272 of the Criminal Code of the Russian Federation. 272 of the criminal code of the russian federation. Among other things, the authors consider some existing methods of unlawful access to computer information. The authors propose an algorithm

of procedural and investigative actions to be carried out by preliminary investigation bodies to identify and solve crimes related to unlawful access to computer information, including the example of hacking the portal of the federal state information system 'Unified Portal of State and Municipal Services (Functions)'. The authors come to conclusions that will contribute to an increase in the disclosure of offences under Art. 272 of the criminal code of the russian federation.

Keywords: unlawful access, computer information, Public Services, phishing, malware, bruteforce attacks, insider threats, SIM-swapping, IP address, MAC address, logging authorisations.

For citation: Volchenko A. V., Lakeeva E. V., Kogteva A. N. On the issue of investigating crimes related to unauthorized access to computer information using // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 182–190.

Ежедневно мы видим, как растёт цифровизация общества, новые технологии внедряются во все сферы жизнедеятельности. Данные изменения указывают как на положительные стороны, так и на отрицательные, которые связаны с новыми видами и способами совершения преступлений. Одним из видов таких преступлений является неправомерный доступ к компьютерной информации, наказание за которое предусмотрено ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[1]. Статистические данные за последние три года говорят о значительном росте рассматриваемого вида преступлений, а также о низком проценте раскрываемости. Так, за период времени с января по декабрь 2024 года зарегистрировано 105 311 преступлений, из которых раскрыто 2 959, что составляет лишь 3 % раскрываемости[2]; с января по декабрь 2023 года зарегистрировано 36 788, из которых раскрыто 1 552, что составило 20 % раскрываемости[3]; а с января по декабрь 2022 года зарегистрировано 9 308, из которых раскрыто 1 293, что составило 0,5 % раскрываемости[4]. Анализ статистических данных говорит о том, что требуются новые меры и способы предупреждения, выявления и расследования данного вида преступлений.

Неправомерный доступ к компьютерной информации может осуществляться несколькими способами, которые мы проанализировали ниже.

1. Фишинг. Самый распространённый способ, который направлен на создание злоумышленниками поддельных сайтов или писем для кражи логинов, паролей и платёжных данных[5]. Примером может служить создание фейковой страницы входа на Госуслуги, с помощью которой злоумышленники собирали данные граждан, затем оформляли на них микрозаймы[6].

[1] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Состояния преступности в России за январь - декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: http: //xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 30.03.2025).
[3] Состояния преступности в России за январь - декабрь 2023 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/ (дата обращения: 30.03.2025).
[4] Состояния преступности в России за январь - декабрь 2022 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/35396677/ (дата обращения: 30.03.2025).
[5] Что такое фишинг: как не стать жертвой хакеров // РБКТренды [Электронный ресурс]. URL:https://trends.rbc.ru/trends/industry/602e9fe79a7947a4bd611504 (дата обращения: 01.04.2025).
[6] Мошенники придумали новую схему для кражи аккаунтов с «Госуслуг» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2024/12/23/moshenniki-pridumali-novuiu-shemu-dlia-krazhi-akkauntov-s gosuslug.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 01.04.2025).

2. Вредоносная программа. Направлена на распространение вирусов, троянов, шифровальщиков, которые крадут или блокируют данные[1]. В 2023 году троян заразил более 500 устройств в РФ, похитив доступ к мобильным банкам[2].

3. Брутфорс-атаки. Осуществляются путём автоматического подбора паролей к аккаунтам почты, социальных сетей, Госуслуг[3].

4. Инсайдерские угрозы. Совершаются путём кражи данных сотрудниками компаний и госорганов[4]. Так, к примеру, в 2024 году менеджер продаж салона сотовой связи осуществил несанкционированный доступ к карточкам абонентов в информационно-биллинговой системе компании, что причинило вред компании как субъекту критической информационной инфраструктуры РФ в виде нарушения безопасности информации и разглашения конфиденциальных сведений об абонентах[5].

5. SIM-свопинг (перехват СМС). Правонарушители переоформляют сим-карту потерпевшего на себя, чтобы получать коды подтверждения[6].

Официальная статистика, связанная с конкретным способом совершения неправомерного доступа к компьютерной информации, отсутствует, однако, изучив различные интернет-ресурсы, а также ссылаясь на решение коллегии МВД РФ, согласимся о необходимости противодействия неправомерному доступу к личным кабинетам граждан портала Госуслуг[7]. Преступления данной направленности несут широкий общественный резонанс и наносят значительный ущерб пострадавшим.

В связи с вышесказанным считаем необходимым рассмотреть проблемные аспекты выявления и расследования преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации путём взлома портала Госуслуг.

Единый портал государственных и муниципальных услуг (далее – ЕПГУ) – это федеральная информационная система, где граждане, организации и индивидуальные предприниматели могут оформить документы, получить выписки и справки в электронном виде, найти юридически значимую информацию и т. д. Рассмотрим более детально, к какой информации может быть получен неправомерный доступ на Госуслугах. Согласно информации портала основными целями злоумышленников при неправомерном доступе к учётным записям граждан являются: оформление кредита или микрозайма; подача заявки на кредит; вход в онлайн-банк через Госуслуги; запрос справки 2-НДФЛ для одобрения кредита; оформление электронной сим-карты на имя пострадавшего и использование её для других мошеннических схем; продажа информации о пострадавшем: адрес, СНИЛС, данные паспорта и других документов,

---

[1] Вредоносная программа // Tadvicer Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс].URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Вредоносная_программа_(зловред) (дата обращения: 01.04.2025).

[2] Трояны // Tadvicer Государство. Бизнес. Технологии [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Трояны (дата обращения: 01.04.2025).

[3] Брутфорс-атака: определение, примеры, защита [Электронный ресурс]. URL: https://www.kaspersky.ru/resource-center/definitions/brute-force-attack (дата обращения: 01.04.2025).

[4] Как обнаружить и предотвратить внутренние угрозы [Электронный ресурс]. URL: http://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/articles/kak-obnaruzhit-i-predotvratit-vnutrennie-ugrozy (дата обращения: 01.04.2025).

[5] Менеджер салона сотовой связи незаконно торговал личными данными абонентов в Белгородской области [Электронный ресурс]. URL: https://openbelgorod.ru/news/kriminal/2024-02-09/menedzher-salona-sotovoy-svyazi-nezakonno-torgoval-lichnymi-dannymi-abonentov-v-belgorodskoy-oblasti-371589 (дата обращения: 01.04.2025).

[6] О новых способах мошенничества и стоимости клиентских данных на черном рынке [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=8115# highlight=карту (дата обращения: 01.04.2025).

[7] О мерах, принимаемых органами внутренних дел Российской Федерации по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс]: решение коллегии МВД России от 4 июня 2024 г. № 2 км. Документ опубликован не был. Доступ из справ.- правовой системы «ГАРАНТ».

номера счетов; получение информации о конкретном лице с целью обмана его близких; получение налогового вычета за лицо, чей аккаунт был взломан[1].

Прежде всего отметим, что расследование неправомерного доступа к компьютерной информации сопряжено с рядом сложностей, обусловленных спецификой киберпреступлений, в том числе с разграничением смежного состава преступления, предусмотренного ст. 159.6 УК РФ [1, с. 61]. В том числе мы согласимся с мнением, что основной задачей по расследованию преступлений информационно-телекоммуникационной направленности является идентификация конкретного пользователя, совершившего преступное деяние, и криминалистически значимая информация, представленная в виде электронных данных, не вписывается в классическую криминалистическую теорию механизма следообразования [2, с. 194].

Для возбуждения уголовного дела, предусмотренного ст. 272 УК РФ, требуется установление наличия признаков преступления, а именно: факт несанкционированного доступа, способ доступа (взлом пароля, использование вредноносного ПО и др.), последствий (уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование компьютерной информации), в том числе для квалификации важно определить размер ущерба.

Остановимся на последовательности процессуальных и следственных действий, которые должны провести органы предварительного расследования для выявления и раскрытия преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации на примере взлома портала Госуслуг.

1. Необходимо доказать, был ли осуществлен доступ к информации (вход в систему, который привёл к уничтожению, блокированию, модификации либо копированию компьютерной информации), был ли доступ неправомерным (без разрешения владельца). Данная информация может быть получена следователем в процессе получения объяснения (допроса) потерпевшего в том числе с приобщением соответствующих документов (например, выписка из банка об оформлении кредита онлайн).

2. Определить способ совершения преступления (фишинг, вредоносная программа, брутфорс-атаки, инсайдерские угрозы или др.), каналы связи (через интернет, локальную сеть, физический носитель). Для определения способа необходимо в процессе получения объяснения (допроса) потерпевшего выяснить, приходили ли письма, сообщения с просьбой ввести пароль, был ли осуществлён переход по ссылке, вводил ли потерпевший какие-либо данные; посещал ли потерпевший портал Госуслуг с указанием *URL* адреса сайта и т. п. При этом если будет выявлено, что потерпевший получал какие-либо письма или сообщения, переходил на какие-либо сайты самостоятельно, необходимо провести выемку электронного устройства с последующим его осмотром, а также получение снимков экрана (скриншотов), на которых отображены сообщения, истории запросов в браузере и т. п., и приобщением данной информации к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Если самостоятельно установить способ не удаётся, назначается компьютерно-техническая судебная экспертиза, которая определяет, был ли установлен вредоносный код, каким образом произошла утечка данных, какие именно данные были получены.

3. Идентификация подозреваемого лица. Для этого необходимо органам предварительного расследования незамедлительно и безошибочно собрать цифровые следы:

[1] Зачем мошенники взламывают учётные записи на Госуслугах [Электронный ресурс]. URL:https://www.gosuslugi.ru/help/faq/personal_data/230820245(дата обращения: 01.04.2025).

– *IP*-адрес (время, дата, провайдер), но учитывать, что он может быть подменён (*VPN, прокси, TOR*). Для установления сведений об *IP*-адресе, подтверждающих неправомерный вход, органы предварительного расследования проводят осмотр места происшествия – личный кабинет портала Госуслуг потерпевшего. Для этого необходимо зайти на сайт «ЕПГУ», перейти во вкладки «профиль», далее – «безопасность», «действия в системе» и произвести выгрузку информации за интересующий период времени с отражением IP-адресов, с которых осуществлялся вход на Госуслуги. Независимо от полученных в личном кабинете сведений об истории посещения необходимо направить запрос в МинЦифры РФ (курирует Госуслуги) или оператору единой системы идентификации и аутентификации (далее – ЕСИА) (ПАО «Ростелеком»), где запросить сведения, подтверждающие неправомерный доступ к личному кабинету, а также об *IP*-адресах, использовавшихся для входа, номерах телефонов и электронных ящиках, указанных для направления уведомлений о посещении ресурса, обо всех сайтах организаций, посещение которых происходило через авторизацию в личном кабинете Госуслуг;

– *MAC*-адрес, если взлом был внутри локальной сети. Для установления *MAC*-адреса корпоративной сети органы предварительного расследования направляют запрос администратору компании для установления *MAC*-адреса публичного *Wi-Fi* (например, кафе, ТЦ) – запрос владельцу точки доступа, для домашнего интернета – провайдеру, но в данном случае обычно *MAC*-адреса нет. Все направляемые запросы должны быть официальными в рамках ч. 4 ст. 21 УПК РФ;

– логи-авторизации Госуслуг – журнал событий входа в систему. Логи-авторизации содержат записи обо всех попытках входа в систему (успешных и неудачных). Важный аспект – это своевременное изъятие, иначе логи-авторизации могут быть перезаписаны или удалены. Для установления логов-авторизации следователь направляет запрос в МинЦифры РФ, оператору ЕСИА или в организацию, ответственную за безопасность портала. После установления логов-авторизации органы предварительного расследования должны провести анализ полученных данных с целью обнаружения подозрительных *IP*-адресов, несанкционированных входов (например, с одного *IP*-адреса было множество попыток входа). Если логи-авторизации были удалены, то их необходимо попытаться восстановить через компьютерно-техническую судебную экспертизу;

– данные устройств (*IMEI* телефона). Если неправомерный доступ был осуществлён при помощи мобильного интернета, органам предварительного расследования необходимо в соответствии со ст. 186.1 УПК РФ обратиться в суд с ходатайством о разрешении предоставления операторами связи информации об *IMEI*-устройстве и других данных, позволяющих идентифицировать абонентов;

– связь с другими преступлениями (например, продажа данных в даркнете).

Кроме того, все получаемые органами предварительного расследования ответы подлежат тщательному анализу, осмотру (при необходимости со специалистом) и приобщению в качестве вещественных доказательств. Также необходимо предпринять иные действия к идентификации подозреваемого лица. Например, если ко взломанному личному кабинету пользователя портала Госуслуг был привязан новый номер телефона, необходимо в рамках ст. 186.1 УПК РФ получить сведения о лице, на чьё имя зарегистрирован номер телефона, о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приёмопередающих базовых станций. Г. Ф. Шипулин верно отметил, что «...для привлечения лица к ответственности по рассматриваемой статье необходимо наличие причинно-

следственной связи между действиями лица и наступившими последствиями» [3, с. 124]. Данную связь возможно установить лишь при сборе всех частей в большом «пазле».

4. Фиксация последствий взлома: какая информация была похищена, изменена, удалена; размер и вид причинённого ущерба (материальный, репутационный и т. д.).

5. Доказательственная база. В качестве доказательств по уголовному делу о неправомерном доступе к компьютерной информации будут выступать:

– показания потерпевшего, в отношении которого был осуществлён неправомерный доступ к компьютерной информации; показания свидетелей (администраторы портала Госуслуг, сотрудники МинЦифры РФ и подведомственных организаций (например, «Ростелеком»), специалисты в области кибербезопасности и др.;

– показания подозреваемого (обвиняемого) в случае его установления.

В том числе согласимся с мнением Бердниковой О. П., которая считает, что вне зависимости от процессуального положения допрашиваемого лица следователю необходимо тщательно подготовиться к его допросу, в том числе при необходимости обратиться за консультацией к оперативным сотрудникам отдела «К» [4, с. 68];

– заключение и показания эксперта и специалиста. Однако стоит учитывать, что квалифицированного специалиста в области кибербезопасности в определённое время и в определённом месте может попросту не оказаться, особенно если речь идёт о небольших и отдалённых населённых пунктах. Полагаем, что данный вопрос необходимо проработать на уровне субъекта (например, областного управления МВД РФ), чтобы каждый следователь из любого муниципального образования при необходимости мог оперативно обратиться к соответствующему специалисту, в том числе допросить его в рамках уголовного дела по интересующим вопросам, например путём использования систем видео-конференц-связи (в порядке ст. 189.1 УПК РФ), т. е. следователь должен знать конкретных специалистов и иметь возможность быстро и продуктивно с ними связаться в интересах предварительно расследования;

– вещественные доказательства, которые можно разделить на физические носители (компьютеры, ноутбуки, серверы, мобильные устройства, внешние носители, роутеры, модемы, сетевые устройства и т. п.) и цифровые следы (IP-адреса, логи-авторизации, снимки и записи экранов, электронные переписки, базы данных и т. п.);

– протоколы следственных и судебных действий;

– иные документы (приказы, должностные инструкции и т. п.).

Вся доказательственная база по рассматриваемой категории уголовных дел должна собираться своевременно, а также в соответствии с требованиями УПК РФ.

Как можно заметить, рассмотренный порядок процессуальных и следственных действий, направленный на расследование уголовного дела, предусмотренного ст. 272 УК РФ, включает сложный алгоритм действий по обнаружению и фиксации цифровых следов. Существует много исследований по вопросам борьбы с киберпреступлениями, в том числе связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации.

Нам близки мнения Вехова В. Б. и Пастухова П. С., которые отметили о необходимости создания специализированных групп «...органов предварительного расследования, специализированных органов дознания, специалистов-криминалистов со специалистами из области информационных технологий и смежных отраслей знаний, провайдерами связи, интернет-провайдерами, а также с зарубежными аналогичными и правоохранительными органами» [5, с. 140]. Кроме того, ткакже интересным видится мнение о необходимости использования «...специализированного оборудования для обнаружения и сбора цифровых доказательств» [6, с. 76]. В свете современных реалий интересна точка зрения Володина А. А. и Глинской Е. В., которые

видят решение проблемы информационной безопасности через призму внедрения новейших технологий искусственного интеллекта в информационную безопасность крупных компаний и организаций, что поспособствует оптимизации процессов обеспечения информационной безопасности [7, с. 1].

По нашему мнению, следователь является должностным лицом, уполномоченным осуществлять предварительное следствие, и от его знаний и опыта зависит ход и результат расследования, поэтому базовых навыков для работы с цифровыми следами будет недостаточно.

Действительно, создание специализированных групп может поспособствовать увеличению раскрываемости преступлений данной направленности, однако для этого необходимо увеличение штата должностей и рассмотрения вопроса о сотрудничестве органов предварительного расследования с *IT*-специалистами.

Считаем необходимым систематически повышать профессиональный уровень сотрудников предварительного расследования по направлениям в области кибербезопасности, в том числе обучать выявлению и фиксации цифровых следов. Современный сотрудник, который расследует информационные преступления, в данном случае связанные с неправомерным доступом к компьютерной информации, не должен выполнять лишь цикл определённых действий, он должен уметь установить и идентифицировать цифрового преступника. Мы согласимся с Тимофеевым С. В., который считает, что «работа с цифровыми следами – это составная часть всей борьбы с киберпреступностью» [8, с. 266].

1. Филаненко А. Ю. Отграничения мошенничества в компьютерной информации от неправомерного доступа к компьютерной информации // Право и государство: теория и практика. 2013. № 1(97). С. 59–62.
2. Сретенцев Д. Н. Современные возможности криминалистической идентификации в расследовании преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4(93). С. 192–197.
3. Шипулин Г. Ф. Объективные признаки преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2023. № 3(96). С. 119–127.
4. Бердникова О. П. Тактические особенности допросов на первоначальном этапе расследования уголовных дел по мошенничествам в сфере компьютерной информации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 1(86). С. 67–72.
5. Вехов В. Б., Пастухов П. С. Преступления в информационном сообществе: совершенствование расследования на основе положений электронной криминалистики // Ex jure. 2018. № 3. С. 134–148.
6. Ростовцев А. В., Берестенко Е.Д. Использование специальных знаний при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2023. № 4. С. 72–80.
7. Володин А. А., Глинская Е. В. Развитие и проблемы использования искусственного интеллекта в области информационной безопасности // Политехнический молодежный журнал. 2024. № 2. С. 1–13.
8. Тимофеев С. В. Перспективы совершенствования Российского законодательства в области использования цифровых следов преступления // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4(111). С. 262–277.

1. Filanenko A. Yu. Otgranicheniya moshennichestva v komp`yuternoj informacii ot nepravomernogo dostupa k komp`yuternoj informacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2013. № 1(97). S. 59–62.
2. Sretencev D. N. Sovremenny`e vozmozhnosti kriminalisticheskoj identifikacii v rassledovanii prestuplenij // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4(93). S. 192–197.
3. Shipulin G. F. Ob``ektivny`e priznaki prestupleniya, predusmotrennogo stat`ej 272 UK RF // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2023. № 3(96). S. 119–127.
4. Berdnikova O. P. Takticheskie osobennosti doprosov na pervonachal`nom e`tape rassledovaniya ugolovny`x del po moshennichestvam v sfere komp`yuternoj informacii // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2021. № 1(86). S. 67–72.
5. Vexov V. B., Pastuxov P. S. Prestupleniya v informacionnom soobshhestve: sovershenstvovanie rassledovaniya na osnove polozhenij e`lektronnoj kriminalistiki // Ex jure. 2018. № 3. C. 134–148.
6. Rostovcev A. V., Berestenko E.D. Ispol`zovanie special`ny`x znanij pri rassledovanii prestuplenij v sfere informacionno-telekommunikacionny`x texnologij // Izvestiya TulGU. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2023. № 4. S. 72–80.
7. Volodin A. A., Glinskaya E. V. Razvitie i problemy` ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v oblasti informacionnoj bezopasnosti // Politexnicheskij molodezhny`j zhurnal. 2024. № 2. S. 1–13.
8. Timofeev S. V. Perspektivy` sovershenstvovaniya Rossijskogo zakonodatel`stva v oblasti ispol`zovaniya cifrovy`x sledov prestupleniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4(111). S. 262–277.

Информация об авторах

Анастасия Владимировна Волченко. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Екатерина Витальевна Лакеева. Преподаватель кафедры уголовного процесса.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Анна Николаевна Когтева. Доцент кафедры информационной безопасности, кандидат экономических наук.
Финансовый Университет при Правительстве РФ.
125167, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т., 49.

Information about the authors

Anastasiya V. Volchenko. Senior Lecturer at the Department of Criminal Procedure. Candidate of Law Sciences.
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal of Russia.
308024, Russia., Belgorod, Gorkogo Str., 71.

Ekaterina V. Lakeeva. Lecturer at the Department of Criminal Procedure.
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal of Russia.
308024, Russia., Belgorod, Gorkogo Str., 71.

Anna N. Kogteva. Associate Professor of the Department of Information Security. Candidate of Economic Sciences.
Financial University under the Government of the Russian Federation.
125167, Russia, Moscow, Leningradsky Pr., 49.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 22.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 2(103) 2025 г.

Научная статья
УДК 343.14

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР С ЦЕЛЬЮ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ В РАСПРЕДЕЛЁННЫХ РЕЕСТРАХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Науменко Оксана Александровна
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

kseny1010@mail.ru

Аннотация. Актуальность вопроса обосновывается авторами фактами роста регистрируемых преступлений, в которых криптоактивы используются как предмет или средство преступления, существующей правовой неопределённостью криптоактивов в уголовно-процессуальном и уголовном законе. В статье приводятся существующие различные точки зрения в научном мире по вопросу отнесения криптоактивов к имуществу или обязательственном праву, что раскрывает степень разработанности рассматриваемого вопроса. Автором поставлена цель раскрыть существующие научные подходы к правовому пониманию криптовалюты в совокупности с существующим законодательством, рассмотреть подходы практики в принятии обеспечительных мер для наложения ареста на такой актив. На основании проведённого исследования сделан вывод о необходимости уголовно-процессуального закрепления криптовалюты и тактики применения обеспечительных мер по наложению ареста на такой актив.

Ключевые слова: криптовалюта, блокчейн, арест, изъятие, преступление, расследование, следователь.

Для цитирования: Науменко О. А. Применение обеспечительных мер с целью наложения ареста на цифровые активы в распределённых реестрах при расследовании преступлений // Научный вестник Орловского института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 191–199.

ON THE QUESTION OF APPLICATION OF INTERIM MEASURES FOR THE PURPOSE OF ARRESTING DIGITAL ASSETS IN DISTRIBUTED REGISTERS DURING THE INVESTIGATION OF CRIMES

Oksana Al. Naumenko
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

kseny1010@mail.ru

Annotation. The relevance of the issue is substantiated by the authors by the facts of the growth of registered crimes in which crypto assets are used as the subject or means of a crime, the existing legal uncertainty of crypto assets in criminal procedure and criminal law. The article presents the existing different points of view in the scientific world on the issue of classifying crypto assets as property or contractual law, which reveals the degree of development of the issue under consideration. The author set the goal of revealing existing scientific approaches to the legal understanding of cryptocurrency in conjunction with existing legislation, and to consider practical approaches to the adoption of security measures to seize such an asset. Based on the conducted research, a conclusion was made about the

need for criminal procedural consolidation of cryptocurrency and tactics for applying security measures to seize such an asset.

Keywords: cryptocurrency, blockchain, arrest, seizure, crime, investigation, investigator.

For citation: Naumenko O. A. On the question of application of interim measures for the purpose of arresting digital assets in distributed registers during the investigation of crimes // Scientific Bulletin of the Orel Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 191–199.

Несмотря на отсутствие официальных статистических данных о состоянии преступлений, в которых криптовалюты выступают как предмет или средство их совершения, возможно сделать вывод о росте таких преступлений. Как показывает анализ приговоров судов Российской Федерации, иных эмпирических данных, а также научные исследования учёных [1; 2; 3], наиболее часто криптовалюты используются преступниками при совершении незаконного оборота наркотических средств, хищений (кражи, мошенничество, грабёж, разбой, вымогательство), легализации преступных доходов, коррупционных преступлений, финансировании терроризма и экстремизма.

Анализируя статистические сведения, представленные Министерством внутренних дел России за январь-февраль 2025 года и январь-декабрь 2023–2024 гг., мы пришли к выводу о росте преступлений, в которых используются и криптовалюты, так как, к примеру, в 2025 году отмечен рост преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, по сравнению с январём-февралём 2024 года (на 1,3 %). Почти две трети таких преступлений (60,4 %) совершается путём кражи или мошенничества – 70,6 тыс. (-5,4 %), почти каждое шестое (17,7 %) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 20,7 тыс. (+63,5 %), а с 2023 года по настоящее время отмечается рост преступлений экономической направленности, террористического характера (+108,7 %) и 339 преступлений экстремистской направленности (+48,7 %), коррупционной направленности (+ 12,4)[1]. Также 21 февраля 2025 года на форуме «Кибербезопасность в финансах» заместитель директора Росфинмониторинга А. Лисицин отметил существенный рост возбуждённых уголовных дел в сравнении с 2023 годом по тематике криптовалюты[2].

До настоящего времени правовое регулирование криптовалют в Российской Федерации остаётся несовершенным, несмотря на действующий Федеральный закон Российской Федерации от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] (далее – 259-ФЗ), закрепивший определение цифровых финансовых активов, создаваемых с использованием цифровых финансовых технологий, таких как распределённый реестр цифровых транзакций. Именно правовое регулирование данного вопроса, на наш взгляд, может оказать положительное влияние на процесс расследования рассматриваемых нами преступлений, в частности реализацию обеспечительных мер при наложении ареста на криптоактивы

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь – февраль 2025 г., январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения 19.04.2025).

[2] Лисицин А. Банкинг теневого бизнеса. Противодействие «дропам» инструментами ПОД/ФТ // Кибер-безопасность в финансах: Уральский форум Конгресс-центр МТС Live Холл Екатеринбург 19-21 февраля 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://uralcyberfin.ru/ (дата обращения 18.04.2025).

[3] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

в предварительном расследовании. Дело в том, что в зависимости от правового отнесения криптоактивов к определенной категории в гражданско-правовом поле существует и уголовно-процессуальное понимание такого актива.

Сравнительный анализ законодательства в сфере цифровых активов показывает, что в контексте уголовного законодательства криптовалюта признаётся имуществом только в некоторых случаях (например, легализация преступных доходов, коррупционные преступления). В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.02.2019 № 1[1] указано, что предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[2], могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретённые в результате совершения преступления. Однако прямого указания на рассмотрение криптовалюты в качестве имущества нет. Согласно 259-ФЗ цифровая валюта признаётся имуществом только для действия следующих федеральных законов: «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма», «О несостоятельности (банкротстве)», «Об исполнительном производстве», «О противодействии коррупции» и иных, но в данном перечне нет ни УК РФ, ни Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[3].

Вся система правового регулирования отношений, особенно в уголовно-правовом поле связанных с обладанием, защитой прав на криптовалюту как объект права, и решение того, вещные или обязательственные способы защиты подлежат применению в случае нарушения прав владельцев криптовалюты в российской юрисдикции, сегодня нуждается в корректировке. Так, для того чтобы применять обеспечительные меры с целью наложения ареста на имущество при расследовании уголовного дела, необходимо обратиться к сущности объектов гражданских прав, которые согласно ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[4] подразделяются на вещи, в том числе и наличные денежные средства, документарные ценные бумаги и иное имущество, в том числе имущественные права, включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, цифровые права. К какому виду объектов отнести криптовалюту, до настоящего времени не определено, а с принятием федерального закона 259-ФЗ стало очевидным, что под понятие «цифровые права» криптоактив не может подпадать. Однако в научном мире существуют иные мнения. Так, одни учёные ратуют за признание крпитовалюты иным имуществом [4], справедливо отмечая и такие проблемы, как соотнесение к имуществу счётных единиц как таковых, а также отсутствие специального гражданско-правового режима криптовалюты.

Другие учёные рассматривают криптовалюту как обязательственное право и тоже, по нашему мнению, небезосновательно, исходя из положений Федерального

[1] О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» [Электронный ресурс]: постановлении Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 26 февраля 2019 г. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

[2] Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

[4] Гражданский кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»[1] [5].

Необходимо согласиться с И. В. Фроловым в том, что в отечественной правовой системе сформировалась презумпция криминальности использования криптовалюты как средства расчетов и её отнесения к категории денежных суррогатов [6] именно из-за её децентрализованной природы, относительной анонимности.

В продолжение вопроса о сущности криптоактивов отметим, что цифровые финансовые активы могут выражаться не только в криптовалютах, но и в электронных деньгах, стейблкойнах и токенизированных активах. Всего в мире насчитывают более 1 000 различных видов криптовалют. Однако наиболее распространёнными до настоящего времени являются биткоин (*Bitcoin, BTC*), эфириум (*Ethereum, ETH*), биткоин кеш (*Bitcoin Cash, BCH*), Рипл (*Ripple, XRP*), лайткоин (*Litecoin, LTC*), так как их уровень капитализации самый высокий. Данный факт создаёт предпосылки для появления новых видов криптактивов в распределённых реестрах – токенизированных активов (невзаимозаменяемые токены, являющиеся уникальными и неделимыми, «мемы» и др.), которые могут применяться в целях закрепления за их владельцем определённых прав, они могут выступать как аналоги долговых ценных бумаг, аналоги акций (подтверждение участия в капитале организации), подтверждение права на получение определённого товара или услуги. Подобные активы также могут выступать в качестве элемента в схеме легализации преступных доходов и иных преступлений, и также их правового закрепления в настоящий момент в российском законодательстве нет.

Следует отметить, что с проблемной ситуацией правового регулирования в уголовном судопроизводстве цифровых активов в распределённых реестрах сталкиваются и другие страны. Например, в Китайской Народной Республике (далее – КНР) местные органы власти в городах используют частные компании для продажи конфискованных криптовалют, так как в КНР запрещена торговля криптовалютами, поэтому реализация таких активов непрозрачна и противоречит действующему запрету. Активно ведутся обсуждения о необходимости юридического признания криптовалют в качестве активов и определения единой процедуры распоряжения конфискованными цифровыми средствами на фоне роста числа уголовных дел в КНР, связанных с криптовалютами. Издание приводит официальные данные, показывающие, что в 2023 году сумма конфискованных властями КНР криптовалют составила 378 млрд юаней ($52,9 млрд), показав рост на 65 % за 5 лет. По данным прокуратуры, в 2024 году было подано судебных исков по отмыванию средств в криптовалютах к более чем 3 тыс. человек. Согласно документу, с которым ознакомилось агентство, компания *Jiafenxiang* из Шэньчжэня с 2018 года продала криптовалюты на сумму более 3 млрд юаней ($420 млн) на офшорных рынках от имени местных органов власти, в том числе городов Сюйчжоу, Хуайань и Тайчжоу в восточной провинции Цзянсу. После продажи монет выручка в долларах США обменивалась на юани в местных банках и затем переводилась на счета местных финансовых бюро[2].

В российской правоприменительной практике по изъятию, применению обеспечительных мер к конфискации цифровых активов нет однообразного подхода в связи с указанным выше обстоятельством наличия проблемы их правового регулирования. Исходя из норм ст. 160.1 УПК РФ следователь наделён обязанностью незамедлительно принимать меры по установлению подлежащего конфискации

[1] О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

[2] В Reuters узнали о продаже биткоинов китайскими властями [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/67ff590d9a79470b9dbfa6b6?from=copy (дата обращения 20.04.2025).

имущества и меры по наложению ареста на это имущество, и реализация обеспечительных мер происходит через следственные и процессуальные действия. Из-за отсутствия правового закрепления в уголовно-процессуальном законе криптовалюты, нет понимания, к какому виду вещественного доказательства её относить и как принимать в отношении такого актива обеспечительные меры, то есть изъятие, хранение до решения суда и др., так как содержащиеся положения в ст. 82 УПК РФ, по нашему мнению, не применимы в данном случае.

Рассматривая особенности изъятия и наложения ареста на криптовалюты в правоприменительной практике расследования уголовных дел, отметим, что следователи (дознаватели) применяют уголовно-процессуальные нормы, руководствуясь ст. 177–176, 182–183 УПК РФ с учётом особенностей изъятия электронных носителей информации (ст. 164.1 УПК РФ). Но и в такой ситуации следователи сталкиваются с рядом проблем.

Во-первых, проблемы организационно-тактического плана, когда по причине возможностей хранения такого актива как на материальном носителе, так и онлайн следователь обязан учитывать особенности кастодиальных и некастодиальных кошельков и доступ к ним. Например, в случае использования преступником кастодиального криптокошелька (то есть надстройки к браузеру, мобильные приложения и программы для персонального компьютера, биржевые кошельки) следователь учитывает тактику и организацию изъятия электронного носителя информации. А при изъятии некастодиального криптокошелька (устройства для хранения ключей к криптовалюте, когда доступ к цифровым ключам есть только у пользователя) электронного носителя информации может и не быть.

Во-вторых, существуют проблемы законодательного регулирования и международного сотрудничества по взаимодействию с провайдерами услуг в сфере виртуальных активов, с помощью которых происходит и хранение криптовалют, и расчёты с их применением, блокировка криптосчетов, так как указанные провайдеры могут проигнорировать запрос, поступивший из Российской Федерации. В ситуациях в расследовании, когда подозреваемый использовал децентрализованные криптобиржи и обменники (*Decentralized Exchanges* или *DEX*-платформы, на которых пользователи могут обмениваться криптовалютами напрямую без централизованного посредника), провайдеры не обязаны осуществлять идентификацию пользователей и проводить их верификацию, в результате участники криптотранзакций остаются полностью анонимными. Работа по взаимодействию с провайдерами услуг в сфере виртуальных активов является практически единственным способом получения сведений о владельце криптокошелька, реализации блокировки (замораживания) криптовалюты, идентификации участников криптовалютных транзакций, и в ситуации с использованием *DEX*-платформ такая работа может не дать результатов для расследования.

Наложение ареста на криптоактив также не имеет правового закрепления, двойственное понимание такого вещественного доказательства приводит к неоднозначному подходу к изъятию и хранению такого доказательства. В случае рассмотрения криптоактива как имущества в качестве электронных денег следователь по факту применяет соответствующие нормы УПК РФ: с согласия руководителя следственного органа (дознавателю с согласия прокурора) необходимо возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или иных лиц в виде цифрового актива. Согласно ч. 2 ст. 29 УПК РФ только суд правомочен принимать решения о наложении ареста на имущество, установлении срока такого ареста, а также о реализации, утилизации или уничтожении вещественных доказательств.

Прямого указания на необходимость конвертации цифрового актива в фиатные деньги в законе нет.

Правоприменительная практика идёт несколькими путями в ситуации правовой неопределённости.

Мы исследовали два способа применения обеспечительных мер рассматриваемых активов в ходе досудебного производства:

1) конвертация криптоактивов в фиатные денежные единицы;
2) использование ведомственного криптокошелька.

Однако оба способа зависят от нескольких факторов.

Во-первых, желание подозреваемого (обвиняемого) сотрудничать с органами предварительного расследования и сообщать данные о криптокошельке (пароль, сид-фразу) для доступа к криптоактивам.

Во-вторых, необходимо учитывать разновидности криптокошельков (возможности хранения криптоактивов) – кастодиальные и некастодиальные криптокошельки и доступ к ним. При использовании кастодиального криптокошелька, представляющего собой надстройки к браузеру или мобильное приложение или программы, функционирующие на основе сети Интернет, при необходимости его осмотра и принятия обеспечительных мер для наложения ареста или конфискации следователь должен применять уголовно-процессуальные нормы, касающиеся электронного носителя информации. При обнаружении некастодиального аппаратного криптокошелька (криптокошельки, которые предоставляют полный контроль над приватными и публичными ключами, хранят приватные ключи в офлайне в рамках безопасного физического устройства, которое изолировано от интернета**)** следователь может не сталкиваться с электронным носителем информации с доступом в сеть Интернет, если нет необходимости в ходе расследования уголовного дела проведения операций с криптоактивами.

Рассматривая первый способ (конвертация криптоактивов), отметим, что учёные Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. дают следующие рекомендации по изъятию криптоактивов: в ходе производства следственного эксперимента обвиняемый восстанавливает и (или) открывает доступ в программу (криптокошелёк) и производит процедуру снятия (конвертации) всех денежных средств с принадлежавшего ему криптокошелька. По завершении следственного эксперимента денежные средства у подозреваемого (обвиняемого) изымаются выемкой, на них накладывается арест [7].

Интервьюирование следователей, дознавателей показало, что 45 % респондентов были ознакомлены с рекомендациями конвертировать криптоактив в ходе предварительного расследования в фиатные средства[1]. Однако такой способ возможен только при содействии обвиняемого органам предварительного следствия, когда он не скрывает доступ к криптокошельку, как впрочем и второй рассматриваемый нами способ создания ведомственного криптокошелька. Вызывает спорное суждение сам процесс конвертации криптоактива до судебного решения, ведь расследование уголовного дела может и не завершиться, а с учётом высокой волатильности криптоактивов неурегулированы и вопросы о возмещении вреда, изжержек и пр. Респонденты (следователи, дознаватели органов внутренних дел районного уровня МВД РФ) при анкетировании сообщили, что не сталкивались с практикой создания ведомственного криптокошелька.

Несмотря на отрицательные результаты интервьюирования о знаниях чётких норм и инструкций в изъятии и конфискации криптовалют в рамках уголовных дел, судебные

[1] Результаты анкетирования следователей, дознавателей, обучающихся на курсах повышения квалификации в Краснодарском университете МВД России за период 2024-2025 гг.

акты свидетельствуют об успешной практике использования ведомственных криптокошельков. Так, согласно решению Никулинского районного суда города Москвы от 19.06.2023 об обращении изъятой криптовалюты в доход Российской Федерации при обнаружении в ходе обыска у гр. Т. криптовалюты по ходатайству следователя Басманным районным судом г. Москвы 17.11.2022 наложен арест путём изъятия и перевода на электронный адрес криптокошелька, находящегося на аппаратном кошельке. У гр. Т были изъяты *SEED-фразы* (пароль, доступ к криптокошельку) в виде фотографий рукописного текста. В тот же день следователем осуществлён перевод криптовалюты на названный адрес, после чего аппаратный кошелек с ключами доступа к криптокошельку помещён в камеру хранения вещественных доказательств СК России[1].

Таким образом, правоприменительная практика складывается из создания ведомственных криптокошельков, однако и здесь правовое регулирование ничем не обеспечено, на что указывает и А. Бастрыкин, утверждая, что в готовящемся законопроекте Следственного комитета Российской Федерации предложены изменения в УК РФ и УПК РФ, которыми цифровая валюта признаётся имуществом. А также регламентируется изъятие цифровой валюты при производстве следственных действий.[2] До настоящего времени в открытом доступе законопроекта на Официальном сайте для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения, а также в Системе обеспечения законодательной деятельности (*https://sozd.duma.gov.ru/*) нет. Однако в научном мире уже несколько лет приводятся доводы о необходимости такого закона [8, с. 99; 9].

Подводя итог, отметим следующее: вопрос применения обеспечительных мер с целью наложения ареста на цифровые активы в распределённых реестрах при расследовании уголовных дел находится в прямой зависимости от правового закрепления криптовалюты и иных цифровых финансовых активов. Вопрос применения обеспечительных мер напрямую связан с тактикой производства отдельных следственных действий: осмотром, обыском, выемкой и др., что требует не только прямого указания в уголовно-процессуальном законе, но и дополнительных методических рекомендаций по реализации алгоритмов изъятия криптоактивов в рамках расследования уголовных дел для следователей (дознавателей).

1. Тисен О. Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики // Российский следователь, 2024, № 5. С. 7–11.
2. Лащенко Р. А. Инновационные технологии в предупреждении легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобрётенных преступным путём // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 1(98). С. 146–152.
3. Пырьева Е. И. Теоретические аспекты расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 289–297.

[1] Решение Никулинского районного суда города Москвы от 19.06.2023 г. // УИД 77RS0018-02-2023-001858-50. [Электронный ресурс]. URL:https://mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/cases/docs/content/15b483a0-8d17-11ee-8568-294d30571c6a (дата обращения 19.04.2025).

[2] Бастрыкин объяснил необходимость признания криптовалюты имуществом. [Электронный ресурс]. URL:https://www.ntv.ru/novosti/2894583 (дата обращения 15.04.2025)

4. Толкачев А. Ю., Жужжалов М. Б. Криптовалюта как имущество - анализ текущего правового статуса // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91–135.
5. Агибалова Е. Н. Цифровые права в системе объектов гражданских прав // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2020. Т. 33. № 1. С. 90–99.
6. Фролов И. В. Криптовалюта как цифровой финансовый актив в российской юрисдикции: к вопросу о вещной или обязательственной природе // Право и экономика. 2019. № 6 (376). С. 5–17.
7. Гаврилин Ю. В., Бедеров И. С. Установление владельцев криптовалютных кошельков при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств : учебное пособие. М.: Академия управления МВД России, 2022. 76 с.
8. Луданина А. В. Наложение ареста на криптовалютные активы в уголовном процессе Российской Федерации: возможные пути развития // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 95–104
9. Рощупкина А. В. Проблемы изъятия, ареста и замораживания виртуальных активов в России и за рубежом // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2025. Т. 35. № 1. С. 140–145.

1. Tisen O. N. Mexanizm soversheniya prestuplenij s ispol`zovaniem kriptovalyut: po rezul`tatam analiza sledstvennoj i sudebnoj praktiki // Rossijskij sledovatel`, 2024, № 5. S. 7–11.
2. Lashhenko R. A. Innovacionny`e texnologii v preduprezhdenii legalizacii (otmy`vaniya) denezhny`x sredstv ili inogo imushhestva, priobryotenny`x prestupny`m putyom // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 1(98). S. 146–152.
3. Py`r`eva E. I. Teoreticheskie aspekty` rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s ispol`zovaniem kriptovalyut // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 289–297.
4. Tolkachev A. Yu., Zhuzhzhalov M. B. Kriptovalyuta kak imushhestvo - analiz tekushhego pravovogo statusa // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2018. № 9. S. 91–135.
5. Agibalova E. N. Cifrovy`e prava v sisteme ob``ektov grazhdanskix prav // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. T. 33. № 1. S. 90–99.
6. Frolov I. V. Kriptovalyuta kak cifrovoj finansovy`j aktiv v rossijskoj yurisdikcii: k voprosu o veshhnoj ili obyazatel`stvennoj prirode // Pravo i e`konomika. 2019. № 6 (376). S. 5–17.
7. Gavrilin Yu. V., Bederov I. S. Ustanovlenie vladel`cev kriptovalyutny`x koshel`kov pri rassledovanii prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota narkoticheskix sredstv : uchebnoe posobie. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022. 76 s.
8. Ludanina A. V. Nalozhenie aresta na kriptovalyutny`e aktivy` v ugolovnom processe Rossijskoj Federacii: vozmozhny`e puti razvitiya // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2023. T. 18. № 6. S. 95–104
9. Roshhupkina A. V. Problemy` iz``yatiya, aresta i zamorazhivaniya virtual`ny`x aktivov v Rossii i za rubezhom // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. 2025. T. 35. № 1. S. 140–145.

Информация об авторе

Оксана Александровна Науменко. Заместитель начальника кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, Ярославская, 128.

Information about the author

Oksana Al. Naumenko. Deputy Head of the Department of Criminalistics. Candidate of Law, Associate Professor.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya, 128.

Статья поступила в редакцию 20.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 20.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.10

ПРЕДМЕТ ОЦЕНКИ ПРОКУРОРА ПО ДЕЛУ, ПОСТУПИВШЕМУ С ОБВИНИТЕЛЬНЫМ АКТОМ (ПОСТАНОВЛЕНИЕМ)

Дружинкин Николай Сергеевич
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

ppk.ppk90@mail.ru

Аннотация. В работе с позиций предмета и задач оценки прокурором материалов уголовного дела и итоговых актов дознания, поступивших к указанному субъекту процесса в порядке ст.ст. 226 или 226.8 УПК РФ, исследуются коллизии нормативного регулирования как действующей ординарной формы дознания, так и дознания, реализуемого в сокращённой процессуальной форме. Поставлены под сомнение оправданность и рациональность целого ряда изъятий, предусмотренных для осуществления расследования в указанных процессуальных порядках. При этом большинство из них объективирует явные препятствия как к постановке уголовного дела на рассмотрение суда первой инстанции, так и к утверждению прокурором государственного обвинения-иска к суду. В итоге автором исследованы наиболее принципиальные моменты непосредственного предмета прокурорской оценки, реализуемой по правилам ст. 226 или 226.8 УПК Российской Федерации; обоснованы оптимальные варианты решений.

Ключевые слова: прокурор, предмет и задачи оценки поступившего дела, обвинительное заключение (постановление), нарушения закона.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России доктора юридических наук, профессора Ковтуна Н. Н.

Для цитирования: Дружинкин Н. С. Предмет оценки прокурора по делу, поступившему с обвинительным актом (постановлением) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 200–208.

THE SUBJECT OF THE PROSECUTOR'S ASSESSMENT IN THE CASE FILED WITH THE INDICTMENT (RESOLUTION)

Nikolay S. Druzhinkin
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

ppk.ppk90@mail.ru

Annotation. In the work, from the standpoint of the subject matter and tasks of the prosecutor's assessment of the materials of the criminal case and the final acts of inquiry received by the specified subject of the process in accordance with Articles 226 or 226.8 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, the conflicts of regulatory regulation, both the current ordinary form of inquiry and the inquiry implemented in an abbreviated procedural form, are investigated. As a result, the justification and rationality of a number of exceptions provided for the investigation in these procedural procedures have been called into question, as most of them objectify obvious obstacles both to the institution of a

criminal case by the court of first instance and to the approval by the prosecutor of a state charge-a lawsuit to the court. As a result, the author has investigated the most fundamental points of the direct subject of the prosecutor's assessment, implemented according to the rules of art. 226 or 226.8 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; justified the optimal solutions.

***Keywords**:* the prosecutor, the subject and objectives of the assessment, the received case, the indictment (resolution), violations of the law

Cratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Professor of the Department of Criminal Procedure of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor Kovtun N. N.

***For citation**:* Druzhinkin N.S. The subject of the prosecutor's assessment in the case filed with the indictment (resolution) // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 200–208.

Определив в качестве непосредственного предмета исследования деятельность и итоговые акты прокурора по уголовному делу, расследованному в форме дознания и поступившему к данному субъекту с обвинительным актом (ст. 226 УПК РФ) или обвинительным постановлением (ст. 226.8 УПК РФ) для целей его направления в суд, считаем необходимым оговориться в следующих исходных моментах:

1. По нормам УПК РФ (2001) исследуемые процессуальные этапы (ст.ст. 226, 226.8 УПК РФ), в отличие от порядка и актов деятельности прокурора по делу, поступившему с обвинительным заключением (гл. 31 УПК РФ), не обособлены в качестве самостоятельной главы или раздела, ибо, по идее, являются заключительным этапом стадии предварительного расследования. Мы принципиально не согласны с указанным и при анализе, а равно характеристике этих процессуальных этапов исходим из конвенционального тождества:

– основных уголовно-процессуальных функций и непосредственных процессуальных задач, стоящих перед прокурором по нормам гл. 31, ст.ст. 226, 226.8 УПК РФ, ибо эти обособленные процессуальные этапы нами восприняты и характеризуются в качестве самостоятельной и достаточно значимой стадии уголовного судопроизводства России, именуемой в российской уголовно-процессуальной доктрине как «Стадия формирования государственного обвинения по делу» [1, с. 125–137].

Функции определены непосредственно уголовно-процессуальным законом и объективируют прокурора на этом этапе как властного субъекта осуществления функции надзора за деятельностью и актами органа дознания (дознавателя) в рамках исследуемых производств и субъекта реализации функции уголовного преследования. Непосредственные задачи прокурора на этом этапе заключаются в том, чтобы, во-первых, независимо оценить и проверить, нет ли в материалах поступившего дела (и непосредственно в обвинительном акте, постановлении) таких нарушений закона и интересов и прав основных заинтересованных лиц, которые однозначно препятствуют внесению дела на рассмотрение/разрешение суда первой инстанции. Во-вторых, оценить, насколько система сформированных доказательств по делу даёт основание для утверждения обвинительного акта, обвинительного постановления как публичного притязания-иска обвинительной власти к суду о разрешении основного вопроса уголовного дела [2, с. 24–25; 3, с. 28];

– сути тех нарушений закона, которые как основания либо влекут возвращение уголовного дела на дополнительное расследование в орган дознания, либо его направление в следственный орган для осуществления предварительного следствия в полном объёме, либо принятие иного решения по делу, предусмотренного нормами ч. 1 ст. 226 или ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ;

– решения прокурора об утверждении обвинительного заключения, акта, постановления, как властного акта формирования последним государственного обвинения –

по факту, публичного уголовного притязания-иска к суду, обоснование которого перед судом конституционная функция прокурора по дальнейшей реализации публичного уголовного преследования в судебных стадиях и производствах.

2. Вместе с тем, в рамках исследуемых производств есть и существенные, институциональные, по сути, различия. Причем, как в установленной процессуальной форме (порядке) деятельности органа дознания (дознавателя) по расследуемому делу, в том числе в части актов формирования итогового обвинения в отношении уголовно-преследуемых лиц; так и в актах деятельности данного субъекта по властному, диспозитивному распоряжению обвинением исходя из принципа целесообразности. Последнее в частности объективно находит свое отражение в сути итоговых процессуальных актов, принимаемых данным субъектом на основе оценки (проверки) материалов, поступившего дела. Как следствие, именно в контексте непосредственного предмета оценки прокурора на этом процессуальном этапе, прежде всего, остановимся на институциональных моментах, как установленной формы расследования, так и собственно актов формирования публичного обвинения для целей законного и обоснованного его внесения в суд.

Обратимся к нормам и актам главы 32 УПК РФ – как нормативной основы ординарной формы дознания:

a) в соответствии с ч. 2 ст. 223 УПК РФ дознание этого вида производится по уголовным деяниям, приведенным в ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Акцентирующим, по букве закона, является указание в целом на часть третью указанной нормы, а не на перечень преступных деяний, приведенный в пункте 1 ч. 3 указанной статьи, по которым, по идее, установлена эта форма расследования. Вследствие чего к вниманию управомоченного субъекта дознания, в дальнейшем – прокурора, должен быть принят не только предметный признак подследственности, установленный п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, но и указание закона на то, что по делам об иных преступлениях небольшой и средней тяжести, дознание будет также всецело легальным; но исключительно при условии, что оно реализовано по письменному указанию прокурора, определившего в качестве актуальной именно эту форму предварительного расследования;

b) существенным элементом дознания ординарного вида является норма о том, что, если акт возбуждения уголовного дела был вынесен не в отношении конкретного подозреваемого, а по факту преступного деяния, орган дознания (дознаватель) обязаны определиться в процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляются акты уголовного преследования. Поэтому, как только в ходе дознания установлены достаточные данные, дающие основание подозревать конкретно-определенное лицо в совершении расследуемого деяния, орган дознания, дознаватель обязаны вынести и предъявить уголовно-преследуемому лицу уведомление о подозрении; разъяснить ему основные права подозреваемого; допросить по инкриминируемому подозрению. При этом при оценке законности и обоснованности данного акта должно учесть, что фактическим основанием для уведомления-подозрения является доказанность обстоятельств, перечисленных в пунктах 1 и 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, а не пп. 1-4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, как это имеет место применительно к акту о привлечении в качестве обвиняемого (гл. 23 УПК РФ). Данное различие нормативных подходов должно быть принято во внимание и прокурором, как независимым субъектом оценки акта объективации подозрения;

c) в соответствии с ч. 4 ст. 232 УПК РФ по особо сложным (многоэпизодным, многосубъектным...) делам, расследуемым группой дознавателей, исключительно руководитель группы принимает процессуальные решения, предусмотренные пп. 1–8 ч. 4 данной статьи. Нарушение любого из указанных в данной статье предписаний однозначно существенное препятствие как для утверждения прокурором обвинительного акта, так и для внесения дела в суд для целей его рассмотрения по существу;

d) в рамках этого вида дознания, как правило, отсутствует обязательный акт привлечения в качестве обвиняемого (по смыслу норм гл. 23 УПК РФ). Однако если в отношении подозреваемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт составляется не позднее 10 суток со дня заключения указанного субъекта под стражу (ч. 2 ст. 224 УПК РФ). Это изъятие из общих сроков дознания связано с (более общим) предписанием норм ст. 100 УПК РФ. Вместе с тем следует принять во внимание существенное различие велений закона. По нормам ч. 1 ст. 100 УПК РФ речь идёт о сроках предъявления обвинения подозреваемому при применении любой из мер пресечения, предусмотренных нормами УПК РФ. По букве ч. 2 ст. 224 УПК РФ – исключительно о мере пресечения заключение под стражу. В отношении иных (возможных) мер пресечения, избранных в рамках этого вида дознания, следует полагать, императивные предписания ч. 1 ст. 100 и ч. 2 ст. 224 УПК РФ не действуют. Во-вторых, в нормах ст. 100 УПК РФ речь идёт именно о предъявлении обвинения; в нормах ч. 2 ст. 224 УПК – о вынесении обвинительного акта. «Предъявление» и «вынесение» – это не процессуальное тождество; закономерно возникает вопрос: если обвинительный акт вынесен, но не предъявлен, это влечёт освобождение лица из-под стражи? Кроме того, надо учесть, что нормы ст. 100 УПК РФ закреплены в Общей части уголовно-процессуального закона, предписания которой общеобязательны для всех стадий и производств. В итоге на разрешение прокурора поставлен весьма коллизионный вопрос: какая норма (в конкуренции) является общей, какая специальной и, соответственно, обладает приоритетом. Наконец, по нормам ч. 1 ст. 100 УПК РФ срок обязательного предъявления обвинения в исследуемой ситуации исчисляется с момента «...применения» меры пресечения; по нормам ч. 2 ст. 224 УПК РФ – «...со дня заключения» подозреваемого под стражу. Разница в указанном исчислении также существенна. В итоге прокурору остаётся понять, насколько это различие в правовых предписаниях охватывается исходным указанием закона на то, что процессуальная форма дознания по нормам гл. 32 УПК РФ реализуется «...с изъятиями, предусмотренными настоящей главой»;

e) момент окончания этого вида дознания при убеждённости дознавателя (органа дознания) в наличии достаточных оснований для направления дела в суд связан с вынесением обвинительного акта, который одновременно выполняет и роль акта привлечения лица в качестве обвиняемого, и итогового «следственного» утверждения-тезиса о доказанной виновности обвиняемого (по смыслу ст. 220 УПК РФ). По ч. 2 ст. 225 УПК РФ обвиняемый (защитник) знакомится с сутью этого акта в процессе ознакомления с материалами дела, оконченного расследованием. Это должно найти своё отражение в протоколе (в т. ч. в части замечаний или ходатайств сторон по сути законности и обоснованности этого акта), что также обязательно к проверке-оценке прокурора. В рамках данной процедуры не предусмотрено ни официального предъявления обвинения (по смыслу гл. 23 УПК РФ), ни разъяснения его сути и содержания (в случае ходатайств об этом), ни обязательного допроса обвиняемого по сути обвинения, ни выяснения его отношения к юридической и фактической формуле этого акта. По нормам УПК РСФСР (1960 год) указанное однозначно являлось существенным нарушением закона, так как дело направлялось в суд при невыясненной позиции обвиняемого по сути инкриминируемых ему деяний; без обеспечения права на защиту от обвинения. В настоящее время подходы закона и практики отличны. Ни доктрина, ни практика не видят в акте подобного «предъявления» обвинения ни нарушений закона, ни, собственно, прав обвиняемого. Более того, Гаврилов Б. Я. однозначно суммирует, что за годы применения этой формы дознания и миллионов дел, направленных в суд в этом процессуальном порядке, практически нет ни жалоб со стороны обвиняемого (защитника) по этому факту, ни самой постановки проблемы

(которая, как утверждает исследователь, фактически «изжила» себя) [4, с. 15]. Мы, напротив, считаем, что позиции обвиняемого по этим моментам должны быть выяснены обязательно. Причём если не посредством обязательного допроса указанного субъекта по сути обвинения (который, повторимся, законом не предусмотрен), то как минимум посредством выяснения позиций обвиняемого (защитника) по итогам ознакомления со всеми материалами дела, к примеру, по аналогии процедур, которые предусмотрены ч. 5 ст. 217 УПК РФ. Напомним, разъяснение последних – императив и для дознания; что также предмет проверки и актов реагирования прокурора (особенно в контексте норм ст.ст. 221, 237 УПК РФ).

Особо обратим внимание на двусмысленность норм закона, связанных с порядком ознакомления («предъявления») итогового варианта обвинительного акта и обвиняемому (защитнику), иным заинтересованным лицам (ч. 4 ст. 225 УПК РФ). По букве закона не ясно: обвиняемый (защитник) знакомится с утверждённым (официальным!) вариантом этого определяющего процессуального акта или с его «предварительным текстом», который ещё предстоит оценить и утвердить прокурору. Причём утвердить, возможно, в совсем иной редакции его сути и содержания – по смыслу полномочий прокурора на этом этапе (ч. 1 ст. 226 УПК). Во-вторых, уже с минимальными возможностями сторон по внесению соответствующих ходатайств и жалоб по факту этих (властных) актов прокурора по изменению обвинения.

Если исходить из того, что предметом ознакомления наряду с иными материалами дела является обвинительное заключение, подписанное исключительно дознавателем и утверждённое начальником органа дознания (что, собственно, как правило, и имеет место на практике), то это, скорее, «аналог» акта следственного предъявления обвинения по правилам гл. 23 УПК РФ с «отложенным» вручением обвиняемому уже утверждённого обвинительного акта – притязания-иска к суду. В этой ситуации остаётся только надеяться, что прокурор не изменит существенно ни сути, ни формулы обвинения, ибо возможности к обжалованию последнего заинтересованными лицами весьма мизерны.

Если предметом ознакомления-предъявления является обвинительный акт, уже утверждённый прокурором, правомерно возникают вопросы о праве прокурора к последующей оценке и изменению этого акта, в том числе с учётом заявленных (при ознакомлении) ходатайств сторон. В итоге в наличии явная коллизия в должной последовательности этапов: представления дела и варианта обвинительного акта сторонам, прокурору, акта его утверждения, последующего, возможного, его изменения прокурором. Пока эти моменты решаются за счёт ведомственного «ресурса» возможностей и средств органа дознания; мы же апеллируем к точности и именно законной и согласованной процедуре.

Второй вид дознания, как известно, введён в уголовное судопроизводство России Федеральным законом от 04.03.2013 № 23-ФЗ[1]. При этом нормами главы 32.1 УПК РФ также установлены существенные изъятия из общей формы расследования, которые, например, заключаются в том, что:

а) уголовное дело должно быть возбуждено только в отношении конкретного лица (подозреваемого); во-вторых, по признакам одного или нескольких преступлений, указанных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ. Если подозреваемому в постановлении о возбуждении дела дополнительно инкриминируется одно или несколько преступлений, не входящих в указанный перечень, он не имеет права на реализацию дознания в сокращённом порядке (п. 1 ч. 2 ст. 226.1, п. 4 ч. 2 ст. 224.6 УПК РФ);

[1] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

b) как условие-императив: подозреваемый добровольно признаёт вину, характер, размер причинённого преступлением вреда, не оспаривает правовую оценку (квалификацию) деяния, приведённую в постановлении о возбуждении дела. Акцентируем: подозреваемый должен признать именно виновность в совершении инкриминируемого деяния, а не обвинение в его процессуальном и материальном смысле, ибо в рамках этого вида дознания акт привлечения в качестве обвиняемого, как он определён нормами гл. 23 УПК РФ, в принципе не предусмотрен. Остаётся признавать «вину»; причём не процессуально и достаточно доказанную на этот момент, как того требует закон, а инкриминируемую; напомним, посредством квалификации и приведения в постановлении о возбуждении дела тех или иных преступных деяний. Несколько двусмысленно выглядит и акт признания подозреваемым «характера и размера причинённого преступлением вреда», ибо эти моменты в постановлении о возбуждении уголовного дела, как правило, не акцентируются, поскольку точно пока не известны;

c) ещё одно условие связано с тем, что, как на момент внесения ходатайства о применении этого вида дознания, так и в рамках дальнейшего производства по делу отсутствуют обстоятельства, исключающие процесс расследования в указанной форме (п. 3 ч. 3 ст. 226.1, ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ). Если эти обстоятельства будут выявлены в рамках дальнейшего производства (вплоть до удаления суда в совещательную комнату), управомоченный орган, в чьём производстве находится дело, обязан вынести решение о его возвращении в орган дознания для производства дознания в общем (ординарном) порядке (гл. 32 УПК РФ). Не согласимся с указанным, так как, к примеру, по факту, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ, дело вообще не может быть возвращено для реализации дознания в общем порядке. При установлении обстоятельств, предусмотренных предписанием данного пункта, единственно легальной формой исследования является предварительное следствие (ч. 1 ст. 434 УПК РФ), но никак не дознание. В итоге как нормы ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ, так и виды решений управомоченных субъектов процесса (прокурора, суда) должны быть приведены в соответствие с требованиями закона во избежание существенного нарушения должной формы расследования [5, с. 47–49]. Во-вторых, прокурор, возвращая дело, безусловно, вправе определить и иную форму расследования, что *a priori* не предмет для обжалования;

e) направленной к исключению ведомственного манипулирования сокращёнными сроками расследования является норма ч. 1 ст. 226.4 УПК РФ. Согласно последней, право на заявление ходатайства о переходе на сокращённую форму дознания должно быть разъяснено подозреваемому до его первого допроса в указанном качестве. Само ходатайство должно быть заявлено подозреваемым не позднее 2 суток с момента разъяснения, причём по согласованию с защитником (ч. 2 ст. 226.4 УПК РФ). Практика являет иные примеры. К примеру, когда дознание первоначально (в течение 30 суток) реализуется в форме ординарного вида дознания (гл. 32 УПК РФ); затем (когда доказательства по делу в основном сформированы) следует «разъяснение» права на сокращённую форму дознания. В завершение следует переход на эту процессуальную форму с «дополнительным» сроком расследования ещё в 10 суток. При этом, что показательно, при полном отсутствии актов прокурорского реагирования по факту столь комбинированной» формы расследования. Между тем и эти моменты – предмет оценки и, соответственно, актов прокурора по нормам ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ [6, с. 15–18; 7, с. 377];

f) с учётом условий реализации этого вида дознания не менее значимы изъятия, касающиеся предмета, пределов, допустимых средств доказывания. Отступая от правил всесторонности, полноты, объективности установления всех обстоятельств предмета

доказывания (ч. 1 ст. 73 УПК РФ), законодатель считает легальным и достаточным (ч.ч. 1–3 ст. 226.5 УПК РФ):

– установление по делу лишь тех обстоятельств, которые касаются события преступления, характера и размера причинённого им вреда, а также виновности лица в совершении деяния;

– осуществление только тех следственных (процессуальных) действий, непроизводство которых может повлечь за собой невосполнимую утрату следов преступления или иных доказательств. С учётом установленных в законе условий в качестве легальных доказательств по делу могут быть признаны и те сведения, которые были получены в рамках доследственной проверки (по правилам ст. 144 УПК РФ). Исключением являются те процессуальные действия, которые по букве закона обязательны и являются специальными (единственно допустимыми) процессуальными средствами доказывания;

– процессуальную проверку только тех доказательств по делу, которые были оспорены (поставлены под сомнение) сторонами.

Таким образом, (возможный) акт прокурора с направлением дела на дополнительное расследование должен приниматься с учётом этих условий и уже никак не в виде сокращённого вида дознания, которое уже исчерпало себя;

g) строг закон и в исчислении сроков, установленных для этой формы. С одной стороны, легальные сроки сокращённого дознания составляют 15 суток (с момента перехода на эту процессуальную форму и до направления дела прокурору с обвинительным постановлением – ч. 1 ст. 226.6 УПК РФ). С другой – на собственно исследование (доказывание) закон отводит 10 суток, ибо обвинительное постановление должно быть составлено именно в указанный срок (ч. 3 ст. 226.7 УПК РФ). При невозможности его составления, в том числе по причине производства длительных следственных действий, являющихся для процесса исследования обязательными, или по причине недоказанности отдельных из обстоятельств предмета доказывания срок дознания продлению не подлежит. Дальнейшее производство возможно либо в форме дознания, предусмотренного гл. 32 УПК РФ, либо в форме предварительного следствия.

Каждый из этих моментов, безусловно, входит в предмет прокурорской проверки по делу, поступившему с обвинительным постановлением, с вынесением (в течение 3 суток) соответствующих процессуальных решений. Виды этих решений по идее определены непосредственно уголовно-процессуальным законом (ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ) и конвенционально оставляются нами без рассмотрения. Вместе с тем вновь поставим на обсуждение проблему согласованности предписаний закона.

По нормам ч. 2 ст. 226.8 УПК РФ прокурор при утверждении обвинительного постановления вправе своим постановлением исключить из него отдельные пункты обвинения либо переквалифицировать обвинение на менее тяжкое. При этом за рамками закона оставлен вопрос: обвиняемый (защитник), иные заинтересованные лица при ознакомлении с материалами дела знакомятся с «предварительным текстом» обвинительного постановления, подписанным исключительно дознавателем и утверждённым начальником органа дознания. Или это итоговый вариант обвинительного постановления, уже получивший оценку прокурора (в том числе в части названных и актуальных его изменений) и утверждённый последним как государственное притязание обвинительной власти к суду. Правомерны также вопросы о порядке обжалования решений прокурора, связанных с изменением данного акта, или последние должно адресовать уже исключительно суду.

Кратко остановимся и на согласованности позиций закона, касающихся безусловного признания подозреваемым виновности в инкриминируемых деяниях, характера и размера причинённого преступлением вреда, правовой оценки деяния, приведённой как в постановлении о возбуждении дела, так и в итоговом обвинительном

постановлении. По букве закона указанное согласие носит императивный и пресекательный по сути характер, ибо любые возражения по этим моментам со стороны обвиняемого должны быть оценены как препятствия для реализации этой формы расследования, для постановки дела и обвинения на разрешение суда.

По идее всё это понятно и согласовано. Однако по нормам ч. 6 ст. 226.7 УПК РФ обвиняемый, его защитник до окончания ознакомления с обвинительным постановлением и материалами дела вправе заявить следующие ходатайства: о признании доказательства, указанного в обвинительном постановлении, недопустимым в связи с нарушением закона, допущенным при получении такого доказательства; о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на восполнение пробела в доказательствах по делу, собранных в объёме, достаточном для обоснованного вывода о событии преступления, характере и размере причинённого им вреда, а также о виновности обвиняемого в совершении преступления; о производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий, направленных на проверку доказательств, достоверность которых вызывает сомнение, что может повлиять на законность итогового судебного решения по делу; о пересоставлении обвинительного постановления в случае его несоответствия требованиям ч. 1 ст. 226.7 УПК РФ.

Проблема в точной оценке сути и следствий этих ходатайств. И она заключается в том, что по сути одних ходатайств – прямо, по сути других – косвенно – обвиняемый (защитник) ставит под сомнение фактическую или юридическую формулу обвинения, изложенного в обвинительном постановлении и представленного на оценку прокурора и разрешение суда. Указанное также явно в случае исключения из материалов дела (по ходатайствам стороны защиты) отдельных из доказательств, положенных в основу фактической стороны обвинения или его юридической квалификации. Аналогичны ходатайства, связанные с сомнениями в достаточной доказанности самого события преступления, характера или размера причинённого деянием вреда; что при определённых условиях, во-первых, ставит под сомнение точность в квалификации содеянного обвиняемым; во-вторых, в достаточной доказанности самой виновности обвиняемого в инкриминируемом ему деянии. В том же контексте могут быть сформулированы и оценены векторы ходатайств обвиняемого (защитника) о пересоставлении обвинительного постановления.

Таким образом, по сути данных (разрешённых законом!) ходатайств фактически нивелируется императивное условие полного согласия обвиняемого с формулой, предметом и пределами обвинения (вины). Последнее, как известно, безусловное основание к прекращению производства в сокращённом порядке; основание к переходу на общий порядок расследования. Ни законодатель, ни пленум, ни прецеденты высших судебных инстанций пока не пояснили ни суть этих ходатайств со стороны защиты, ни критерии их должной оценки как прокурором, так и непосредственно судом. В том числе в части должного понимания: это самостоятельное основание для прекращения исследуемого производства или частный случай основания, предусмотренного подпунктом «в» п. 3 ч. 1 ст. 226.8 УПК РФ. Тем более что в настоящее время оценка по этим моментам во многом носит субъективный (нередко ведомственно окрашенный, заинтересованный) характер, не обеспечивая правовую определённость и единство в правоприменении. Как следствие, говоря о непосредственном предмете прокурорской проверки (оценки) на данном процессуальном этапе (стадии), либо законодатель, либо пленум должны определиться и в этом коллизионном моменте.

1. Ковтун Н. Н. Формирование государственного обвинения как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства России // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 123–137.
2. Жубрин Р. В. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 2(76). С. 22–25.
3. Буланова Н. В. Осуществление прокурором уголовного преследования при утверждении обвинительного заключения // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2008. № 6(8). С. 27–29.
4. Гаврилов Б. Я. Подозреваемый, обвиняемый – возможно ли поставить знак равенства в современном досудебном производстве // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 13–17.
5. Ковтун Н. Н. Дознание в сокращенной форме: коллизии и лакуны нормативного регулирования России // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 47–49.
6. Александров А. С. Сокращенное дознание: новеллы УПК РФ и сложности их применения // Уголовный процесс. 2013. № 4(100). С. 12–19.
7. Терещенко О. И. Понятие и сущность дознания в сокращенной форме // Молодой ученый. 2023. № 47(494). С. 375–378.

1. Kovtun N. N. Formirovanie gosudarstvennogo obvineniya kak samostoyatel`naya stadiya ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 9. S. 123–137.
2. Zhubrin R. V. Ugolovnoe presledovanie kak funkciya prokuratury` Rossijskoj Federacii // Vestnik Universiteta prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2020. № 2(76). S. 22–25.
3. Bulanova N. V. Osushhestvlenie prokurorom ugolovnogo presledovaniya pri utverzhdenii obvinitel`nogo zaklyucheniya // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2008. № 6(8). S. 27–29.
4. Gavrilov B. Ya. Podozrevaemy`j, obvinyaemy`j – vozmozhno li postavit` znak ravenstva v sovremennom dosudebnom proizvodstve // Ugolovnoe sudoproizvodstvo. 2024. № 1. S. 13–17.
5. Kovtun N. N. Doznanie v sokrashhennoj forme: kollizii i lakuny` normativnogo regulirovaniya Rossii // Rossijskaya yusticiya. 2013. № 12. S. 47–49.
6. Aleksandrov A. S. Sokrashhennoe doznanie: novelly` UPK RF i slozhnosti ix primeneniya // Ugolovny`j process. 2013. № 4(100). S. 12–19.
7. Tereshhenko O. I. Ponyatie i sushhnost` doznaniya v sokrashhennoj forme // Molodoj ucheny`j. 2023. № 47 (494). S. 375–378.

Информация об авторе

Николай Сергеевич Дружинкин. Адъюнкт.
Нижегородская академия МВД России.
603950, Россия, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

Information about the author

Nikolay S. Druzhinkin. Adjunct.
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
603950, Russia, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoe Sh., 3.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 24.03.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.91

РАЗВИТИЕ ПРАВОВЫХ ОСНОВ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМ ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Кобец Петр Николаевич
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, Москва, Россия

pkobets37@rambler.ru

Аннотация. Актуальность исследования продиктована важностью развития правовых основ совместных мер противодействия экстремистской и террористической преступности. Автором проведён анализ правовых основ сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств по вопросам борьбы с терроризмом и экстремизмом. Доказано, что всеми странами-участниками Содружества проводится чрезвычайно активная правовая антитеррористическая работа в рамках регионального сотрудничества. В то же время активизация международной экстремистской и террористической активности требует постоянного совершенствования правовой международной системы борьбы посредством скоординированных устремлений всех субъектов данной работы. В заключение делается вывод о том, что следует сосредоточиться на дальнейшем развитии правовых основ межгосударственного взаимодействия, реализуемого в рамках СНГ на всех направлениях, связанных с экстремистскими и террористическими угрозами.

Ключевые слова: противоправная деятельность, международное сотрудничество, законотворчество, правовое регулирование, законодательные основы, радикальные сообщества, общественная опасность, правопорядок, законность.

Для цитирования: Кобец П. Н. Развитие правовых основ сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 209–215.

DEVELOPMENT OF THE LEGAL BASIS FOR JOINT COOPERATION OF CIS MEMBER STATES IN THE FIGHT AGAINST INTERNATIONAL TERRORISM AND EXTREMISM

Petr N. Kobets
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Moscow, Russia

pkobets37@rambler.ru

Annotation. The relevance of the study is dictated by the importance of developing the legal framework of joint measures to counter extremist and terrorist crime. The author analysed the legal bases of cooperation between the CIS member states on the issues of combating terrorism and extremism. It is proved that all member states of the Commonwealth carry out extremely active legal anti-terrorist work within the framework of regional cooperation. At the same time, the intensification of international extremist and terrorist activity requires constant improvement of legal anti-terrorist work within the framework of

regional co-operation and terrorist activity requires constant improvement of the legal international system of struggle through coordinated aspirations of all subjects of this work. The conclusion is that it is necessary to focus on the further development of the legal framework for inter-State co-operation within the CIS in all areas related to extremism and terrorism extremist and terrorist threats.

Keywords: illegal activity, international cooperation, lawmaking, legal regulation, legislative framework, radical communities, public danger, law and order, legality.

For citation: Kobets P. N. Development of legal foundations for joint cooperation of CIS member states in the fight against international terrorism and extremism // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 2(103). P. 209–215.

В начале 1990-х гг. для постсоветского пространства был характерен чрезвычайно стремительный рост экстремистских и террористических проявлений, что, в свою очередь, не могло не способствовать возникновению различных угроз в сфере безопасности только что возникших суверенных стран. Вслед за этим в некоторых из государств рассматриваемого региона не обошлось без возникновения внутриполитических и даже военных конфликтов. В этих военных локальных конфликтах принимали участие представители незаконных вооружённых формирований, проповедующих экстремистскую идеологию. Не менее важно и то, что особое значение для дестабилизации пространства бывшего Советского Союза стали играть десятки международных террористических организаций, а также представители радикальных террористических структур, активно поддерживаемых международным террористическим движением. И как отмечают многие российские эксперты, уже с самого начала образования постсоветских государств представителями международных террористических организаций их территория стала использоваться в качестве своеобразного убежища, в котором, имея достаточно денежных средств, стало возможным осуществлять заказы, приобретать, вывозить и доставлять в любую страну мира необходимые средства по осуществлению террористических акций [1, с. 5].

В сложившихся условиях возникла острая необходимость «не только налаживания, но и дальнейшего совершенствования совместного взаимодействия государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество) в борьбе с террористическими и экстремистскими проявлениями» [2, с. 71]. Следовательно, уже тогда учёным и практикам стало совершенно очевидно и понятно, что в целях получения желаемого результата в деятельности, направленной на активную и непримиримую борьбу с рассматриваемыми проявлениями, необходима реализация комплекса действий, основанных на мерах по международному взаимодействию, которые позволят достигнуть более результативных взаимоотношений между странами и противодействовать распространению террора.

В настоящее время экстремистские и террористические угрозы вследствие увеличения масштабности общественной опасности, расширения географических составляющих, роста поражающей способности террористических акций, интернационализации субъектов терроризма и ряда других причин стремительно превращаются в одну из важнейших проблем международного плана. Представители современных террористических организаций, следуя своим преступным целям, используют не только физическое воздействие, но также прибегают к задействованию информационного пространства, чтобы результативнее распространять террористическую идеологию среди населения. В этой связи необходимо ещё глубже исследовать данное направление, поскольку опыт борьбы с этим явлением свидетельствует о том, что формы и методы, используемые представителями

экстремистских и террористических организаций по распространению преступных идей, чрезвычайно широки. В этой связи осуществлять борьбу с ними необходимо, постоянно совершенствуя и развивая имеющиеся правоохранительные подходы в рассматриваемой сфере.

Данное положение дел в рассматриваемой сфере получает постоянное подтверждение повышением внимания к деятельности, направленной на эффективную координацию борьбы с данными явлениями представителей всего мирового сообщества. Одним словом, террор и экстремизм были одними из наиболее опасных преступных проявлений во все времена, причём как на национальном, так и международном уровне. Именно по этой причине и сегодня многие учёные и практики в процессе борьбы с преступностью в рамках СНГ не перестают искать наиболее совершенные способы, противодействующие рассматриваемым преступным появлениям.

Однако прежде чем перейти к анализу вопросов, связанных с правовыми основами сотрудничества с экстремистскими и террористическими проявлениями в рамках Содружества, необходимо кратко осветить становление совместного правового регулирования борьбы с преступностью в рамках СНГ. Так, после того, как Советский Союз прекратил существовать в рамках СНГ, заговорили о важности развития совместного правоохранительного сотрудничества и закрепили эти устремления в статье четвёртой базового учредительного документа Содружества – Уставе СНГ[1]. Важность дальнейшего вектора работы нашла своё отражение в Концепция развития СНГ, которая была одобрена Решением Содружества Глав Государств (далее – СГГ СНГ) 5 октября 2007 г.[2] Решением СГГ СНГ от 18 декабря 2020 г. в данную Концепцию внесли изменения и изложили её в новой редакции, а также утвердили «План основных мероприятий по её реализации, в котором предусматриваются меры, направленные на развитие безопасности в рамках СНГ»[3]. За время своего существования СНГ удалось подготовить целостную и в своём роде уникальную институционально-правовую систему, вписав в неё максимальное число государств [3, с. 110]. В настоящее время эта система направлена на противодействие различным преступным проявлениям.

В 2004 году в г. Астане было принято Решение СГГ СНГ «Об утверждении Концепции Единого реестра правовых актов и других документов Содружества и Положения о Едином реестре правовых актов и других документов СНГ»[4]. Анализ Единого реестра правовых актов и других документов Содружества свидетельствует о том, что в довольно большой по объёму нормативной правовой базе СНГ порядка трети правовых актов посвящено вопросам совместной правоохранительной деятельности[5]. Причём особая значимость в работе по подготовке рассматриваемых

---

[1] Устав Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, в г. Минске 22 января 1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств, 5 октября 2007 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Концепции дальнейшего развития Содружества Независимых Государств и Плане основных мероприятий по ее реализации [Электронный ресурс]: решение Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 18 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Об утверждении Концепции Единого реестра правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств, и Положения о Едином реестре правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]: принято в г. Астане 15 сентября 2004 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Единый реестр правовых актов и других документов СНГ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

правовых актов отведена Межпарламентской Ассамблее (далее – МПА СНГ). Немаловажно и то, что четверть от всех подготовленных и принятых ею актов модельного законодательства относится к вопросам, связанным с обеспечением правопорядка [4, с. 15]. Также необходимо отметить, что во время деятельности по межгосударственному сотрудничеству разрабатываются и реализуются многосторонние межгосударственные целевые программы борьбы с преступностью. 13 октября 2023 года в рамках заседания СГГ СНГ в г. Бишкеке утверждена «Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы»[1].

Немаловажно отметить, что сегодня взаимодействие государств Содружества по противодействию рассматриваемым международным угрозам происходит на стратегических и тактических направлениях [5, с. 99], первым из которых является присоединение к ряду основных договоров в сфере противодействия международному терроризму и экстремистским проявлениям. Следующее значимое направление состоит в совершенствовании нормативных основ противодействия международному террору, выстраиваемое исключительно на разработке и принятии международной правовой основы по сотрудничеству с данным видом преступной деятельности рамках СНГ [6, с. 67]. В первую очередь к правовой основе борьбы с рассматриваемым явлением в рамках СНГ относят «Концепцию сотрудничества государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма»[2], «Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом»[3], «Договор о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на теориях государств-участников Содружества Независимых Государств»[4] и др.

Сегодня рассматриваемое взаимодействие развивается в соответствии с «Программой сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы»[5] (далее – Программа). Она является документом, детально прописывающим ряд конкретных мер для государств Содружества в сфере совершенствования антитеррористической безопасности. Существенным является и такое обстоятельство, что данный документ базируется на ранее принятых и действующих сегодня договорах, соглашениях и концепциях по обеспечению террористической безопасности. В то же время не менее весомым является и то, что данный программный документ подготовлен с учётом большинства общепризнанных международно-правовых норм и принципов. В действительности рассматриваемый документ вне всякого сомнения выступает в качестве первоочередного совместного плана действий стран Содружества по борьбе с обозначенными преступными проявлениями.

---

[1] Межгосударственная программа совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]: утверждена Советом глав государств СНГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Концепция сотрудничества государств–участников СНГ в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Договор о порядке пребывания и взаимодействия сотрудников правоохранительных органов на территориях государств-участников Содружества Независимых Государств (Минск, 4 июня 1999 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] Решение Совета глав государств СНГ "О Программе сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023-2025 годы" (Принято в г. Астане 14.10.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В рамках рассматриваемого вопроса отдельно хотелось сказать о том, что, поскольку в настоящее время как в нашей стране, так и в остальных странах Содружества, всё больше акцентов делается на необходимости совершенствования работы в сфере защиты от террористических угроз объектов критической инфраструктуры, в рассматриваемом программном документе с полным на то основанием предусмотрели необходимость реализации совместных действий, которые бы обеспечивали надёжную антитеррористическую безопасность различных объектов, включая транспортную и топливо-энергетическую инфраструктуру (далее – ТЭК). И несмотря на то что возможность террористических атак на объекты ТЭК в последнее время широко обсуждаётся как в СМИ, так и в источниках научной литературы, впервые особое внимание к данной проблеме в масштабах программно-концептуального документа межгосударственного уровня привлечено именно в рассматриваемом документе [7, с. 81].

Проблематика особого внимания международного террора к объектам и инфраструктуре ТЭК получила своё развитие после того, как рассматриваемые российские объекты стали выступать в качестве важнейших целей международных террористов. При этом важно отметить, что и в ряде государств Содружества данная тематика также остаётся весьма немаловажной. Поэтому вопросы, направленные на совершенствование работы по обеспечению безопасности критически важных инфраструктурных объектов, получили последующее воспроизведение в разделе совместного программного документа, связанного с подготовкой кадров.

Также важно отметить об акцентировании внимания в Программе о необходимости реализации мероприятий, относящихся к деятельности по предупреждению противоправных деяний, связанных с радикализацией общества. Данные вопросы в последнее время довольно широко освещаются на страницах научной литературы и по этой причине закреплены межгосударственным программно-концептуальным документом [8, с. 61]. Существенным является посыл о том, чтобы СМИ совместно с институтами гражданского общества также принимали бы самое активное участие в этой работе. При этом в ряде стран Содружества в документах стратегического планирования немало позиций, отмечающих особую важность вовлечения представителей гражданского общества в работу по обеспечению противодействия рассматриваемым преступным проявлениям [9, с. 31].

Продолжая рассматривать правовые основы сотрудничества стран Содружества по анализируемым вопросам, хотелось бы особо выделить ещё одно важное обстоятельство, а именно то, что в Программе предусмотрена позиция по ежегодному проведению в формате Содружества международной конференции, посвящённой вопросам противодействия терроризму и экстремизму [10, с. 511]. Вполне логично, что проведение подобных конференций на площадках стран Содружества выступит добротной основой по обсуждению многих проблемных аспектов в сфере антитеррористической безопасности, которые актуальны на сегодняшний день.

Подводя итоги, хотелось отметить, что сегодня совершенно очевидно, что всеми странами-участниками Содружества проводится чрезвычайно активная правовая антитеррористическая работа в рамках регионального сотрудничества. Между тем активизация международной экстремистской и террористической активности требует постоянного совершенствования правовой международной системы борьбы с данной разновидностью преступных посягательств посредством скоординированных устремлений стран Содружества. Анализ источников отечественной и зарубежной научной литературы позволяет с уверенностью утверждать о том, что субъекты правоохранительной деятельности рассматриваемых стран единодушны во мнении по данным вопросам и полагают, что любые из проявлений экстремистской и

террористической преступности просто недопустимы, поскольку они выступают в качестве прямых угроз национального суверенитета.

В настоящее время страны Содружества не прекращают активного сотрудничества в работе по борьбе с терроризмом и экстремизмом. При этом успехи в данной работе всецело зависят от того, насколько с точки зрения правового регулирования слажены и скоординированы их антитеррористические действия. В складывающихся непростых геополитических условиях всем субъектам сотрудничества, осуществляемого в рамках Содружества в борьбе с терроризмом и экстремизмом, следует сосредоточиться на дальнейшем развитии правовых основ межгосударственного взаимодействия, реализуемого в рамках СНГ на всех направлениях, связанных с экстремистскими и террористическими угрозами, с которыми правоохранителям приходится регулярно сталкиваться.

1. Поляков К.И. Исламский экстремизм в Центральной Азии. Российская акад. наук, Ин-т востоковедения. М.: ИВ РАН, 2014. 136 с.
2. Кобец П.Н. Об основных направлениях совершенствования межгосударственного сотрудничества МВД (полиции) государств - участников СНГ по борьбе с преступностью // Российский следователь. 2019. № 10. С. 69–72.
3. Лепешков Ю.А. К вопросу о правовой природе решений Совета глав государств СНГ // Беларусь в современном мире: материалы IV Республиканской научной конференции, Минск, 28 сентября 2005 года. Минск: Государственное учреждение образования "Республиканский институт высшей школы", 2005. С. 110–111.
4. Кобец П.Н. Становление правовых и организационных основ международного научного сотрудничества, реализуемого в рамках Совета министров внутренних дел государств - участников СНГ // Международное публичное и частное право. 2020. № 4. С. 14–17.
5. Разумов Ю.А. Понятие и механизм национально-правовой имплементации в законодательство РФ (военная сфера) // Государственная служба. 2013. № 1(81). С. 98–99.
6. Норов У.С. Противодействие экстремизму и терроризму: законодательство и практика // Государственная служба. 2012. № 2(76). С. 66–68.
7. Кириченко А.В. Методологические основания обеспечения комплексной безопасности объектов критически важной инфраструктуры в современный период // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2022. № 3. С. 77–82.
8. Кучмезов Р.А. Синергетический эффект глобализации и его проявление в радикализации молодежи // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 3. С. 60–63.
9. Арефьев А.М. О новой Программе сотрудничества государств участников СНГ в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023-2025 годы // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 2. С. 28–32.
10. Горецкая В.В., Павлова Т.С. Роль РФ как ведущего актора в СНГ в борьбе с террористической угрозой и сравнительный анализ подходов Великобритании к определению терроризма // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 6. С. 507–513.

1. Polyakov K.I. Islamskij e`kstremizm v Central`noj Azii. Rossijskaya akad. nauk, In-t vostokovedeniya. M.: IV RAN, 2014. 136 s.
2. Kobecz P.N. Ob osnovny`x napravleniyax sovershenstvovaniya mezhgosudarstvenno-go sotrudnichestva MVD (policii) gosudarstv - uchastnikov SNG po bor`be s prestup-nost`yu // Rossijskij sledovatel`. 2019. № 10. S. 69–72.

3. Lepeshkov Yu.A. K voprosu o pravovoj prirode reshenij Soveta glav gosudarstv SNG // Belarus` v sovremennom mire: materialy` IV Respublikanskoj nauchnoj konfe-rencii, Minsk, 28 sentyabrya 2005 goda. Minsk: Gosudarstvennoe uchrezhdenie obrazovaniya "Respublikanskij institut vy`sshej shkoly`", 2005. S. 110–111.
4. Kobecz P.N. Stanovlenie pravovy`x i organizacionny`x osnov mezhdunarodnogo nauchnogo sotrudnichestva, realizuemogo v ramkax Soveta ministrov vnutrennix del gosudarstv - uchastnikov SNG // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. № 4. S. 14–17.
5. Razumov Yu.A. Ponyatie i mexanizm nacional`no-pravovoj implementacii v zakonodatel`stvo RF (voennaya sfera) // Gosudarstvennaya sluzhba. 2013. № 1(81). S. 98–99.
6. Norov U.S. Protivodejstvie e`kstremizmu i terrorizmu: zakonodatel`stvo i praktika // Gosudarstvennaya sluzhba. 2012. № 2(76). S. 66–68.
7. Kirichenko A.V. Metodologicheskie osnovaniya obespecheniya kompleksnoj bezopasnosti ob``ektov kriticheski vazhnoj infrastruktury` v sovremenny`j period // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2022. № 3. S. 77–82.
8. Kuchmezov R.A. Sinergeticheskij e`ffekt globalizacii i ego proyavlenie v radikalizacii molodezhi // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2021. T. 14, № 3. S. 60–63.
9. Aref`ev A.M. O novoj Programme sotrudnichestva gosudarstv uchastnikov SNG v bor`be s terrorizmom i e`kstremizmom na 2023-2025 gody` // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskix gosudarstv: politika, e`konomika, pravo. 2023. № 2. S. 28–32.
10. Goreczkaya V.V., Pavlova T.S. Rol` RF kak vedushhego aktora v SNG v bor`be s terroristicheskoj ugrozoj i sravnitel`ny`j analiz podxodov Velikobritanii k opredele-niyu terrorizma // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3, № 6. S. 507–513.

Информация об авторе

Петр Николаевич Кобец. Главный научный сотрудник Центра организационного обеспечения научной деятельности, доктор юридических наук, профессор.
Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России.
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25.

Information about the author

Peter N. Kobets. Chief Researcher of the center for organizational support of scientific activities. Doctor of Law, Professor.
National Research Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia.
121069, Russia, Moscow, Povarskaya Str., 25.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 27.01.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

АНТИКОРРУПЦИОННЫЙ ФАКТОР ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Латыпов Вадим Сагитьянович[1], Фадеев Павел Владимирович[2]
[1]Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия
[2]Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

[1]vadi-latypov@yandex.ru
[2]fadeevpv2001@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу инновационных цифровых подходов к противодействию коррупции в современном уголовном судопроизводстве. Проведённое иследование имеющегося антикоррупционного законодательства позволило авторам выделить основные признаки, присущие коррупции, и раскрыть их. В статье представлены авторские подходы к возможной цифровизации уголовного судопроизводства, приведены аргументы как сторонников, так и противников данной деятельности. В число предложенных направлений совершенствования действующей уголовно-процессуальной модели вошли: внедрение электронных систем документооборота, исключающих несанкционированные контакты между сторонами процесса; создание цифровых платформ для контроля принимаемых в ходе производства по уголовным делам процессуальных решений, онлайн-трансляций судебных заседаний; обеспечение внедрения электронного уголовного дела, исключающего «ручное» вмешательство; использование блокчейн-технологий для фиксации процессуальных действий, исключающей возможность их фальсификации.

Ключевые слова: цифровой уголовный процесс, противодействие коррупции в уголовном процессе, электронное уголовное дело, цифровые уголовно-процессуальные платформы, правосудие, блокчейн-технологии в уголовном процессе.

Для цитирования: Латыпов В. С., Фадеев П. В. Антикоррупционный фактор цифровизации уголовного судопроизводства России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 216–228.

ANTI-CORRUPTION FACTOR OF DIGITALISATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS IN RUSSIA

Vadim S. Latypov[1], Pavel V. Fadeev[2]
[1]Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia
[2]Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

[1]vadi-latypov@yandex.ru
[2]fadeevpv2001@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of innovative digital approaches to counteract corruption in modern criminal proceedings. The study of the existing anti-corruption legislation allowed the authors to identify the main features inherent in corruption and to disclose them. The article presents the author's approaches to the possible digitalisation

of criminal proceedings and presents arguments of both supporters and opponents of this activity. The proposed areas of improvement of the current criminal procedural model include: the introduction of electronic document management systems that exclude unauthorised contacts between the parties to the process; the creation of digital platforms to control procedural decisions taken in the course of criminal proceedings, online broadcasting of court hearings; ensuring the introduction of electronic criminal records that exclude 'manual' intervention; the use of blockchain technologies to record procedural actions, which excludes the use of blockchain technology in the criminal proceedings.

Keywords: digital criminal process, countering corruption in criminal proceedings, electronic criminal case, digital criminal procedure platforms, justice, blockchain technology in criminal proceedings.

For citation: Latypov V. S., Fadeev P. V. Anti-corruption factor of digitalization of criminal proceedings in Russia // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2025. № 2(103). P. 216–228.

Коррупция в системе уголовного судопроизводства представляет серьёзную угрозу достижению назначения уголовного судопроизводства, правопорядку в целом, подрывая доверие общества к государственным институтам, препятствуя справедливому осуществлению правосудия и нарушая принципы законности и равенства перед законом. Цифровизация уголовного судопроизводства предоставляет уникальные возможности для минимизации коррупционных рисков и повышения эффективности правоохранительной деятельности. Цифровые технологии позволяют осуществлять более эффективный мониторинг и контроль за действиями должностных лиц. Автоматизация определённых функций сокращает влияние человеческого фактора, что уменьшает потенциал для коррупционных проявлений. Согласно официальной статистике, представленной на сайте МВД России, по итогам 2024 года при наличии роста преступлений коррупционной направленности (+ 5,8 % по сравнению с 2023 годом) отмечается снижение их раскрываемости (– 0,4 % по сравнению с 2023 годом)[1]. По итогам первых двух месяцев 2025 года рост данной категории преступлений составил + 31,5 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года[2]. Тенденция представляется крайне тревожной. Однако справедливости ради следует отметить, что преступления коррупционной направленности не являются преступлениями современности. Их общественная опасность известна человечеству достаточно давно. К примеру, в незабвенном произведении А. Данте «Божественная комедия» автор, изображая структуру ада, состоящую из девяти кругов, в предпоследний восьмой круг поместил взяточников.

Принимаются серьёзные меры по противодействию распространению коррупции на международном, федеральном и региональных уровнях. В качестве примера приведём лишь некоторые из них: Конвенция ООН против коррупции (ратифицирована Федеральным законом № 40-ФЗ от 08.03.2006), Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в противодействии коррупции (заключено в г. Астане 14.10.2022); Федеральные законы Российской Федерации: «О государственной гражданской службе Российской Федерации» № 79-ФЗ от 27.07.2004, «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ от 25.12.2008, «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»

[1] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/ (дата обращения: 26.04.2025).
[2] Состояние преступности в Российской Федерации за январь - февраль 2025 года. [Электронный ресурс]. URL:https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/62890844/ (дата обращения: 26.04.2025).

№ 172-ФЗ от 17.07.2009; Указы Президента Российской Федерации: «О мерах по противодействию коррупции» № 815 от 19.05.2008; «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон» и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» (вместе с Положением о государственной информационной системе в области противодействия коррупции «Посейдон») № 232 от 25.04.2022 и многие другие. Однако несмотря на принимаемые меры, к сожалению, следует констатировать, что проблема остаётся до конца не решённой. В рамках настоящего исследования нами предпринята попытка проанализировать возможность снижения коррупционных проявлений в уголовно-процессуальных отношениях путём внедрения инновационных цифровых технологий в современное уголовное судопроизводство. Убеждены, что в условиях глобального тренда на цифровую трансформацию правовых систем исследование антикоррупционного потенциала цифровизации приобретает особую значимость для России. Понимание и анализ данных процессов необходимы для разработки эффективных стратегий по борьбе с коррупцией в том числе путём совершенствования уголовно-процессуального законодательства и повышения качества уголовного правосудия.

Коррупция представляет собой комплексное негативное социально-правовое явление, оказывающее масштабное влияние на функционирование государственных институтов, гражданское общество, экономику и систему правосудия. Её разрушительное воздействие особенно заметно в государственном управлении, правоохранительной сфере, а также в уголовном судопроизводстве, что подрывает доверие к публично-правовым механизмам, снижает эффективность национальной безопасности, препятствует развитию и демократизации общества. Термин «коррупция» происходит от латинского «*corruptio*» – «подкуп», «порча», «разложение», «растление», «продажность». В юридической науке под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением с целью получения личной выгоды в ущерб интересам общества и государства. Проведённый анализ действующего антикоррупционного законодательства позволил выявить основные признаки, присущие коррупции, числу которых отнесено:

1. Противоправное использование служебного положения. Одним из фундаментальных признаков коррупции является использование должностным лицом своего служебного положения вразрез интересам общества. Указанная деятельность проявляется в предоставлении привилегий, оказании услуг или принятии решений, которые приносят вред государству, подрывают основы функционирования институтов власти и подрывают доверие к ним в обществе.

2. Преследование личной выгоды. Коррупционные действия всегда обусловлены стремлением к личной выгоде. Мотив получения материальной или нематериальной выгоды является ключевым фактором для рассмотрения поведения должностного лица как коррупционного. Оно может выражаться в получение денег, подарков, услуг, должностей или иных благ преимущественно для себя, членов семьи или организации, чьи интересы он представляет.

3. Наличие заинтересованных сторон. Для коррупции принципиально важно наличие двух и более заинтересованных сторон: субъекта, обладающего властными полномочиями, и лица (организации), которое стремится получить определённые преференции.

4. Латентный характер описываемых действий. Коррупция преимущественно носит латентный, скрытый характер. Стороны, участвующие в коррупционных отношениях, стараются замаскировать действия, так как осознают противоправность и общественную опасность содеянного. В связи с этим коррупционные проявления

трудно поддаются фиксации, выявлению и доказыванию. Для их раскрытия, как правило, требуется проведение оперативно-разыскных мероприятий.

5. Нарушение правовых, этических, должностных норм. Коррупционное действие неизбежно влечёт за собой нарушение норм, прежде всего правовых (уголовных, административных, гражданских), а также этических стандартов и должностных инструкций.

6. Причинение ущерба государству, гражданам или юридическим лицам. Коррупционные деяния сопровождаются нанесением как прямого (финансового, имущественного), так и косвенного (репутационного, морального) ущерба. Как закономерный результат, коррупция ведёт к снижению эффективности государственного управления.

Анализируя уголовно-правовую составляющую противодействия коррупции, Александров А. И. совершенно справедливо, на наш взгляд, к числу наиболее интенсивных преступлений коррупционной направленности отнёс получение взятки (ст. 290 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)) и злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [1, с. 18]. Наличие указанных преступных фактов среди должностных лиц как уполномоченных осуществлять уголовное преследования, проводить процессуальные и следственные действия, принимать процессуальные решения, так и тех, кто наделён правом оглашать итоговые решения по уголовным делам, осуществлять правосудие в современной системе уголовной юстиции неизменно приведёт к деформированию общей практики правоприменения, сделав её менее цивилизованной и эффективной [2, с. 23]. Всецело разделяя позицию Рыбкиной М. В., отметим, что современное уголовное судопроизводство нуждается в новых, эффективных публично-правовых механизмах противодействия коррупции [3].

Учитывая вышеизложенное, в доктрине уголовно-процессуального права отмечается, что одним из направлений развития противодействия коррупционных проявлений является внедрение современных цифровых технологий в работу государственных органов [4]. Мы, в свою очередь, убеждены, что одним из направлений развития современной уголовно-процессуальной политики, направленной в том числе на обеспечение национальной безопасности правосудия, является переход к цифровому уголовному судопроизводству.

Необходимость поэтапного перехода от традиционной модели уголовного процесса к цифровой отражена в работах многих современных учёных-процессуалистов, среди которых следует отметить работы Бахтеева Д. В., Буглаевой Е. А., Вехова В. Б., Зазулина А. И., Зуева С. В., Моругиной Н. А., Пастухова П. С., Русман Г. С., Чурикова А. Ю. и многих других. Так, в частности, Зуев С. В. убеждён, что в скором времени произойдёт естественный переход на информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства, что потребует создания электронной платформы для обеспечения взаимодействия между участниками уголовного судопроизводства [5, с. 77]. Моругина Н. А., в свою очередь, допускает возможность перехода от бумажной формы производства по уголовным делам к электронной (цифровой) с предварительной её апробацией в отдельных субъектах Российской Федерации [6, с. 84]. Чурикова А. Ю. в одном из своих исследований выделила семь основных направлений применения технологий искусственного интеллекта при производстве по уголовному делу [7].

Вместе с тем объективности ради следует отметить, что не все процессуалисты столь единодушны в необходимости цифровизации уголовного судопроизводства. Так, достаточно взвешенную позицию занимают Химичева О. В. и Панфилов П. О., отмечая, что в условиях цифровизации первоочередной задачей выступает не создание

обставленного модными новинками научно-технического прогресса уголовного судопроизводства нового типа, а сохранение устойчивого правового порядка общественных отношений [8, с. 161]. Головко Л. В. считает, что влияние современных достижений научно-технического прогресса на уголовно-процессуальную деятельность преувеличено [9]. Победкин А. В. и вовсе предостерегает от «раскручивания маховика цифровизации уголовного процесса» [10, с. 128]. Безусловно, каждая отражённая нами позиция аргументирована, заслуживает внимания и имеет право на существование. Вместе с тем всё же считаем, что современные реалии свидетельствуют о неминуемом наступлении цифрового общества, включающего в том числе цифровое правосудие, вне зависимости от нашего желания и приводимых аргументов. Созидательная научная энергия должна быть направлена не на противодействие процессу цифровизации уголовного процесса, а на формулирование конструктивных предложений, как этот процесс сделать более эффективным с позиции обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, исключения допустимости коррупционных проявлений как в уголовно-процессуальных отношениях, так и формируемой современной российской модели уголовного судопроизводства в целом.

В связи с изложенным в 2025 году нами было проведено социологическое исследование, в котором приняли участие как сотрудники правоохранительных органов различных ведомств, так и граждане, не имеющие отношения к правоохранительной деятельности. Опрос проводился с использованием интернет-ресурсов, позволивших охватить 132 респондента из несколько регионов России: г. Москвы, г. Санкт-Петербурга, Республик Башкортостан и Татарстан, Московской, Оренбургской, Нижегородской и Челябинской областей, Хабаровского края. Респондентам было предложено определить, какие, на их взгляд, следует предпринять инновационные направления развития уголовного судопроизводства в целях предупреждения и минимизации коррупционных рисков; допускалось внесение нескольких вариантов предложений.

Ниже предлагаем рассмотреть полученные результаты, представляющие наибольший научный и практический интерес на предмет их состоятельности.

Среди предложенных инноваций, направленных на снижение коррупционных рисков, высказана инициатива *внедрения электронных систем документооборота (далее – ЭСДО), исключающих несанкционированные контакты между сторонами процесса,* – 50,75 % (67 респондентов). Предполагается, что указанное технологическое новшество нацелено на повышение прозрачности, эффективности и безопасности процедур обмена информацией между участниками процесса. Особый интерес вызывает инициатива по внедрению таких систем, которые среди прочего исключают несанкционированные непосредственные контакты между сторонами уголовного дела: стороной обвинения, защитой, судом и иными участниками. Данный подход формируется как ответ на вызовы коррупции, затягивания процессов, а также на необходимый этап развития уголовного судопроизводства с последующим переходом к электронному правосудию.

Безусловно, нарушения установленных законом процедур правоотношений между участниками процесса, неформальные или несанкционированные встречи зачастую становятся источником коррупционных или даже противоправных практик: давления, манипулирования, посткриминального воздействия. В данном ключе прослеживается возможность эффективного применения цифровых инструментов, способных жёстко регламентировать и фиксировать любые обмены информацией между участниками уголовного судопроизводства.

В предложенной инновации прослеживается целый комплекс преимуществ, среди которых:

1. Обеспечение публичных начал уголовного процесса, заключающееся в прозрачности и цифровом фиксировании всех процессуальных действий. Главное преимущество ИТ-систем заключается в полном контроле действий сторон. Любая подача документа, запроса, ходатайства обязательно фиксируется в системе с указанием времени, автора, адресата и статуса рассмотрения. Это создаёт защищённый цифровой след, исключая возможность проведения процедур незаметно для участников процесса, контрольно-надзорных органов и суда, как результат – снижение коррупционных рисков.

2. Эффективная реализация принципа разумного срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Бумажный документооборот традиционно ассоциируется с временными потерями по различным объективным и субъективным причинам (задержка почтовых отправлений, неоднозначность в трактовке сроков и др.). Электронный формат существенно сокращает время на доставку, рассмотрение и принятие процессуального решения, позволяет своевременно получать уведомления. В условиях цифровизации повышается общая оперативность работы органов следствия, прокуратуры и, собственно, самой защиты.

3. Повышение качества реализации контрольно-надзорных функций государственных органов. Цифровая система позволяет органам прокуратуры, а также суду объективно и полно контролировать весь ход уголовного производства – с момента возбуждения уголовного дела до принятия итогового процессуального решения. Обеспечение указанных органов доступом к полной, неизменной истории взаимодействий сторон упростит проверку соблюдения сроков, выявления нарушений законности.

4. Экономия бюджетных средств. Системы ЭСДО позволят снизить объёмы бумажного документооборота, уменьшить издержки на их хранение и доставку, минимизируют вероятность потери, ошибочной фиксации данных, что способствует более рациональному распределению внутренних ресурсов государственных органов.

Вместе с тем данная инновация несвободна от критики. К отрицательным проявлениям данной процедуры цифровых правоотношений следует отнести, к примеру:

– *риски информационной и кибербезопасности.* Любая электронная система подвержена рискам: взлом, вирусы, утечка персональных данных, подделка цифровых подписей. Особое беспокойство эти угрозы вызывают в уголовном процессе, где подлинность документов и тайна следствия критично важны. В случае сбоя или хакерской атаки возможны необратимые последствия – от компрометации информации до незаконного доступа к материалам дела;

– *цифровое неравенство и сложность доступа.* Не все участники уголовного процесса имеют равный доступ к коммуникационным технологиям. В регионах с недостаточно развитой инфраструктурой интернет-связи, у малоимущих граждан, у лиц преклонного возраста использование сложных электронных систем может вызвать затруднения. Кроме того, затруднительным представляется обеспечение постоянного доступа к электронным документам лиц, находящихся под стражей. Указанные обстоятельства противоречат принципу равенства сторон;

– *угроза конфиденциальности защиты.* Контроль и запись всех контактов между защитником и подзащитным могут ограничить возможность свободного ведения доверительной коммуникации, поставить под угрозу адвокатскую тайну. Введение фильтрации сообщений или их хранение в системе способно вызвать опасения в утечке стратегической информации.

В целом представляется, что внедрение электронных систем документооборота, исключающих несанкционированные контакты, является своевременным и перспективным направлением развития уголовного судопроизводства в России. Она способна повысить прозрачность, эффективность, устойчивость процедур [11, с. 110], сдержать коррупционные и иные риски. Вместе с тем массовая цифровизация требует крайне осторожного, поэтапного подхода с ориентиром на обеспечение равенства сторон и кибербезопасности. Особое внимание должно уделяться обучению лиц, участвующих в уголовном процессе, а также правовой защите адвокатской тайны и гарантиям бесперебойной работы электронной инфраструктуры.

Следующим желаемым нововведением является *создание цифровых платформ для контроля принимаемых в ходе производства по уголовным делам процессуальных решений, онлайн-трансляций судебных заседаний* – 40,15 % (53 респондента).

Современная судебная система России стоит перед вызовами, связанными с необходимостью повышения прозрачности, эффективности и общественного доверия к уголовному судопроизводству. Несомненно, создание цифровых платформ для контроля процессуальных решений, а также обеспечения онлайн-трансляций судебных заседаний становятся актуальными шагами к этим целям.

К позитивным аспектам данного предложения следует отнести несколько обстоятельств:

1. Обеспечение реализации принципа публичности. Цифровые платформы позволяют фиксировать каждое значимое процессуальное действие, создавая цифровой след. Это даёт возможность проводить независимую проверку процессуальных решений, чётко понимать, кто, когда и на каком основании его принял. Открытый доступ к информации акцентирует ответственность должностных лиц, снижая риск злоупотреблений и коррупционных проявлений.

2. Открытость судебных заседаний, реализация принципа гласности. Онлайн-трансляции судебных процессов (за исключением случаев, предусмотренных ст. 241 УПК РФ) по аналогии с процедурой публичных защит диссертационных исследований позволит приблизить правосудие к обществу, будет способствовать повышению доверия граждан к судам. Публичность процессов служит профилактикой незаконных решений и предвзятости. Для средств массовой информации, правозащитников, научного сообщества и населения страны появляется возможность наблюдать за работой правосудия, что способствует формированию объективного общественного мнения.

3. Снижение процессуальных нарушений. Осознание того, что каждое действие находится под контролем (как в части документооборота, так и видеотрансляций), дисциплинирует стороны и суд, исключит манипуляции со сроками, попытки скрыть нарушения.

К негативным аспектам данного предложения могут быть отнесены следующие обстоятельства:

– риски нарушения тайны следствия (ст. 161 УПК РФ) и защиты персональных данных. Открытые трансляции и цифровые следы судебного процесса могут привести к разглашению информации, не подлежащей огласке: сведений следствия, персональных данных обвиняемых, потерпевших, свидетелей, что в итоге может повлечь угрозу их безопасности;

– проблемы с технической реализацией. Данный аспект скорее материальный, нежели правовой, но тем не менее следует отметить, что создание и обслуживание сложных цифровых инфраструктур требуют значительных вложений, профессионального ИТ-сопровождения и постоянного обновления средств кибербезопасности. Технические сбои, потеря записи, взлом систем чреваты срывом судебных процессов и утратой важных доказательств.

Создание цифровых платформ аудита и трансляций судебных заседаний – новый и необходимый этап цифровизации уголовного процесса, способствующий прозрачностии защите прав участников. Однако переход к такой системе требует максимально тщательной регламентации, поэтапной реализации, постоянного баланса между интересами общества и защитой личных данных. Только гармоничное сочетание технологий, правовых гарантий и защиты участников процесса позволит реализовать потенциал данных изменений без ущерба для правосудия и принципов уголовного процесса. Наибольшим по популярности среди опрошенных предложением стало *обеспечение внедрения электронного уголовного дела, исключающего «ручное» вмешательство,* – 82,57 % (109 респондентов).

Убеждены, что одной из самых амбициозных задач цифровизации современного уголовного судопроизводства является создание электронного уголовного дела (далее – ЭУД), функционирующего без прямого «ручного» вмешательства, то есть минимизации человеческого фактора при оформлении, передаче и контроле процессуальных материалов.

Не составляет особого труда перечислить безусловные достоинства предложенной инновации. Остановимся лишь на некоторых из них:

1. Снижение коррупционных рисков и субъективности. Исключение «ручного» вмешательства снижает возможность произвольных изменений, фальсификации или необоснованной волокиты при рассмотрении уголовных дел. Все принимаемые процессуальные решения фиксируются в электронном виде, что обеспечивает высокую степень контроля, подотчётности и прозрачности. Автоматизация процессов минимизирует влияние человеческого фактора, делая невозможными утрату документов, оставляющих цифровой след.

2. Ускорение и унификация процессов. Представляется, что ЭУД должно позволять ускорить рассмотрение дел за счёт автоматического распределения нагрузки, электронной передачи материалов между органами и ведомствами. Процессуальные сроки строго отслеживаются программным обеспечением, что предотвращает волокиту и нарушения сроков расследования. Формат электронного документооборота способствует стандартизации: ошибки и несоответствия выявляются программой, позволяя их устранить на этапе ввода информации.

3. Обеспечение защищённости и сохранности материалов. Цифровые архивы сложно подделать, изменить незаметно или уничтожить. Все действия с документами фиксируются в логах, а доступ ограничен и регламентирован. Это повышает доверие к результатам расследований, облегчает проведение внутреннего контроля и служебных проверок. Электронный формат также позволяет легко резервировать информацию, чтобы избежать утраты данных по различным причинам.

В свою очередь, к недостаткам перехода к ЭУД следует отнести наличие следующих обстоятельств.

Риски технических сбоев и кибератак. Нами уже отмечалось, что любая электронная система уязвима к программным ошибкам, сбоям серверов, утечкам данных или хакерским атакам. Потеря электронных материалов может привести к невозможности восстановления хода следствия, нарушению прав участников уголовного судопроизводства. В связи с этим следует акцентировать внимание на предельной защищйнности. Полагаем, что вопросы резервного копирования и кибербезопасности являются первоочередными.

Ограничения прав участников уголовного судопроизводства в связи с отсутствием цифровой грамотности. Вполне очевидно, что отдельные граждане, адвокаты, подозреваемые (обвиняемые), потерпевшие их представители и иные участники уголовного судопроизводства не обладают достаточными навыками работы на электронных платформах. Данное обстоятельство неминуемо приведёт

к неравенству процессуальных возможностей, нарушению права на защиту, невозможности использовать имеющийся инструментарий ЭУД.

В целом внедрение электронного уголовного дела, исключающего «ручное» вмешательство, создаёт серьёзные перспективы для повышения публичности, эффективности и защищённости российского уголовного процесса от коррупционных проявлений. Однако следует признать, что успех этого проекта зависит от грамотной подготовки инфраструктуры, продуманной системы кибербезопасности, учёта особенностей уникальных уголовных дел. Только гармоничное сочетание автоматизации с гибкостью и вниманием к человеку гарантирует достижение баланса между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав участников уголовного судопроизводства. В этом вопросе мы солидарны с позицией Зуева С. В. и Моругиной Н. А., которые отмечают, что «переход к электронной форме производства по уголовным делам на территории Российской Федерации следует осуществлять поэтапно, путём постепенного внесения соответствующих изменений и дополнений в УПК РФ. Такая работа должна носить системный характер…» [12, с. 92].

Определённый научный и практический интерес представляет предложенный вариант *использования блокчейн-технологий для фиксации процессуальных действий, исключающей возможность их фальсификации*, – 37,12 % (49 респондентов).

В уголовном процессе особое значение имеют коррупционные риски, связанные с фальсификацией процессуальных действий: подделкой документов, изменением их содержания, утерей или недостоверной фиксацией сведений. Обсуждается возможность применения блокчейн-технологий [13] для радикального снижения таких рисков, так как архитектура блокчейна обеспечивает неизменяемость и прозрачность фиксации информации, может стать цифровым барьером на пути коррупции.

К положительным факторам, свидетельствующим о необходимости внедрения данных технологий, следует отнести:

1) неизменность введённой информации. Блокчейн обеспечивает распределённое хранение информации – каждая запись после создания немедленно копируется во множество независимых узлов, а любые попытки изменить или удалить данные становятся технически невозможными. Таким образом, после внесения информаций о принятом процессуальном решении или проведённом следственном действии (например, возбуждении уголовного дела, допросе, изъятии вещественных доказательств) незаконно скорректировать дату, содержание или состав участников проведённого процессуального действия не представляется возможным;

2) открытый надзор и прозрачный контроль. Блокчейн допускает прозрачную проверку всех записей как уполномоченными на то государственными органами, так и участниками уголовного судопроизводства, при этом персональные данные могут быть зашифрованы, но сам факт действия и временная метка останутся доступны для контроля. Это делает процессуальный документооборот открытым для анализа и значительно сокращает коррупционные схемы внесения коррективов «задним числом»;

3) устранение «ручного» доступа. Традиционно фальсификация документа происходит на этапе переноса сведений в бумажные или электронные архивы, когда должностное лицо может внести несанкционированные правки, к примеру при подготовке материалов уголовного дела по ст. 217 УПК РФ к ознакомлению обвиняемому и его защитнику. Так, блокчейн как полностью автоматизированный цифровой журнал минимизирует возможности «ручного» доступа к информации и позволяет исключить участие тех, кто раньше мог выступать «посредником» коррупционных взаимодействий.

Несмотря на все преимущества, всё же применение блокчейн-технологий имеет определённые недостатки.

Ограниченная интеграция с реальностью. Фальсификация процессуально значимых сведений может осуществляться до непосредственного этапа её ввода в систему. При этом некорректные данные, введённые изначально (подложный протокол, фиктивный допрос, фальсифицированные доказательства), будут также неизменяемо зафиксированы. Блокчейн беспомощен против фальсификаций «на входе», то есть если исходно вводится информация, содержащая недостоверные данные.

Сложность внедрения в существующую инфраструктуру. Действующая судебная и следственная система спроектирована под традиционные методы учёта и хранения. Внедрение блокчейна требует масштабных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве, переоснащения аппаратуры, подготовки кадров. Такой переход сложен и дорогостоящ, что может задержать и существенно затруднить адаптацию.

Безусловно, технологии блокчейн открывают новые горизонты в борьбе с коррупцией в уголовном процессе, особенно при фиксации событий и документов. Они практически ликвидируют возможность скрытого вмешательства, однако их применение имеет ряд существенных ограничений и не исключает коррупционные механизмы на других этапах. Комплексный анализ показал, что только сочетание цифровых инноваций, системных правовых реформ, активного общественного контроля и формирования антикоррупционной культуры может обеспечить реальный прогресс в противодействии коррупции в уголовном судопроизводстве.

Позволим себе выделить ключевые результаты проведённого исследования:

1. Существующее в настоящее время в нашей стране антикоррупционное законодательство при всём своём многообразии подходов к стратегиям и программам противодействия данному негативному явлению нуждается в оптимизации путём использования современных цифровых технологий. Особая потребность в данной деятельности отмечается в уголовном судопроизводстве, стоящем на пороге цифровизации, что гармонично должно войти в новую модель уголовного процесса [14].
2. Исходя из проведённого социологического исследования, отметим, что общество, как и сами правоприменители, рассматривает внедрение инновационных цифровых технологий в уголовное судопроизводство как эффективные средства противодействия коррупционным проявлениям.
3. Наиболее эффективным из исследованных способов цифрового противодействия коррупционных проявлений в уголовном судопроизводстве видится поэтапное внедрение межведомственного электронного документооборота и электронного уголовного дела.

Внедрение электронных документов и автоматизированных систем обработки и хранения информации способствует повышению прозрачности процедур, уменьшая возможность внесения искажений или подлога документов. Цифровые следы действий пользователей в системах электронного документооборота позволяют легко отслеживать и фиксировать любые изменения, что усложняет возможность скрытия неправомерных действий. Использование цифровых платформ и сервисов способствует сокращению прямого контакта между участниками процесса, что снижает вероятность неправомерного влияния на ход расследования или судебного рассмотрения. Переход к цифровому уголовному процессу создаёт предпосылки для автоматизации ключевых этапов расследования и судебного рассмотрения, что существенно минимизирует возможности для коррупционных злоупотреблений. Внедрение электронных платформ, прозрачных алгоритмов процессуальных решений и систем контроля данных создаёт новую среду доверия между государством и гражданами, способствуя формированию справедливого и независимого уголовного правосудия.

Действенная борьба с коррупцией в уголовном судопроизводстве может быть обеспечена лишь при условии одновременного внедрения цифровых технологий, реализации комплексных правовых реформ, активного участия общества и развития антикоррупционного мышления. Результаты научных исследований и социологических опросов свидетельствуют о том, что совершенствование нормативной базы и постепенное внедрение электронного документооборота существенно способствуют повышению открытости и эффективности уголовного процесса.

1. Александров А. И. Противодействие коррупции в современной России: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты // Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 17 февраля 2017 года. Омск: Омская юридическая академия, 2017. С. 17–22.
2. Кузьмин Н. А. К вопросу о понятии и природе коррупции // Российский следователь. 2009. № 24. С. 23–26.
3. Рыбкина М. В. Совершенствование механизмов противодействия коррупции в условиях цифровизации общества // Развитие современной науки и образования: инновации в преподавании, обучении, научных исследованиях : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Архангельск, 19 января 2024 года. Архангельск: Институт управления, 2024. С. 66–70.
4. Иншакова А. О. Цифровые технологии альтернативных методов разрешения споров: зарубежная практика и перспективы применения в России // Право и управление. XXI век. 2018. № 1(46). С. 23–31.
5. Зуев С. В. Информационно-технологический процесс уголовного судопроизводства: вопрос времени // Технологии XXI века в юриспруденции: Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 мая 2024 года. Екатеринбург, 2024. С. 77–82.
6. Моругина Н. А. Электронное уголовное дело: понятие, история, зарубежный опыт, перспективы // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1(44). С. 84–89.
7. Чурикова А. Ю. Искусственный интеллект в уголовном процессе: взгляд ученых и практиков на проблемы и перспективы // Цифровые технологии и право : Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах, Казань, 22 сентября 2023 года. Казань: Издательство «Познание», 2023. С. 404–414.
8. Химичева О. В. Изменение уголовно-процессуальной формы в условиях цифровизации: новые риски и возможности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 158–164.
9. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
10. Победкин А. В. Цифровизация уголовного судопроизводства - не основание смешения его с иными видами деятельности // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Москва, 26 мая 2023 года / Академия управления МВД России. Том Часть 2. М.: Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 124–129.
11. Рябчиков С. А. Электронный документооборот как центральное звено цифровой платформы уголовного судопроизводства // Технологии XXI века в юриспруденции:

Материалы Шестой всероссийской научно-практической конференции, Екатеринбург, 24 мая 2024 года. Екатеринбург, 2024. С. 109–114.
12. Зуев С. В. Электронное уголовное дело: теоретическая модель // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3(57). С. 83–94.
13. Ахметханов Б. И. Применение блокчейн-технологий в уголовном процессе // Студенческий форум. 2023. № 22-3(245). С. 41–43.
14. Правовые и организационно-технологические гарантии цифрового уголовного судопроизводства. М.: Издательский дом «Юрлитинформ», 2025. 312 с.

1. Aleksandrov A. I. Protivodejstvie korrupcii v sovremennoj Rossii: ugolov-no-pravovy`e i ugolovno-processual`ny`e aspekty` // Aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki protivodejstviya korrupcii v Rossii i za rubezhom : materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Omsk, 17 fevralya 2017 goda. Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2017. S. 17–22.
2. Kuz`min N. A. K voprosu o ponyatii i prirode korrupcii // Rossijskij sledovatel`. 2009. № 24. S. 23–26.
3. Ry`bkina M. V. Sovershenstvovanie mexanizmov protivodejstviya korrupcii v usloviyax cifrovizacii obshhestva // Razvitie sovremennoj nauki i obrazovaniya: inno-vacii v prepodavanii, obuchenii, nauchny`x issledovaniyax : Sbornik materialov Mezh-dunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Arxangel`sk, 19 yanvarya 2024 goda. Arxangel`sk: Institut upravleniya, 2024. S. 66–70.
4. Inshakova A. O. Cifrovy`e texnologii al`ternativny`x metodov razresheniya sporov: zarubezhnaya praktika i perspektivy` primeneniya v Rossii // Pravo i upravlenie. XXI vek. 2018. № 1 (46). S. 23–31.
5. Zuev S. V. Informacionno-texnologicheskij process ugolovnogo sudoproizvod-stva: vopros vremeni // Texnologii XXI veka v yurisprudencii: Materialy` Shestoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 24 maya 2024 goda. Ekaterinburg, 2024. S. 77–82.
6. Morugina N. A. E`lektronnoe ugolovnoe delo: ponyatie, istoriya, zarubezhny`j opy`t, perspektivy` // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2025. № 1(44). S. 84–89.
7. Churikova A. Yu. Iskusstvenny`j intellekt v ugolovnom processe: vzglyad ucheny`x i praktikov na problemy` i perspektivy` // Cifrovy`e texnologii i pravo : Sbornik nauchny`x trudov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii: v 6 tomax, Ka-zan`, 22 sentyabrya 2023 goda. Kazan`: Izdatel`stvo «Poznanie», 2023. S. 404–414.
8. Ximicheva O. V. Izmenenie ugolovno-processual`noj formy` v usloviyax cifro-vizacii: novy`e riski i vozmozhnosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Ros-sii. 2024. № 1. S. 158–164.
9. Golovko L. V. Cifrovizaciya v ugolovnom processe: lokal`naya optimizaciya ili global`naya revolyuciya? // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2019. № 1. S. 15–25.
10. Pobedkin A. V. Cifrovizaciya ugolovnogo sudoproizvodstva – ne osnovanie smesheniya ego s iny`mi vidami deyatel`nosti // Gosudarstvennaya nauchno-texnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravooxranitel`noj deyatel`no-sti: sbornik nauchny`x statej po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 26 maya 2023 goda / Akademiya upravleniya MVD Rossii. Tom Chast` 2. M.: Akademiya upravleniya Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federa-cii, 2023. S. 124–129.
11. Ryabchikov S. A. E`lektronny`j dokumentooborot kak central`noe zveno cifrovoj nstitut` ugolovnogo sudoproizvodstva // Texnologii XXI veka v yurisprudencii: Materialy`

Shestoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 24 maya 2024 goda. Ekaterinburg, 2024. S. 109–114.
12. Zuev S. V. E`lektronnoe ugolovnoe delo: teoreticheskaya model` // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo nstitute MVD Rossii. 2024. T. 15, № 3(57). S. 83–94.
13. Axmetxanov B. I. Primenenie blokchejn-texnologij v ugolovnom processe // Studencheskij forum. 2023. № 22-3(245). S. 41–43.
14. Pravovy`e I organizacionno-texnologicheskie garantii cifrovogo ugolovnogo sudoproizvodstva. M.: Izdatel`skij dom «Yurlitinform», 2025. 312 s.

Информация об авторах

Вадим Сагитьянович Латыпов. Начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент.
Уфимский юридический институт МВД России.
450103, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Муксинова, 2.

Павел Владимирович Фадеев. Профессор кафедры предварительного расследования, доктор юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Vadim S. Latypov. Head of the Criminal Procedure Department. Doctor of Law, Associate Professor.
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
450103, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa. Muxinova Str., 2.

Pavel V. Fadeev. Professor of the Department of Preliminary Investigation. Doctor of Law, Associate Professor.
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 21.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 2(103) 2025 г.

Научная статья
УДК 343

СООТНОШЕНИЕ НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО «ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»

Лушин Иван Александрович
Академия управления МВД России, Москва, Россия

i.lushin2016@yanex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и практические проблемы соотношения превадрительных исследований экспертиз при раскрытии преступлений по «горячим следам». На основе проведённого анализа научной, учебной литературы и правоприменительной практики автор приходит к выводу, что указанные исследования являются неотъемлемыми инструментами изучения следов преступления, обнаруженных при раскрытии преступлений по «горячим следам». Автором обозначены ограничения (пределы), с учётом которых допустимо проведение исследований, осуществляемых специалистом. Предпринята попытка выдвинуть основание разграничения непроцессуальных исследований и экспертиз.

Ключевые слова: по «горячим следам», исследование, экспертиза, предварительные исследования, раскрытие преступлений, специальные знания, методика раскрытия.

Благодарность: работа выполнена при поддержке научного руководителя – профессора кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России доктора юридических наук, профессора Лазаревой Л. В.

Для цитирования: Лушин И. А. Соотношение непроцессуальных исследований и экспертиз при раскрытии преступлений по «горячим следам» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 229–236.

THE RATIO OF NON-PROCEDURAL RESEARCH AND EXPERTISE IN SOLVING CRIMES IN THE "HOT PURSUIT"

Ivan Al. Lushin
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

i.lushin2016@yanex.ru

Annotation. The article discusses the theoretical and practical problems of the correlation of research on documents, objects, corpses and examinations in solving crimes in the "hot pursuit". Based on the analysis of scientific, educational literature and law enforcement practice, the author comes to the conclusion that these studies are essential tools for studying the traces of crime discovered during the detection of crimes in the "hot pursuit". The author identifies the limitations (limits), taking into account which it is permissible to conduct research carried out by a specialist. An attempt has been made to put forward a basis for distinguishing non-procedural research and expertise.

Keywords: hot on the trail, research, expertise, preliminary research, crime detection, special knowledge, disclosure methodology.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Professor of the Department of Crime Investigation Management at the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Lazareva L. V.

For citation: Lushin I.A. The ratio of non-procedural research and expertise in Solving crimes in the "Hot pursuit" // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 229–236.

Раскрытие преступлений по «горячим следам» является одной из наиболее сложных форм изобличения и поимки подозреваемого, так как требует от правоохранительных органов получения результата в течение суток с момента поступления сообщения о преступлении. В связи с дефицитом времени и ограниченностью информации нередко требуется привлечение дополнительных сил и средств. Зачастую сложности появляются при обнаружении следов преступления, их фиксации и использовании. В данных ситуациях возникает необходимость привлечения к раскрытию и расследованию преступлений лиц, обладающих специальными знаниями.

Специальные знания – многоцелевая и обширная категория. Не останавливаясь на дискуссиях, возникающих вокруг указанного понятия, согласимся с Лазаревой Л. В., которая определила, что «специальные знания – это совокупность теоретических знаний и практического опыта в различных сферах человеческой деятельности, в том числе юридических знаний, полученных в ходе специальной подготовки и используемых сторонами и судом для расследования и разрешения уголовных дел в порядке, предусмотренном УПК РФ» [1, с. 12]. Специальные знания дифференцируются по формам. Классическая дифференциация заключается в урегулированности уголовно-процессуальным законодательством указанных форм. В этой связи авторы выделяют процессуальные и непроцессуальные формы [2, с. 15].

Нормативная закреплённость формы специальных знаний, безусловно, является важным, однако не единственным основанием разграничения при осуществлении доказывания. Например, они могут классифицироваться в зависимости от стадии расследования. Безусловно, специальные знания зависят от цели и задач расследования. Однако даже для решений одной задачи могут использоваться формы специальных знаний, которые приближены друг к другу по методу их проведения.

Наиболее схожими формами по внешнему и внутреннему содержанию являются непроцессуальные (предварительные) исследования и экспертизы.

Проанализировав правоприменительную практику раскрытых преступлений по «горячим следам», мы пришли к выводу, что должностные лица неоднозначны в выборе исследования во время раскрытия преступлений по «горячим следам». Причём даже в одном территориальном органе МВД РФ по одним и тем же объектам в двух схожих ситуациях проводились разного рода исследования.

Так, например, заключение эксперта являлось доказательством исследования вещества бурого цвета по уголовному делу, раскрытому в течение суток с момента поступления сообщения о преступлении в ОМВД России по г. Д.[1]. В указанном же территориальном органе МВД РФ исследование вещества бурого цвета проводилось в рамках исследования, проводимого специалистом[2]. Данные факты свидетельствуют о негативном опыте применения указанных видов исследования и нерешённых

[1] Уголовное дело № 1.20.02700024.120168 // Архив Донского городского суда г. Донской. 2020.
[2] Уголовное дело № 1.19.02700024.120371 // Архив Донского городского суда г. Донской. 2010.

теоретических задач. Для более чёткого разграничения исследуемых понятий следует определиться с используемой в данной статье терминологией.

Термин «предварительные исследования» употребляется только в научных кругах. Согласно ст. 144 УПК РФ данное понятие употребляется как исследование документов, предметов, трупов. Также понятие «предварительное» существенно сужает роль и значение данных исследований, обозначая лишь предварение экспертизе. В связи с этим в данной статье мы будем оперировать таким понятием, как «непроцессуальные исследования».

До внесения поправок в ст. 144 УПК РФ исследования были единственным способом решения диагностических и идентификационных задач изучения следов преступления на стадии предварительной проверки сообщения о преступлении. Однако многие криминалисты в течение долгого времени отмечали, что данная форма специальных знаний носит непроцессуальный характер и необходимо ввести возможность производства экспертизы на стадии проверки сообщения. Законодатель в 2013 году внёс поправку в ст. 144 УПК РФ, тем самым разрешив производство экспертизы на этапе доследственной проверки. Казалось бы, данный факт должен был решить давнюю проблему, однако непроцессуальные исследования никуда не исчезли, а также активно применяются. В настоящее время перед следователем стоит выбор: какой вид исследования использовать в условиях ограниченности времени раскрытия и расследования преступлений. Для решения данной проблемы необходимо раскрыть понятие исследований, проводимых на стадии возбуждения уголовного дела.

Глагол «исследовать» означает «внимательно, с тщательностью осматривать кого-либо, что-либо, знакомиться с чем-либо для выяснения, изучения чего-либо»[1]. На основании этого можно резюмировать, что любой вид восприятия следовой картины преступлений является исследованием. Однако законодатель, закладывая смысл в исследование, проводимое в ходе доследственной проверки, имел в виду другое. Необходимо рассмотреть подходы авторов к определению исследований для раскрытия его сущности.

Большинство авторов рассматривает исследование через его цель – получение ориентирующей информации. Так, например, Ищенко П. П. под предварительным исследованием понимает форму использования специальных знаний, предназначенную для исследования следов преступления, установления их отношения к расследуемому событию преступления, установления механизма следообразования и т. д. Также он считал, что данного рода исследования могут быть как непроцессуальными, так и процессуальными (неидентификационные экспертизы) [3, с. 7–8]. Указанная научная точка зрения не является бесспорной, так как по сути предварительные исследования подменяют экспертизы и происходит потеря смысла проведения экспертных исследований. Однако цель, указанная автором, является верной.

Нередко учёные, рассматривая предварительные исследования, понимают их как исследование материалов уголовного дела [4, с. 108]. Мы не поддерживаем данную позицию и считаем, что исследование материалов дела и дача на основе проведённого анализа заключений являются самостоятельными формами использования специальных знаний – консультативно-справочная помощь специалиста.

Сыромля Л. Б. понимала предварительное исследование как непроцессуальное исследование материальных следов, осуществляемое в полевых условиях на месте их обнаружения во временных рамках производства следственных действий [5, с. 89]. В целом согласимся с данным определением, за исключением того, что они проводятся

[1] Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Том 1. А-Л, [Электронный ресурс]. URL:https://gufo.me/dict/efremova (дата обращения: 22.04.2025).

только в полевых условиях, так как не все территориальные органы располагают возможностями проведения исследований на месте. Так, на основе изученных нами уголовных дел только в 3 % от проанализированного массива дел исследования проводилось в «полевых условиях», во всех остальных случаях исследования осуществлялись в криминалистических лабораториях.

Как мы отмечали выше, непроцессуальные исследования не урегулированы нормами уголовно-процессуального законодательства и, соответственно, не урегулирован вопрос оформления их результата. Согласно Наставлению, которое регулирует вопросы организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, результаты исследований оформляются справками об исследовании[1]. Однако некоторые авторы рассматривают возможности оформления результатов исследований в виде заключения специалиста [6, с. 26; 7, с. 76]. Неоднозначна в этом вопросе и правоприменительная практика. Например, в результате проверки финансовой деятельности ООО «В.» заключение специалиста было признано Псковским городским судом в качестве доказательств[2]. В другом случае заключение специалиста являлось результатом исследование вещества и было также признано Сормовским районным судом г. Нижнего Новгорода в качестве доказательства[3]. Причём в аналогичных ситуациях заключение специалиста не признаётся судом в качестве доказательств. Однако заключение специалиста всё-таки является результатом использования специальных знаний в консультативно-справочной форме в ходе исследования материалов уголовного дела. Также мы согласимся с мнением Расуловой Н. С., которая определяет заключение специалиста как результат исследования обстоятельств уголовного дела, которые уже установлены. Это ключевое отличие от заключения эксперта, которое является результатом исследования по установлению новых фактов [8, с. 13] Что касается оформления результатов исследования в виде справки, то авторы предлагают рассматривать её как доказательство в качестве иных документов. Мы не считаем данную позицию правильной, так как возникает вопрос о подмене заключения эксперта. Также по данному поводу Верховный Суд РФ указывал, что «справки … ведомственного или другого исследования, полученные по запросу органов предварительного следствия или суда, не могут рассматриваться как заключение эксперта и служить основанием к отказу в проведении судебной экспертизы»[4]. По нашему мнению, справка об исследовании не должна являться доказательством, она должна служить основой для получения ориентирующей информации, построения следственных версий, а также для основания производства следственных действий и принятия процессуальных решений.

На основании изложенного можно определить характерные признаки исследований:

– является процессуальным действием, которое осуществляется на стадии возбуждения уголовного дела;

---

[1] Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Решение по делу 1-12/2014 (1-408/2013) [Электронный ресурс]. URL:https://rospravosudie.com/court-pskovskij-gorodsko-sud- pskovskaya-oblast-s/act-456962089/ (дата обращения: 27.01.2025).

[3] Решение по делу 1-215/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com/court-sormovskijrajonnyj-sud-g-nizhnijnovgorod-nizhegorodskayaoblast-s/act-495084759/ (дата обращения 27.01.2025).

[4] О судебной экспертизе по уголовным делам [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 21 декабря 2010 г. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

– применяется для получения ориентирующей информации, построения следственных версий, а также для производства следственных действий и принятия процессуальных решений;

– субъектами, проводящими исследования, могут быть следователи, дознаватели, оперативные сотрудники, специалисты;

– методика исследований различна, однако главным условием является то, что она должна быть не разрушающей, чтобы не исключать возможности повторного исследования в виде экспертизы.

Другим видом исследованием является экспертиза. Со времени внесения экспертизы в ст. 144 УПК РФ данные исследования стали незаменимым средством для принятия решения о возбуждения уголовного дела. Однако эффективность экспертизы в ходе раскрытия преступлений по «горячим следам» не такая высокая, так как отдельные экспертные исследования занимают большое количество времени. Низкий процент назначения экспертиз при раскрытии преступлений по «горячим следам» можно объяснить тем, что процедура назначения состоит из нескольких этапов:

– вынесение постановления процессуальным лицом;

– направление постановления руководителю ЭКП;

– выбор эксперта или группы экспертов для производства исследования;

– производство экспертного исследования;

– оформление результатов;

– передача результатов руководителю ЭКП;

– передача результатов должностному лицу, вынесшему постановление о производстве экспертиз.

Очевидно, что проведение указанной процедуры трудноосуществимо в течение дежурных суток.

В отличие от исследований, результаты экспертизы оформляются заключением эксперта, которое согласно уголовно-процессуальному законодательству относится к виду доказательств. В связи с этим для должностного лица, осуществляющего раскрытие преступлений по «горячим следам», предпочтительнее использование экспертизы.

Исходя из изложенных характеристик, можно провести соотношение между исследованиями и экспертизами.

Общее:

1) методика проведения идентична;

2) проводятся лицом, обладающим специальными знаниями;

3) могут осуществляться в ходе раскрытия преступлений по «горячим следам»;

4) проводятся не автономно специалистом и экспертом, а по инициативе субъекта, осуществляющего раскрытие преступлений.

Отличия:

1) разные результаты исследования и экспертизы и разное значение их применения;

2) различная процедура назначения.

На основании приведённой сравнительной характеристики можно определить соотношение исследований и экспертиз, используемых в раскрытии преступлений по «горячим следам», учитывая сложившиеся подходы к имеющейся проблеме.

Каторгина Н. П. предлагает использовать экспертизу для выявления признаков состава преступления, а предварительные исследования – для сбора оперативной информации [9, с. 199]. В целом мы разделяем указанную позицию, однако вопросы,

решаемые экспертными исследованиями, шире, чем выявление признаков состава преступления.

Лавров В. П. определял, что для успешного раскрытия преступлений по «горячим следам» целесообразно проводить предварительное исследования объекта на месте происшествия, а после возбуждения уголовного дела экспертное исследование того же объекта [10, с. 39] Не считаем данное положение обоснованным, так как несколько исследований одного и того же объекта бессмысленно затрачивают ресурсы ОВД РФ и затягивают весь процесс расследования, также появляется возможность разрушения или изменения объекта исследования. Данное положение отражено в Наставлении по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России, где указано, что «сотрудник ЭКП при проведении предварительного исследования применяет только те методы, которые не вызывают изменения вида и свойств объектов исследования и не исключают возможности в случае необходимости последующего производства судебной экспертизы».

Однако в указанном нормативно-правовом акте имеется оговорка, что при наличии письменного согласия инициатора предварительного исследования данное исследование может проводиться, если оно невозможно без изменения свойств объекта. Указанное положение и приводит к такой проблеме, как потеря количественных и качественных характеристик исследуемого объекта, например при исследовании наркотических средств, что исключает проведение повторного исследования в виде экспертизы. Зачастую данная ситуация складывается, когда инициатор исследования и субъект, назначающий экспертизу, – разные должностные лица.

Основываясь на вышесказанном, можно отметить, что использование исследований сопровождается следующими ограничениями:

1) не применяется, если присутствует возможность частичного или полного разрушения исследуемого объекта, а также его изменения;

2) используется только для решения диагностических задач, получения ориентирующей информации;

3) осуществляется до возбуждения уголовного дела.

На основании вышеизложенного можно отметить, что грань, проходящая между исследованиями и экспертизами при раскрытии преступлений по «горячим следам», тонкая. По нашему мнению, целесообразно учитывать свойства исследуемого объекта, а именно: будет ли он изменён или разрушен в ходе исследования или не исключается ли возможность проведения повторного исследования. В данной связи для выбора исследования следователю необходимо проводить консультации со специалистом о методике, которая будет применена в ходе изучения объекта. В свою очередь, в научных кругах ведутся дискуссии о понятиях разрушающего и неразрушающего методов. Не останавливаясь на рассмотрении споров об указанных методах, отметим, что они неоднозначны. Так, по своей сути неразрушающий метод не исключает повторного исследования объекта, однако его целостность может быть нарушена. Россинская Е. Р. отмечает, что при использовании неразрушающих методов состав исследуемых объектов может остаться неизменным, однако нарушается целостность объекта и изменяются его характеристики [11, с. 90]. Тем не менее у следователя могут возникнуть сомнения в возможности сохранения объекта после исследования. В этой связи особо важны консультации с лицом, обладающим специальными знаниями о методике проведения конкретного исследования и сохранности объекта после её проведения.

На основании изложенного мы считаем, что при раскрытии преступлений по «горячим следам» выбор производства исследования или экспертизы должен

основываться на методике (разрушающей или неразрущающей), а также свойствах исследуемого объекта.

Таким образом, можно отметить, что разграничение рассматриваемых в статье форм специальных знаний является важным элементом, обеспечивающим успешное раскрытие преступлений по «горячим следам». Лица, осуществляющие раскрытие преступлений по «горячим следам», использующие исследования и экспертизы, должны исходить из конкретной следственной ситуации, складывающейся в указанное время, задач, которые необходимо решить, а также возможностей, которыми они располагают. При этом не стоит идти по более простому пути. Следует отметить, что проблемы разграничения проанализированных исследований находятся намного глубже и заключаются в чётком разграничения институтов специалиста и судебной экспертизы.

---

1. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … д-р. юрид. наук. Владимир, 2011. 43 с.
2. Сорокотягин И. Н., Глазырин Ф. В., Евдокимова Н. С. Использование специальных познаний при расследовании преступлений: учеб. пособие. Свердловск: УрГУ, 1978. 80 с.
3. Ищенко П. П. Получение розыскной информации в ходе предварительного исследования следов преступления. М.: Берегиня, 1994. 190 с.
4. Зинин А. М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. М. Проспект. 2011. 160 с.
5. Сыромля Л. Б. О толковании предварительного исследования следов в криминалистике и уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 7. С. 89–91.
6. Данилкин И. А. Оформление результатов предварительных исследований в форме заключения специалиста // Судебная экспертиза. 2010. № 3. С. 20–30.
7. Шаевич А. А. Об использовании заключения специалиста в качестве доказательства в уголовном процессе России // Вестник криминалистики. 2012. Вып. 1 (41). С. 76–77.
8. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. М., 2022. 237 с.
9. Каторгина Н. П. О разграничении судебной экспертизы, предварительных исследований и консультаций специалиста в уголовном судопроизводстве // Научные ведомости БелГУ. 2012. № 22. 199–203.
10. Лавров В. П., Сидоров В. Е. Расследование преступлений по горячим следам: Учеб. пособие. М.: ВЮЗШ, 1989. 56 с.
11. Россинская Е. Р. Эффективность судебно-экспертной деятельности сквозь призму судебной экспертологии // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 2. С. 85–90.

1. Lazareva L. V. Konceptual`ny`e osnovy` ispol`zovaniya special`ny`x znanij v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: avtoref. dis. d-r. yurid. nauk. Vladimir, 2011. 43 s.
2. Sorokotyagin I. N., Glazy`rin F. V., Evdokimova N. S. Ispol`zovanie special`ny`x poznanij pri rassledovanii prestuplenij: ucheb. posobie. Sverdlovsk: UrGU, 1978. 80 s.
3. Ishhenko P. P. Poluchenie rozy`sknoj informacii v xode predvaritel`nogo is-sledovaniya sledov prestupleniya. M.: Bereginya, 1994. 190 s.
4. Zinin A. M. Uchastie specialista v processual`ny`x dejstviyax: uchebnik. M. Prospekt. 2011. 160 c.

5. Sy`romlya L. B. O tolkovanii predvaritel`nogo issledovaniya sledov v krimina-listike i ugolovnom processe // Probely` v rossijskom zakonodatel`stve. 2018. № 7. S. 89–91.
6. Danilkin I. A. Oformlenie rezul`tatov predvaritel`ny`x issledovanij v forme zaklyucheniya specialista // Sudebnaya e`kspertiza. 2010. № 3. S. 20–30.
7. Shaevich A. A. Ob ispol`zovanii zaklyucheniya specialista v kachestve dokaza-tel`stva v ugolovnom processe Rossii // Vestnik kriminalistiki. 2012. Vy`p. 1 (41). S. 76–77.
8. Rasulova N. S. Zaklyuchenie specialista kak sredstvo dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2022. 237 c.
9. Katorgina N. P. O razgranichenii sudebnoj e`kspertizy`, predvaritel`ny`x is-sledovanij i konsul`tacij specialista v ugolovnom sudoproizvodstve // Nauchny`e ve-domosti BelGU. 2012. № 22. 199–203.
10. Lavrov V. P., Sidorov V. E. Rassledovanie prestuplenij po goryachim sledam: Ucheb. posobie. M.: VYuZSh, 1989. 56 c.
11. Rossinskaya E. R. E`ffektivnost` sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti skvoz` priz-mu sudebnoj e`kspertologii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 85–90.

Информация об авторе

Иван Александрович Лушин. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Ivan Al. Lushin. Adjunct.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 30.01.2025; approved after review on 26.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.98

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Медведева Татьяна Викторовна
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

Taniavbel@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия экстремизма, а также его классификации в современном обществе. Актуальность обусловлена ростом числа экстремистских актов во всем мире, их трансграничным характером и использованием современных технологий для распространения экстремистской идеологии. Глобализация и информатизация создают благоприятную почву для распространения радикальных идей, а быстрое развитие социальных сетей и интернет-платформ усиливает возможности для вербовки и координации действий экстремистских групп. Для эффективного противодействия экстремизму необходим комплексный подход, включающий как жесткие меры по пресечению экстремистской деятельности, так и профилактические меры, направленные на предотвращение радикализации и формирование в обществе атмосферы толерантности и взаимопонимания. Постоянный мониторинг ситуации, анализ новых методов и форм экстремизма, а также адаптация стратегий противодействия к изменяющимся условиям являются необходимыми условиями для обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: экстремизм, миграция, экстремистская деятельность, иностранные граждане, экстремистские организации, национальная безопасность.

Для цитирования: Медведева Т. В. Экстремизм, как негативное социально-правовое явление: классификация экстремистских проявлений в современном обществе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 237–244.

CLASSIFICATION OF EXTREMIST MANIFESTATIONS IN MODERN SOCIETY

Tatyana V. Medvedeva
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

Taniavbel@yandex.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the concept of extremism, as well as its classification in modern society. The relevance is due to the growing number of extremist acts throughout the world, their cross-border nature and the use of modern technologies to spread extremist ideology. Globalization and information technology create fertile ground for the spread of radical ideas, and the rapid development of social networks and Internet platforms increases opportunities for recruitment and coordination of actions by extremist groups. To effectively combat extremism, a comprehensive approach is needed, including both tough measures to suppress extremist activity and preventive measures aimed at preventing radicalization and creating an atmosphere of tolerance and mutual understanding

in society. Constant monitoring of the situation, analysis of new methods and forms of extremism, as well as adaptation of counteraction strategies to changing conditions are necessary conditions for ensuring national security.

Keywords: extremism, migration, extremist activity, foreign citizens, extremist organizations, national security.

For citation: Medvedeva T. V. Extremism as a negative socio-legal phenomenon: classification of extremist manifestations in modern society// Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. 2025. № 2(103). P. 237–244.

Проблема экстремизма в России является одной из наиболее актуальных и сложных для национальной безопасности. Понимание его сущности, содержания и эффективных методов противодействия требует комплексного подхода, учитывающего многообразие форм и проявлений этого явления. Экстремизм – это идеология и практика, характеризующаяся применением насилия или угрозой его применения, а также другими противоправными действиями, направленными на насильственное изменение конституционного строя, подрыв безопасности государства, создание угрозы жизни и здоровью граждан, дестабилизацию общественной жизни. Ключевыми признаками экстремизма являются: радикализм, нетерпимость, стремление к доминированию, использование насилия или угрозы его применения для достижения своих целей. Важно отметить, что экстремизм может проявляться в различных формах, от индивидуального до организованного, от политического до религиозного. Экстремизм является одной из наиболее сложных проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием его проявлений, неоднородным составом экстремистских организаций, которые угрожают национальной безопасности Российской Федерации.

На сегодняшний день в политико-правовой практике бытуют следующие значения: в толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой экстремизм определяется как приверженность крайним взглядам и методам (преимущественно в политике) [1, с. 20].

Экстремизм, в широком смысле, представляет собой использование крайних, зачастую насильственных методов для достижения политических, идеологических или иных целей. Он характеризуется нетерпимостью к иным мнениям, стремлением к доминированию и подавлению иных взглядов, часто сопровождается применением насилия или угрозой его применения. С социально-правовой точки зрения экстремизм – это противоправная деятельность, нарушающая общественный порядок, права и свободы граждан, угрожающая национальной безопасности. Его проявления варьируются от отдельных актов вандализма до масштабных террористических атак, организованных экстремистскими группами. Юридическое определение экстремизма варьируется в зависимости от законодательства конкретного государства, но, как правило, включает в себя такие элементы, как подстрекательство к ненависти, насилию или дискриминации, создание экстремистских организаций и пропаганда экстремистских идей.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в статье 1 раскрывает нам понятие экстремизма, как «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности Российской Федерации, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности, возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной роз-

ни, связанной с насилием или призывами к насилию, унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности»[1].

Экстремизм наносит значительный ущерб обществу и государству. Он подрывает социальную стабильность, разрушает межнациональные и межконфессиональные отношения, порождает страх и неуверенность в завтрашнем дне. Экстремистская деятельность ведет к жертвам среди мирного населения, материальным потерям, дестабилизации экономической и политической ситуации. Кроме того, борьба с экстремизмом требует значительных финансовых и людских ресурсов от государства, отвлекая их от решения других важных социальных проблем.

Ежегодно правоохранительные органы выявляют свыше 1 тыс. преступлений экстремистской направленности. По итогам 2024 года число экстремистских преступлений выросло на 28,3 % до 1719 (2023 год – 1340), это свидетельствует как о повышении эффективности деятельности правоохранительных органов в этой сфере, так и о сохранении очень высокого уровня экстремистских угроз[2].

Преступления экстремистской направленности вызывают повышенный общественный резонанс и дестабилизируют общественно-политическую и социально-экономическую обстановку как в отдельных регионах России, так и в стране в целом. Серьезная угроза общественной безопасности обозначилась всё более дерзкими проявлениями экстремизма со стороны иностранных граждан. В 2024 году произошло увеличение числа случаев экстремистского характера, которые были совершены мигрантами. Председатель Следственного Комитета России также отметил, что иностранные граждане совершили 253 преступления террористического характера. По словам Бастрыкина, зачастую совершающие преступления иностранцы находятся на незаконном положении в Российской Федерации, бесконтрольно перемещаются по территории страны, а также регулярно нарушают миграционное законодательство[3].

Экстремистские проявления чрезвычайно разнообразны и могут быть классифицированы по нескольким критериям. Один из наиболее распространенных подходов – классификация по мотивам:

– политический экстремизм: стремление к захвату власти путем насилия или свержению существующего политического строя. Это может включать в себя террористические акты, государственные перевороты, вооруженные восстания;

– религиозный экстремизм: использование религиозных догматов и символов для оправдания насилия и дискриминации. Часто проявляется в форме религиозного терроризма, фанатизма и религиозной нетерпимости;

– национальный экстремизм: пропаганда национальной исключительности, ксенофобии и расизма, направленная на дискриминацию этнических и религиозных меньшинств;

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[2] Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[3]Расширенное заседание коллегии об итогах работы следственных органов ведомства в 2024 году и задачах на 2025 год [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

– идеологический экстремизм: пропаганда крайних идеологий, таких как фашизм, нацизм, анархизм, которые оправдывают насилие и подавление инакомыслия.

Другой подход к классификации – по методам действия:

– насильственный экстремизм: использование физического насилия, террористических актов, убийств, похищений;

– ненасильственный экстремизм: пропаганда ненависти, дискриминации, использование информационных технологий для распространения экстремистской идеологии [2, с. 40].

Экстремизм представляет собой сложный комплекс угроз, затрагивающий различные аспекты жизни общества. К наиболее серьезным угрозам относятся:

– терроризм: применение насилия с целью запугивания населения и достижения политических целей;

– дестабилизация общества: подрыв общественного порядка, разжигание межнациональной и межрелигиозной розни;

– потеря человеческих жизней: жертвы актов насилия, социальные и психологические последствия для пострадавших;

– экономический ущерб: разрушение инфраструктуры, потеря инвестиций, рост расходов на безопасность.

Экстремистские организации, находящиеся на территории Российской Федерации пытаются обострить обстановку в России. Для этого экстремисты содействуют проникновению представителей деструктивных сил в органы государственной власти и местного самоуправления, где они пытаются продвинуть свои идеи сепаратизма. Одним из основных способов дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации это - привлечение представителей различных слоев населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях, которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки. В этих целях все чаще применяются различные методы манипулирования общественным мнением, распространением недостоверной информации, которые способствуют усилению радикальных и экстремистских настроений в российском обществе [3, с. 50].

Также экстремистские организации все чаще вербуют несовершеннолетних лиц, поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах, таких как не достигших шестнадцатилетнего возраста, или если лицо, впервые совершило преступление, предусмотренное ст.ст. 282.1, 282.2, и добровольно прекратило участие в деятельности экстремистского сообщества, освобождается от уголовной ответственности, и если в его действиях не содержится иного состава преступления, то они не подлежат уголовной ответственности.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» экстремистская организация – общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которой, по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности», судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности[1]. По своей сути, экстремистская организация, представляет собой авторитарно-иерархическую организацию. Любая авторитарно-иерархическая организация будь то политическая, религиозная, образовательная, коммерческая или психотерапевтическая имеет свою практическую, обманную вербовку для зависимости и покорности

[1] О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

своих членов, происходит это в форме организации различного рода групп, обещающих своим «близким» последователям ценные для них блага – духовные, социальные, материальные в обмен на полное подчинение своему лидеру и не может возникнуть «сама по себе» - у нее есть конкретный автор, как правило он же, создатель и идейный вдохновитель экстремистской ячейки, из которой в дальнейшем возникает полноценное экстремистское сообщество [3, с. 55].

В современных социально-политических условиях крайним проявлением экстремизма является терроризм. Угроза терроризма будет сохраняться до тех пор, пока существуют источники и каналы распространения экстремистской идеологии. Сторонники экстремистской идеологии могут быть настолько одержимы сознанием правоты и законности, предъявляемых ими требований, что вольно или невольно подгоняют многообразие жизненных ситуаций и процессов к видению мира через призму этой идеологии. Исторические прецеденты достижения целей непопулярными средствами позволяют лидерам экстремизма создавать аналогичные прецеденты, надеясь, что история их оправдает.

Особую тревогу вызывает проникновение из других государств радикальных течений ислама, проповедующих их исключительность и насильственные методы распространения. Идеологами радикальных течений ислама в России являются, прежде всего, члены международных экстремистских и террористических организаций и выпускники зарубежных теологических центров, где преподаются основы этих религиозных течений. Отмечаются попытки создания в различных регионах России центров обучения и тренировочных лагерей запрещенных международных экстремистских и террористических организаций [4, с. 60].

Одним из факторов, способствующих возникновению экстремистских проявлений, является сложившаяся в отдельных субъектах Российской Федерации неблагоприятной ситуации с противоправной деятельностью мигрантов. Это нарушает национальный и религиозный баланс, кроме того, мигранты вовлекаются в экстремистские и террористические организации, распространяют радикальные идеи и участвуют в подрывных акциях. Как следует из выступления председателя Следственного комитета России Александра Бастрыкина на итоговой коллегии 5 февраля 2025 года «серьезная угроза общественной безопасности обозначилась все более дерзкими проявлениями экстремизма со стороны иностранных граждан, иностранцами совершено 253 преступления террористического характера – это больше, чем в 2023 году. Материалы уголовных дел показывают, что зачастую преступления совершаются мигрантами, которые находятся на незаконном положении, бесконтрольно перемещаются по территории страны, систематически нарушают предписания миграционного законодательства».

В условиях проводимой с 24 февраля 2022 года специальной военной операции на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины, с учетом приграничного положения Белгородской области особое внимание уделяется преступлениям экстремистской направленности. А именно на территории Белгородской области за 12 месяцев 2024 года Центром по противодействию экстремизму УМВД России по Белгородской области выявлено 21 преступление, из них 11 преступлений экстремистской направленности (ст. 282 УК РФ – 4, ст. 280 УК РФ – 6, ст. 116 УК РФ – 1), 8 террористического характера (ст.205 УК РФ – 7, ст. 222.1 УК РФ – 1, ст. 281 УК РФ – 1), а также 1 преступление против основ конституционного строя ч. 3 ст. 281 УК РФ. С целью выявления и пресечения противоправной деятельности сторонников экстремистских организаций, в текущем году сотрудниками Центра по противодействию экстремизму УМВД России по Белгородской области проводились мероприятия, направленные на усиление контроля за процессами, происходящими в информационном пространстве сети Интернет по выявлению, блокировке сайтов и страниц, пропагандирующих экстремистские идеи, а также лиц, их администрирующих.

В связи с введением 9 августа 2024 года на территории Белгородской области режима контртеррористической операции во взаимодействии с сотрудниками Управления федеральной службы безопасности России по Белгородской области, Пограничного управления ФСБ России по Белгородской и Воронежской областям, Управлением Росгвардии по Белгородской области в 2024 году была налажена совместная работа по выявлению и предотвращение террористических актов и экстремистских проявлений, лиц, участвующих в их подготовке и их пособников, выявление и розыск диверсионно-разведывательных групп и их пособников, добыванию информации о маршрутах их передвижения и каналах проникновения в зону оперативной ответственности, местах хранения средств террора, планах и замыслах по совершению диверсионно-террористических актов.

По мнению ряда ученых, проявления экстремизма в молодежной среде в настоящее время стали носить более опасный для общества характер, чем за все прошлые периоды существования государства [4, с. 71]. Экстремизм в молодежной среде стал в нашей стране массовым явлением. Именно молодежь представляет собой группу риска, склонную к агрессивно-экстремистским действиям. В силу своего возраста, молодые люди характеризуются такими психологическими особенностями, как максимализм и нигилизм, радикализм и нетерпимость, безоглядность и непримиримость, мировоззренческая неустойчивость и неудачи в поиске самоидентичности, которые при определенных жизненных условиях и наличии питательной среды могут выступить пусковым механизмом их антисоциальной активности.

Сильную тревогу вызывает распространение радикализма в спортивной среде, в том числе в спортивных школах и клубах спортивных единоборств, а также проникновение приверженцев экстремистской идеологии в тренерско-преподавательский состав. Лидеры экстремистских организаций в своей деятельности ориентируются преимущественно на молодежь, при этом повышенное внимание они проявляют к отличающимся высокой степенью организованности неформальным объединениям националистов, организациям футбольных болельщиков, активно вовлекая их членов в свои ряды, провоцируя на совершение преступлений экстремистской направленности, в том числе в ходе проведения спортивных и культурных мероприятий. На территории Белгородской области большое внимание уделяется профилактике экстремистских проявлений в подростковой и молодежной среде, а также пресечению попыток вовлечения студентов в проведение незаконных протестных массовых акций и вовлечение в деструктивные группы, Центром по противодействию экстремизму во взаимодействии с Министерством по делам молодежи Белгородской области и Министерством культуры Белгородской области в учебных заведениях высшего и среднего звена проводятся практические занятия, тематические беседы, «круглые столы». Совместно с представителями высших учебных заведений на постоянной основе проводятся профилактические мероприятия в отношении студентов, прибывших с территории арабских стран, в том числе Израиля и Палестины.

Дополнительную угрозу стабильности российского общества представляет деятельность отдельных иностранных некоммерческих неправительственных организаций, ряда общественных и религиозных объединений и их структурных подразделений, связанная с распространением экстремистской идеологии [5, с. 201].

Экстремизм, это одно из наиболее опасных явлений безопасности мирового сообщества, представляющее угрозу для всего общества, как совершаемыми преступлениями, так и разрушением общепризнанных норм морали, права и человеческих ценностей, в виде формы радикального отрицания существующих общепризнанных общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп и его следует определять, как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далёкие от общепринятых. Экстремизм ис-

пользуется не только в качестве прямого способа достижения политических, идеологических и социальных целей, но и являются инструментом публичности и устрашения, наводя страх и ужас на людей, тем самым производится психологическое воздействие с точки зрения привлечения общественного внимания и подрыва авторитета государства в обеспечении безопасности своих граждан [6, с. 150].

Таким образом, в заключение хотелось бы сказать, что для эффективного противодействия экстремизму необходим комплексный подход, включающий:

усиление законодательной базы: совершенствование законодательства о противодействии экстремизму, ужесточение ответственности за экстремистские преступления;

повышение эффективности деятельности правоохранительных органов: обучение сотрудников правоохранительных органов методам выявления и пресечения экстремистской деятельности;

блокирование доступа к экстремистским ресурсам в интернете: активная борьба с распространением экстремистской пропаганды в сети;

пропаганда толерантности и межкультурного диалога: формирование в обществе атмосферы нетерпимости к экстремизму, продвижение ценностей мира и взаимопонимания;

социально-экономические меры: решение проблем социальной несправедливости, создание условий для социальной интеграции маргинализированных групп населения;

международное сотрудничество: координация усилий государств в борьбе с международным терроризмом.

Эффективность противодействия экстремизму во многом зависит от координации усилий всех участников процесса: правоохранительных органов, спецслужб, судебной системы, образовательных учреждений, средств массовой информации и гражданского общества. Только комплексный подход, основанный на профилактике, пресечении и наказании экстремистов, позволит снизить уровень экстремистской угрозы в России. В этом контексте особое значение приобретает работа с молодежью, формирование у нее гражданской позиции и непримиримости к насильственным методам решения проблем. Постоянный мониторинг ситуации и анализ опыта борьбы с экстремизмом в других странах также являются важными компонентами этой работы.

---

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
2. Ерыгин А. А. Организационно-правовые основы противодействия религиозному экстремизму в Российской Федерации: учебное пособие. Белгород: Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2021. 87 с.
3. Размахов К. Е. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. 130 с.
4. Горохова В. В. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. 194 с.
5. Самойлов С. Ф. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие. Краснодар: Краснодарский университет МВДР России, 2023. 388 с.
6. Сальников Е. В. Религиоведение и основы противодействия религиозному экстремизму: учебное пособие. Орел: Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. 168 с.

7. Антонян Ю. М., Рачицкая В. А. Понятие и причины экстремизма // Научный портал МВД России. 2021. № 4(56). С. 21–29.
8. Морозов И. Л. Политический экстремизм – леворадикальные течения: учеб. пособие для студентов и аспирантов. Волжский: Изд-во ВФ МЭИ, 2002. 70 с.
9. Ячменев С. П., Степанов Г. И., Овсепян Г. М. О проблеме экстремизма и терроризма как последствиях развития социальных отношений в XXI в // Административное право и процесс. 2022. № 5. С. 60–63.

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka: 80 000 slov i frazeologicheskix vy`razhenij / Ros. akad. nauk. In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dop. M.: Azbukovnik, 1999. 944 s.
2. Ery`gin A. A. Organizacionno-pravovy`e osnovy` protivodejstviya religioznomu e`kstremizmu v Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie. Belgorod: Bel YuI MVD Rossii imeni I.D. Putilina, 2021. 87 s.
3. Razmaxov K. E. Religiovedenie i osnovy` protivodejstviya religioznomu e`ks-tremizmu: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2022. 130 s.
4. Goroxova V. V. Religiovedenie i osnovy` protivodejstviya religioznomu e`ks-tremizmu: uchebnoe posobie. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2023. 194 s.
5. Samojlov S. F. Religiovedenie i osnovy` protivodejstviya religioznomu e`ks-tremizmu: uchebnoe posobie. Krasnodar: Krasnodarskij universitet MVDR Rossii, 2023. 388 s.
6. Sal`nikov E. V. Religiovedenie i osnovy` protivodejstviya religioznomu e`ks-tremizmu: uchebnoe posobie. Orel: Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova, 2022. 168 s.
7. Antonyan YU. M., Rachickaya V. A. Ponyatie i prichiny ehkstremizma // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2021. № 4(56). S. 21–29.
8. Morozov I. L. Politicheskij ehkstremizm – levoradikal'nye techeniya: ucheb. posobie dlya studentov i aspirantov. Volzhskij: Izd-vo VF MEHI, 2002. 70 s.
9. Yachmenev S. P., Stepanov G. I., Ovsepyan G. M. O probleme ehkstremizma i terror-izma kak posledstviyakh razvitiya social'nykh otnoshenij v XXI v // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 5. S. 60–63.

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Медведева. Старший преподаватель кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71.

Information about the author

Tatyana V. Medvedeva. Senior Lecturer at the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies.
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, Belgorod, Russia.
308024, Russia, Belgorod, Gorky Str., 71.

Статья поступила в редакцию 16.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 16.04.2025; approved after review on 25.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ «ИЗБРАНИЕ» И «ПРИМЕНЕНИЕ» В КОНТЕКСТЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Назарова Мария Денисовна[1], Ляпин Алексей Иванович[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия

[1]mari_denisova_2019@mail.ru
[2]lyapin@mail.ru

Аннотация. В рамках настоящей статьи авторами соотносятся понятия «избрание» и «применение» в контексте их реализации при наложении ареста на имущество в уголовном судопроизводстве. Проанализировав имеющиеся в доктрине уголовного процесса позиции учёных относительно рассматриваемого вопроса, а также на основании анализа норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, норм УПК некоторых стран СНГ, авторы приходят к выводу, что процесс применения наложения ареста на имущество включает в себя, прежде всего, избрание данной меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: «избрание» и «применение» мер процессуального принуждения, наложение ареста на имущество, нормы уголовно-процессуального законодательства, соотношение понятий, доктрина юридической науки, меры пресечения, общая теория права, уголовное судопроизводство.

Для цитирования: Назарова М. Д., Ляпин А. И. К вопросу о разграничении юридических понятий «избрание» и «применение» в контексте наложения ареста на имущество // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 245–251.

DIFFERENTIATION OF LEGAL CONCEPTS ‘ELECTION’ AND ’APPLICATION’ IN THE CONTEXT OF SEIZURE OF PROPERTY

Maria D. Nazarova[1], Alexey Iv. Lyapin[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,Voronezh, Russia

[1]mari_denisova_2019@mail.ru
[2]lyapin@mail.ru

Annotation. Within the framework of this article, the authors correlate the concepts of "election" and "application" in the context of their implementation when property is seized in criminal proceedings. Having analyzed the positions of scientists available in the doctrine of criminal procedure regarding the issue under consideration, as well as on the basis of an analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the CPC RF), as well as the norms of the CPC of some CIS countries, the authors conclude that the process of applying the seizure of property primarily includes the choice of this measure of procedural coercion.

Keywords: "selection" and "application" of procedural coercion measures; seizure of property; norms of criminal procedure legislation; correlation of concepts; doctrine of legal science; preventive measures; general theory of law; criminal proceedings.

For citation: Nazarova M. D., Lyapin A. I. Differentiation of legal concepts ‘election’ and ’application’ in the context of seizure of property // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 245–251.

Современное уголовное судопроизводство не представляется цельным без применения мер процессуального принуждения. Из анализа правоприменительной практики следует, что в рамках производства по уголовному делу может применяться несколько разноплановых мер процессуального принуждения (например, заключение под стражу и наложение ареста на имущество и т. д.). Среди мер уголовно-процессуального принуждения немаловажную роль играют иные меры, закреплённые в главе 14 УПК РФ, которые преследуют две цели: 1) обеспечение надлежащего осуществления уголовного судопроизводства, 2) возмещение причинённого преступлением ущерба. Законодательную регламентацию иные меры процессуального принуждения находят, как уже было отмечено ранее, в главе 14 УПК РФ, где каждой из мер посвящена отдельная статья. Общей для всех иных мер является ст. 111 УПК РФ, которая формулирует основания реализации данных мер. Итак, часть 1 ст. 111 УПК РФ гласит «…вправе применить… меры процессуального принуждения…», в числе которых есть наложение ареста на имущество, регламентированное ст. 115 УПК РФ. Поскольку научный интерес представляет именно наложение ареста на имущество, то рассмотрение заявленной тематики статьи будет осуществляться на его примере. Обратившись к упомянутой норме, можно заметить, что законодатель использует формулировку «…возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество…». В одной норме законодатель использует термин «применить», а в другой о применении речи не ведётся. Анализируя ст. 115 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что порядок получения разрешения о наложении ареста схож с порядком избрания мер пресечения, реализуемых по судебному решению. Однако следует отметить, что, несмотря на сходство процедур, сопутствующих применению наложения ареста на имущество, при его регламентации законодатель не использует термин «избрание», которым он апеллирует в контексте мер пресечения.

Изучение норм УПК РФ позволяет дифференцировать следующее разграничение терминов «избрание» и «применение» в отношении к мерам пресечения по следующим дефинициям. Итак, нормы действующего законодательства под «применением» определяют процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до её отмены или изменения (п. 29 ст. 5 УПК РФ). «Избрание» трактуется как принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения (п. 13 ст. 5 УПК РФ)[1]. В сфере регламентации мер пресечения законодателем используются оба рассматриваемых термина.

Проанализировав нормативную регламентацию наложения ареста на имущество в законодательстве стран СНГ на примере республики Беларусь, можно сделать вывод о том, что при построении норм УПК рассматриваемого государства законодатель в общей для всех иных мер процессуального принуждения статье УПК РБ использует аналогично с нашим УПК РФ термин «применение» (ст. 128 УПК РБ). В свою же

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52, ст. 4921.

очередь, при регламентации непосредственного наложения ареста на имущество законодателем используется следующая формулировка: «…вправе наложить…»[1]. Также следует отметить, что в рассматриваемом документе имеется норма, разъясняющая некоторые понятия и определения, используемые в УПК РБ (ст. 6), в которой не акцентируется внимание на таких понятиях, как «избрание» и «применение». В УПК Республики Молдова можно встретить иную трактовку в регламентации рассматриваемой меры процессуального принуждения, такую как «… судебная инстанция разрешает…»[2]. Из анализа уголовно-процессуального законодательства напрашивается вывод о том, что в каждом государстве индивидуальное нормативное регулирование рассматриваемой меры процессуального принуждения, а также оперирование процессуальной терминологией. В связи с чем при разграничении терминов «избрание» и «применение» опереться на законодательное регулирование данного вопроса в нормах УПК рассмотренных в рамках настоящей статьи стран СНГ мы не можем, следовательно, имеется необходимость обратиться к юридической литературе.

Как уже было отмечено ранее, в уголовно-процессуальном законодательстве России анализируемые понятия рассматриваются применительно к мерам процессуального принуждения, подобная ситуация сложилась и на страницах юридической печати. Однако видится целесообразным их разграничение и определение значения и в части реализации наложения ареста на имущество, поскольку, как уже было акцентировано внимание ранее, меры пресечения, применяемые на основании судебного решения и наложение ареста на имущество, имеют схожий порядок реализации.

Прежде чем перейти к рассмотрению соотношения рассматриваемых понятий в доктрине юридических наук, следует остановиться на их интерпретации в русском языке. Итак, обратившись к толковому словарю Ожегова С. И. и Шведовой Н. Ю., мы видим следующее: «применить» – осуществить на деле, на практике; а «избрать» трактуется как определить нужное, предпочитаемое [1, с. 238, 594]. В доктрине юридических наук значению рассматриваемых терминов на примере мер пресечения уделялось внимание в контексте разного рода научных работ учёными-процессуалистами, такими как Капинус Н. И. [2, с. 19-20], Диваев А. Б. [3, с. 90-91], Судницын А. Б., Воронов Д. А. [4, с. 8] и многими другими исследователями. Однако единая позиция так и не была достигнута. Бондаренко И. П., проанализировав термин «применение», закреплённый в ст. 5 УПК РФ, пришёл к выводу, что нормы УПК РФ связывают момент начала применения мер пресечения с принятием решения о её избрании. Автор считает, что в данное понятие не включается деятельность по избранию мер пресечения в части мер, не требующих решения суда [5, с. 338].

Замуруева Е. Ю. и Муравьев К. В. в рамках монографического исследования провели опрос практических сотрудников в части, касающейся разграничения понятий «избрание» и «применение» в контексте мер пресечения. В итоге исследователи пришли к выводу о том, что практические работники придерживаются предписаний ст. 5 УПК РФ, в связи с чем в их понимании «избрание» – это деятельность по принятию решения, а «применение» – деятельность после избрания [6, с. 9]. А сами авторы в ходе исследования пришли к выводу, что применение будет являться более широким понятием относительно избрания. Под «применением» Замуруева Е. Ю. и Муравьев К. В.

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // «ВедамасціНацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь»: от 25 августа 1999 г., № 28-29, ст. 433.
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения 13.02.2025).

понимают уголовно-процессуальный акт, включающий все действия и решения компетентного органа по избранию, продлению срока либо изменению меры пресечения.

В юридической литературе Химичевой О. В. и Плоткиной Ю. Б. высказано мнение, согласно которому «избрание» является составной частью «применения», которое, по мнению авторов, начинается именно процессуальной деятельностью, осуществляемой следователем, дознавателем по определению оснований и условий для избрания меры пресечения и определению её вида и принятию решения о возбуждении перед судом ходатайства об избрании соответствующей меры пресечения [7, с. 57]. Высказанное Химичевой О. В. и Плоткиной Ю. Б. умозаключение в полной мере можно распространить и на остальные меры обеспечительного характера, в числе которых находится наложение ареста на имущество. Так, Баландюк О. В. описывает процесс реализации мер процессуального принуждения как единую процедуру, начинающуюся с момента избрания. Анализируемый механизм состоит из последовательно проводимых следственных, процессуальных и иных подготовительных действий, целью которых является возбуждение перед судом ходатайства и вынесение соответствующего решения [8, с. 7]. Упомянутым автором предложена следующая интерпретация п. 29 ст. 5 УПК РФ: «…применение мер уголовно-процессуального принуждения – деятельность государственных органов, должностных или частных лиц, осуществляемая с момента принятия решения об избрании меры уголовно-процессуального принуждения до её отмены, регламентированная УПК РФ и включающая в себя процесс исполнения, изменения, продления, а также обжалование решения об избрании мер принуждения и его разрешение» [8, с. 7]. Исследователь видит целесообразным расширение определений, закреплённых в ст. 5 УПК РФ, заменив их на «избрание» и «применение» мер процессуального принуждения [8, с. 4]. Видение Баландюк О. В., по нашему мнению, имеет место, поскольку, во-первых, меры принуждения – более широкое понятие, включающее в себя меры пресечения, а во-вторых, расширение определений сможет поставить точку в научных дискуссиях по данному вопросу.

Апеллируют к понятиями «избрание» и «применение» в процессе рассмотрения проблем наложения ареста на имущество Тутынин И. Б. и Химичева О. В. [9]. Из анализа работ упомянутых учёных-процессуалистов можно сделать вывод о том, что авторы включают в процесс применения наложения ареста на имущество его избрание.

Следует рассмотреть трактовку термина «применение» в общей теории права. Итак, в соответствии с общей теорией права под «применением права» понимается государственно-властная организующая деятельность компетентных органов Советского государства и (или) общественных организаций по реализации правовых норм относительно конкретных жизненных случаев путём вынесения индивидуально-конкретных правовых предписаний [10, с. 370]. Несмотря на то что источник, в котором приводится упомянутое определение, датирован 1985 годом, сущность применения права не утратила своего смысла. Переосмыслив термин «применение», закладываемый общей теорией права, можно сделать вывод о том, что «применение» – последовательность действий и решений, которое будет включать в себя в том числе и избрание. Рассмотрев имеющиеся в юридической науке подходы относительно соотношения понятий «применение» и «избрание», можно сделать вывод о том, что большинство учёных в процессе разграничения рассматриваемых терминов, опираясь на основы общей теории права, пришли к следующему выводу: применение – более широкое понятие, включающее в себя ряд последовательных взаимосвязанных этапов (стадий), в том числе и избрание.

Позиция авторов, считающих понятие «применение» более широким, включающим в себя избрание и иные этапы в зависимости от рассматриваемого

правового института, видится вполне логичной и обоснованной. В связи с чем справедливым будет вывод о том, что в контексте рассматриваемой меры процессуального принуждения под применением будет пониматься процессуальная деятельность, осуществляемая с момента возбуждения ходатайства о наложении ареста на имущество до отмены установленных судом ограничений [11, с. 61].

Процесс применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве включает в себя совокупность взаимосвязанных между собой этапов, в числе которых:

1) установление оснований применения рассматриваемой меры процессуального принуждения (досудебный этап принятия решения);

2) избрание данной меры либо продление её срока (судебный этап);

3) отмена ареста, наложенного на имущество, либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестовываемое имущество;

4) возмещение вреда, причинённого незаконным арестом имущества [11 с. 62–63].

Дробление процедуры применения наложения ареста на имущество на этапы обусловлено различностью преследуемых целей, а также методов и средств, реализуемых для достижения преследуемой цели на каждом из этапов. Поскольку заявленная тематика настоящей статьи состоит в рассмотрении таких понятий, как «применение» и «избрание», то более подробно остановимся на этапе «избрания рассматриваемой меры принуждения либо продления её срока». Итак, этот этап состоит в рассмотрении судьёй поступившего к нему ходатайства (об избрании либо же продлении ареста имущества), а также представленных в обоснование ходатайства материалов и принятии решения о наложении ареста на имущество (продлении его срока) либо об отказе в этом. Следовательно, все проверочные мероприятия и следственные действия, направленные на сбор необходимой для избрания наложения ареста на имущество информации (материалов), должны быть завершены. Что ещё раз подтверждает довод о том, что «применение» будет являться более широким понятием, включающим в себя «избрание».

Обобщая вышесказанное, можно сделать ряд выводов:

1. «Применение» – более широкое понятие относительно «избрания». Процесс применения меры процессуального принуждения включает в себя её избрание в тех случаях, когда для её применения необходимо судебное решение.

2. Применение наложения ареста на имущество – процессуальная деятельность, осуществляемая с момента возбуждения ходатайства о наложении ареста на имущество до отмены установленных судом ограничений.

3. Процесс применения наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве включает в себя совокупность взаимосвязанных между собой этапов, в числе которых:

1) установление оснований применения рассматриваемой меры процессуального принуждения (досудебный этап принятия решения);

2) избрание данной меры либо продление её срока (судебный этап);

3) отмена ареста, наложенного на имущество, либо отдельных ограничений, которым подвергнуто арестовываемое имущество;

4) возмещение вреда, причинённого незаконным арестом имущества.

4. Видится необходимым корректировка положений ст. 5 УПК РФ, а именно п.13 и 29, которые должны быть изложены следующим образом:

п. 13 – избрание меры процессуального принуждения – принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере принуждения в отношении подозреваемого, обвиняемого и иных лиц;

п. 29 – применение меры принуждения – процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры принуждения до момента возмещения вреда, причинённого вследствие незаконного её применения.

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. 944с.
2. Капинус Н. И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. 56 с.
3. Диваев А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы: монография. Новокузнецк, 2020. 143 с.
4. Судницын А. Б., Воронов Д. А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пересечения в виде заключения под стражу: учебное пособие. Красноярск, 2020. 64 с.
5. Бондаренко И. П. О разграничении процессуальных терминов «применение» и «избрание» в части мер пресечения // Актуальные вопросы производства предварительного следствия в современных условиях совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва. 2022. С. 337–340.
6. Замуруева Е. Ю., Муравьев К. В. Общие условия применения мер пресечения: монография. М.: Проспект, 2024. 168 с.
7. Химичева О. В., Плоткина Ю. Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 229 с.
8. Баландюк О. В. Избрание, применение, и исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: соотношение понятий // Российский следователь. 2015. № 4. С 3–7.
9. Тутынин И. Б., Химичева О. В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: эволюция продолжается (Уголовный процесс) // Российский следователь. 2024. № 7. С. 28–32.
10. Теория государства и права : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Юриспруденция" ; отв. ред. В. Д. Перевалов. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2011. 495 с
11. Назарова М. Д. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество: дис. канд. юрид. наук. О., 2024. 254 с.

1. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovy`j slovar` russkogo yazy`ka. M., 2003. 944s.
2. Kapinus N. I. Processual`ny`e garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v ugolovnom processe: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2001. 56 s.
3. Divaev A. B. Mery` presecheniya v ugolovnom processe: teoreticheskie osnovy`: monografiya. Novokuzneczk, 2020. 143 s.
4. Sudnicyn A. B., Voronov D. A. Zakonnost` i obosnovannost` izbraniya i prime-neniya mery` peresecheniya v vide zaklyucheniya pod strazhu: uchebnoe posobie. Krasnoyarsk, 2020. 64 s.
5. Bondarenko I. P. O razgranichenii processual`ny`x terminov «primenenie» i «izbranie» v chasti mer presecheniya // Aktual`ny`e voprosy` proizvodstva predvari-tel`nogo sledstviya v sovremenny`x usloviyax sovershenstvovaniya ugolovno-processual`nogo zakonodatel`stva // sbornik nauchny`x trudov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Moskva. 2022. S. 337–340.
6. Zamurueva E. Yu., Murav`ev K. V. Obshhie usloviya primeneniya mer presecheniya: monografiya. M.: Prospekt, 2024. 168 s.

7. Ximicheva O. V., Plotkina Yu. B. Primenenie v stadii predvaritel`nogo ras-sledovaniya mer presecheniya, izbiraemy`x po resheniyu suda: monografiya. M.: Yurlitin-form, 2012. 229 s.
8. Balandyuk O. V. Izbranie, primenenie, i ispolnenie mer ugolovno-processual`nogo prinuzhdeniya: sootnoshenie ponyatij // Rossijskij sledovatel`. 2015. № 4. S 3–7.
9. Tuty`nin I. B., Ximicheva O. V. Nalozhenie aresta na imushhestvo v ugolovnom sudoproizvodstve: e`volyuciya prodolzhaetsya (Ugolovny`j process) // Rossijskij sledo-vatel`. 2024. № 7. S. 28–32.
10. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik dlya studentov vy`sshix uchebny`x zavede-nij, obuchayushhixsya po special`nosti "Yurisprudenciya" ; otv. red. V. D. Perevalov. 4-e izd., pererab. i dop. M. : Norma : Infra-M, 2011. 495 s
11. Nazarova M. D. Obespechenie prav i zakonny`x interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva pri nalozhenii aresta na imushhestvo: dis. kand. yurid. nauk. O., 2024. 254 s.

Информация об авторах

Мария Денисовна Назарова. Преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ляпин Алексей Иванович. Начальник кафедры физической подготовки, кандидат педагогических наук, доцент.
Воронежский институт МВД России.
394065, Россия, г. Воронеж, проспект Патриотов, 53.

Information about the authors

Maria D. Nazarova. Lecturer of the Department of Criminalistics and Preliminary Investigation at the IAB. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Alexey Iv. Lyapin. Head of the Department of Physical Training. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.
Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
394065, Russia,Voronezh, Patriotov Av., 53

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 13.03.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 05.03.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ПРИМИРЕНИЕ, ВОССТАНОВЛЕНИЕ, КОМПЕНСАЦИЯ: СОСТОЯНИЕ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПРЕСТУПНОГО ВРЕДА

Нехаев Илья Николаевич
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орел, Россия

ilya.nexaev.1997@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос совершенствования отечественного законодательства в области возмещения вреда, причинённого преступлением. Анализируется суть и значение дифференцированности механизмов возмещения преступного вреда, приводится авторское определение. Кроме этого, обосновывается необходимость разработки и законодательного закрепления нового механизма, в рамках которого могут осуществляться действия по компенсации вреда. Сделан вывод об отсутствии в отечественной правовой системе механизма, способного гарантированно осуществить возмещение вреда.

***Ключевые слова*:** уголовное судопроизводство, возмещение ущерба и заглаживание вреда, причинённого преступлением, примирительные и восстановительные механизмы, защита прав потерпевших.

***Благодарности*:** работа выполнена при поддержке научного руководителя – начальника кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова кандидата юридических наук, доцента Семенова Е. А.

***Для цитирования*:** Нехаев И. Н. Примирение, восстановление, компенсация: состояние и направления совершенствования механизмов возмещения преступного вреда // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 252–259.

RECONCILIATION, RESTORATION, COMPENSATION: THE STATE AND DIRECTIONS OF IMPROVEMENT OF MECHANISMS FOR THE COMPENSATION OF CRIMINAL DAMAGE

Ilya N. Nekhaev
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

ilya.nexaev.1997@gmail.com

Annotation. The article discusses the issue of improving domestic legislation in the field of compensation for harm caused by a crime. The essence and significance of the differentiation of mechanisms for compensation of criminal harm are considered, and the author's definition is given. In addition, it justifies the need to develop and legislate a new mechanism within which actions can be carried out to compensate for harm. As a result, it is concluded that there is no mechanism in the domestic legal system capable of guaranteeing compensation for harm.

Keywords: criminal proceedings, compensation for damage and reparation for harm caused by a crime, reconciliation and rehabilitation mechanisms, protection of victims' rights.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Candidate of Law, Associate Professor E. A. Semenov

For citation: Nekhaev I. N. Reconciliation, restoration, compensation: the state and directions of Improving the mechanisms of compensation for criminal Harm // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 252–259.

Законодатель и отечественная уголовно-правовая наука совместно с правоприменителями, основываясь на результатах статистических показателей уголовного судопроизводства, одним из важнейших вопросов, поставленных во главу угла, рассматривают возможность совершенствования законодательства в сторону обеспечения правового поля эффективными механизмами возмещения вреда, причинённого преступлением, с целью обеспечения защиты и восстановления нарушенных прав потерпевших в лице граждан, общества и государства в целом.

Об этом свидетельствуют успешно защищённые диссертации на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук по юридической специальности «Уголовно-правовые науки». Например, Иванов Д. А. в своём исследовании упорядочил и представил в виде системы средства возмещения вреда, причинённого преступлением, в досудебном производстве [1, с. 52]. Тутынин И. Б. посвятил диссертацию содержанию и сущности отдельных мер процессуального принуждения, в частности наложению ареста на имущество в призме возмещения преступного вреда [2, с. 35]. Подустова О. Л. успешно исследовала обеспечительную деятельность следователя [3, с. 87]. Таршева М. Н. рассматривала примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве в одноимённом исследовании [4, с. 115]. Невозможно оставить без внимания и данные официальной статистики. Согласно сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД России[1], ущерб от зарегистрированных преступлений по оконченным и приостановленным делам за 2024 год превысил численный показатель прошлого года и составил 627,9 млрд рублей (за АППГ – 587,6) при общей тенденции снижения преступности на 1,8 %, что составляет 1 911 258 преступлений (за АППГ – 1 947 161). Кроме того, согласно сведениям ФГКУ «ВНИИ МВД России», уровень преступности составил 1307,7 преступлений на субъект Российской Федерации (за АППГ – 1 329,6) [5, с. 26].

В свою очередь, обращая внимание на нормативную составляющую, невозможно не заметить, что в настоящее время уголовный и уголовно-процессуальный законы содержат в себе ряд институтов, которые продифференцированы самим законодателем в плоскости возмещения преступного вреда и представлены в виде действующих механизмов следующим образом:

– институт обстоятельств, смягчающих наказание, представленный п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ, предусматривает снижение государственно-карательного потенциала в случае принятия мер к возмещению преступного вреда;

– институт освобождения от уголовной ответственности представлен примирительным механизмом – примирение сторон (ст. 25 УПК РФ, ст. 76 УПК РФ); восстановительными механизмами – назначение судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ ст. 76.2 УК РФ); деятельное раскаяние (ст. 28 УПК РФ, ст. 75 УК РФ), возмещение ущерба (ст. 28.1 УПК РФ, ст. 76.1 УК РФ); амнистией (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, ст. 84

[1] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=Books&go=check&id=120. (дата обращения 15.04.2025).

УК РФ) при проявлении конкретным лицом, совершившим преступление, действий, отличающихся позитивным постпреступным поведением; принудительной мерой воспитательного воздействия для лица, совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте, выраженной возложением обязанности загладить причинённый вред (ч. 3 ст. 427 и ч. 1 ст. 431 УПК РФ ч. 1 и п. «в» ч. 2 ст. 90 и ч. 3 ст. 91 УК РФ) при совершении действий, направленных на восстановление нарушенных прав способом, определённым потерпевшим;

– специальные виды освобождения от уголовной ответственности; к таким видам мы относим составы преступлений, предусмотренные УК РФ, по которым лицо, совершившее объективную сторону преступления, добровольно отказалось от реализации преступного умысла, а кроме этого, способствовало раскрытию или пресечению незаконной деятельности, тем самым минимизировав потенциально возможный к причинению вред. К таким основаниям прекращения уголовного преследования возможно отнести следующие составы преступлений, приведём в пример некоторые из них: ст.ст. 205, 205.1, 206, 208, 210, 222, 228 УК РФ (основания освобождения от уголовной ответственности содержатся в примечаниях к статьям);

– институт освобождения от наказания: условно-досрочное освобождении (далее – УДО) от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) – рассматриваем в данном случае возмещение вреда как обязательное условие УДО, если судом будет признано, что такое лицо не нуждается в дальнейшем отбывании наказания; замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) – рассматриваем в данном случае возмещение вреда как обязательное условие замены оставшейся неотбытой части наказания более мягким видом; в связи с изменением обстановки (ст. 80.1 УК РФ) рассматриваем здесь возмещение преступного вреда в полном объёме как повод к изменению обстановки в связи с утратой общественной опасности; помилование (ст. 85 УК РФ) – рассматриваем отсутствие обязанности к возмещению вреда как необходимое основание для возможности подачи ходатайства о помиловании;

– институт судимости, представленный ст. 86 УК РФ, – рассматриваем возмещение вреда от преступления, как и безупречное поведение осуждённого после отбытия наказания в качестве обязательного условия для получения возможности лицом права ходатайствовать о досрочном снятии судимости.

Рассматривая приведённые основания, отметим, что здесь мы имеем возможность проследить самобытность юридической природы каждого из механизмов, являющихся составляющим института возмещения вреда, причинённого преступлением, что, как представляется автору, является главнейшим признаком дифференциации на основании выведенного частного определения. Дифференциация правовых механизмов возмещения вреда – это разделение уголовно-правового воздействия на отдельное, частное, нетождественное по своим качественным и количественным признакам установление принуждения при разных условиях, детерминированных общеправовыми принципами (гуманизма, справедливости, экономии репрессии, издержек и прочее). Мы считаем, что неодинаковое правовое воздействие ознаменовывает существование и появление новых механизмов возмещения преступного вреда, целью которых в независимости от принципа его действия является их объединение общностью одной цели – обеспечить наступление благоприятных материальных и/или имущественных последствий для лица, пострадавшего от преступления.

Схожей точки зрения придерживается и член Президиума Верховного Суда Российской Федерации Момотов В. В., который в одном из свои научных трудов придерживается позиции, согласно которой именно прагматизация права и определяет

возможность экспансии самых удобных и эффективных для достижения надлежащего правового регулирования правовых конструкций [6, с. 22].

Как возможно заметить, в классификацию не включено такое основание освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу и заключением контракта, а кроме этого, в приведённой нами классификации употреблены в названии механизмов такие прилагательные, как «примирительный» и «восстановительный». Рассмотрим каждый из обозначенных аспектов.

Освещая первый из обозначенных аспектов, автор желает заметить, что рассматриваемый механизм действительно отнесён законодателем к институту освобождения от уголовной ответственности. Общеизвестно, что этот механизм был имплементирован в уголовно-процессуальное поле чуть более года назад (ФЗ РФ от 23.03.2024 № 64-ФЗ[1]), что продиктовано государственной необходимостью, а в настоящее время он своевременен, приоритетен и востребован. На официальных сайтах субъектов нашей страны легко можно обнаружить информацию о выплатах и социальных гарантиях, полагающихся лицам, заключившим контракт с Вооружёнными силами Российской Федерации, в том числе тем, уголовное дело в отношении которых прекращено на основании ст. 28.2 УПК РФ. Вместе с тем среди имеющихся мер материальной поддержки отсутствуют какие-либо выплаты лицу, пострадавшему в случае совершения в отношении него преступления. Изложенное выше подчёркивает ущемлённое положение потерпевшего по приостановленному уголовному делу в такой ситуации и по такому основанию. Наступление благоприятных для лица обвиняемого / подсудимого / осуждённого последствий в виде приостановленного, а в дальнейшем и прекращённого уголовного дела не поставлено законодателем в зависимость от совершённого им же преступления и возмещения вреда пострадавшему лицу. То есть необходимость восстановления положения потерпевшего и заглаживания причинённого преступлением ущерба не нашла своего отражения в диспозиции ст. 28^2 УПК РФ. Обязанность восстановления нарушенных общественных отношений не предусматривается и обусловлена искуплением вины перед государством и обществом как превалирующим значением участия в специальной военной операции, в силу чего данный механизм не отнесён автором настоящей статьи к механизмам освобождения от уголовной ответственности, действующим в плоскости возмещения преступного вреда.

Рассуждая о втором из указанных аспектов, отметим о «примирении», а именно: законодатель, неоднократно детально разрабатывавший механизмы примирения в различных отраслях права, например в административном[2], гражданском[3], арбитражном[4] судопроизводствах, отводя им место в соответствующих кодексах и именуя главы соответствующим образом, оставил без должного внимания такую процедуру, в рамках которой производятся действия направленные на примирение сторон и в связи с этим прекращение уголовного преследования и уголовного дела в рамках УПК РФ, а также понятийный аппарат относительно такого термина и следующего из него понятия. Так, отсутствие или минимальная регламентация, к сожалению, оказывает негативное влияние на защиту интересов, в частности,

[1]О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2]Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3]Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[4]Арбитражный процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

личности, а в целом – общества и государства. Недостаточность толкования порождает неоднозначность и собственные представления лиц, вовлечённых в процесс расследования, о возможных способах, порядке возмещения преступного вреда, а также о возможных формах заглаживания негативных последствий от преступлений. В связи с этим также считаем важным отметить, что к примирительным механизмам из всех имеющихся в процессуальном законе мы можем отнести только тот, который закреплён ст. 25 УПК РФ, в силу того, что только указанная статья предусматривает наличие заключённого мира и отказ от претензий потерпевшего к подозреваемому относительно совершённого преступления.

С другой стороны, ещё одним фактором, оказывающим негативное влияние на защиту интересов потерпевшей от преступления стороны, является неосведомлённость заинтересованных в исходе уголовного дела лиц о существующих правовых механизмах и о возможностях их применения, предоставляемых законом. Так, граждане, находящиеся в статусе как потерпевшего, так и подозреваемого, часто не имеют достаточной информации о своих правах и возможностях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Вероятность того, что они осведомлены о наличии института примирения или возможности прекращения уголовного дела, крайне мала. Это приводит к тому, что лица, вовлечённые в уголовный процесс, не могут воспользоваться предоставленными им правами, что, в свою очередь, затрудняет достижение справедливости и эффективности в разрешении уголовного дела и вопроса об уголовном преследовании.

Кроме этого, на представителей органов расследования не возложена процессуальным законом обязанность разъяснять участникам процесса их права, находящиеся за рамками статей, регламентирующих их процессуальный статус или обязанности, относительно следственных действий. В итоге лица остаются неосведомлёнными о своих «процессуальных возможностях». Действующий уголовно-процессуальный кодекс не закрепляет прямого указания на то, что дознаватель, следователь или прокурор обязаны информировать участника судопроизводства (потерпевшего/подозреваемого) о возможности подачи ходатайства о прекращении уголовного дела. Это создаёт правовую неопределённость и приводит к тому, что участники процесса не могут должным образом реализовать свои права.

В этой связи следует согласиться с Маркеловым А. Г., который считает, что «УПК РФ не содержит и прямого указания на наличие права у подозреваемого в заявлении ходатайства о прекращении уголовного дела, а как следствие, у органа расследования отсутствует обязанность разъяснения порядка его реализации» [7, с. 84]. Отсутствие такой обязанности у органов расследования является серьёзным недостатком. В результате ни потерпевший, ни обвиняемый не понимают, какие существуют законные способы освобождения от ответственности. Они не могут сформулировать своё волеизъявление и не разграничивают требования закона от правовых последствий, которые могут возникнуть в результате того или иного исхода уголовного дела.

Рассуждая о «восстановительных» механизмах, считаем необходимым заметить, что законодателем при их применении не поставлена в зависимость необходимость достижения примирительного результата, однако сама процедура действия механизма имеет вектор, устремлённый главным образом на возмещение преступного вреда, его заглаживание. Поэтому согласно направленности таких механизмов именно на восстановление нарушенных в результате преступного деяния прав потерпевшего, а также законных интересов личности, общества и государства выбор такого названия логичен. Так, при рассмотрении восстановительных механизмов возможно убедиться, что их функционирование допустимо при наличии незыблемых для каждого

составляющих: установленного факта совершённого преступления; установленного субъекта его совершившего; субъекта, которому причинён преступлением вред (физическое / юридическое лицо, общество, государство). Однако существует и ряд существенных недостатков, которые делают возмещение ущерба потерпевшему невыполнимым:

1. Невозможность удовлетворения требований потерпевших в случае, если лицо, подлежащее уголовной ответственности, не установлено.
2. Неплатёжеспособность и/или нетрудоспособность причинителя вреда, что исключает возможность возмещения даже при установлении лица и его вины.
3. Нахождение подозреваемого (обвиняемого) за пределами территории Российской Федерации (если он находится в розыске).
4. Смерть потерпевшего и отсутствие у него наследников.
5. Смерть подозреваемого (обвиняемого) лица в отсутствие у него имущества, подлежащего обращению в пользу государства или потерпевшего.

С другой стороны, за потерпевшим, конечно, предусмотрена возможность заявить гражданский иск, но мы считаем, что недостаточность гражданско-правового регулирования возмещения вреда приводит к низкой её эффективности. Согласно официальным сведениям Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации[1], за 2023 календарный год заявлено 112 910 гражданских исков в уголовном процессе по различным требованиям. Из них 70 343 иска удовлетворено полностью, а 19 918 – частично. Общая сумма к возмещению от удовлетворённых исков составила 80 714 541 950 рублей (80+ млрд). Если учесть, что, согласно исполнительным документам, от указанной суммы взыскания в течение того же года уплачено в пользу истцов хотя бы 50 % в денежном эквиваленте (что составляет 40 357 270 975), то возможным представляется заключить, что сумма компенсации (возмещения) от гражданского иска в призме общего ущерба от преступлений не является значимой.

При сложившейся ситуации мы считаем, что следующим шагом на пути развития механизмов возмещения вреда может стать компенсационный фонд для потерпевших от преступлений любой категории и степени тяжести, который будет функционировать вне зависимости от бюджетной системы Российской Федерации и наполняться из следующих источников, например: 1) от штрафных санкций, возложенных на осуждённых, в виде основного наказания. 2) от доходов от реализации арестованного имущества, обращённого в доход государства; 3) от залогов, обращённых в доход государства по судебному решению; 4) от штрафных санкций, возложенных на подозреваемых/обвиняемых при освобождении от уголовной ответственности. Рациональность такого механизма к тому же в настоящее время апробирована и действенна. Подтверждением тому служит, например, осуществление за счёт государства возмещения преступного вреда, причинённого ограниченному кругу лиц, – гражданам, которые пострадали в результате совершённого террористического акта, что урегулировано соответствующим федеральным законом[2].

Подводя итог, считаем уместной позицию, которой придерживается Кобец П. Н.: «Современный мир требует от экономически развитых стран не только защиты от преступлений, но и создания действенной системы поддержки для тех, кто стал их жертвой» [8, с. 805]. Так, на основании краткого анализа отечественной правовой системы можно заключить, что в настоящее время в уголовном процессе Российской Федерации не существует механизма, истинно гарантирующего

[1] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: http://cdep.ru (дата обращения 15.04.2025).
[2] О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

восстановление нарушенных прав отдельной личности, являющейся потерпевшей от совершения в отношении неё преступления. Мы считаем, что гарантией восстановления прав потерпевших является выплата компенсаций, осуществляемая государством либо иными организациями, заинтересованными в восстановлении таких прав.

---

1. Иванов Д. А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2018. 497 с.
2. Тутынин И. Б. Процессуальное принуждение имущественного характера в уголовном судопроизводстве: дис. … д-ра. юрид. наук. М., 2023. 427 с.
3. Ендольцева А. В., Подустова О. Л. Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением: монография. М., 2021. 141 с.
4. Таршева М. Н. Примирительные и восстановительные процедуры в досудебном производстве: дис. … канд. юрид. наук. М, 2022. 214 с.
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2024 года и ожидаемые тенденции ее развития : Аналитический обзор / М. В. Гончарова, Р. В. Черкесов, Е.М. Тимошина [и др.]. М.: ВНИИ МВД РОССИИ, 2025. 85 с.
6. Момотов В. В. Экономическая и правовая ценность договора в судебном процессе // Журнал российского права. 2019. № 1(265). С. 19–25.
7. Маркелов А. Г. О компромиссе при прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правого характера в виде судебного штрафа // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 2. С. 83–88.
8. Кобец П. Н. Генезис института возмещения вреда, причиненного преступлением: от карательных мер к стимулирующим // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14, № 4. С. 800–813.

1. Ivanov D.A. Dosudebny`j poryadok vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: teoreticheskie i pravovy`e osnovy`, problemy` pravoprimeneniya:
dis. … d-ra. yurid. nauk. M., 2018. 497 s.
2. Tuty`nin I.B. Processual`noe prinuzhdenie imushhestvennogo xaraktera v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. …d-ra. yurid. nauk. M., 2023. 427 s.
3. Endol`ceva A.V., Podustova O.L. Obespechenie v xode predvaritel`nogo sledstviya vozmeshheniya poterpevshemu vreda, prichinennogo prestupleniem: monografiya. M., 2021. 141 s.
4. Tarsheva M.N. Primiritel`ny`e i vosstanovitel`ny`e procedury` v dosudebnom proizvodstve: dis. … kand. yurid. nauk. M, 2022. 214 s.
5. Kompleksny`j analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossijskoj Federacii po itogam 2024 goda i ozhidaemy`e tendencii ee razvitiya : Analiticheskij obzor / M. V. Goncharova, R. V. Cherkesov, E.M. Timoshina [i dr.]. M.: VNII MVD ROSSII, 2025. 85 s.
6. Momotov V. V. E`konomicheskaya i pravovaya cennost` dogovora v sudebnom processe // Zhurnal rossijskogo prava. 2019. № 1(265). S. 19–25.
7. Markelov A. G. O kompromisse pri prekrashhenii ugolovnogo dela ili ugolovnogo presledovaniya v svyazi s naznacheniem mery` ugolovno-pravogo xaraktera v vide sudebnogo shtrafa // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. S. 83–88.
8. Kobecz P. N. Genezis instituta vozmeshheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: ot karatel`ny`x mer k stimuliruyushhim // Aktual`ny`e problemy` e`konomiki i prava. 2020. T. 14, № 4. S. 800–813.

Информация об авторе

Илья Николаевич Нехаев. Адъюнкт.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the author

Ilya N. Nekhaev. Adjunct.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Статья поступила в редакцию 05.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 05.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343

ПРИНЦИПЫ КАК НРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Победкин Александр Викторович[1], Яшин Василий Николаевич[2]
[1]Академия управления МВД России, Москва, Россия
[2]Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Тула, Россия

[1]apobedkin71@mail.ru
[2]6021111@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу действующей системы и содержания основополагающих начал (принципов) отечественного уголовного судопроизводства с учётом сложившейся современной геополитической обстановки и недостатков уголовно-процессуального законодательства. Обращается внимание на то, что правоприменитель стал расценивать принципы уголовного судопроизводства как обычные регулятивные нормы. Указывается на декларативный характер содержания отдельных принципов и отсутствие в законе гарантий их соблюдения. Затрагиваются проблемы, относящиеся к понятию, происхождению, системе принципов, а также к различным аспектам их реализации. Авторы предлагают существенно скорректировать систему, а главное содержание отдельных принципов уголовного судопроизводства, переориентировав их на концептуальные духовно-нравственные ценности, а также предусмотреть дополнительные гарантии их стабильности и реального влияния на законотворческий и правоприменительный процессы.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, уголовный процесс, духовно-нравственные ценности, нравственные основы, справедливость, истина, основополагающие начала, назначение уголовного процесса.

Для цитирования: Победкин А. В., Яшин В. Н. Принципы как нравственная основа уголовно-процессуальной деятельности // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 260–269.

PRINCIPLES AS THE MORAL BASIS OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIVITY

Alexander V. Pobedkin[1], Vasily N. Yashin[2]
[1]Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
[2]Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Tula, Russia

apobedkin71@mail.ru
6021111@inbox.ru

Annotation. The article is devoted to the analysis of the current system and the maintenance of the fundamental principles of domestic criminal justice, taking into account the current geopolitical situation and the shortcomings of criminal procedure legislation. Attention is drawn to the fact that the law enforcement officer began to regard the principles

of criminal proceedings as ordinary regulatory norms. It is pointed out that the content of certain principles is declarative and that the law does not guarantee their observance. The problems related to the concept, origin, system of principles, as well as various aspects of their implementation are touched upon. The authors propose to significantly adjust the system and, most importantly, the content of individual principles of criminal justice, reorienting them to conceptual spiritual and moral values, as well as to provide additional guarantees for their stability and real influence on legislative and law enforcement processes.

Keywords: principles of criminal justice, criminal procedure, spiritual and moral values, moral foundations, justice, truth, fundamental principles, purpose of the criminal process.

For citation: Pobedkin A. V., Yashin V. N. Principles as the Moral Basis of criminal Procedural activity // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 260–269.

Принципы права, равно как и правоприменительной деятельности, – достижение отечественной правовой культуры. Именно они в обобщённом виде аккумулируют суть нравственных (да и не только нравственных) основ, на которых строится уголовно-процессуальная деятельность [1, с. 10–148]. Основной смысл уголовно-процессуального права не должен быть скрыт и недоступен правоприменителю. Как минимум его уяснение необходимо для правильного понимания норм права, их толкования, применения аналогии. Возможность применения аналогии права (общих начал и смысла законодательства) прямо предусмотрена как в гражданском, так и в арбитражном процессе (п. 2 ст. 6 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации[1], п. 6 ст. 13 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[2]). В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК) прямое указание на возможность применения аналогии (в том числе права) отсутствует [2, с. 69], тем не менее она, несомненно, допустима, что неоднократно подчёркивал и Конституционный Суд Российской Федерации[3].

Между тем принципы уголовного судопроизводства, будучи продуктом законотворческой деятельности, и сами в какой-то мере определяют направления законотворческой работы по совершенствованию уголовно-процессуального закона. Заложив в УПК определённый «дух», законодатель обязан поддерживать его, укреплять, развивать, совершенствовать, в том числе если жизнь требует внесения в текст закона многочисленных изменений и дополнений. Конечно, желательно, чтобы идеи, на которых строится УПК, были прозрачными и просматривались относительно легко. В самом деле не все ключевые идеи, наверное, можно сформулировать и закрепить в тексте УПК в виде формулировок. Вместе с тем сделать это весьма желательно. В этой связи следует воздать должное законодателю, который развил и дореволюционное, и советское законодательство (где принципы формулировались лишь на уровне теории) и включил в УПК самостоятельную главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства». Положительный опыт не остался незамеченным и на постсоветском пространстве. Так, например, глава о задачах и принципах уголовного процесса содержится уголовно-

[1]Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2]Арбитражный процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3]По делу о проверке конституционности пункта 5 ч. 2 ст. 371, ч. 3 ст. 374 и пункта 4 ч. 2 ст. 384 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан К. М. Кульнева, В. С. Лалуева, Ю. В. Лукашова и И. П. Серебренникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 2 февраля 1996 г. № 4-П // Собр. законодательствап Рос. Федерации. 1996. № 7, ст. 701.

процессуальном законодательстве Республики Беларусь[1], Республики Казахстан[2], Республики Армения[3]. Есть такие положения в и уголовно-процессуальном законодательстве Латвийской[4] и Эстонской Республик[5] (в УПК Эстонской Республики самостоятельная глава не выделена, а принципиальные положения содержатся в разделе I «Общие положения»).

Опыт и впрямь положительный. Однако основная его суть стала затираться и законодателем, и правоприменителем, в результате чего принципы в уголовном процессе России расцениваются как обычные регулятивные нормы (чему есть юридико-технические основания), да к тому же не вполне удачно расположенные, находящиеся не в связи с основным предметом регулирования. Регулятивные нормы не несут в себе должного идейного заряда, не рассматриваются ни законодателем, ни правоприменителем как средоточие духа закона, тем самым не сдерживают законодателя в его поточной деятельности по внесению в УПК изменений, а правоприменителя не ориентируют на правильное применение процессуальной аналогии (аналогии права). Мало того, неразличимые идеи, даже имевшиеся в виду на момент принятия нормативного акта, утрачивают смысл, не работают и постепенно заменяются другими, в том числе и противоположными. Законодатель сам теряет ориентир. Закон становится эклектичным, безыдейным, применяется беспорядочно, практика утрачивает даже минимальное единообразие. Обобщая укажем, что право не выполняет в таком случае функцию эффективного регулятора общественных отношений.

С УПК и случилась эта беда, тем более досадная, что законодатель сохранил апробированный советскими уголовно-процессуальными кодексами и доказавший свою состоятельность подход и не отказался от практики указания в законе норм общего характера – норм-принципов. Мало того, впервые принципам уголовного судопроизводства посвящена целая глава УПК. Формально продуктивное решение. Вопрос о соотношении принципов уголовного судопроизводства, его целей, задач, назначения имеет давнюю историю. Традиционный взгляд на принципы состоит в том, что они характеризуют собственно уголовно-процессуальную деятельность [3, с. 26]. Иначе говоря, определяют основные сущностные характеристики самой деятельности, и такое их понимание исключает включение в их систему задач, целей назначения уголовного судопроизводства. Заметим, что неудачное расположение ст. 6 УПК в его главу 2 даёт некоторым специалистам основание полагать, что назначение уголовного процесса не что иное, как принцип [4, с. 10–148]. Конечно, если подходить к принципу шире, то любую идею принципиального характера можно считать принципом судопроизводства [5, с. 35]. В самом деле, разве не принципиальны для уголовного процесса его задачи и цели, его функция (которую автор и называет назначением)? Конечно, принципиальны. В то же время науковедческий подход требует термина, который бы обозначал важнейшие характеристики деятельности, которая

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: от 16 июня 1999 г. № 295-З. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 21.03.2025).
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики [Электронный ресурс]: от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 19.03.2025).
[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]: от 27 июля 2021 г. № ЗР-306. URL: https://base2.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (дата обращения: 21.03.2025).
[4] Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики [Электронный ресурс]: от 21 апреля 2005 г. URL: https://likumi.lv/doc.php?mode=DOC&id=107820 (дата обращения: 20.03.2025).
[5] Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики // Государственный Вестник: Сводные тексты переводов эстонского законодательства на английский язык [Электронный ресурс]: от 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 166. URL: https://www.riigiteataja.ee/akt/13311874?leiaKehtiv (дата обращения: 20.03.2025).

осуществляется посредством реализации функции для решения определённых задач и достижения целей. Это и есть принципы уголовного судопроизводства.

В системе современных принципов отечественного уголовного судопроизводства на первый взгляд и не увидишь активную роль Американской ассоциацией юристов, игравших активную роль на заключительных этапах работы над УПК, которая рядом видных учёных отрицается [6, с. 84–93], принятие УПК на волне либерализма и признаётся. При этом в тексте закона вроде бы выдерживается и традиционное отношение к формулированию принципов в отечественном уголовном судопроизводстве. Разве только некоторые исчезли (всесторонность, полнота и объективность исследования обстоятельств уголовного дела), другие нашли место в системе общих условий судебного разбирательства, третьи (состязательность) не вполне к месту стали считаться идеей, определяющей всё уголовное судопроизводство, четвёртые – не многим отличаются от конституционных положений. Трафаретный подход наблюдаем и в вышеприведённых кодексах стран на постсоветском пространстве. Право слово, есть ли повод для беспокойства? Принципы вполне традиционны, отечественного генезиса. Их и западное-то влияние коснулось в меньшей степени.

Всё же повод для беспокойства есть.

Во-первых, законодатель утратил уважение к им же сформулированным принципам. Ряд из них сегодня никак не определяет содержание уголовно-процессуальных институтов. В их числе – принципы законности, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств, которые системой норм УПК не раскрываются, а некоторыми нормами прямо опровергаются. Например, производство дознания в сокращённой форме, как прямо написали Баев М. О. и Баев О. Я., означает ликвидацию всех принципов уголовного судопроизводства и доказывания по уголовному делу [7, с. 42].

Во-вторых, большинство принципов не является принципами концептуального характера, то есть не достигает уровня идей. Они не что иное, как набор рядовых регулятивных уголовно-процессуальных норм или субъективных прав и обязанностей участников судопроизводства (разумный срок уголовного судопроизводства, охрана прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилища, обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту).

В-третьих, отдельные принципы судопроизводства никак не удаётся встроить в смешанную форму уголовного процесса России (например, состязательность сторон). Попытки исчерпать содержание принципа несколькими частными положениями конкретной статьи УПК, как это сделано сейчас, больше вредны, чем бесполезны. Они дают почву для узкой трактовки идеи, объявленной как принцип. Принцип же, согласно исследованиям Томина В. А., «должен быть принципиальным» [8, с. 29]. Например, принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту, очевидно, не исчерпывается содержанием ч.ч. 2–4 ст. 16, а охраны прав и свобод человека и гражданина положениями ч.ч. 2–4 ст. 11 УПК. Как верно указывает Безруков С. С., принципы не рассчитаны на непосредственную регламентацию правоотношений [9, с. 14]. При этом заметим, что Безруков С. С. прав, если речь не идёт о применении аналогии на основе принципов уголовного судопроизводства, где правоприменитель вынужден, используя данный принцип, формулировать норму, на основании которой и разрешать спорную ситуацию.

Что же до ст. 6^1 УПК о разумном сроке уголовного судопроизводства, то она последовательно расширяется, поскольку «неожиданно» выясняется, что порядок исчисления разумного срока нужно определять для каждого этапа судопроизводства.

Принцип осуществления правосудия только судом в формулировке законодателя (ст. 8 УПК) почему-то не содержит правил для досудебного производства, хотя правосудие осуществляется и на этих стадиях (п. 50 ст. 5 УПК). Принцип независимости судей (ст. 8^1 УПК) не содержит главного: недопустимость вмешательства в деятельность судьи руководителей судов, поскольку запрет оказывать незаконное влияние на судью для государственных органов и должностных лиц, не имеющих отношения к производству по уголовному делу, очевиден и не требует подтверждения на уровне принципа. Вряд ли можно считать принципами уголовного судопроизводства конституционные права и свободы человека и гражданина, хотя бы и конкретизированные некоторыми обязанностями должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу (ст. 10 УПК – неприкосновенность личности, ст. 12 УПК – неприкосновенность жилища, ст. 13 УПК – тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений).

Положения Конституции Российской Федерации предопределяют содержание любых отраслей российского права, действуя при этом и непосредственно, однако они и сами являются нормативным выражением мировоззренческих идей. Оговоримся, что положения Конституции не являются принципами уголовного процесса, если только не представляют собой нормативное выражение идеи более высокого уровня, чем субъективное право. К числу идей такого уровня относятся, например, идея о презумпции невиновности, равенстве всех перед законом и судом[1], охране достоинства личности. Причина мёртвых норм-принципов всё же не только в выхолащивании процессуальных гарантий из большинства процессуальных производств и недостаточном уровне общности заложенных в них идей. Некоторые особенности производства по ряду уголовных дел (о преступлениях в отношении предпринимателей, совершивших преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; в отношении отдельных категорий лиц), напротив, усложняют процессуальные процедуры, однако также не способствуют правильному познанию, находятся на грани привилегии по признаку профессиональной деятельности и входят в противоречие с принципом равенства всех перед законом и судом (заметим, что этот принцип в УПК не формулируется, хотя Конституционный Суд Российской Федерации в приведённой правовой позиции и допускает «исключение» из него, а значит предполагает его наличие).

Прежде всего, настораживает, что ни законодатель, ни правоприменитель не считают роль принципов сколь-либо значимой и прежде всего потому, что они приобрели статус ординарных регулятивных норм. Отступление от принципов уголовного процесса уже вполне допускается и в теории. К сожалению, спорить уже приходится не с тем, что особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением – «презумпция виновности», а с тем, что это считается вполне нормальным [10, с. 51]. Конфликт принципов с порядком производства достиг такой остроты, что от крупных процессуалистов исходят почти отчаянные призывы исключить из УПК все виды сокращённых и ускоренных

[1] Конституционный Суд Рос. Федерации, допустив исключения из принципа равенства всех перед законом и судом, лишил эту идею статуса принципа уголовного судопроизводства. Возник вопрос и о соответствии решения Конституционного Суда идее справедливости: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 7 марта 1996 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 16 Закона Рос. Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан Р. И. Мухаметшина и А.В. Барабаша» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 14, ст. 1549; Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 января 2012 г. № 175-О-О «По жалобе гражданина Макаева Хамеда Халидовича на нарушение его конституционных прав пунктом 8 статьи 16 Закона Рос. Федерации «О статусе судей в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

производств, а равно и особенности производства в отношении отдельных категорий лиц [11, с. 216].

Однако набирает обороты и другой взгляд, прокладываемый с целью обоснования неизбежности разрыва принципов с уголовно-процессуальными процедурами: возрождение бинарного подхода к принципам уголовного процесса. Суть его – из принципов должны быть исключения [9, с. 14]. Признавая, что такой взгляд имеет право на существование, особенно в питательной среде хаотичной правки УПК, согласиться с ним едва ли возможно. Сама вероятность такого понимания роли принципов берёт корни в проблемах закона, который предусматривает правила и процедуры, не укладывающиеся в принципы судопроизводства. Бинарный взгляд не только способ объяснения и оправдания нормативной эклектики. Он развязывает законодателю руки, предоставляя неограниченные возможности произвольно определять объёмы исключений из правил, которые ставят под сомнение сами правила, а нередко их просто растворяют. Расхожая формула о том, что исключение лишь подтверждает правило, всего лишь оборот речи, никакого отношения к действительности не имеющий. Основная задача сегодня – вернуть принципам уголовного судопроизводства их должный статус. Принципы должны стать основополагающими идеями, с которыми коррелируются все процессуальные процедуры и все вносимые в УПК изменения. Согласимся, что сложно соотносить содержание УПК с регулятивными нормами, которыми являются сейчас принципы. Вот и переписывается УПК без оглядки на содержание его гл. 2 УПК. Стать уважаемым законом УПК сможет, только если его требования будут ясными, идейными, непротиворечивыми. Однако и этого недостаточно. Внешней респектабельности принципов уголовного судопроизводства сегодня уже недостаточно. Напомним, что и Устав уголовного судопроизводства 1864 года, заложивший основы современных принципов судопроизводства, в своё время нёс западные (хотя и смешанные) идеи, потому прямому указанию на традиционные отечественные духовно-нравственные ценности должного места не нашлось и в нём. Сегодня в условиях гибридной войны, которая ведётся против России, система принципов, заложенная в гл. 2 УПК, уже не удовлетворяет условиям обстановки, «чужда той сфере, в которой она призвана упорядочивать отношения и разрешать возможные противоречия» [12, с. 29].

Обратим внимание, что в настоящее время остро стоит вопрос о сохранении укрепления традиционных основ духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации. В соответствующем документе стратегического планирования[1] вопрос о насыщении уголовного судопроизводства ими прямо не ставится. Между тем в этом документе подчёркивается, что в работе по сохранению и укреплению этих ценностей принимают участие федеральные органы исполнительной власти, ведающие вопросами обороны, безопасности государства, внутренних дел, общественной безопасности, и иные органы публичной власти в пределах своих полномочий. Недостаточное противодействие идеологическому и психологическому воздействию на граждан ведёт к насаждению чуждой для россиян системы идей и ценностей (эгоизм, вседозволенность, безнравственность, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству и др.). За этим следует в том числе подрыв доверия к институтам государственной власти, а значит и власти в целом. Важной задачей этим документом определяется совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии.

[1] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Где как не в сфере уголовного судопроизводства прежде всего формируются убеждения человека в эффективности государственных механизмов защиты его интересов, в каком бы качестве человек не оказался в орбите судопроизводства? Уголовный процесс публичен двуаспектно: 1) обеспечивает правильное установление обстоятельств по уголовному делу; 2) предоставляет достаточно гарантий невластному субъекту правоотношений для защиты своих законных интересов и прав.

Где же, как не здесь, в первую очередь следует проводить традиционные отечественные духовно-нравственные ценности? Конечно, через цели, и задачи, и принципы судопроизводства.

Представляется, что система принципов уголовного судопроизводства должна включать идеи прежде всего нравственного характера, пусть даже и имеющие правовое закрепление. Это должны быть концептуальные идеи, регулирующим последствиям которых есть место в соответствующих правовых институтах (процессуальный статус участников процесса, производство конкретных процессуальных действий, правила принятия конкретных процессуальных решений и др.). При этом нравственные идеи-принципы не должны и не могут иметь никаких исключений.

В системе принципов уголовного судопроизводства следует найти место положению о справедливости (нашлось же ему место в уголовном законодательстве), гуманизме (но только как обеспечение безопасности любого человека), совести (как требование к должностным лицам руководствоваться не только законом, но и совестью в ходе всего уголовного судопроизводства), служения народу (народ – единственный источник власти в стране); честности и беспристрастности; всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств по уголовному делу; обеспечения необходимых условий для правильного установления обстоятельств по уголовному делу (требование как к законодателю, так и к правоприменителю). Конечно, в числе принципов должны остаться такие, как презумпция невиновности, свобода оценки доказательств, законность (с учётом совести), осуществление правосудия только судом, независимость судей и иных должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, уважение чести и достоинства личности, возможно, и некоторые другие. Все положения, имеющие регулятивное значение, дублирующие права человека или предполагающие исключения, критериям принципа не соответствуют.

Ещё одно важное предложение. Учитывая, что законодатель утратил должное уважительное отношение к принципам уголовного судопроизводства, все законопроекты о внесении изменений в УПК должны проходить экспертизу на соответствие принципам процесса. Сами же принципы как своеобразную «конституцию» уголовного процесса следует защитить от легковесных решений об их отмене или изменении. Мало того, система принципов требует дополнительных гарантий стабильности и защищённости от необоснованных дополнений идеями, не достигающих необходимого уровня концептуальности или противоречащих иным принципам, составляющим систему. С принципами непозволительно небрежное обращение. Стабильность принципов определяет стабильность содержания закона, его логику, идейное единство. Юридическая сила принципов должна превышать юридическую силу иных норм уголовно-процессуального закона [13, с. 157], а порядок внесения изменений в главу УПК «Принципы уголовного судопроизводства» следовало бы усложнить, что, хотя бы в какой-то мере, позволит обеспечить стабильность принципов. Ображиев К. В. применительно к уголовному законодательству предлагает предусмотреть в УК, что уголовное законодательство России и практика его применения не должны противоречить принципам уголовного права, предусмотренным УК, а если таковые имеются, то они не подлежат применению [13, с. 159].

Предложение здравое и для уголовно-процессуального законодательства также применимо.

Итак, принципы уголовного судопроизводства соответствуют своему статусу только при условии, что являются концептуальными идеями, основанными на духовных ценностях, определяют содержание всего уголовно-процессуального права, соответствуют социальному назначению уголовного судопроизводства, сформулированы в доступной для обычного человека форме, защищены особой процедурой от поспешных изменений системы и содержания, ориентируют законодателя в его деятельности по совершенствованию УПК, а для правоприменителя являются основой применения процессуальной аналогии.

1. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Губжоков Р. Х Организационно-правовой механизм реализации концепции «должной правовой процедуры» и нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности в отечественном уголовном судопроизводстве». М.: Юрлитинформ, 2016. 240 с.
2. Победкин А. В. Критерии правомерности применения аналогии в уголовном судопроизводстве // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 4 (56). С. 66–77.
3. Барабаш А. С., Брестер А. А. Метод российского уголовного процесса. СПб.: Издательство «Юридический центр-Пресс», 2013. 215 с.
4. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П. А. Лупинская. М.: Юрист, 2003. 797 с.
5. Победкин А. В. Основные положения УПК России как система гарантий публичности уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2024. 327 с.
6. Масленникова Л. Н. К вопросу об укреплении верховенства государственной власти в уголовном судопроизводстве // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 1. С. 81–89.
7. Баев М. О., Баев О. Я. Заметки об очередных изменениях УПК РФ (о новеллах Федерального закона от 4 марта 2013 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2013. № 2. С. 41–49.
8. Томин В. Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт, 2009. 376 с.
9. Безруков С. С. Принципы уголовного судопроизводства: дис. …д-ра юрид. наук. М.: ВНИИ МВД России, 2016. 343 с.
10. Минимурзина О. Н. Процессуальная и гносеологическая сущность судебного следствия по уголовному делу // Библиотека криминалиста. 2016. № 5(28). С. 49–54.
11. Зарипов Ф. Ф., Зинатуллин З. З. Думы о современном состоянии российской уголовно-процессуальной политики // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 2. С. 210–216.
12. Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2009. 184 с.
13. Ображиев К. В. Принципы уголовного права: перспективы развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 2. С. 153–159.

1. Agutin A. V., Troshkin E. Z., Gubzhokov R. X Organizacionno-pravovoj mexanizm realizacii koncepcii «dolzhnoj pravovoj procedury`» i nravstvenny`e osnovy` ugolovno-

processual`noj deyatel`nosti v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve». M.: Yurlitinform, 2016. 240 s.
2. Pobedkin A. V. Kriterii pravomernosti primeneniya analogii v ugolovnom sudoproizvodstve // Trudy` Akademii upravleniya MVD Rossii. 2020. № 4 (56). S. 66–77.
3. Barabash A. S., Brester A. A. Metod rossijskogo ugolovnogo processa. SPb.: Izdatel`stvo «Yuridicheskij centr-Press», 2013. 215 s.
4. Ugolovno-processual`noe pravo Rossijskoj Federacii: uchebnik / otv. red. P. A. Lupinskaya. M.: Yurist, 2003. 797 s.
5. Pobedkin A. V. Osnovny`e polozheniya UPK Rossii kak sistema garantij pub-lichnosti ugolovnogo sudoproizvodstva. M.: Yurlitinform, 2024. 327 s.
6. Maslennikova L. N. K voprosu ob ukreplenii verxovenstva gosudarstvennoj vlasti v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik universiteta imeni O. E. Kutafina. 2024. № 1. S. 81–89.
7. Baev M. O., Baev O. Ya. Zametki ob ocheredny`x izmeneniyax UPK RF (o novellax Federal`nogo zakona ot 4 marta 2013 g.) // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2013. № 2. S. 41–49.
8. Tomin V. T. Ugolovny`j process: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki. M.: Yurajt, 2009. 376 s.
9. Bezrukov S. S. Principy` ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. …dokt. yurid. nauk. M.: VNII MVD Rossii, 2016. 343 s.
10. Minimurzina O. N. Processual`naya i gnoseologicheskaya sushhnost` sudebno-go sledstviya po ugolovnomu delu // Biblioteka kriminalista. 2016. № 5(28). S. 49–54.
11. Zaripov F. F., Zinatullin Z. Z. Dumy` o sovremennom sostoyanii rossijskoj ugolovno-processual`noj politiki // Sudebnaya vlast` i ugolovny`j process. 2016. № 2. S. 210–216.
12. Agutin A. V., Agutina N. V. Teoreticheskie i nravstvenny`e osnovaniya principov v sovremennom otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve. M.: Izd-vo Moskovskogo gumanitarnogo universiteta, 2009. 184 s.
13. Obrazhiev K. V. Principy` ugolovnogo prava: perspektivy` razvitiya // Vestnik Akademii General`noj prokuratury` Rossijskoj Federacii. 2017. № 2. S. 153–159.

Информация об авторах

Александр Викторович Победкин. Начальник кафедры уголовной политики, доктор юридических наук, профессор.

Академия управления МВД России.

125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Василий Николаевич Яшин. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса, кандидат юридических наук, доцент.

Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

300026, Россия, г. Тула, пр. Красноармейский, 104.

Information about the authors

Alexander V. Pobedkin. Head of the Department of Criminal Policy. Doctor of Law, Professor.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Vasily N. Yashin. Head of the Department of Criminal Law and Procedure. Candidate of Law, Associate Professor.

Tula Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

300026, Russia, Tula, Krasnoarmeyskiy Ave., 104.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.14

ОЧЕВИДНЫЕ-НЕОЧЕВИДНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СОБИРАНИЕМ И ИССЛЕДОВАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Россинский Сергей Борисович
Института государства и права РАН, Москва, Россия

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка устранения некоторых доктринальных пробелов в понимании феномена исследования уголовно-процессуальных доказательств, выявленных в ходе подготовки и защиты кандидатской диссертации одной из учениц автора. Для уяснения подлинной роли исследования доказательств проводится его сравнение с другим компонентом доказывания – собиранием доказательств. Обращается внимание, что в реальной практической деятельности исследовательские приёмы нередко предрасположены к настолько сильному слиянию с процессуально-созидательными приёмами по собиранию соответствующих доказательств, что их разграничение является достаточно сложной задачей. И в этой связи критерии для разграничения собирания и исследования доказательств предлагается усматривать в различном предназначении указанных компонентов доказывания, обуславливающих разные по смыслу, характеру и содержанию приёмы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. Роль собирания доказательств предлагается усматривать в накоплении полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию информационные активы, тогда как роль исследования доказательств – в должном восприятии, изучении и анализировании таких активов.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, исследование доказательств, проверка доказательств, следственные действия, собирание доказательств, уголовно-процессуальное познание.

Для цитирования: Россинский С. Б. Очевидные-неочевидные различия между собиранием и исследованием доказательств по уголовному делу // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 270–277.

EXPLICIT–IMPLICIT DIFFERENCES BETWEEN ACCUMULATION AND MONITORING OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Sergey B. Rossinskiy
Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

s.rossinskiy@gmail.com

Annotation. The article attempts to eliminate some doctrinal gaps in understanding the phenomenon of monitoring evidence in a criminal case, which were identified during the preparation and defense of the candidate's dissertation of one of the author's students. To understand the true role of evidence monitoring, it is compared with another component of proof - the accumulation of evidence. It is noted that in real practical activities, monitoring

techniques are often so closely merged with procedural and creative techniques for accumulating relevant evidence that their distinction is a rather complex task. And in this regard, the criteria for distinguishing between the accumulation and monitoring of evidence are proposed to be seen in the different purposes of these components of proof, which determine the different in meaning, nature and content techniques of the police, investigators, judges, and other participants in criminal proceedings. The role of evidence accumulation is proposed to be seen in the accumulation of objects, documents, and intangible information useful for the needs of proof by means of their legal transformation into information assets established by law and suitable for use, while the role of evidence monitoring is in the proper perception, study, and analysis of such assets.

Keywords: evidence; proving; evidence monitoring; verification of evidence; investigative actions; evidence accumulation; criminal procedural knowledge.

For citation: Rossinskiy S. B. Explicit–implicit differences between accumulation and monitoring of evidence in a criminal case // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 270–277.

5 декабря 2024 г. в Академии управления МВД России состоялась успешная защита кандидатской диссертации старшего преподавателя кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова Айнур Маратовны Жусипбековой на тему: «Исследование доказательств в досудебном производстве по уголовному делу» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, научное руководство подготовкой диссертации осуществлял автор настоящей статьи.

Эта проблематика была избрана далеко не случайно. Когда тремя годами ранее решался вопрос об избрании темы диссертации только что поступившей в адъюнктуру Академии управления МВД России сотрудницы полиции Казахстана, вполне закономерно возникла идея связать предмет её научных изысканий с уголовно-процессуальными отношениями, не предполагающими идентичность, по крайней мере, схожесть законодательного регулирования в России и на её Родине – дабы привнести в содержание работы элементы компаративистики. Причём сразу было обращено внимание на более чем подходящий для подобных «опытов» феномен исследования доказательств. Ведь если в соответствии со ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан[1] оно (исследование) легально признаётся автономным компонентом доказывания, то в России таковым вроде бы не считается. По крайней мере исследование доказательств, будучи фрагментарно упоминаемо законодателем лишь в контексте проведения судебных заседаний, не нашло отражения ни в предусмотренной ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации[2] (далее – УПК РФ / Кодекс) трёхзвенной структуре доказывания, ни в других общих положениях доказательственного права. В этой связи было решено попытаться научно доказать самостоятельный характер досудебного исследования доказательств, выявить и осмыслить его гносеологическую сущность, правовую природу, место и роль в механизмах работы органов предварительного расследования и их процессуальных «визави». Однако в тот ответственный момент ни «рвавшаяся в бой» Жусипбекова А. М., ни даже обладавший несколько бóльшим опытом и кругозором научный руководитель, то бишь автор настоящей статьи, даже не могли представить всей сложности и проблематичности избираемой темы диссертации, всех

[1]Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 10.03.2025).
[2] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 249

трудностей и «подводных камней», с которыми пришлось столкнуться в последующие три года.

Правда ввиду исключительного упорства и целеустремлённости соискателю всё же удалось глубоко вникнуть в проблематику доказывания в целом и нюансы исследования доказательств в частности, справиться с поставленными научными задачами, подготовить и достойно защитить прекрасную диссертацию. Но отмеченные многими «причастными» коллегами неочевидность и дискуссионность целого ряда положений диссертации, их непредрасположенность к должному пониманию заставили усомниться в убедительности и «железобетонности» подобранных для их обоснования научных доводов и аргументов. А наиболее существенные вопросы и замечания были связаны с неясностью и нечёткостью позиций по поводу критериев разграничения исследования доказательств с их собиранием, проверкой и оценкой. В частности, именно такой вопрос был ожидаемо задан членом диссертационного совета, крупным специалистом в области уголовно-процессуального доказывания профессором Победкиным А. В., схожие замечания содержались в отзывах ведущей организации – Кубанского государственного университета и официального оппонента – известного учёного-процессуалиста профессора Баранова А. М., а также в некоторых отзывах, поступивших на автореферат диссертации.

По всей вероятности, подобные упрёки стали следствием некоторой научной неопытности и вполне объяснимой осторожности соискателя, не сумевшего подобрать нужных слов и выражений для надлежащего обоснования выявленных закономерностей работы с доказательствами и сформулированных на их основе доктринальных положений. В конце концов, ввиду очевидной сложности избранной проблематики и самых первых, к слову, весьма смелых и уверенных шагов Жусипбековой А. М. в науке такие изъяны заслуживают достаточно снисходительного отношения. Поэтому у автора настоящей статьи возникло желание прийти на помощь к своей ученице и сказать за неё недосказанное – попытаться самому заполнить выявленные в её диссертации лакуны, привести более сильные, а может быть, и более резкие аргументы. К тому же решение данной задачи оказалось для автора не таким и сложным – за последние годы ему неоднократно доводилось писать об автономном характере исследования доказательств, рассматривать подобную деятельность в качестве полноценного компонента уголовно-процессуального доказывания. Правда, ввиду известных ограничений объёма научного произведения, подлежащего опубликованию в периодическом издании, уделить должное внимание всем нуждающимся в дополнительных разъяснениях аспектам досудебного исследования доказательств просто невозможно. В связи с чем было решено остановиться лишь на одном из таких аспектов – на критериях его (исследования) разграничения с собиранием доказательств как традиционным, признаваемым всеми компонентом доказывания. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Вообще в публикациях автора об исследовании доказательств обычно говорилось как о необходимом атрибуте работы с любыми доказательственными активами, существующем наряду (!) с их собиранием, проверкой и оценкой. А предназначение исследования доказательств связывалось с сугубо познавательной деятельностью дознавателей, следователей, прокуроров, судей, прочих субъектов доказывания с улавливанием ими поступающих информационных сигналов [1, с. 26]. В чём-то схожие позиции ранее высказывались и учёными-криминалистами. Например, Белкин Р. С. соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть, то есть считал его (исследование) разновидностью познавательной деятельности [2, с. 48]. Василенко В. П. , признавая исследование одним из этапов работы с доказательствами, увязывал его с извлечением и осмыслением полезной для нужд доказывания информации [3, с. 67].

Близкие по смыслу суждения можно встретить и в других публикациях. Хотя существуют и несколько иные точки зрения, предполагающие попытки отождествления феномена исследования доказательств лишь с судебно-экспертной практикой, в первую очередь с экспертными исследованиями потенциальных вещественных доказательств [4, с. 83].

Конечно, идеи об автономности исследования доказательств, о потребности в его признании отдельным, самостоятельным компонентом уголовно-процессуального доказывания, на первый взгляд, могут показаться достаточно надуманными, не имеющими никакого смысла. По всей вероятности, именно с этим в многим были связаны адресованные Жусипбековой А. М. вопросы, в первую очередь заданный в ходе публичной защиты диссертации устный вопрос профессора Победкина А. В. Ведь установленная уже упомянутой ст. 85 УПК РФ структура доказывания, сводящаяся к хорошо известной трёхчленной формуле – «собирание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств» – будто и так предполагает возможность улавливания субъектами-познавателями различных информационных сигналов, как бы «считывания» закодированных в них гносеологических посылов. Вроде бы подобные познавательные потребности вполне удовлетворимы путём собирания доказательств, а иногда – их проверки, часто выполняемой с помощью сходных с тем же собиранием когнитивно-удостоверительных приёмов.

Однако такое впечатление обманчиво. В результате обстоятельного и вдумчивого погружения в проблематику уголовно-процессуального доказывания в целом, детального изучения и анализа феноменов собирания и исследования доказательств в частности возникает убеждённость в невозможности поглощения одним (собиранием) другого (исследования) – существенные, в некотором смысле даже методологические различия между ними начинают представляться вполне очевидными. Становится ясно, что собирание доказательств надлежит отождествлять не с познанием, а лишь с накоплением дознавателями, следователями, судами либо экспертами (!) востребованных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные Кодексом информационные активы, пригодные к использованию для аргументации приговоров либо других правоприменительных актов. Иными словами, собирание доказательств – это не столько про улавливание субъектами-познавателями информационных сигналов, не столько про «считывание» закодированных в них гносеологических посылов, сколько про их юридическое превращение в допустимые средства доказывания, то есть про их своеобразную процессуальную сертификацию с одновременным включением в общий массив доказательственного материала.

Правда, ввиду гносеологического многообразия подлежащих такому собиранию объектов, различных источников их происхождения оно (собирание) может осуществляться либо посредством формирования доказательств, либо посредством их приобщения к уголовному делу. Так, под формированием надо понимать осуществляемую путём производства следственных и судебных действий, судебных экспертиз (т. е. в условиях юридической формы, юридического «ритуала»), процессуальную деятельность, направленную на возникновение новых информационных активов: показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как приобщением доказательств следует считать несколько иной юридический «ритуал» – процедуру формального признания допустимыми средствами доказывания: вещественными доказательствами, а́лиусными (иными) документами заключениями специалиста – предметов и документов, первоначально появляющихся за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и лишь затем попадающих «на стол»

к следователю (дознавателю) либо в зал судебного заседания в состоянии фактической готовности к использованию по назначению.

Замысел настоящей статьи не подразумевает очередного изложения авторской позиции о дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания на формируемые и так называемые паратусные (собираемые посредством приобщения к уголовному делу). Тем более у автора нет никаких намерений затевать очередной раунд соответствующей полемики с оппонентами – этой материи посвящены многие другие публикации. Однако хотелось бы ещё раз обратить внимание на весьма важный нюанс – на вынужденное признание некогда допущенной собственной ошибки. Ведь прежде формирование доказательств казалось чем-то предполагающим полную интеграцию улавливания субъектами-познавателями информационных сигналов, «считывания» закодированных в них гносеологических посылов с их накоплением посредством юридического преобразования в допустимые информационные активы, то есть некое слияние «когнитивности» и «ритуальности» в абсолютно неразделимую, как бы монолитную общность. Тогда как приобщение доказательств к материалам дознавательского, следственного или судебного производства (в ещё более ранних публикациях оно называлось просто собиранием доказательств) представлялось чем-то сугубо процедурно-накопительским, тотальным воплощением «ритуальности», начисто лишённым какой-либо примеси «когнитивности».

Вместе с тем в итоге дальнейших изысканий и раздумий постепенно наступило уразумение некоторой несправедливости данной точки зрения – появилось осознание потребности в её частичном пересмотре. Конечно, сами по себе следственные и судебные осмотры, допросы, эксперименты, другие предусмотренные Кодексом познавательно-направленные действия, в том числе судебные экспертизы, продолжают по-прежнему видеться имеющими достаточно сложную, интеграционную природу, позволяющими, с одной стороны, улавливать различные сигналы, «считывать» закодированные в них гносеологические посылы, а с другой – одновременно преобразовать их в юридически пригодные для нужд доказывания (допустимые) информационные активы. Однако подобное слияние «когнитивности» с «ритуальностью» больше не представляется главным отличием формирования доказательств от введения предметов и документов в досудебное или судебное производство в качестве паратусных средств доказывания. Напротив, возникла уверенность, что сама по себе «когнитивность» не присуща ни формированию доказательств, ни их приобщению к уголовному делу. Другими словами, собиранию доказательств как одному из легально определённых компонентов доказывания, как начальному элементу предусмотренной ст. 85 УПК РФ трёхчленной формулы никакие детерминированные гносеологическими закономерностями воспринятия, изучения, анализирования полезной информации, познавательные приёмы просто не свойственны!

И формирование доказательств, и приобщение в качестве таковых к уголовному делу различных предметов и документов – это не более чем разные способы юридической сертификации накапливаемых информационных активов, сопровождаемой их признанием пригодными к использованию, то есть допустимыми средствами уголовно-процессуального доказывания. И, следовательно, критерии для дифференциации таких способов надлежит усматривать не столько в наличии/отсутствии познавательных приёмов, фрагментов «когнитивности», сколько в гносеологическом многообразии подлежащих процессуальному «освоению» сведений, в различных источниках их происхождения. Формирование нужно ассоциировать с изначально «бесформенными», хаотично запечатлёнными в объективной реальности либо человеческой памяти фрагментами ценной

информации, подлежащей превращению в показания, экспертные заключения или результаты (протоколы) следственных либо судебных действий в ходе производства соответствующих процессуально-созидательных действий: осмотров, обысков, допросов, предъявлений для опознания, судебных экспертиз и т. д., то есть путём создания, «сотворения» новых информационных продуктов. Приобщение, в свою очередь, надлежит увязывать с возникшими, в частности, созданными вне уголовно-процессуальных правоотношений и затем попадающими в распоряжение дознавателя, следователя, суда предметами либо документами, в связи с чем нуждающимися в юридической легализации, осуществляемой посредством их формального признания паратусными доказательствами и введения в общую доказательственную массу, но не в качестве когнитивного сырья либо полуфабрикатов, а в качестве находящихся в готовности к использованию изделий.

И таким образом, представляется, что подлинно познавательные приёмы, подлинные фрагменты «когнитивности», сводящиеся не к накоплению и сертификации информационных активов, а к восприятию, анализированию, изучению ценных для нужд доказывания сведений, то есть к улавливанию субъектами-познавателями поступающих информационных сигналов, к «считыванию» закодированных в них гносеологических посылов, свойственны не столько собиранию, сколько другому необходимому компоненту работы с доказательствами – их исследованию. Именно оно (исследование), сводится к вербальной либо невербальной перцепции «следов преступления» (следов в широком смысле как любых материальных либо идеальных отражений объективной реальности). Именно оно состоит в постижении и осмыслении дознавателями, следователями, прокурорами, защитниками, судьями, другими субъектами доказывания содержания накопленных (накапливаемых) либо только предполагаемых к накоплению информационных активов, в распознавании и должном усвоении их внешних и внутренних признаков, свойств, атрибутов, к формированию на основе воспринятого контента соответствующих мысленных образов. Именно результаты исследования доказательств во многом способствуют их проверке, надлежащей оценке, обеспечивают возможность их использования по назначению.

Другое дело, что в реальной практической деятельности сугубо познавательные (читай: исследовательские) приёмы нередко предрасположены к слиянию с одновременно осуществляемыми процессуально-созидательными приёмами по накоплению (читай: собиранию) соответствующих доказательств в единые общности, предполагающие вышеупомянутую интеграцию «когнитивности» и «ритуальности». Причём особо высокой степенью смешения когнитивных улавливаний субъектами-познавателями информационных сигналов, «считываний» закодированных в них гносеологических посылов с их юридическими преобразованиями в пригодные к использованию в качестве средств доказывания информационные активы, несомненно, характеризуются следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы. В этой связи чёткое практическое разграничение фрагментов собирания и исследования доказательств, их аккуратное «раскалывание по полочкам» является достаточно сложной задачей. И хотя теоретические критерии для такого разграничения представляются вполне понятными и очевидными, указанная задача, увы, оказалась не под силу подавляющему большинству специалистов. На сегодняшний день испытать гордость за распознание разниц между собиранием и исследованием доказательств могут очень немногие, не обременённые стереотипами учёные, в том числе Жусипбекова А. М. [10, с. 21–22] и приглашённый в качестве официального оппонента на защиту её диссертации Конин В. В. [11, с. 188].

Резюмируя сказанное, можно с уверенностью заявить, что, несмотря на достаточно тесное переплетение фрагментов собирания и исследования доказательств

в правоприменительной практике, на сложности в выявлении и распознавании параметров для их разграничения, такие критерии всё же существуют. Они связаны с сугубо индивидуальными ролями, собственными предназначениями указанных компонентов доказывания, обуславливающими разные по смыслу, характеру и содержанию приёмы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. И в этой связи поглощение исследования доказательств их собиранием, равно как и наоборот, представляется невозможным.

Собирание доказательств состоит не в познании, а лишь в накоплении уполномоченными субъектами полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию по назначению (допустимые) информационные активы, то есть в своеобразной процессуальной сертификации с одновременным включением в общий массив доказательственного материала. Тогда как исследование доказательств, напротив, выполняет не процедурно-накопительскую, а именно когнитивную роль – заключается в улавливании субъектами-познавателями различных информационных сигналов, в «считывании» закодированных в них гносеологических посылов, то есть в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих собиранию доказательственных активов в целях их дальнейшей проверки, оценки на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивного использования в качестве средств доказывания.

А в завершение настоящей статьи хотелось бы ещё раз обратить внимание на невозможность детального освещения в рамках сравнительно небольшого объёма журнальной публикации многих других нуждающихся в доктринальном осмыслении проблем, связанных с феноменом исследования доказательств, в том числе с его сопоставлением с проверкой доказательств как ещё одним компонентом уголовно-процессуального доказывания. На их рассмотрение и разрешение планируется направить дальнейшие научные усилия автора.

---

1. Россинский С. Б. Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
2. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.
3. Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии. Москва: Академия МВД СССР, 1978. 134 с.
4. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: Издательство Московского университета, 1989. 182 с.
5. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.
6. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191.

1. Rossinskij S. B. Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy` razgranicheniya // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 5. S. 24–27.
2. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel`stv. M.: Nauka, 1966. 295 s.
3. Vasilenko V. P. Issledovanie dokazatel`stv na predvaritel`nom sledstvii. Moskva: Akademiya MVD SSSR, 1978. 134 s.

4. Samy`gin L. D. Rassledovanie prestuplenij kak sistema deyatel`nosti. M.: Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta, 1989. 182 s.
5. Zhusipbekova A. M. Issledovanie dokazatel`stv kak e`lement dokazy`vaniya po ugolovnomu delu // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 19–23.
6. Konin V. V. Issledovanie dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve: diskussionny`e voprosy` // Nauchny`j vestnik orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2 (99). S. 185–191.

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский. Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, доктор юридических наук, профессор.
Институт государства и права Российской академии наук.
119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy. Chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology. Doctor of Law, Professor.
Institute of state and law of the Russian academy of sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka Str., 10.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 01.04.2025; approved after review on 10.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

Семенов Евгений Алексеевич[1], Замуруева Елизавета Юрьевна[2]
[1,2]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия

[1]semen_evge@mail.ru
[2]kibalina1456@yandex.ru

Аннотация. Заключение под стражу выступает самой строгой из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством России мерой пресечения, которая связана с существенными ограничениями свободы человека. Для того чтобы заключение под стражу было законным, обоснованным и мотивированным, необходимо соблюдать основания и условия применения данной меры воздействия, а также анализировать обстоятельства, подлежащие учёту при её избрании. В статье рассмотрены процессуальные особенности рассмотрения ходатайства о применении в отношении иностранного гражданина меры пресечения в виде заключения под стражу. Авторами исследуется уголовно-процессуальное законодательство, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, а также решения суда трёх федеральных округов: Центрального, Северо-Западного и Сибирского – об избрании самой строгой обеспечительной меры в отношении данной категории лиц. На основе сравнительного анализа выделяются особенности применения заключения под стражу в отношении иностранного подозреваемого, обвиняемого.

Ключевые слова: меры пресечения, иностранный гражданин, заключение под стражу, основания применения, условия применения, ходатайство перед судом.

Для цитирования: Семенов Е. А., Замуруева Е. Ю. Особенности применения мер пресечения в виде заключения под стражу в отношении иностранных граждан // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 278–287.

FEATURES OF THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE FORM OF DETENTION IN RELATION TO FOREIGN CITIZENS

Semenov Evgeny Alekseevich[1], Zamurueva Elizaveta Yurevna[2]
[1,2]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

[1]semen_evge@mail.ru
[2]kibalina1456@yandex.ru

Annotation. Detention is the strictest preventive measure provided for by the criminal procedure legislation of Russia, which is associated with significant restrictions on human freedom. In order for the application of detention to be legal, justified and motivated, it is necessary to comply with the grounds and conditions for the application of this measure of influence, take into account the circumstances subject to consideration when choosing it. The article considers the procedural features of considering a petition for the application of a preventive measure in the form of detention in relation to a foreign citizen. The authors analyze the criminal procedure legislation, the Resolution of the Plenum of the Supreme

Court of the Russian Federation, as well as decisions of the court of three federal districts: Central, North-West and Siberian on the selection of the strictest security measure in relation to this category of persons of Mtsensk, St. Petersburg and Omsk. Based on the comparative analysis, the authors highlight the features of the use of detention in relation to a foreign suspect, accused.

Keywords: preventive measures, foreign citizen, detention, grounds for application, conditions of application, petition to the court.

For citation: Semenov E.A., Zamurueva E.Yu. Features of the application of preventive measures in the form of detention in relation to foreign citizens // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 278–287.

Право на свободу является основополагающим правом человека. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ), общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров РФ допускают возможность ограничения права на свободу лишь в той мере, в какой оно необходимо в определённых законом целях и в установленном законом порядке. Ограничение прав и свобод может быть оправдано публичными интересами, если они отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей.

Заключение под стражу выступает самой строгой из предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством России мерой пресечения, поскольку оно связано с существенными ограничениями свободы человека. Симагина Н. А., в частности, отмечает, что по своей правовой природе заключение под стражу в рамках уголовного процесса выступает существенным ограничением свободы гражданина, хотя фактическая сущность данной меры пресечения, в рамках которой лицо содержится в специализированных учреждениях в строгой изоляции, позволяет говорить о том, что подозреваемый или обвиняемый на определённый срок лишается права на свободу, а не ограничивается в нём [1, с. 16]. Однако при такой схожести с лишением свободы как видом наказания за совершение преступление нельзя смешивать данные понятия. Заключение под стражу и лишение свободы имеют разную социально-правовую природу, а также регулируются различными отраслями российского права [2, с. 289].

Для того чтобы применение заключения под стражу было законным, обоснованным и мотивированным, необходимо соблюдать основания и условия применения данной меры воздействия, учитывать обстоятельства, подлежащие анализу при её избрании. При изучении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) нормы, регулирующие применение мер пресечения, не разграничивают подозреваемых и обвиняемых на лиц, которые являются гражданами РФ и которые относятся к иностранным гражданам. Однако председатель Следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ) Александр Бастрыкин на оперативном совещании о результатах работы следственных органов по расследованию преступлений, совершённых мигрантами, отметил, что в текущем году иностранцами совершено 23 847 криминальных деяний. При этом число тяжких преступлений, совершённых приезжими, возросло на 12 % (с 4 390 до 4 935). Втрое увеличилось число преступлений, совершённых лицами, незаконно находящимися на территории России[1]. Указанные данные свидетельствуют об особом подходе в части

[1] Совещание о результатах работы следственных органов по расследованию преступлений, совершенных мигрантами [Электронный ресурс]. URL: https://sledcom.ru/ (дата обращения: 17.03.2025).

применения мер пресечения к иностранным подозреваемым, обвиняемым, что также подтверждает Верховный Суд в своём постановлении[1].

Вместе с тем в соответствии со ст. 3 УПК РФ производство по уголовным делам о преступлениях, совершённых иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории РФ, ведётся в соответствии с правилами УПК РФ. Применение мер процессуального принуждения в отношении иностранных граждан, не пользующихся иммунитетом от юрисдикции РФ, осуществляется в соответствии со ст. ст. 91–118 УПК РФ. Однако на примере решений суда г. Мценска, г. Санкт-Петербурга, г. Омска[2] нами выделены особенности, определяющие специфику избрания меры пресечения заключения под стражу в отношении данной категории лиц.

По существу иностранные подозреваемые, обвиняемые, содержащиеся под стражей на территории РФ, исполняют обязанности и пользуются аналогичными с гражданами РФ правами и свободами. Не допускается дискриминация подозреваемых, обвиняемых по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также по иным обстоятельствам[3]. Рассмотрим ключевые аспекты применения самой суровой меры принуждения.

Во-первых, особое внимание заслуживает анализ процедуры, связанной с предоставлением ходатайства перед судом об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В практической деятельности распространено явление, когда должностные лица органов предварительного расследования с согласия руководства следственного органа, обязанного согласовать такие постановления в соответствии с требованиями УПК РФ, подходят к этому процессу формально. Формальность заключается в недостаточной аргументации перед судом необходимости избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Эта «формальность» часто проявляется в том, что следователь в своих ходатайствах перечисляет основания, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, не обосновывая их должным образом.

Закон предписывает должностному лицу органа уголовного преследования представить суду не формальное, а именно мотивированное ходатайство, а также приложить к постановлению материалы, подтверждающие обоснованность данного ходатайства. Это означает, что принятию судом решения о применении меры пресечения должно предшествовать доказывание, в процессе которого у суда формируется убеждение в обоснованности соответствующего ходатайства [3, с. 2].

---

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Мценского районного суда Орловской области от 31 июля 2023 г. по делу № 398; Постановление Мценского районного суда Орловской области от 5 декабря 2024 г. по делу № 034 // Архив Мценского районного суда Орловской области; Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 1 августа 2024 г. по делу № 6/24; Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 6 мая 2024 г. по делу № 7/24; Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 февраля 2024 г. по делу № 7/25 // Архив Кировского районного суда Ленинградской области. Апелляционное постановление Омского областного суда от 4 декабря 2024 г. по делу № 033; Постановление Кировского районного суда г. Омска от 11 сентября 2020 г. по делу № 056; Постановление Кировского районного суда г. Омска от 21 августа 2024 г. по делу № 457 // Архив Кировского районного суда г. Омска.

[3] О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В настоящее время следователи, дознаватели при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу ориентируются не только на нормы УПК РФ, но и на разъяснения, представленные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Пленум ВС РФ), разработанные в целях обеспечения единообразия судебной практики и совершенствования на этой основе уголовного судопроизводства[1].

При этом следует учитывать, что, поскольку основания для избрания данной меры пресечения подлежат доказыванию в ходе судебного заседания, представленные материалы должны отвечать требованиям, предъявляемым к доказательствам.

При применении любой меры пресечения должно использоваться правило экономии. При решении задач уголовного судопроизводства компетентное должностное лицо должно выбирать обеспечительные меры с наименьшим принудительным воздействием. Выбор обеспечительных мер должен осуществляться с учётом обстоятельств дела и персональных характеристик обвиняемого, подозреваемого, осуждённого (ст. 99 УПК РФ). Если данные обстоятельства не будут учтены при выборе конкретной меры пресечения, то это может привести к ситуации, когда опасное для общества лицо останется на свободе, а субъект, не склонный противодействовать следствию, окажется под стражей [4, с. 539].

В постановлении следователем указываются анкетные данные подозреваемого, обвиняемого, преступление, в совершении которого он обвиняется или подозревается.

Во-вторых, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в соответствии с положением ч. 1 ст. 108 УПК РФ. С учётом последних изменений, которые внёс ФЗ РФ от 28.02.2025 № 13-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[2], данная мера пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести с применением насилия либо с угрозой его применения, тяжкого или особо тяжкого преступления при невозможности применения иной, более мягкой меры пресечения.

В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана:

1) в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести без применения насилия либо угрозы его применения при наличии одного из следующих обстоятельств:

а) подозреваемый или обвиняемый не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации;

б) его личность не установлена;

в) им нарушена ранее избранная мера пресечения;

г) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Кроме того, указываются дата (число, месяц, год) и место его составления: должностное положение, звание и фамилия лица, принимающего решение; статьи УПК РФ, в соответствии с которыми избирается заключение под стражу. И, конечно же, важнейшая часть постановления – его мотивировка. Здесь кратко, но конкретно излагаются основания заключения под стражу и указываются те цели, для достижения которых оно применяется.

В-третьих, анализ постановлений об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судами г. Омска, г. Мценска и г. Санкт-Петербурга указывает

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. Закон Рос. Федерации от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на то, что при их вынесении суды учитывают положения ст. 97 УПК РФ. При применении меры пресечения необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела, учитывать личность подозреваемого, обвиняемого, его поведение на различных этапах судопроизводства [5, с. 116]. В связи с тем что рассматриваемые нами постановления выносятся в отношении иностранных граждан, суд в большинстве случаев руководствуется положениями п. 1. ч. 1 ст. 97 УПК РФ, так как чаще всего у иностранных граждан отсутствуют устойчивые социальные связи на территории Российской Федерации, есть гражданство иностранного государства, что является существенным основанием полагать, что лицо может скрыться от органов предварительного расследования и суда (согласно п. 5 Постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41[1]).

В некоторых случаях основанием для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу является п. 3. ч.1 ст. 97 УПК РФ. Например, в постановлении суда г. Мценска Орловской области одним из оснований избрания меры пресечения в вид заключения под стражу является наличие близких отношений у подозреваемого с потерпевшей, в связи с чем он может оказать на неё давление и заставить отказаться от показаний.

При рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения и виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого в преступлениях, предусмотренных ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159,6, 160 и 165 УК РФ, суд должен выяснить, совершены ли эти преступления в сфере предпринимательской деятельности. В соответствии с разъяснениями, содержащимися и постановлении Пленума ВС РФ от 15.11.2016 № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»[2], для разрешения вопроса о предпринимательском характере деятельности судам надлежит иметь в виду, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

В-четвёртых, суд при вынесении решений обязан соблюдать требования, предусмотренные ст. 108 УПК РФ и п. 29 постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41, согласно которым при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суду следует оценить в том числе наличие оснований и соблюдение порядка задержания подозреваемого в соответствии со ст.ст. 91, 92 УПК РФ (проверка даты фактического задержания).

Рассматривая постановления, вынесенные судами г. Омска и Омской области, можно прийти к выводу о том, что суды данного субъекта при вынесении решения основываются исключительно на ст. 108 УПК РФ, не подвергая проверке законность задержания лица. Суд г. Мценска Орловской области при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу руководствуется положениями ст. 108 УПК РФ, а также оценивает законность задержания лица в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ. Суды г. Санкт-Петербурга при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении

[1] О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Электронный ресурс]: постановления Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

иностранного гражданина применяли положения ст. 108 УПК, однако, как и суды г. Омска и Омской области, не оценивали законность и обоснованность задержания лица.

Резюмируя вышеизложенное, приходим к выводу о том, что все суды вне зависимости от субъекта при избрании меры пресечения руководствуются положениями ст. 108 УПК РФ, так как именно эта норма содержит в себе обстоятельства, которые должен учитывать суд для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако не все суды руководствуются положениями п. 29 постановления Пленума ВС РФ от 19.12.2013 № 41, то есть не проводят оценку оснований и соблюдения порядка задержания подозреваемого, обвиняемого лица.

В-пятых, при вынесении решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу суд должен оценить обоснованность подозрения или обвинения лица в совершении преступления. В. Н. Курченко справедливо отмечает, что «признак вины устанавливается на последующих этапах расследования, а при проверке обоснованности подозрения лица в совершении преступления суд должен убедиться в достаточности данных об имевшем место событии преступления и сведений о причастности к данному деянию подозреваемого, обоснованности подозрения его в событии, но без обсуждения вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении» [6, с. 58].

Судебные постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенные судами г. Орла и г. Мценска, содержат в себе сведения о проверке обоснованности подозрения лица в совершении преступления. Например, судебное постановление от 31.07.2023 Мценского районного суда содержит в себе следующие сведения: «Приобщённые к ходатайству следователя материалы: заявления Х., В., М., показания потерпевших Х., В., М., показания свидетелей, показания подозреваемого Т. и подозреваемого У., протоколы опознания содержат конкретные сведения, указывающие на возможную причастность Т. к инкриминируемым деяниям».

Суды г. Санкт-Петербурга также учитывают обоснованность подозрения (предъявленного обвинения) в отношении лица, например: постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 06.05.2024 содержит следующую формулировку: «В представленных суду материалах имеется достаточно данных, свидетельствующих о наличии события преступления, а также обосновывающих выдвинутое в отношении М. подозрение. В частности, обоснованность подозрения в причастности М. к совершению преступления подтверждается протоколом его личного досмотра и протоколами осмотра мест происшествия, в ходе которых согласно справкам оперативного исследования были изъяты наркотические средства, а также показаниями М., данными в качестве подозреваемого и обвиняемого». И. Я. Фойницкий обращал внимание на то, что «меры пресечения применяются не к виновным, а к лицам, вина которых подлежит доказыванию, о которых ещё не все доказательства собраны, они могут оказаться совершенно невинными» [7, с. 346]. Судья должен проверить, что в материалах, аргументирующих ходатайство о заключении под стражу, содержатся конкретные сведения о причастности к совершённому преступлению определённого лица, обязан дать им оценку, но без обсуждения вопроса о его виновности [8, с. 133–134].

Презумпция невиновности является одной из руководящих идей уголовного процесса, пронизывающая все стадии уголовного судопроизводства. Данный принцип закреплён в ст. 14 УПК РФ, согласно которой обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Суд, как и любой другой участник уголовного судопроизводства, обязан соблюдать принципы, закреплённые в УПК РФ, в связи с чем в его постановлениях,

решениях, определениях до рассмотрения основного вопроса на центральной стадии недопустимы формулировки о виновности лица.

В-шестых, при выборе определённой меры пресечения с учётом строгости ограничений необходимо также принимать во внимание обстоятельства, которые дополнительно учитываются в соответствии со ст. 99 УПК РФ. К ним относятся: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и так далее.

Проанализировав судебную практику судов Орловской, Ленинградской и Омской областей, можно сделать вывод, что судами в целом соблюдаются требования ст. 99 УПК РФ, удовлетворение ходатайств об избрании рассматриваемой меры пресечения происходит на её основе. Отличия состоят в том, на какие именно основания из представленных в ч. 1 ст. 99 УПК РФ в основном ссылаются судебные органы.

В Ленинградской области акцент делается на тяжести преступления, роде занятий подозреваемого (трудоустройство) и наличии/отсутствии постоянного места жительства, другие сведения о личности рассматриваются реже (например, в постановлении судьи Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 13.02.2025 в рамках оценки данных личности было указано отсутствие социальных связей).

В Орловской области в целом в первую очередь рассматриваются вопросы источников дохода, наличия или отсутствия постоянной регистрации, места жительства, однако можно отметить примеры рассмотрения наиболее широкого круга оснований: в постановлении № 2024 судом были учтены также сведения о браке, наличии иждивенцев, возраст и другие.

Судебная практика Омской области демонстрирует самое сжатое изложение обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В тексте постановлений судьи ссылаются на ст. 99 УПК РФ, но не раскрывают их подробно (Апелляционное постановление Омского областного суда от 04.09.2024; а в постановлении судьи Кировского районного суда г. Омска от 11.09.2020) вообще нет дополнительных данных о личности, которые повлияли бы на решение суда).

Изучение и принятие к сведению всех обстоятельств по уголовному делу способствуют выбору более справедливой и мягкой меры пресечения по отношению к подозреваемому, обвиняемому. Например, проверка наличия соответствующих доводов, тщательно выясненного ответа на вопрос о состоянии здоровья подозреваемого, обвиняемого о наличии либо отсутствии заболеваний, включённых в перечень тяжёлых заболеваний, может препятствовать применению мер пресечения из-за нецелесообразности, а также гуманного отношения к этому лицу. Более того, в ч. 11 ст. 110 УПК РФ закреплено, что мера пресечения в виде заключения под стражу должна сменяться на более мягкую обеспечительную меру, если у подозреваемого, обвиняемого выявлено тяжкое заболевание, которое определено по результатам медицинского освидетельствования.

В-седьмых, результаты изучения процессуальных документов Ленинградской, Орловской и Омской областей позволяют сделать заключение о том, что во всех этих регионах происходит полная проверка наличия соответствующих доводов о состоянии здоровья и других медицинских показателей, тщательно выясняется ответ на вопрос о состоянии здоровья подозреваемого, о наличии либо отсутствии заболеваний, включённых в перечень тяжёлых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей обвиняемых в совершении преступления.

В-восьмых, суд в соответствии с п. 13 постановления Пленума от 19.12.2013 № 41 при изучении документов, предоставляемых органами предварительного расследования в обоснование ходатайств о применении меры пресечения в виде

заключения под стражу, должен проверять наличие приложенных копий следующих документов (в хорошем качестве и надлежащим образом заверенные):

- постановление о возбуждении уголовного дела;
- протокол задержания (в том числе указание о надлежащем уведомлении посольства или консульства государства, гражданином которого является иностранный гражданин);
- постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого (при наличие);
- допрос подозреваемого (обвиняемого);
- иные материалы, свидетельствующие о причастности лица к преступлению, сведения об участии в деле защитника, потерпевшего, а также имеющиеся в деле данные, подтверждающие необходимость избрания в отношении лица заключения под стражу (сведения о личности подозреваемого (обвиняемого), справки о судимости, справки ИБД-Р, справки ЦБДУИГ, данные о возможности лица скрыться от следствия, об угрозах в адрес потерпевших, свидетелей и т. п.).

Так, проанализировав судебную практику указанных регионов, мы можем прийти к выводу о том, что суды тщательно проверяют наличие и качество таких документов, как постановление о возбуждении уголовного дела, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, протоколы задержания и допросов. Например, в Постановлении суда от 31.07.2023 (г. Мценск) сразу излагается информация о том, как было возбуждено уголовное дело, кем и в отношении кого («…29 июля 2023 г. было возбужденно уголовное дело №…398 СО МО МВД России «Мценский» по ч. 3 ст. 159 УК РФ по факту хищения денежных средств неустановленным лицом в размере 510 000 рублей путём мошенничества в период времени с 14 часов 30 минут по 16 часов 30 минут 29 июля 2023 г. у М. (Ф.И.О.), позвонив ей на стационарный телефон по адресу проживания: Орловская область, г. Мценск, ул. …, д. …, кв. …, тем самым причинив крупный ущерб потерпевшей…»).

Таким образом, исследуемая мера пресечения выступает одной из наиболее строгих форм изоляции человека от общества и её применение должно осуществляться с осторожностью, исключительно в том случае, если более мягкая мера пресечения действительно невозможна. Данный вывод обусловлен в том числе гуманизацией современной уголовно-правовой политики государства и внесёнными в ст. 108 УПК РФ изменениями[1].

Проанализировав постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу иностранных граждан на примере Орловской (Центральный федеральный округ), Ленинградской (Северо-Западный федеральный округ) и Омской областей (Сибирского федеральный округ), мы приходим к выводу, что складывающая при разрешении ходатайств об избрании самой суровой меры пресечения в отношении иностранных граждан судебная практика отличается в большей степени однообразностью применения в этой части норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Вместе с тем отдельные расхождения обуславливаются как спецификой рассматриваемых уголовных дел, так и различиями установленных по уголовным делам сведений.

---

1. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: 2020. 31 с.

---

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 февраля 2025 г. № 13-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Швырков В.В., Семенов Е.А. Заключение под стражу как мера принуждения в уголовном процессе: понятие, основание и порядок применения // Современность в творчестве начинающего исследователя: Материалы научно-практической конференции молодых ученых, Иркутск, 25 марта 2022 года. Иркутск, 2022. С. 288–290.
3. Лазарева В. Под стражу без оснований? // Юридическая газета. 2011. № 16. С. 1-2.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2017. 1280 с.
5. Замуруева Е. Ю. Достаточность оснований для избрания мер пресечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 111–118.
6. Курченко В. Н. Пределы исследования судом обоснованности подозрения // Уголовный процесс. 2014. № 11. С. 50–59.
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1907. 608 с.
8. Муравьев К. В. Заключение под стражу: результаты двадцатилетнего совершенствования // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 08–09 апреля 2021 года. Том Часть 1. Красноярск, 2021. С. 132–135.

1. Simagina N.A. Mery` presecheniya i obstoyatel`stva, uchity`vaemy`e pri ix izbranii (teoriya i sovremennaya praktika): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.: 2020. 31 s.
2. Shvy`rkov V.V., Semenov E.A. Zaklyuchenie pod strazhu kak mera prinuzhdeniya v ugolovnom processe: ponyatie, osnovanie i poryadok primeneniya // Sovremennost` v tvorchestve nachinayushhego issledovatelya: Materialy` nauchno-prakticheskoj konferencii molody`x ucheny`x, Irkutsk, 25 marta 2022 goda. Irkutsk, 2022. S. 288–290.
3. Lazareva V. Pod strazhu bez osnovanij? // Yuridicheskaya gazeta. 2011. № 16. S. 1-2.
4. Kurs ugolovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. M., 2017. 1280 s.
5. Zamurueva E. Yu. Dostatochnost` osnovanij dlya izbraniya mer presecheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 2(91). S. 111–118.
6. Kurchenko V. N. Predely` issledovaniya sudom obosnovannosti podozreniya // Ugolovny`j process. 2014. № 11. S. 50–59.
7. Fojniczkij I. Ya. Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva: v 2 t. T. 2. SPb., 1907. 608 s.
8. Murav`ev K. V. Zaklyuchenie pod strazhu: rezul`taty` dvadczatiletnego sovershenstvovaniya // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupnost`yu: voprosy` teorii i praktiki: materialy` XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnoyarsk, 08–09 aprelya 2021 goda. Tom Chast` 1. Krasnoyarsk, 2021. S. 132–135.

Информация об авторах

Евгений Алексеевич Семенов. Начальник кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Елизавета Юрьевна Замуруева. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Evgeny Al. Semenov. Head of the Criminal Procedure Department. Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Elizaveta Y. Zamurueva. Senior Lecturer of the Criminal Procedure Department. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Oryol, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 03.04.2025; одобрена после рецензирования 25.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 03.04.2025; approved after review on 25.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.131

РОЛЬ И МЕСТО ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Синекин Александр Александрович
Академия управления МВД России, Москва, Россия

aleksandr.9696@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные модели взаимодействия принципа справедливости с другими принципами уголовного процесса. Проявляя свои общеправовые свойства, принцип справедливости служит «идейным ядром» уголовного процесса. В своём узкоотраслевом качестве данный принцип наряду с иными отраслевыми принципами служит реализации общей цели и социального назначения уголовного судопроизводства. Взаимодействие принципов законности и справедливости сочетает отношения взаимообусловленности и конкуренции, что продиктовано их общими идейными корнями и особым, общеправовым и одновременно отраслевым статусом данных принципов.

Ключевые слова: уголовный процесс, принципы уголовного процесса, принцип справедливости, принцип законности, система принципов.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – учёного секретаря учёного совета Академии управления МВД России кандидата юридических наук Урбана В. В.

Для цитирования: Синекин А. А. Роль и место принципа справедливости в системе принципов уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 288–294.

THE ROLE AND PLACE OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE SYSTEM OF PRINCIPLES OF CRIMINAL JUSTICE

Alexander A. Sinekin
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

aleksandr.9696@mail.ru

Annotation. The main models of interaction of the principle of justice with other principles of the criminal process are considered. Manifesting its general legal properties, the principle of justice serves as the "ideological core" of the criminal process. In its narrowly sectoral capacity, this principle, along with other sectoral principles, serves the realization of the general purpose and social purpose of criminal proceedings. The interaction of the principles of legality and justice combines the relations of interdependence and competition, which is due to their common ideological roots and the special, general legal and at the same time sectoral status of these principles.

Keywords: criminal procedure, principles of criminal procedure, principle of justice, principle of legality, system of principles.

Gratitude: the work was made with the support of the scientific supervisor, scientific secretary of the academic council of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law sciences Urban V. V.

For citation: Sinekin A. A. The role and place of the principle of justice in the system of principles of criminal justice // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry ofthe Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 288–294.

В научной литературе подчёркивается особое, основополагающее для системы принципов уголовного процесса значение принципа справедливости. Так, Вилкова Т. Ю., отмечая общеправовой характер исследуемого принципа, указывает, что справедливость, в качестве духовно-нравственной основы «пронизывает все нормы гл. 2 УПК РФ» [1, с. 109]. Гуляев А. П. доказывает особое иерархическое значение принципа справедливости, считая его главным (наряду с законностью) по отношению к иным принципам уголовного процесса. Последние, по мнению учёного, призваны служить именно обеспечению законности и справедливости [2, с. 7]. В вопросе построения иерархических связей между принципами полагаем наиболее обоснованным с точки зрения общепринятых положений теории права выделение трёх уровней: общеправового, межотраслевого и отраслевого. В данном вопросе мы разделяем позицию, высказанную Вилковой Т. Ю., что принцип с одним и тем же названием может иметь как общеправовой, так и отраслевой статус [1, с. 149]. То есть принцип справедливости может обусловливать иные отраслевые принципы уголовного процесса, проявляя своё общеправовое свойство, и одновременно входить в систему данных принципов в качестве отраслевого. Однако подчеркнём, что грань между общеправовым и отраслевым свойством справедливости является исключительно результатом теоретического абстрагирования (справедливость является единым феноменом; объективно невозможно одновременное существование двух различных справедливостей, поскольку одна из них будет являться несправедливостью) и определяется лишь непосредственной относимостью к сфере уголовного правосудия.

Анализ действующей нормативно-правовой базы, судебной практики и доктринальных положений позволяет выделить несколько моделей взаимодействия принципа справедливости с другими принципами уголовного судопроизводства.

1. Первая модель «Справедливость как идейное ядро». В данном случае принцип справедливости, проявляя свои общеправовые свойства, играет системообразующую роль, продуцирует содержание иных принципов уголовного судопроизводства. Последние, в свою очередь, конкретизируют идею справедливости, являются её юридическим воплощением применительно к сфере уголовно-процессуальных отношений, а их реализация в правоприменительной практике представляет собой способ достижения справедливости как идеальной цели уголовного правосудия. Данная модель взаимодействия проявляется между принципом справедливости и практически всеми принципами, включёнными законодателем в состав главы 2 УПК РФ. Так, положения о разумности срока уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ) непосредственно направлены на реализацию такого условия справедливости уголовного правосудия, как его своевременность. Своевременность правосудия не только служит исключению лишних страданий подозреваемого (обвиняемого), но и, как отмечено в научных исследованиях, является гарантией скорейшего восстановления (компенсации) прав и интересов лиц, пострадавших от преступления, то есть скорейшего восстановления нарушенной справедливости.

Принцип уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), включающий положения о запрете пыток, является важным условием всестороннего, полного и объективного установления обстоятельств преступления. Применение пыток всегда несёт угрозу самооговора, дачи иного рода ложных показаний со стороны лица,

подвергаемого насилию, что делает невозможным установление истины по делу как идеальной цели справедливого уголовного правосудия.

Положения принципа неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ) направлены на обеспечение справедливости при применении мер уголовно-процессуального принуждения, прежде всего связанных с ограничением права на свободу передвижения. Личная неприкосновенность является одним из неотъемлемых прав человека, закреплённым нормами международного права[1] и Конституции РФ (ст. 22); её незаконное нарушение сотрудниками правоохранительных органов воспринимается обществом как одно из ярких проявлений несправедливости.

Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина (ст. 11 УПК РФ) содержит нормативные предписания, направленные на формирование таких условий справедливого правосудия, как обеспечение реализации прав, свобод и законных интересов субъектов уголовно-процессуальных отношений, восстановление таковых в случае их нарушения, а также гарантий безопасности участников уголовного процесса. Описываемая модель взаимосвязи прослеживается в том числе в нормах международного права, посвящённых уголовному правосудию[2].

Содержание принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ) отражает такие идеи справедливого правосудия, как недопустимость привлечения невиновного лица к ответственности и обязанность судебно-следственных органов обеспечить всестороннее, полное и объективное исследование всех обстоятельств уголовного дела.

Принцип состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ) служит основой юридического механизма установления истины по уголовному делу (что является одной из основных задач справедливого уголовного судопроизводства) посредством возможности сторон процесса активно представлять свою правоту, участвовать в спорах, представлять доказательства, подвергать сомнению позицию противоположной стороны.

Идеалы справедливого правосудия проявляются и в положениях, устанавливающих равенство сторон перед судом, непредвзятость и независимость последнего (ст. 8.1, ч. 3, 4 ст. 15 УПК РФ). Данные нормы-принципы призваны служить гарантиями установления истины по делу и вынесения объективного решения.

Реализация принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту (ст. 16 УПК РФ) служит важным условием достижения справедливости уголовного процесса, что отражено как в работах учёных [3], так и в правовых позициях Верховного Суда РФ[3]. Наличие у подозреваемого (обвиняемого) юридических гарантий, препятствующих незаконному или необоснованному применению мер уголовной репрессии, является важным условием справедливости уголовного судопроизводства как в аспекте достижения истины по уголовному делу, так и в соразмерности выносимого наказания тяжести и характеру совершённого преступления.

Принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК РФ), апеллирующий к таким категориям, как «внутреннее убеждение» и «совесть», является, по мнению отдельных авторов, непосредственной попыткой законодателя отразить справедливость уголовного процесса через взаимосвязь духовно-нравственных ценностей личности судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, дознавателей и принимаемых ими процессуальных решений [4].

---

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Европейская конвенция по правам человека. [Электронный ресурс]. URL: https://www.echr.coe.int/home (дата обращения: 23.03.2025).

[2] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью [Электронный ресурс]: резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 29 от 30 июня 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Реализация принципа языка уголовного судопроизводства является одним из основополагающих условий справедливого судопроизводства, поскольку не может идти речи о справедливости уголовного процесса, если в нём участвуют люди, не понимающие сути происходящих процессуальных действий, принимаемых решений, не имеющие возможности способствовать установлению истины по делу. Неслучайно данный принцип закреплён не только в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 18 УПК РФ), но и в нормах основополагающих международных документов в сфере уголовного правосудия[1].

Существенным условием справедливого правосудия является реализация принципа права на обжалование процессуальных действий и решений (ст. 19 УПК РФ). Институт обжалования, во-первых, служит установлению истины по уголовному делу, а во-вторых обеспечивает восстановление в правах лиц, необоснованно подвергшихся уголовной репрессии, что делает его важнейшим рабочим механизмом достижения справедливости в уголовном судопроизводстве. Подтверждением данному тезису служит количество ежегодно рассматриваемых Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда РФ жалоб и представлений[2]. При этом, как отмечается авторами фундаментальных исследований, значительное количество судебных решений изменяется исключительно в силу их явной несправедливости [5, с. 14].

2. Сложный характер взаимодействия, который условно может быть назван как модель «взаимообусловленность-конкуренция», имеет место между принципами справедливости и законности. В современной доктрине оба принципа общепризнанно относятся к общеправовым. Это означает, что каждый из них отражает базовые идеи и ценности, на которых строится вся правовая система. Однако соотношение данных принципов характеризуется сложным сочетанием содержательного единства и противоречия. Единство обусловлено общими идейными корнями положений законности и справедливости, происходящими из представлений античных философов (Аристотель, Гераклит, Демокрит, Платон) о единстве (взаимообусловленности) законов естественных, писанных и справедливости (правды).

Сторонники теории естественного права придерживаются позиции о приоритете справедливости над законностью (закон как формальное отражение справедливости), в то время как с точки зрения позитивистской теории справедливым является лишь то, что формально соответствует закону [6]. В крайней позитивистской трактовке принцип справедливости фактически утрачивает собственное значение, превращаясь в одну из оценочных характеристик законности, её следствие. Отметим, что позитивистский подход к пониманию соотношения законности и справедливости нашёл своё отражение в норме ст. 297 УПК РФ, буквальное толкование которой подразумевает, что справедливым является любой приговор суда, постановленный в соответствии с требованиями Уголовного и Уголовно-процессуального закона.

Интересную позицию занимает в данном вопросе Гуляев А. П., пытающийся обосновать существование единого принципа «законность и справедливость уголовно-процессуальной деятельности» [2, с. 7–8]. Действительно, рассматриваемые принципы тесно взаимообусловлены. Так, нарушение принципа законности, приводящее к ущемлению законных прав и интересов участников уголовного процесса (например, применение пыток), влечёт за собой нарушение справедливости как установленной правом нормальности общественных отношений. В то же время нарушение любой уголовно-процессуальной нормы, отражающей принцип справедливости (например, справедливости приговора (ст. 297 УПК РФ), представляет собой нарушение законности. Однако вести речь об абсолютном слиянии норм законности и

[1] Конвенции о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: от 4 ноября 1950 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Судебная статистика / Верховный Суд Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024 (дата обращения: 23.03.2025).

справедливости полагаем необоснованным. В современной правовой доктрине, законотворческой и правоприменительной практике каждый из этих принципов наделён собственным содержанием и социально значимой целью. Специфика последних обусловливает взаимодополнение норм законности и справедливости в рамках правового регулирования уголовного процесса. По точному замечанию Подольного Н. А., оба принципа отражают основу системы ценностей уголовного судопроизводства. При этом законность представляет шкалу ценностей, определяемую государством, а справедливость – обществом [7, с. 52]. В этом аспекте обоснованным представляется мнение Муравьева К. В. о том, что справедливость в её формальном процедурном аспекте (как соблюдение требований о равенстве сторон, праве на защиту, праве на обжалование и иных процессуальных гарантий) фактически совпадает с требованиями законности. Однако принцип справедливости играет самостоятельную роль в процессе применения к обвиняемому (подозреваемому, подсудимому) норм материального права. Речь идёт о соразмерности применяемых мер принуждения или наказания характеру преступления и личности преступника [8]. В этом случае формально соответствующее требованиям законности процессуальное решение может противоречить принципу справедливости, вступать с ним в конфликт. С другой стороны, действия правоприменителя, основанные не на чётких требованиях закона, а на внутреннем понимании справедливости, всегда несут угрозу произвола, злоупотреблений в целях личной выгоды.

3. Модель «Сотрудничество в достижении единой цели». Анализ научной литературы показывает, что уголовно-процессуальная сущность принципа справедливости выражается в таких аспектах, как 1) обеспечение всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела; 2) соразмерность применяемых государством негативных мер воздействия личности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого), характеру и тяжести совершённого им деяния; 3) восстановление нарушенных преступлением прав потерпевшего (компенсация ущерба) [9, с. 12, 40; 10, с. 72–79]. В таком узкоотраслевом качестве принцип справедливости действует в рамках единой системы совместно с иными отраслевыми принципами, обеспечивая реализацию цели и социального назначения уголовного судопроизводства, установленных нормами ст. 6 УПК РФ. При этом непосредственное взаимодействие между принципом справедливости уголовного судопроизводства и иными элементами системы принципов уголовного процесса не всегда будет присутствовать. Так, принципы, закреплённые в ст. ст. 12–13 УПК РФ, служат обеспечению справедливого баланса между правами личности и интересами государства и общества в сфере противодействия преступности. Положения данных статей ориентированы на защиту личности от незаконного и необоснованного ограничения её прав и свобод, что является одной из целей уголовного судопроизводства (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Очевидно, что этой же цели служит обеспечение всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, а также соразмерность применяемых государством мер принуждения. При этом нормы, гарантирующие неприкосновенность жилища, тайну переписки и переговоров, и нормы-принципы уголовно-процессуальной справедливости реализуются практически независимо. Например, гарантия неприкосновенности жилища никак не обеспечивает установление истины по уголовному делу, соразмерность мер принуждения или компенсацию ущерба, причинённого преступлением. То есть мы имеем системную взаимосвязь, где А и В воздействуют на С, но А и В не воздействуют друг на друга.

В других случаях достижение целей уголовного судопроизводства будет обусловлено непосредственным взаимодействием принципа справедливости с другими нормами-принципами, закреплёнными в гл. 2 УПК РФ. Так, недопущение пыток (ч. 2 ст. 9 УПК РФ) непосредственно обусловливает объективность исследования обстоятельств уголовного дела и наоборот. При этом оба положения направлены на

реализацию нормы п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ, защищающей личность от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Аналогичным образом положения презумпции невиновности о том, что обвинительный приговор не может основываться на предположениях (ч. 4 ст. 14 УПК РФ), тесно взаимосвязаны с требованиями принципа справедливости о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела. Одновременно обе нормы-принципа служат обеспечению защиты личности от незаконного и необоснованного осуждения (п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). В данном случае системная взаимосвязь представляет собой модель, где А и В воздействуют друг на друга и совместно воздействуют на С.

Итак, специфика роли принципа справедливости в сфере уголовно-процессуальных отношений обусловлена сочетанием его свойств как общеправового и отраслевого принципа. При этом справедливость как общеправовой принцип и отраслевой принцип справедливости уголовного судопроизводства являются отражением единого и неделимого феномена справедливости (применительно к праву в целом и к отдельно взятой его отрасли) и их разграничение осуществляется исключительно в порядке теоретического абстрагирования. Проявляя свои общеправовые свойства, принцип справедливости служит «идейным ядром» уголовного процесса. Выступая в своём узкоотраслевом качестве, принцип справедливости наряду с иными отраслевыми принципами служит реализации общей цели и социального назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). При этом отраслевой принцип справедливости содержательно связан и непосредственно взаимодействует с одной частью принципов уголовного процесса, в то время как с другой частью такая связь не прослеживается. Взаимодействие принципов законности и справедливости уголовного процесса сочетает отношения взаимообусловленности и конкуренции, что продиктовано их общими идейными корнями и особым общеправовым и одновременно отраслевым статусом данных принципов.

---

1. Вилкова Т. Ю. Система принципов российского уголовного судопроизводства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 603 с.
2. Гуляев А. П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16. С. 5–8.
3. Татьянин Д. В. Принцип обеспечения обвиняемому и подозреваемому права на защиту // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 5. С. 763–768.
4. Середнев В. А. К вопросу о профанации реализации принципа свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве // Экономика. Социология. Право. 2019. № 2(14). С. 107–116.
5. Теория уголовного процесса: состязательность: монография. Ч. 2; под ред. Н. А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2013. 314 с.
6. Шапиро И. М. Юридическое равенство, законность и справедливость, как социально-правовые категории juridical equality, legality and equity as social - jural categories // Ленинградский юридический журнал. 2008. № 2 (12). С. 17–28.
7. Подольный Н. А. Категория справедливости в УПК РФ – изменение системы ценностей в уголовном процессе России // Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: год правоприменения и преподавания. Материалы международной научно-практической конференции, 27-28 октября 2003 г. М.: МГЮА, 2004.
8. Муравьев К. В. Законность, справедливость и целесообразность уголовно-процессуальной деятельности // Преступность. Общество. Безопасность: сборник статей по материалам Международного форума, Международной научной конференции (к 100-летию со дня рождения профессора С.В. Бородина) и круглого стола «Социальная безопасность личности в современных геополитических условиях»: в 2 ч. / под ред. Л.Н. Боде, А.Л. Ситковского. М.: Академия управления МВД России, 2024. Ч. 1. 236 с.

9. Аширова Л. М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 261 с.
10. Муравьев К. В. Соразмерность процессуальных ограничений грозящему наказанию и экономия принуждения при выборе меры пресечения // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 4. С. 72–79.

1. Vilkova T. Yu. Sistema principov rossijskogo ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2016. 603 s.
2. Gulyaev A. P. Celi, zadachi i principy` kak fundamental`ny`e polozheniya ugo-lovno-processual`nogo prava: po zakonu, teorii i praktike // Rossijskij sledovatel`. 2012. № 16. S. 5–8.
3. Tat`yanin D. V. Princip obespecheniya obvinyaemomu i podozrevaemomu prava na zashhitu // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya E`konomika i pravo. 2020. T. 30. № 5. S. 763–768.
4. Serednev V. A. K voprosu o profanacii realizacii principa svobody` ocenki dokazatel`stv v ugolovnom sudoproizvodstve // E`konomika. Sociologiya. Pravo. 2019. № 2(14). S. 107–116.
5. Teoriya ugolovnogo processa: sostyazatel`nost`: monografiya. Ch. 2; pod red. N. A. Kolokolova. M.: Yurlitinform, 2013. 314 s.
6. Shapiro I. M. Yuridicheskoe ravenstvo, zakonnost` i spravedlivost`, kak soci-al`no-pravovy`e kategorii juridical equality, legality and equity as social - jural categories // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2008. № 2 (12). S. 17–28.
7. Podol`ny`j N. A. Kategoriya spravedlivosti v UPK RF – izmenenie sistemy` cennostej v ugolovnom processe Rossii // Ugolovno-processual`ny`j kodeks Rossij-skoj Federacii: god pravoprimeneniya i prepodavaniya. Materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 27-28 oktyabrya 2003 g. M.: MGYuA, 2004.
8. Murav`ev K. V. Zakonnost`, spravedlivost` i celesoobraznost` ugolovno-processual`noj deyatel`nosti // Prestupnost`. Obshhestvo. Bezopasnost`: sbornik sta-tej po materialam Mezhdunarodnogo foruma, Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii
(k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora S.V. Borodina) i kruglogo stola «Social`-naya bezopasnost` lichnosti v sovremenny`x geopoliticheskix usloviyax»: v 2 ch. / pod red. L.N. Bode, A.L. Sitkovskogo. M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2024. Ch. 1. 236 s.
9. Ashirova L. M. Problemy` realizacii principa spravedlivosti v ugolovnom processe: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2007. 261 s.
10. Murav`ev K. V. Sorazmernost` processual`ny`x ogranichenij grozyashhemu nakaza-niyu i e`konomiya prinuzhdeniya pri vy`bore mery` presecheniya // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2020. T. 6. № 4. S. 72–79.

Информация об авторе

Александр Александрович Синекин. Адъюнкт.
Академия управления МВД России.
125993, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

Information about the author

Alexander Al. Sinekin. Adjunct.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125993, Russia, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh Str., 8.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 04.03.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.97

ПРАКТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКИХ ПРОЯВЛЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ПРИМЕРЕ ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Сидорова Маргарита Владимировна[1], Тихомирова Ольга Геннадьевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия

[1]margo48057@yandex.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Аннотация. Современный экстремизм – это прямая угроза единству России, которую необходимо жестко пресекать в любых ее проявлениях, а вовлечение молодежи как наиболее уязвимую категорию граждан в экстремистские действия, террористические организации, пропаганду идей терроризма и экстремизма необходимо жестко пресекать. Преступления экстремистской направленности представляю повышенную общественную опасность и являются одним из наиболее опасных преступлений в составе уголовного законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: образовательная организация, практика, экстремизм, проявления, нарушения, пресечение, профилактика, взаимодействие, органы внутренних дел, несовершеннолетний.

Для цитирования: Сидорова М. В., Тихмирова О. Г. Практики взаимодействия образовательных организаций с органами внутренних дел по предупреждению экстремистских проявлений среди несовершеннолетних на примере Орловской области // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 295–303.

THE PRACTICE OF INTERACTION OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS WITH LAW ENFORCEMENT AGENCIES TO PREVENT EXTREMIST MANIFESTATIONS AMONG MINORS BY THE EXAMPLE OF ORYOL REGION

Margarita V. Sidorova[1], Olga G. Tikhomirova [2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia

[1]margo48057@yandex.ru
[2]olgapimakova@yandex.ru

Annotation. Modern extremism is a direct threat to the unity of Russia, which must be harshly suppressed in any of its manifestations, and the involvement of young people as the most vulnerable category of citizens in extremist activities, terrorist organizations, propaganda of ideas of terrorism and extremism must be harshly suppressed. Extremist crimes pose an increased public danger and are one of the most dangerous crimes in the criminal legislation of the Russian Federation.

***Keywords**:* educational organization, practice, extremism, manifestations, violations, suppression, prevention, interaction, law enforcement agencies, minor.

For citation: Sidorova M. V., Tikhmirova O. G. Practices of Interaction of educational organizations with Law Enforcement agencies to Prevent extremist manifestations among minors by the example of Oryol region // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 295–303.

Сегодня мы живем в сложном и постоянно меняющемся мире, в котором политические, экономические и социальные преобразования, в том числе России способствуют формированию разнообразных молодежных движений. По данным статистики, в России насчитывается около 300 различных молодежных организаций с общей численностью около трех миллионов человек[1].

В Стратегии молодежной политики Российской Федерации на период до 2030 года[2] определен посыл на увеличение проактивной, социально-ориентированной, политически настроенной молодежи, верящей, в возможность самореализации, причем показатель к 2030 году должен достичь от 70 до 84 %. Достижение промежуточных и ключевых количественных показателей возможно при помощи развития «традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров», создания условий для развития молодежного потенциала, его реализации в жизнь страны.

Наряду с позитивными проявлениями в молодежной среде, отмечаются и негативные, направленные в русло экстремизма, подпитывающиеся мощным энергетическим потенциалом молодого поколения, преобразующиеся в источник деструктивного, разрушительного воздействия на приоритетные ценности общества, существенно снижающие престиж государства и авторитет его компетентных органов, тем самым создающие серьезнейшую угрозу национальной безопасности Российской Федерации, в том числе и недружественных стран [1, с. 11]. В связи с этим проблема экстремизма в молодежной среде, в том числе среди подростков стоит особенно остро в современных условиях.

Президент Российской Федерации Путин В. В. выступая на коллегии Министерства Внутренних дел России 5 марта 2025 года отметил, что важной задачей органов внутренних дел остаётся борьба с экстремизмом. Национальная и религиозная нетерпимость, агрессивный, воинствующий радикализм – это угроза единству и сплочённости многонационального народа России, в том числе суверенитету, и даже территориальной целостности страны[3].

Обратимся к понятию экстремизм.

Исследователи одного из наиболее опасных явлений безопасности современного российского общества, под экстремизмом подразумевают деятельность личности, далекую от обычной общепринятой, в условиях же конфликта, как правило, это формы жесткого его разрешения [2, с. 520]. Не секрет, что в последние годы в России наблюдается всплеск проявлений экстремисткой деятельности. Данный факт подтверждает глава Следственного комитета Российской Федерации А. Бастрыкин, выступая на международном, молодежном юридическом форуме в Санкт-Петербурге в 2024 году, отме-

[1] Доклад о положении молодежи в Российской Федерации за 2023 год [Электронный ресурс]. URL: minobrnauki.gov.ru›upload/2024/10/Доклад_ПМ2023 (дата обращения: 21.04.2025).
[2] Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[3] Из выступления В. В. Путина на заседании коллегии МВД России 5 марта 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 21.04.2025).

тив рост количества уголовных дел по статьям об экстремизме на 43 %, а увеличение числа обвиняемых более чем на 50% [1].

В Федеральном законе Российской Федерации «О противодействии экстремистской деятельности» дается достаточно широкое определение экстремистской деятельности (экстремизма), а именно возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения; воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения[2].

В связи с этим проблема экстремистских проявлений, в том числе среди несовершеннолетних актуализируется, особенно в условиях проведения Россией специальной военной операции (далее – СВО), противостояния недружественным европейским странам. Согласно статистике, в 2024 году количество приговоров, вынесенных подросткам по таким статьям как «государственная измена», «оправдание терроризма» (публикации и комментарии в интернете), «диверсия», «нарушение работы транспорта» и «теракт» (чаще всего за поджоги), увеличилось в три раза[3].

Вопрос о природе молодежного экстремизма и о методах государственного управления, способных обеспечить социальную стабильность и эффективное противодействие различным формам данного явления в современном российском политическом пространстве, является крайне актуальным в условиях модернизации Российского государства и выстраивания демократических структур, гражданского многонационального общества [3, с. 3].

Как массовое явление, подростково-молодежный экстремизм обнаруживается в пренебрежении к действующим в обществе нормам и правилам поведения.

Особенное внимание уделяется экстремистскому поведению среди подростков и молодежи, в том числе связанные с насильственными действиями [4, с. 29]. Следовательно, для поддержания и обеспечения стабильности в российском обществе чрезвычайно важны меры, направленные на противодействие экстремистским проявлениям среди несовершеннолетних, формирование позитивных для них социальных зон, способствующих созданию конструктивного пространства вокруг подростка, направленных на эффективное социальное взаимодействие, проявление у несовершеннолетнего положительных эмоций, от участия в значимых для подростка социальных проектах, начиная от анализа фактического результата до достижения приоритетных для несовершеннолетнего жизненных целей.

Безусловно, особая роль в исследуемом вопросе отведена достаточно широкому кругу субъектов воспитания: семья, государственные органы и их должностные лица,

---

[1] Выступление главы Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина на Международном молодежном юридическом форуме в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: https://news.ru/russia/chto-skazal-bastrykin-o-zaprete-nikabov-gosdure-i-terroristah-islamistah/ (дата обращения: 21.04.2025).

[2] О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. №114-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КосультантПлюс».

[3] В России втрое выросло число приговоров подросткам по политическим статьям [Электронный ресурс]. URL: https://teachbk.com/2024/10/19/ (дата обращения: 21.04.2025).

образовательные организации, различные формы общественных объединений, каждый из которых, привносит свою «лепту» в правовое и организационное поле деятельности по формированию защитных механизмов у несовершеннолетних к различным экстремистским проявлениям.

Особая роль в противодействии экстремистским проявлениям среди несовершеннолетних отведена органам внутренних дел. Им предписано не только осуществлять широкий спектр превентивных мер (профилактического, предупредительного, превентивного характера), направленных на борьбу с экстремистской деятельностью несовершеннолетних, но активно взаимодействовать[1] с иными субъектами системы воспитания – образовательными организациями. Несмотря на то, что необходимость противостояния экстремистским проявлениям среди несовершеннолетних в образовательных организациях и работа по их предупреждению не подвергается сомнениям и ведется постоянная работа в этом направлении на всех образовательных уровнях, ситуация с проявлениями экстремизма среди несовершеннолетних остается достаточно тревожной.

Наиболее опасным, с точки зрения вхождения в поле экстремистской активности, является возраст от 14 до 22 лет. На это время приходится наложение двух важнейших психологических и социальных факторов. В психологическом плане подростковый возраст и юность характеризуются развитием самосознания, обострением чувства справедливости, поиском смысла и ценности жизни. Именно в это время подросток озабочен желанием найти свою группу, поиском собственной идентичности, которая формируется по самой примитивной схеме «мы», «они». Также ему присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию.

Поиск идентичности, попытки закрепиться в жизни ведут к неуверенности, желанию сформировать круг близких по духу людей, найти ответственного за все беды и неудачи. Таким кругом вполне может стать экстремистская субкультура, неформальное объединение, политическая радикальная организация или тоталитарная секта.

По данным Росфинмониторинг в 2024 году российский реестр террористов и экстремистов пополнили 93 несовершеннолетних, причем 20 подростков попали в данный список, не достигнув 16-летнего возраста, 1 подросток, не достигнув 14-летнего возраста[2]. Большинство подростков из данного реестра признаны террористами, действия которых квалифицируются, особенно в условиях проведения СВО не только как диверсионные действия на объектах транспортной инфраструктуры, в помещениях органов исполнительной власти (поджог военкоматов), действия протестного характера публичного сожжения религиозного знания мусульман – Корана, с последующим размещением их в публичном доступе на интернет-портале, но и подготовка терактов в образовательных организациях по заданию Службы безопасности Украины (СБУ). В 2024 году на территории России было предотвращено шесть терактов в учебных заведениях, исполнителями которых назначены были молодые люди и подростки, в том числе несовершеннолетние[3].

Особое внимание необходимо уделить отсутствию контроля со стороны родителей за поведением и интересами детей в сети интернет, где распространено большое количество информации, в том числе экстремистского характера. Посредством сети интернет происходит вербовка граждан России для вовлечения противоправную деятель-

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
[2] По данным Росфинмониторинг в 2024 году [Электронный ресурс]. URL:https://news.tek.fm/news/169670 (дата обращения: 21.04.2025 г)
[3] НАК России: значительные успехи в борьбе с терроризмом в 2024 году [Электронный ресурс]. URL:https://www.rbc.ru/rbcfreenews/ (дата обращения: 21.04.2025 г.)

ность. Действия вербовщиков, как правило, направлены на лиц, которые заняли антигосударственную позицию, а также на молодое поколение, так как их взгляды могут быть недостаточно устойчивыми [5, с. 97].

Печальная статистика происшествий экстремистской направленности среди подростков, свидетельствует о необходимости совершенствования профилактики проявлений экстремизма среди несовершеннолетних, в которой наряду с мерами воспитательного характера должен применяться достаточно разнообразный арсенал форм профилактического воздействия, реализация которых в значительно степени будет способствовать не допущению формирования у подростков стойкой направленности на совершение противоправных действий экстремистского характера.

Представляется, что наиболее эффективными формами профилактического воздействия по недопущению проявлений экстремизма в подростковой среде, являются: правовое просвещение, правовое информирование несовершеннолетних о социальной опасности экстремизма; групповые и индивидуальные профилактические беседы, профилактический надзор за подростками «группы риска» и их окружением, социальная адаптация обучающегося в условиях образовательной организации и оказание необходимой помощи (психологической, психокоррекционной, педагогической), а также организация работы с родителями по вопросам воспитания, взаимодействие с сотрудниками органов внутренних дел по оказанию юридической помощи, формированию законопослушного поведения несовершеннолетних.

Сегодня, рамки взаимного сотрудничества образовательных организаций с органами внутренних дел по противостоянию экстремистских проявлений в основном ориентированы на меры пропагандистского характера. По сути, активное сотрудничество сводится к уже свершившемуся факту противоправного деяния экстремистского характера, совершившего подростком, либо вовлеченному в него взрослыми лицами, либо оно носит формальный характер (отсутствие, систематичности, плановости и т. п.)

Исходя из этого, поиск новых, эффективных форм взаимодействия образовательных организаций с подразделениями по профилактике проявлений экстремизма в среде несовершеннолетних является первостепенной задачей такого сотрудничества в современных условиях. Как отмечает Шохоликзода Ш. Ш., несмотря на то что, хоть и обозначен спектр причин возникновения экстремистских проявлений несовершеннолетних, однако, им названы наиболее значимые факторы [6, с. 127]:

Во-первых, обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, «выживания» на рынке труда, социального неравенства, снижения авторитета правоохранительных органов и т. д.).

Во-вторых, криминализация ряда сфер общественной жизни (в молодежной среде это выражается в широком вовлечении молодых людей в криминальные сферы бизнеса и т. п.).

В-третьих, рост национализма и сепаратизма (активная деятельность молодежных националистических группировок и движений, которые используются отдельными общественно-политическими силами для реализации своих целей).

В-четвертых, наличие незаконного оборота средств совершения экстремистских акций (некоторые молодежные экстремистские организации в противоправных целях занимаются изготовлением и хранением взрывных устройств, обучают обращению с огнестрельным и холодным оружием и т.п.).

В-пятых, использование в деструктивных целях психологического фактора (агрессия, свойственная молодежной психологии, активно используется опытными лидерами экстремистских организаций для осуществления акций экстремистской направленности).

В-шестых, использование сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным общественным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения подробной информации о своих целях и задачах, времени и месте встреч, планируемых акциях).

Мы полагаем, что одной из ключевых задач в организации превентивной деятельности противоправных деяний экстремистского характера среди обучающихся образовательных организаций является подготовка педагогического состава (особенно, молодых педагогов), его обучение сущности, содержательной основы идеологии экстремизма как социально-политического явления общественной жизни, причинах и формах проявлений у несовершеннолетних, механизмах противодействия в условиях образовательного процесса.

На территории Российской Федерации практика взаимодействия педагогических работников образовательных организаций с органами внутренних дел по профилактике экстремистских проявлений среди несовершеннолетних достаточно многоплановая. В основе данного симбиоза акцент ставиться на том, что педагог обладает психолого-педагогическими основами организации деятельности по воспитанию подрастающего поколения, сотрудники полиции обладают правовыми и психологическими знаниями в деле профилактики проявлений экстремизма в обществе.

В рамках реализации Комплексного плана по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации (далее – Комплексный план)[1], направленного на формирование у населения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей, неприятия идеологии терроризма и устойчивости к ее пропаганде, в том числе и в молодежной среде в Орловской области. Реализацию положений выше указанного документа в Орловском регионе призвана специально созданная рабочая группа в соответствии с Указом Губернатора Орловской области от 26.03.2024 № 145[2], деятельность которой направлена не только на участие в планировании мероприятий согласно Комплексного плана, контроля за их исполнением всеми территориальными органами федеральных органов исполнительной власти региона, в том числе специальной компетенции, но и осуществлению оценки эффективности и качества реализации мероприятий по противодействию идеологии терроризма в Российской Федерации в целом на региональном уровне в частности.

Сегодня в регионе реализуется масштабный арсенал современных практик – взаимодействия всех уполномоченных субъектов, направленный на профилактику проявлений экстремистского характера среди несовершеннолетних, среди которых особое место занимает сотрудничество образовательных организаций и органов внутренних дел. Необходимость такого симбиоза связана с тем, что Орловская область – один из самых ближайших приграничных регионов к зоне СВО, в связи с этим правонарушения экстремистской направленности, в том числе молодежной среде находятся под особым контролем органов внутренних дел, соответственно работа по ее профилактике (превенции) является ключевым направлением их деятельности. Успешное противодействие проявлениям экстремизма среди несовершеннолетних напрямую зависит от ак-

[1] Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]: Указ Президентом Рос. Федерации 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] О рабочей группе по исполнению на территории Орловской области Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Рос. Федерации на 2024–2028 годы [Электронный ресурс]: Указ Губернатора Орловской области от 26 марта 2024 № 145. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тивного взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества, в том числе образовательными организациями.

Обратимся к лучшим практикам организации взаимодействия педагогических коллективов образовательных организаций Орловской области с подразделениями органов внутренних дел региона в части касающейся превенции экстремизма среди несовершеннолетних. Так, с целью разработки методов профилактики экстремизма в образовательных организациях региона, например, сотрудниками Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова осуществляется мониторинг общественного мнения педагогических работников образовательных организаций региона в исследуемой сфере. Мнение педагогов, с одной стороны, способствует установлению существования проблемы (истинность или ложность формулировки проблемы, принадлежность ее к данной организации), с другой стороны, установления фактов проявления радикальных взглядов подростков и экстремизма в среде обучающихся (нетерпимости религиозного, расового характера), а также определения уровня подготовленности педагогов к сотрудничеству с органами внутренних дел. Полагаем, что проведение опросов педагогов образовательных организаций позволяет получить наиболее полную картину, сложившуюся в образовательной среде, поскольку экстремистские воззрения у подростков формируются в отношении к окружающим зачастую в условиях образовательной среды.

Положительные результаты имеет опыт проведения комплексных мероприятий с участием представителей региональных антитеррористических комиссий, органов внутренних дел, психологов, ветеранов боевых действий, в зависимости от регионального расположения – представителей традиционных конфессий [7, с. 113].

Мониторинг педагогических работников образовательных организаций региона позволил указать на наиболее значимые причины девиантного поведения несовершеннолетних, подчас принимающие и экстремистские формы не только к ближайшему окружению, но и к людям другой национальности, причем отметив весьма разнообразный арсенал негативных подростковых и юношеских поведенческих проявлений, например, таких как «Неприемлемая манера поведения», «Отсутствие культуры поведения», «Нежелание считаться с местными обычаями» [8, с. 226]. «Незнание или недостаточное знание русского языка». Вместе с тем, источником формирования экстремистских воззрений, педагоги отметили, в том числе и «самоустранение семьи от воспитания детей», несовпадение взглядов на воспитание детей, родителей и педагогов, недоступность досуговых, спортивных организаций по интересам.

Таким образом, нельзя не согласиться с мнением Довгало В. К., о том, что именно семейное воспитание является основной платформой формирования у детей и подростков нетерпимости, экстремистских настроений, приводящих к различным противоправным посягательствам экстремистского характера [9, с. 26]. Взаимодействие образовательных организаций и органов внутренних дел реализуется в рамках организации профилактической деятельности и направлено на организацию профилактической работы.

---

1. Целищева З. А., Гутова С. Г. Роль межведомственных взаимодействий в профилактике распространения идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 7. С. 10–15.
2. Лагуточкин А. В., Чаплыгина В. Н. Предпосылки возникновения национальной или религиозной вражды как мотива совершения преступлений экстремистского или террористического характера // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 3. С. 519–525.
3. Бааль Н. Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012. 42 с.

4. Шебанец Е. Ю., Паатова М. Э., Демкина Е. В. Теоретический анализ современной российской экстремистской преступности в подростково-молодежной среде // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2024. № 1(333). С. 28–34.
5. Омелина О. С. Влияние украинского неонацизма на современную молодежь России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 94–99.
6. Шохоликзода Ш. Ш. Анализ понятий, причин и условий возникновения девиации и экстремистского поведения среди молодёжи // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2023. № 2(75). С. 123–129.
7. Сергеева Ю. В. Отдельные аспекты организации взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел с высшими учебными заведениями по противодействию экстремизму в молодежной среде // Академическая мысль. 2021. № 1(14). С. 110–113.
8. Чаплыгина В. Н., Рудов Д. Н., Новикова Е. А. Основные факторы и проявления молодежного экстремизма // International Law Journal. 2024. Т. 7. № 2. С. 224–230.
9. Довгяло В. К. Профилактика экстремизма в молодежной среде // Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 1. С. 21–30.

1. Tselishcheva Z. A., Gutova S. G. The role of interdepartmental interactions in the prevention of the spread of the ideology of extremism and terrorism among young people // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2020. № 7. S. 10–15.
2. Lagutkin A.V., Chaplygina V. N. Prerequisites for the emergence of national or religious hostility as a motive for committing crimes of an extremist or terrorist nature // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal sciences. 2024. Vol. 10. № 3. S. 519–525.
3. Baal N. B. Political extremism of the Russian youth and technologies of its overcoming: abstract of the dissertation. ...Dr. Polit. nauk. N. Novgorod, 2012. 42 s.
4. Shebanets E. Yu., Paatova M. E., Demkina E. V. Theoretical analysis of modern Russian extremist crime in the adolescent and youth environment // Bulletin of the Adygea State University. Series 3: Pedagogy and Psychology. 2024. № 1(333). S. 28–34.
5. Omelina O. S. The influence of Ukrainian neo-Nazism on the modern youth of Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 1(102). S. 94–99.
6. Shoholikzoda Sh. Sh. Analysis of concepts, causes and conditions of deviance and extremist behavior among young people // Scientific notes of the Khujand State University. academician B. Gafurov. Humanities. 2023. № 2(75). S. 123–129.
7. Sergeeva Yu.V. Certain aspects of the organization of interaction of operational units of internal affairs bodies with higher educational institutions on countering extremism among young people // Academic Thought. 2021. № 1 (14). S. 110–113.
8. Chaplygina V. N., Rudov D. N., Novikova E. A. The main factors and manifestations of youth extremism // International Law Journal. 2024. Vol. 7. № 2. S. 224–230.
9. Dovgyalo V. K. Prevention of extremism among youth // Bulletin of the PGGPU. Series No. 3. Humanities and Social Sciences. 2018. № 1. S. 21-30.

Информация об авторах

Маргарита Владимировна Сидорова. Доцент кафедры административного права, кандидат педагогических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Ольга Геннадьевна Тихомирова. Доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук.

Санкт-Петербургский университет МВД России.

198206, Россия, Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1.

Information about the authors

Margarita V. Sidorova. Associate Professor of the Department of Administrative Law. Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia.

302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2,

Olga G. Tikhomirova. Associate Professor of the Department of Criminology. Candidate of Law.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova Pilot Str., 1.

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 21.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.97

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Федотова Евгения Николаевна
Академия ФСИН России, Рязань, Россия

Evgenija_kaz@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению актуального состояния преступности несовершеннолетних. Данный вид преступности традиционно находится в фокусе внимания общества и науки, что обусловлено особым отношением к подрастающему поколению как к будущему нашего государства. Исследованию данного вопроса уделяли немало внимания учёные в своих научных трудах, однако в связи с тем что преступность как социальное явление меняется вслед за обществом, необходим её постоянный мониторинг. На основе изучения особенностей преступности несовершеннолетних возможно разработать эффективные меры по её минимизации и уменьшить криминальное и девиантное поражение молодёжной среды. Данным фактом обуславливается актуальность исследования, его практическая и теоретическая значимость. В статье на основе анализа статистических данных оцениваются основные показатели преступности несовершеннолетних, выявляются актуальные тенденции, предлагаются пути повышения эффективности профилактики данного вида преступности.

Ключевые слова: криминологическая характеристика преступности, преступность несовершеннолетних, структура преступности, показатели преступности, несовершеннолетний преступник.

Для цитирования: Федотова Е. Н. Криминологическая характеристика современной преступности несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 304–312.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERIZATION OF CONTEMPORARY JUVENILE DELINQUENCY

Evgeniya N. Fedotova
Academy FSIN of Russia, Ryazan, Russia

Evgenija_kaz@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the current state of juvenile delinquency. This type of traditional crime is in the focus of attention of society and science, which is due to the special attitude towards the younger generation as the future of our state. A lot of scientific work is devoted to the study of this issue, however, due to the fact that crime as a social phenomenon changes after society, its constant monitoring is necessary. Based on the study of the characteristics of juvenile delinquency, it is possible to develop effective measures to minimize it and reduce the criminal and deviant defeat of the youth environment. This fact determines the relevance of the study, its practical and theoretical significance. Based on the analysis of statistical data, the article assesses the main indicators of juvenile delinquency, identifies current trends, and proposes ways to increase the effectiveness of prevention of this type of crime.

Key words: criminological characteristics of crime, juvenile delinquency, crime structure, crime rates, juvenile delinquent.

For citation: Fedotova E. N. Criminological characterization of contemporary juvenile delinquency // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 304–312.

Как показывает мировой и российский опыт, борьба с преступностью несовершеннолетних при отсутствии чёткой организации профилактики не даёт необходимого эффекта. В свою очередь, действенная профилактическая работа невозможна без учёта актуальных криминологических исследований, направленных на изучение изменчивости преступности и её современных тенденций. В этой связи научные труды, посвящённые изучению преступности несовершеннолетних, и разработка специальных мер по её предупреждению являются весьма актуальными и своевременными, соответствуют насущным потребностям криминологической науки и правоприменительной практики. Находясь на этапе формирования своей личности, подростки являются высоко восприимчивыми к правильно построенной профилактической работе, эффективно организовать которую нельзя без учёта современного состояния преступности. Преступность, являясь отрицательным и неотъемлемым социальным явлением, требует непрерывного мониторинга и чуткой реакции государства на её изменения.

Проводимая в нашем государстве профилактическая работа, направленная на уменьшение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними либо при их соучастии, уже показала свою эффективность, выраженную в сокращении количества преступлений, совершённых несовершеннолетними либо при их соучастии. По данным МВД России, количество таких уголовно наказуемых деяний уменьшилось на 3,4 % в минувшем 2024 году, в 2023 году – на 10,3 %[1]. Несмотря на положительную динамику в данной области, проблема преступности несовершеннолетних не утрачивает своей актуальности. Традиционно преступность несовершеннолетних оценивается криминологами как резерв для пополнения взрослой преступности. Таким образом, снизив число преступлений, совершаемых несовершеннолетними, возможно истощить источник пополнения преступности в обществе в целом. Преступность как негативное социальное явление чутко реагирует на изменения и процессы, происходящие в обществе; пандемия, проведение специальной военной операции существенно скорректировали современный социум, вслед за ним изменилась и преступность. Интересно проанализировать современную преступность лиц, не достигших совершеннолетия. За последние 5 лет наблюдается сокращение преступности несовершеннолетних как в относительных числах, так и в абсолютных. По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, в 2020 году число несовершеннолетних, привлечённых к уголовной ответственности, составило 14 702 человека; в 2021 – 14 863; в 2022 – 14 214; в 2023 – 12 769[2]. Далее обобщим основные социально-демографические показатели. Такой показатель, как доля несовершеннолетних лиц, в общей структуре преступности также ежегодно сокращается, в 2020 году он оставил – 2,7 %; в 2021 – 2,6 %; в 2022 – 2,4 %; в 2023 – 2,3 %.

Доля лиц мужского пола в структуре преступности несовершеннолетних колеблется в пределах 91–92 %. Данный показатель на современном этапе

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Рос. Федерации за январь - декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 02.03.2025).

[2] Здесь и далее использованы материалы судебной статистики с официального сайта Судебного Департамента при Верховном Суде Рос. Федерации. Данные судебной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 02.03.2025).

характеризуется традиционной стабильностью. Однако обратившись к более отдалённым периодам, можно заметить, что в период 1990–1994 гг. доля юношей в преступности несовершеннолетних составляла 94,3 % [1, с. 142]. Таким образом, можно констатировать увеличение числа девушек-преступниц. Процесс феминизации подростковой преступности начался в 90-х годах XX века, и прошедшие социально-экономические реформы данный показатель не уменьшили. По возрасту показатели распределились следующим образом: доля лиц в возрасте от 14 до 15 лет составляет в среднем 30 %; соответственно, оставшиеся 70 % приходятся на лиц в возрасте от 16 до 17 лет. Данный показатель в сравнении с данными за 1998–2002 гг. имеет положительную динамику в форме сокращения доли лиц в возрасте 14–15 лет, так как в указанный период он составлял около 33 % [1, с. 158].

В настоящее время увеличилась доля преступников-учащихся, составив 65 % (против 52 % вначале 2000 годов), при этом доля работающих значительно сократилась – с 11 % до 3,5 %, доля необучающихся и неработающих – 30,5 % против 32,3 % в 1998–2002 гг. В данных показателях имеются незначительные изменения за прошедший пятилетний период, однако в более давнем историческом разрезе присутствуют очевидные отличия. Приведённые данные свидетельствуют о высоком криминогенном риске лиц, не занятых трудовой или учебной деятельностью.

Прошедший в недавнем прошлом период пандемии существенно скорректировал рынок труда и досуговую деятельность подростков. Сокращение числа контактной работы, уменьшение численности групп при проведении занятий привели к спаду числа подростков, вовлечённых в кружковую и досуговую работу. Указанное является мощным детерминантом подростковой преступности. По возможности необходимо увеличивать очную и контактную систематическую досуговую деятельность и вовлекать несовершеннолетних в такую работу на уровне образовательных организаций.

Следующим важным социально-демографическим показателем являются особенности семьи несовершеннолетнего. Воспитывались в неполной семье 46,5 % несовершеннолетних преступников; воспитывались вне семьи (в детском доме, интернате и т. п.) – 8,5 %. Приведённые показатели в сравнении с показателями периода 1998–2002 гг. значительно увеличились – доля несовершеннолетних, воспитывавшихся в неполных семьях или вне семьи, составляла 40 % и 6 % соответственно. На данный фактор необходимо обратить внимание правоприменителю и усилить профилактическую работу с подростками, воспитывающимися в неполной семье или вне её, так как традиционно криминологией такие подростки отнесены к группе риска. Доля преступлений, совершённых в состоянии различного рода опьянений, составляет 11 %. Этот показатель наиболее существенно скорректировался в положительную сторону, так как в конце 90-х – начале 2000-х годов он был в районе 30 %. Здесь положительной оценки заслуживает проводимая работа по запрету продажи алкогольной продукции несовершеннолетним и установление эффективных административных и уголовных мер ответственности за её продажу, осуществление жёсткого государственного контроля в данной области.

Перейдём к уголовно-правовым характеристикам преступности несовершеннолетних. Доля лиц, имеющих неснятые и непогашенные судимости, составляет 18,7 %. В 1998–2002 гг. данный показатель составлял 12,7 %. Увеличение числа судимых лиц в структуре преступности несовершеннолетних может быть следствием гуманизации уголовной политики государства, а также свидетельствовать о недостаточной эффективности применяемых мер уголовно-правового характера. Ситуация с долей лиц, состоявших на учёте в специализированном органе, прямо противоположная, в настоящее время этот показатель составляет 15 % против 26,7 %

в 1998–2002 гг. Таким образом, в настоящее время работу субъектов профилактики преступности несовершеннолетних следует оценить положительно и признать её высокую эффективность. Доля преступлений, совершённых в группе, – чуть более 50 %, из них с участием взрослых – 20 %. Аналогичные показатели в 1998–2002 гг. составляли 72,9 % и 29,5 %. Думается, что проблему групповой преступности несовершеннолетних с участием взрослых удалось скорректировать за счёт ужесточения уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления и проводимой профилактической работы.

Структура преступности несовершеннолетних представлена следующим образом: самым часто совершаемым несовершеннолетними преступлением традиционно является кража, на долю данного преступления приходится 48 % от общего числа совершённых данной категорией лиц деяний. Далее показатели следующие: неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения – 11,5 %; преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, – 10 %; грабёж – 8,7 %; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 3 %; разбой – 2,8 %; вымогательство – 1,6 %; убийство и покушение на убийство – 0,7 %; изнасилование и покушение на изнасилование – 0,6 %; хулиганство – 0,4 %; незаконные действия с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывчатыми устройствами – 0,3 %. Данные приведены по состоянию на 2023 год. Отметим, что обозначенные показатели за последние пять лет отличаются стабильностью и незначительными колебаниями, существенно не влияющими на характеристику преступности несовершеннолетних. Обозначенными составами ежегодно охватывается 85–86 % всех преступлений, совершаемых несовершеннолетними.

Приведённые цифры также следует оценить в более долгосрочной динамике по сравнению с показателями 20-летней давности. Обращает на себя внимание сокращение более чем в два раза числа убийств, изнасилований или покушений на совершение данных преступлений. Также прослеживается резкое сокращение числа уголовно наказуемых хулиганств, что может быть связанно с ежегодно увеличивающимся количеством камер видеонаблюдения в общественных местах и введением комендантского часа для несовершеннолетних. Кроме того, сократилось в два раза число грабежей и разбоев, а доля краж в структуре преступности несовершеннолетних характеризуется стабильностью на протяжении последних 20 лет и колеблется в районе 45–50 %. В то же время наблюдается рост числа преступлений, связанных с неправомерным завладением автомобилем – с 8 % в начале 2000-х годов до 11 % за последний пятилетний период. Самый тревожный показатель – это уровень преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Если в начале 2000-х годов он находился в районе 3 %, то в настоящее время вырос более чем в три раза и составляет около 10 %. Исходя из изложенной динамики показателей преступности несовершеннолетних, в настоящее время необходимо сосредоточиться на борьбе с наркопреступностью несовершеннолетних, потому что ежегодно увеличивающееся количество таких преступлений свидетельствует о недостаточности профилактической работы в данной области. Структура преступности несовершеннолетних по категориям тяжести по состоянию на 2023 год, исходя из отчёта Судебного Департамента при Верховном Суде РФ о числе несовершеннолетних, привлечённых к уголовной ответственности, выглядит следующим образом: доля преступлений небольшой тяжести – 11,8 %; средней тяжести – 25,6 %; тяжких – 51,7 %; особо тяжких – 11 %. Показатели преступности целесообразно оценить путём сравнения аналогичных показателей прошлых лет. Так, в 2016-2017 гг. структура преступности несовершеннолетних была следующая: доля преступлений

небольшой тяжести – 13,3 %; средней тяжести – 37,7 %; тяжких – 42,3 %; особо тяжких – 6,2 %. Анализ представленных данных позволяет сделать следующие выводы, что в настоящее время наблюдается сокращение числа привлечённых к уголовной ответственности несовершеннолетних за преступления небольшой и средней тяжести (на 13,6 % в совокупности) и увеличение показателя тяжких и особо тяжких преступлений в структуре преступности несовершеннолетних (на 14,2 % в совокупности). В более долгосрочной ретроспективе наблюдается улучшение структуры преступности несовершеннолетних. В начале 2000-х годов на долю тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних приходилось 73,6 %, в настоящее время данный показатель составляет 62,7 %.

В рамках данного исследования уместно оценить практику применения уголовных наказаний к несовершеннолетним. Уровень применения лишения свободы за исследуемый период вырос с 16,8 % в 2020 году до 21,1 % в 2023 году. Однако в абсолютных числах всё не так очевидно: в 2020 году к реальному лишению свободы было осуждено 2 237 несовершеннолетних; в 2021 – 2 413; в 2022 – 2 474; в 2023 – 2 259. Таким образом, данный показатель характеризуется относительной стабильностью в абсолютных числах. Отметим, что по состоянию на 1 июля 2014 года в России функционировало 45 воспитательных колоний (далее – ВК) для несовершеннолетних, а численность содержащихся в них лиц составила 1 860[1]. В настоящее время в России функционирует 12 ВК. На момент проведения специальной переписи осуждённых в декабре 2022 года в местах лишения свободы содержался 791 несовершеннолетний осуждённый [2, с. 5]. Путём анализа представленных данных можно заключить, что число несовершеннолетних, отбывающих наказание в виде лишения свободы, в России за последние 10 лет сократилось в 8 раз. Практика применения к несовершеннолетним прочих мер складывается следующим образом: доля условного осуждения составляет 43 %; обязательных работ – 21 %; штрафа – 11,2 %; исправительных работ – 1,6 %; ограничения свободы – 3,8 %.

Обращает на себя внимание ежегодно увеличивающаяся практика по освобождению несовершеннолетних от уголовной ответственности по различным основаниям: если в 2019 году доля освобождённых от уголовной ответственности несовершеннолетних составляла 8,6 %, то к 2023 году данный показатель вырос в два раза и составил 16 %.

За минувшую четверть века практика применения к несовершеннолетним мер уголовно-правового характера кардинальным образом изменилась. В начале 2000-х годов суды в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, фактически применяли только две меры: реальное лишение свободы (25,5 %) и лишение свободы условно (73,5 %). Указанные меры в совокупности составляли 99 %. В настоящее время к несовершеннолетним приоритетно применяются наказания и меры, не связанные с лишением свободы.

Обобщив основные статистические показатели, можно выделить некоторые характерные особенности современной преступности несовершеннолетних.

Первое, что обращает на себя внимание, – это доля несовершеннолетних преступников из неполных семей либо воспитывавшихся вне семьи. В системе детерминантов преступности несовершеннолетних данный социально-демографический показатель является одним из основных и требует к себе пристального внимания при организации профилактической работы [3, с. 52]. В настоящее время фактически каждый второй несовершеннолетний преступник –

[1] Краткая характеристика ВК [Электронный ресурс]. URL: https://fsin.gov.ru/structure/social/vosp%20kolonii/kratkaya_kharakteristika_vk_/ (дата обращения: 02.03.2025).

выходец из неполной семьи, при этом статистикой не отмечаются полные, но неблагополучные семьи. Таким образом, субъектам профилактики необходимо обращать внимание на подростков, растущих в неблагополучных семьях, и проводить соответствующую работу не только с несовершеннолетними, но и с членами их семей.

Следующим тревожным трендом является увеличение числа несовершеннолетних девушек в структуре рассматриваемой преступности. Повышение социальной активности девушек в нашем обществе, их раннее взросление влекут за собой фоновое негативное явление в виде увеличение числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами женского пола. Объединив две выделенные тенденции в преступности несовершеннолетних, можно подчеркнуть высокую профилактическую значимость политики государства, направленной на поддержку института семьи, материнства и детства, традиционных ценностей. В настоящее время дети растут в атмосфере информационного шума, с экранов гаджетов транслируется информация, нивилирующая социокультурные различия полов. Женщины всё чаще становятся отрицательными героями, подобные образы романтизируются в современной массовой культуре, что активно воспринимается молодёжью и не может не сказаться на преступности как на социальном явлении. В этой связи необходимо активизировать работу по привитию молодому поколению традиционных ценностей [4, с. 58].

Отдельные исследователи выступают за создание и реализацию в нашем государстве специализированной программы по профилактике женской преступности [5, с. 905]. Развивая данную мысль, предлагаем в качестве составной части подобной программы её обособленное направление по организации профилактики преступности несовершеннолетних женского пола. Подобная программа должна носить системный и многоаспектный характер, задействовать не только органы государственной власти, но и институты гражданского общества.

Следующим ярко выраженным негативным трендом в преступности несовершеннолетних является увеличение числа судимых несовершеннолетних, повторно совершивших преступление. В настоящее время каждый пятый несовершеннолетний преступник имеет судимость, что говорит о недостаточной эффективности применяемых уголовно-правовых мер. Отметим, что уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних, никогда не отличались высокой эффективностью, и здесь стоит говорить не о мерах по повышению их исправительного потенциала, а о расширении практики применения принудительных мер воспитательного воздействия, о специализированных мерах, разработанных для данной категории лиц. Несовершеннолетние в силу своих психологических особенностей, обусловленных юным возрастом, восприимчивы к воспитательным мероприятиям, принудительные меры воспитательного воздействия способны скорректировать отклоняющее поведение подростка.

В настоящее время действующее уголовное законодательство предусматривает широкий спектр мер, которые возможно применить к несовершеннолетним. Ч. 2 ст. 87 УК РФ установлено, что к указанной категории лиц возможно применение принудительных мер воспитательного воздействия (УК РФ предусматривает 4 меры: предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причинённый вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего) либо наказания, а при освобождении от наказания они могут помещаться в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. Необходимость существования рассматриваемого института вытекает из положений Минимальных стандартных правил Организации Объединенных Наций,

касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)[1]. Если оценивать установленную российским уголовным законодательством совокупность принудительных мер воспитательного воздействия с позиции соответствия требованиям международных нормативных правовых актов, то можно заключить, что рассматриваемая совокупность мер в целом соответствует международным стандартам.

В соответствии со статистическими отчётами Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2023 году принудительные меры воспитательного воздействия были применены к 664 несовершеннолетним, что в относительных числах составляет 5,5 %, от числа подростков, в отношении которых в соответствии с действующим законодательством возможно применить указанные меры. Анализ показателей с 2015 по 2022 год свидетельствует, что уровень применения рассматриваемых мер в указанный период находится в пределах от 5,5 % до 4,3 %. Можно сделать вывод о том, что данный прогрессивный институт уголовного права в нашем государстве не реализуется. Однако правоприменителю стоит обратить на него внимание и расширить практику применения указанных норм. О необходимости депенализации отдельных преступных проявлений подростков и расширении практики применения принудительных мер воспитательного воздействия говорят многие учёные [6, с. 33], видя в указанных мерах большой потенциал. Отдельные исследователи говорят о целесообразности введения института медиации с участием несовершеннолетнего, что обеспечит восстановление социальной справедливости, будет содержать элемент воспитательного воздействия и «способствовать значительной процессуальной экономии» [7, с. 210; 8, с. 25]. Подобные предложения необходимо поддержать и апробировать на практике.

Следующей опасной тенденцией в структуре преступности несовершеннолетних является увеличение числа лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Отметим, что за подавляющее большинство преступлений данной группы уголовная ответственность наступает с 16 лет. Таким образом, показатели совершения подобных общественно опасных деяний намного выше, так как статистикой не учтены факты совершения деяний лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности. Наиболее рациональными мероприятиями в рамках противодействия данному виду преступности в молодёжной среде являются мероприятия по устранению причин и условий совершения преступлений и проекты пропагандистского и воспитательного характера, направленные на привитие здорового образа жизни и нетерпимого отношения к наркомании.

Подводя итог проведённому исследованию, отметим, что говорить о существенных положительных сдвигах в преступности несовершеннолетних, оперируя только абсолютными числами о количестве совершённых деяний, необъективно. В структуре преступности несовершеннолетних продолжают преобладать тяжкие и особо тяжкие преступления, а динамика данных показателей свидетельствует об их увеличении в последние годы. Поэтому работа по профилактике преступности несовершеннолетних не должна ослабляться. Приоритетным направлением в ближайшие годы должна стать разработка и реализация специальных мероприятий, направленных на нейтрализацию отдельных негативных проявлений преступности

[1] Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) : приняты 29 ноября 1985 г. резолюцией 40/33 на 96-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк: ООН, 2007.

несовершеннолетних. К подобному мнению склоняются исследователи данной проблемы [9, с. 175]. Специальные точечные меры способны скорректировать некоторые ярко выраженные отрицательные тренды преступности несовершеннолетних и в целом положительно сказаться на состоянии данного вида преступности.

1. Преступность и правонарушения 1990–1994. Статистический сборник. М., 1995. 190 с.
2. Селиверстов В. И., Кириллова Т. В., Кунц Е. В. Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В. И. Селиверстова. М.: Проспект, 2024. 80 с.
3. Демидова-Петрова Е. В. Преступность несовершеннолетних: особенности, причинный комплекс // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1(51). С. 51–58.
4. Жуков В. Г. К вопросу о совершенствовании деятельности полиции по противодействию деструктивным молодёжным субкультурам в цифровой среде // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 3(100). С. 57–64.
5. Стяжкина С. А. Гендерные особенности женской преступности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2021. №5. С. 904–910.
6. Маликов Б. З., Тазетдинов Р. Р. Депенализация – форма уголовной политики и средство противодействия преступности несовершеннолетних // Научный портал МВД России. 2020. № 2(50). С. 30–39.
7. Михайлова О. Г. О возможности применения медиации по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2(99). С. 209–216.
8. Авдеев В. Н., Александрова Л. А., Панькина И. Ю. Альтернатива уголовному преследованию в отношении несовершеннолетних обвиняемых // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 1. С. 23–30.
9. Кузнецов Д. Ю.Концептуальные основы формирования уголовной политики России по борьбе с преступностью несовершеннолетних // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 173–180.

1. Prestupnost` i pravonarusheniya 1990–1994. Statisticheskij sbornik. M., 1995. 190 c.
2. Seliverstov V. I., Kirillova T. V., Kuncz E. V. Xarakteristika osuzhdenny`x, otby`vayushhix nakazanie v vospitatel`ny`x koloniyax (po materialam special`noj perepisi osuzhdenny`x i licz, soderzhashhixsya pod strazhej, dekabr` 2022 goda) : monografiya / pod nauch. red. V. I. Seliverstova. M.: Prospekt, 2024. 80 s.
3. Demidova-Petrova E. V. Prestupnost` nesovershennoletnix: osobennosti, prichinny`j kompleks // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14. № 1 (51). S. 51–58.
4. Zhukov V. G. K voprosu o sovershenstvovanii deyatel`nosti policii po protivodejstviyu destruktivny`m molodyozhny`m subkul`turam v cifrovoj srede // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 3(100). S. 57–64.
5. Styazhkina S. A. Genderny`e osobennosti zhenskoj prestupnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2021. №5. S. 904–910.

6. Malikov B. Z., Tazetdinov R. R. Depenalizaciya – forma ugolovnoj politiki i sredstvo protivodejstviya prestupnosti nesovershennoletnix // Nauchny`j portal MVD Rossii. 2020. № 2(50). S. 30–39.
7. Mixajlova O. G. O vozmozhnosti primeneniya mediacii po ugolovny`m delam v otnoshenii nesovershennoletnix // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2(99). S. 209–216.
8. Avdeev V. N., Aleksandrova L. A., Pan`kina I. Yu. Al`ternativa ugolovnomu presledovaniyu v otnoshenii nesovershennoletnix obvinyaemy`x // Vestnik Baltijskogo federal`nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki. 2021. № 1. S. 23–30.
9. Kuzneczov D. Yu.Konceptual`ny`e osnovy` formirovaniya ugolovnoj politiki Rossii po bor`be s prestupnost`yu nesovershennoletnix // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 4(101). S. 173–180.

Информация об авторе

Евгения Николаевна Федотова. Доцент кафедры уголовного права юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент.
Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.
390000, Россия, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Information about the author

Evgeniya N. Fedotova. Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law. Candidate of Law Sciences, Associate Professor.
Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service.
390000, Russia, Ryazan, Sennaya Str., 1.

Статья поступила в редакцию 12.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 12.03.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, СОВЕРШАЕМОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Флоря Денис Федорович[1], Малик Елена Николаевна[2], Малик Владислав Игоревич[3]
[1,3]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Академия ФСО России, Орел, Россия

[1]aav28010208@yandex.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Аннотация. В статье обсуждаются аспекты характеристики незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ с применением информационно-технологических средств. Основные составляющие такой характеристики включают способы совершения преступлений, обстановку их совершения, предметы преступных действий, личность преступника и следообразование. Целью этой характеристики является выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, установление виновных лиц и принятие оптимальных организационных и прогностических решений.

Ключевые слова: незаконный оборот, наркотические средства, психотропные вещества, наркотики, информационно-телекоммуникационные технологии, оперативно-разыскная характеристика.

Для цитирования: Флоря Д. Ф., Малик Е. Н., Малик В. И. Правовые аспекты незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 313–320.

LEGAL ASPECTS OF ILLICIT TRAFFICKING IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES COMMITTED USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES

Denis F. Florya[1], Elena N. Malik[2], Vladislav I. Malik[3]
[1,3]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Academy of the Federal Security Service of Russia, Orel, Russia

[1]aav28010208@yandex.ru
[2]malik57-elena@mail.ru
[3]maalya04@mail.ru

Annotation. The article discusses aspects of the characteristics of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances using information technology tools. The main components of such a characteristic include the methods of committing crimes, the environment in which they were committed, the objects of criminal acts, the identity of the perpetrator and trace

formation. The purpose of this characteristic is to identify, prevent, suppress and solve crimes, identify the perpetrators and make optimal organizational and predictive decisions.

Keywords: illicit trafficking, narcotic drugs, psychotropic substances, drugs, information and telecommunication technologies, operational investigative characteristics.

For citation: Florya D. F. Malik E. N., Malik V. I. Legal aspects of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances committed using information and telecommunication technologies // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 313–320.

Оперативно-разыскная деятельность, реализуемая в целях выявления и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, имеет существенные особенности, которые не всегда учитываются правоприменителями, что приводит к негативным последствиям в раскрытии и расследовании уголовных дел о преступлениях названной категории. Как показывают результаты опроса[1], большинство (82 %) оперативных сотрудников испытывают на практике серьёзные трудности, которые вызваны в первую очередь отсутствием у них комплекса знаний в области правового регулирования, в том числе международно-правовых основ, фундаментальных категорий, необходимых при документировании преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ. Кроме того, превалирующая часть проинтервьюированных нами оперуполномоченных отметила (92 %) необходимость изучения и использования в своей работе положительного зарубежного опыта в сфере выявления и раскрытия преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, поскольку при совершении таких общественно опасных деяний почти во всех случаях используются современные информационно-телекоммуникационные технологии иностранного производства.

Оперативно-разыскная деятельность постоянно совершенствуется, и её главная задача – это обеспечение безопасности общества и государства. Постоянные преобразования в деятельности оперативных подразделений говорят о том, что механизм совершения преступлений меняется и подстраивается под общество. Оперативно-розыскная характеристика позволяет формировать и целенаправленно использовать гласные и негласные методы оперативно-розыскной деятельности, планировать проведение оперативных-розыскных мероприятий [1, с. 248]. Не претендуя на изложение всех возможных элементов оперативно-разыскной характеристики, рассмотренных в науке [2, с. 179], исходя из правоприменительной практики, выделим следующие неотъемлемые компоненты структуры такой характеристики применительно к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ, совершаемых дистанционным способом [3, с. 29]:

1) предмет преступного посягательства;

2) механизм следообразования (следовая картина);

3) способ совершения преступления;

4) обстановка совершения преступления;

5) личность проверяемого (разрабатываемого).

Рассмотрим каждый элемент в отдельности для того, чтобы дать комплексную оперативно-разыскную характеристику указанной категории преступлений.

В качестве предмета преступного деяния выступают наркотические средства,

[1] В рамках социологического опроса было проинтервьюировано 93 оперативных сотрудника органов внутренних дел различного уровня (от территориального до регионального, а также центрального аппарата) в различных субъектах Рос. Федерации (Москва, Санкт-Петербург, Саратовская область, Свердловская область и др.)

психотропные вещества и их аналоги, а также растения или их части, содержащие указанные вещества. При этом следует опираться на официальные термины, установленные в Федеральном законе от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», а также на Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, который находится под контролем в Российской Федерации и был одобрен постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681. В этой связи можно поддержать вывод Ролика А. И., который систематизировал нормативные акты и научные подходы, отметив, что в настоящий момент к предметам данной группы деяний следует относить:

– наркотические средства;

– психотропные вещества;

– аналоги наркотических средств и психотропных веществ;

– растения (части растений), содержащие наркотические или психотропные вещества;

– прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ;

– растения (части растений), содержащие прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ;

– новые потенциально опасные психоактивные вещества, инструменты и оборудование, используемое для изготовления наркотических средств или психотропных веществ, находящихся под специальным контролем [4, с. 149].

Механизм следообразования (следовая картина), согласно криминалистическим учениям, представляет собой совокупность всех следов преступления (учитывая их особенности, локализацию), включающих сведения относительно раскрываемого и расследуемого события, а также его отдельно взятых обстоятельств. По общему правилу следы делятся на материальные (следы-предметы, следы-вещества и следы-отображения) [5, с. 133] и идеальные.

К идеальным необходимо прежде всего отнести образ лиц, которые участвовали в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ. Однако в силу того, что преступления обозначенной категории совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, исключающих непосредственную визуализацию сбытчика и покупателя, то отыскать идеальные следы непросто.

В связи с изложенным представляется верной классификация следов применительно к наркопреступлениям, совершённым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а именно:

1) традиционные следы – материальные следы в форме следов-отражений, следов-предметов, следов-веществ, а также идеальные следы, изучаемые трасологией;

2) нетрадиционные следы в виде компьютерных (виртуальных, цифровых) следов.

Таким образом, одной из особенностей следообразования применительно к рассматриваемой нами категории преступлений является то, что акцент в оперативно-разыскной практике делается исключительно на прослеживании цифровых следов, под которыми, в свою очередь, понимается оперативно значимая электронная информация о событиях или действиях, отражённая в материальной среде, в процессе её возникновения, обработки, хранения и передачи. Как правило, изучение именно так называемой «электронной среды» позволяет установить связь разрабатываемого (проверяемого) с потребителями наркотических средств и психотропных веществ, поскольку в электронных носителях информации могут быть сделаны записи о лицах, которые приобретали либо у которых приобретались запрещённые вещества.

К установлению механизма образования цифровых следов необходимо привлекать опытных специалистов в сфере IT-технологий, поскольку должностное лицо, осуществляющее производство по делу, как правило, не обладает данными навыками

[6, с. 22]. То есть следы преступной деятельности могут содержаться и на электронных носителях информации (смартфонах, компьютерах), у операторов сотовой связи, иных поставщиков услуг в сфере коммуникации (к примеру, оказывающих услуги интернет-связи, IP-телефонии), операторов платёжных систем (*Qiwi*), банков и иных кредитных учреждений (о движении денежных средств, видеозапись в банках и банкоматах), а также в сознании физических лиц, которые осведомлены о преступной деятельности [7, с. 117].

Способ совершения преступления. Знание современных способов совершения наркопреступлений является важной составляющей их предупреждения, выявления и раскрытия, поскольку это первостепенный источник сведений о качественной характеристике преступного поведения. Обобщение уголовных дел свидетельствует о том, что рассматриваемая категория преступлений имеет бесконтактный характер, заключающийся в том, что покупатель с помощью информационно-телекоммуникационных технологий (IP-телефонии, электронной почты, мессенджеров и др.) устанавливает связь с продавцом, а последний выставляет первому реквизиты для оплаты наркотических средств или психотропных веществ. Далее после подтверждения оплаты продавец сообщает покупателю местонахождение запрещённых средств (именуемое в быту закладкой). Преимущественно контакт между продавцом и покупателем осуществляется через онлайн-магазин, который использует сетевой маркетинг – метод продажи товаров и услуг через сеть независимых дистрибьюторов. Каждый из них может не только продавать продукцию, но и привлекать новых партнёров с аналогичными возможностями. Так, в настоящее время большая часть интернет-магазинов по сбыту наркотических средств и психотропных веществ базируется на крупнейших площадках в Содружестве Независимых Государств, рынке нелегальных товаров, которые входят в каталог ресурсов *Tor-Onion*. Обращение к данному ресурсу возможно только через *Tor-браузер* и происходит в условиях полной анонимности. В настоящее время сформировано большое количество «зеркал» данного ресурса, что позволяет организаторам успешно противодействовать всем попыткам его блокировки. Также в рамках преступной деятельности злоумышленники используют мессенджеры со сквозным шифрованием, обеспечивающим безопасное и защищённое общение. Высокую степень защиты имеют и электронные платёжные операции с криптовалютой. Необходимо отметить, что количество транзакций с использованием анонимных криптовалют в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ к настоящему моменту возросло.

Обстановка совершения преступления тоже имеет особенности применительно к незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ. Правильное усвоение оперативными сотрудниками такой обстановки ведёт к отчётливому пониманию планируемого общественно опасного деяния, постижению внутренних связей между действиями, совершаемыми волей, и отражением их вовне, что, в свою очередь, позволяет установить мотивы, руководящие злоумышленником [8, с. 3].

В целях соблюдения конспирации в настоящее время используется бесконтактный способ (80 %) – система закладок. Наиболее распространёнными местами закладок являются остановки общественного транспорта, торговые киоски, павильоны, подъезды домов, скверы, парки. Иногда наркотические средства и психотропные вещества оставляют в служебных зданиях, клубах, ресторанах, иных публичных местах. Что же касается времени совершения таких преступлений, то здесь всё зависит от сезона. Летом бесконтактный сбыт происходит с 20:00 до 24:00, а зимой – в основном с 17:00 до 22:00. Это обусловлено наличием сумерек и темноты, а также отсутствием в эти часы большого количества людей в общественных местах. Однако в практике имеют место случаи, когда злоумышленники, наоборот, используют дневное время и

оживлённые места для реализации своих преступных замыслов, чтобы отвести подозрения.

Личность проверяемого (разрабатываемого) зависит от двух важных направлений:

– анализа материальных следов, которые оставлены на месте преступления;

– анализ данных о психофизиологических характеристиках личности преступника [10, с. 48].

В литературе обоснованно подчёркивается, что эффективно противодействовать преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, помогает знание таких показателей личности преступника, как возраст, пол, профессия и др. [11, с. 78]. Статистические данные свидетельствуют о том, что преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ совершают лица мужского пола с 16 до 35 лет. Закладчиков в оперативно-разыскной практике разделяют на две категории: «оптовых», которые ищут скрытые места для хранения объёмного количества наркотиков в населённых пунктах, и «розничных», которые передают наркотики заказчикам. Оперативно-разыскная практика делит закладчиков на «оптовых», подыскивающих малозаметные места (тайники) на территории населённых пунктов и помещающих в них объёмные наркотические средства для дальнейшей продажи потребителям, и «розничных», осуществляющих передачу средств заказчикам. Соответственно, в оперативно-разыскной и следственной практике используется определённая терминология относительно иерархии лиц, участвующих в незаконном обороте наркотических средств и психотропных веществ, а именно:

– руководители – функционально обособленная группа лиц, состоящая из организаторов и руководителей преступного сообщества (преступной организации), непосредственно управляющих сайтом интернет-магазина, на котором размещены объявления о продаже наркотических и психотропных веществ, разработчиков преступного плана и механизма совершения преступлений, руководителей, осуществляющих контроль деятельности структурных подразделений и отдельных участников;

– «главный склад» – территориально и функционально обособленная группа лиц, в функции которой входит получение из неустановленных источников оптовых партий наркотических средств, фасовка полученных наркотиков на партии меньших размеров и их отправка в различные регионы России «главным закладчиком», как правило, посредством почтовых отправлений АО «Почта России»;

– закладчики – территориально и функционально обособленные группы лиц, состоящие из «главных закладчиков» и «рядовых закладчиков», в том числе включающие отдельные группы из числа «главных и рядовых закладчиков»;

– «главные закладчики» («малый склад») – территориально и функционально обособленные группы лиц, отвечающих за получение почтовых отправлений с наркотическими средствами и психотропными веществами с «главного» склада, фасовку наркотических средств на меньшие партии, передачу их «рядовым закладчикам» в целях дальнейшего незаконного сбыта, а также непосредственный сбыт наркотических средств наркопотребителям – клиентам интернет-магазина через тайники-закладки по прямому указанию руководителей;

– «рядовые закладчики» – территориально и функционально обособленные группы лиц, отвечающих за получение от «главных закладчиков» небольших партий с наркотиками как лично, так и через тайники-закладки, фасовку наркотических средств и их непосредственный сбыт наркопотребителям – пользователям интернет-сайта через тайники-закладки;

– подгруппы из числа «главных и рядовых закладчиков» – территориально и функционально обособленные группы лиц в количестве не более двух, состоящие из одного «главного» и одного «рядового» закладчика, знакомых друг с другом и совместно выполняющих направленные на совершение преступлений действия.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что использование многоуровнего шифрования в преступной деятельности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, затрудняет установление личности фигурантов, места и способа совершения преступления, финансовой составляющей и иных обстоятельств преступной деятельности, в связи с чем отследить преступную цепочку (от закладчиков до организатора) оперативно-разыскными силами при существующем программно-технологическом и информационно-аналитическом обеспечении крайне затруднительно. При определении содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений рассматриваемого вида особый акцент необходимо делать на способе их совершения.

1. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскная характеристика преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотических средств // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1-4 (61). С. 248–255.
2. Кондрашечкин Р. В. Содержание оперативно-разыскной характеристики преступлений // Вестник экономической безопасности. 2020. № 1. С. 176–179.
3. Решняк О. А. Использование компьютерных технологий при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота опасных психоактивных веществ : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019. 220 с.
4. Ролик А. И. Предмет наркопреступлений: подходы к его определению // Lexrussica. 2016. № 12. С. 148–166.
5. Комиссарова Я. В. Понятие и классификация следов в криминалистике // Вестник университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3(55). С. 131–141.
6. Давыдов В. О. Цифровые следы в расследовании дистанционного мошенничества // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 20–27.
7. Чистова Л. Е. Особенности механизма следообразования при контрабанде наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых веществ или растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. С. 115–119.
8. Ошлыкова Е. А. Методика расследования незаконного сбыта наркотических средств и поддержания государственного обвинения по уголовным делам данной категории : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 243 с.
9. Ренчиндоржиев Е. В. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики наркопреступлений // Тенденции развития науки : материалы XXXIII Междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ : БГУ, 2013. С. 166–167.
10. Кустов А. М. Типичная информация о личности преступника при расследовании преступлений, совершенных в сфере оборота наркотических средств // Успехи в химии и химической технологии. 2017. № 7(188). С. 48–50.
11. Медведева С. В. Криминологический анализ личности преступника, совершившего незаконных оборот наркотических средств // Право: история и современность. 2017. № 1. С. 77–81.

1. Kondrat`ev M. V. Operativno-rozy`sknaya xarakteristika prestuplenij, svyazanny`x s nezakonny`m sby`tom narkoticheskix sredstv // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 1-4 (61). S. 248–255.

2. Kondrashechkin R. V. Soderzhanie operativno-razy`sknoj xarakteristiki prestuplenij // Vestnik e`konomicheskoj bezopasnosti. 2020. № 1. S. 176–179.
3. Reshnyak O. A. Ispol`zovanie komp`yuterny`x texnologij pri rassledovanii prestuplenij v sfere nezakonnogo oborota opasny`x psixoaktivny`x veshhestv : dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2019. 220 s.
4. Rolik A. I. Predmet narkoprestuplenij: podxody` k ego opredeleniyu // Lexrus-sica. 2016. № 12. S. 148–166.
5. Komissarova Ya. V. Ponyatie i klassifikaciya sledov v kriminalistike // Vest-nik universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2019. № 3(55). S. 131–141.
6. Davy`dov V. O. Cifrovy`e sledy` v rassledovanii distancionnogo moshenniche-stva // Izvestiya Tul`skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2020. № 3. S. 20–27.
7. Chistova L. E. Osobennosti mexanizma sledoobrazovaniya pri kontrabande narkoticheskix sredstv, psixotropny`x, sil`nodejstvuyushhix, yadovity`x veshhestv ili rastenij, soderzhashhix narkoticheskie sredstva ili psixotropny`e veshhestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 5. S. 115–119.
8. Oshly`kova E. A. Metodika rassledovaniya nezakonnogo sby`ta narkoticheskix sredstv i podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po ugolovny`m delam dannoj kate-gorii : dis. … kand. yurid. nauk. M., 2013. 243 s.
9. Renchindorzhiev E. V. Lichnost` prestupnika kak e`lement kriminalisticheskoj xarakteristiki narkoprestuplenij // Tendencii razvitiya nauki : materialy` XXXIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ulan-Ude` : BGU, 2013. S. 166–167.
10. Kustov A. M. Tipichnaya informaciya o lichnosti prestupnika pri rassledo-vanii prestuplenij, sovershenny`x v sfere oborota narkoticheskix sredstv // Uspexi v ximii i ximicheskoj texnologii. 2017. № 7(188). S. 48–50.
11. Medvedeva S. V. Kriminologicheskij analiz lichnosti prestupnika, sovershiv-shego nezakonny`x oborot narkoticheskix sredstv // Pravo: istoriya i sovremennost`. 2017. № 1. S. 77–81.

Информация об авторах

Денис Федорович Флоря. Заместитель начальника института, кандидат юридических наук, доцент.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Елена Николаевна Малик. Сотрудник Академии ФСО России, кандидат политических наук, доцент.
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации.
302015, Россия, г. Орел, ул. Приборостроительная, 35.

Владислав Игоревич Малик. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД, кандидат юридических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Information about the authors

Denis F. Florya. Deputy Head of the Institute. Candidate of Law, Associate Professor.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Malik E. Nikolaevna. Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia. Candidate of Political Sciences, Associate Professor.
Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation.
302015, Russia, Orel, Priborostroitelnaya Str., 35.

Vladislav I. Malik. Teacher of the chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Bodies. Candidate of Law.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 03.02.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.985

ОБНАРУЖЕНИЕ И ИЗЪЯТИЕ ЦИФРОВОЙ ИГРОВОЙ ВАЛЮТЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ

Халин Владислав Дмитриевич
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

Honjo33@gmail.com

Аннотация. В данном исследовании рассмотрены проблемные вопросы, связанные с расследованием легализации доходов, полученных преступным путём с использованием цифровой игровой валюты и внутриигровых ценностей; проанализированы особенности оборота внутриигровых ресурсов. С учётом проведённого анализа предложен алгоритм реализации следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие подобных игровых ресурсов. Полученные результаты могут быть использованы для оптимизации предварительного расследования по уголовным делам, связанным с легализацией доходов, полученных преступным путём.

Ключевые слова: легализация доходов, полученных преступным путём, отмывание денег и иного имущества, цифровая игровая валюта, игровые ценности, интернет, виртуальная валюта.

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя – заместителя начальника кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России кандидата юридических наук, доцента Науменко О. А.

Для цитирования: Халин В. Д. Обнаружение и изъятие цифровой игровой валюты при расследовании легализации доходов, полученных преступным путём // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 321–326.

DETECTION AND SEIZURE OF DIGITAL GAME CURRENCY DURING THE INVESTIGATION OF MONEY LAUNDERING

Vladislav D. Khalin
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia

Honjo33@gmail.com

Annotation. This study examines problematic issues related to the investigation of the legalization of proceeds from crime committed using digital in-game currency and in-game valuables, analyzes the features of the turnover of in-game resources. Based on the analysis, an algorithm for conducting investigative actions aimed at detecting and seizing such game resources is proposed. The results obtained can be used to optimize the preliminary investigation of criminal cases related to the legalization of proceeds from crime.

Keywords*:* money laundering, money laundering and other property laundering, digital game currency, game values, Internet, virtual currency.

Gratitude: the work was carried out with the support of the scientific supervisor – Deputy Head of the Department of Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor Naumenko O. A.

For citation: Khalin D. V. Detection and seizure of digital game currency during the investigation of money laundering // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 321–326.

Концепцией развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём, и финансированию терроризма закреплена ведущая роль развития методик выявления, раскрытия и расследования преступлений, связанных с приданием правомерного вида владению, пользованию и распоряжению доходам, полученным в результате совершения преступлений[1]. Активная интеграция информационных технологий в преступную деятельность повлекла также изменение механизма совершения легализации доходов, полученных преступным путём. Злоумышленниками разрабатываются всё более новые способы вовлечения денег и иного имущества, полученного посредством преступной деятельности в легальный экономический оборот. Одним из новейших способов легализации доходов, полученных преступным путём, является использование цифровой игровой валюты. Компьютерные игры всё больше проникают в обыденную жизнь многих людей, формируя новую ветвь виртуальных прав собственности. Уже не вызывает удивления разговор о вложении реальной денежной массы в приобретение вещей, которые не имеют материального выражения [1, с. 65].

С ростом числа виртуальных сообществ (онлайн-игр, платформ, социальных сетей и др.) и благодаря развитию технологий стали множиться случаи создания и распространения своих собственных виртуальных валют в рамках различных виртуальных сообществ. Внутриигровая валюта представляет собой платёжное средство, используемое в рамках конкретной виртуальной среды. Виртуальная валюта (игровая валюта) – нефиатные электронные деньги, то есть формально частные деньги, которые используются для приобретения и продажи виртуальных товаров в различных сетевых сообществах: социальных сетях, виртуальных мирах и онлайн-играх. Подобная валюта может быть использована для приобретения и продажи виртуальных товаров в различных сетевых сообществах, в том числе в социальных сетях, онлайн- и офлайн-играх [2, с. 89]. Фактически виртуальные товары и виртуальные деньги не имеют ценности для каждого субъекта гражданского оборота, но нельзя говорить о том, что они не имеют материальной ценности [3, с. 135]. Так, например, на данный момент имеется возможность купить «виртуальное имущество» за реальные деньги и свободно распоряжаться им в ходе игры. Речь в данном случае идёт о больших суммах, например: в сообществе виртуальных трейдеров главным событием 2020 года стала покупка винтовки «Вой» с редким скином и наклейками за 100 000 долларов [4, с. 111]. Использование цифровой игровой валюты и игровых ресурсов для совершения преступлений с каждым годом всё чаще встречается как в мировой, так и в национальной правоприменительной практике. В 2023 году федеральным судом Сан-Франциско было рассмотрено дело о легализации преступных активов при помощи цифровой игровой валюты и игровых ценностей в игре *«Roblox»*. Группой более чем 300 человек использовалась игровая валюта *«Robux»* для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению более 300 тысячам долларов США[2]. Генеральной прокуратурой Турции был выявлен случай отмывания денег или иного имущества с использованием цифровой платформы *«Twitch»* и представленной в ней

[1]Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации 30 мая 2018 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Hundreds Of Roblox Users May Be ‘Engaged In Money Laundering». [Электронный ресурс]. URL: https://www.forbes.com/sites/cyrusfarivar/2023/03/30/hundreds-of-roblox-users-may-be-engaged-in-money-laundering-court-filing-says/?sh=30c64038381c (дата обращения: 20.03.2025).

валютой *«Bits»*. Группа из 40 стримеров получала пожертвования в виде данной валюты и впоследствии обменивала их на фиатные денежные средства и криптовалюту[1]. В 2022 году Верх-Исетский районный суд города Екатеринбурга вынес приговор по делу № 1-382/2022, признав Кирсанова А. Ю. виновным в создании вредоносных компьютерных программ для автоматической добычи внутриигровой валюты в онлайн-играх[2]. В период с 2021 по 2024 год различными судами был рассмотрен ряд уголовных дел, в которых фигурируют цифровые площадки, одним из основных направлений деятельности которых является оборот игровой валюты и внутриигровых ценностей[3].

Проведение поисковых следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие цифровой игровой валюты и игровых ценностей при расследовании легализации доходов, полученных преступным путём, во многом зависит от способа хранения, выпуска и оборота подобных игровых ресурсов и отдельных характеристик цифрового пространства, в рамках которого функционирует та или иная валюта. Рассмотренные в рамках исследования игровые пространства функционируют на основе цифровых платформ. Цифровая платформа – представляет собой программную среду, на основе которой функционируют инструментальные (например, *JAVA, Android OS, IOS*), инфраструктурные (например, ЭРА-ГЛОНАСС) или прикладные (*Uber, PayPal, Avito*) аппаратные комплексы, обеспечивающие реализацию функций виртуальных систем [5, с. 78]. Так, были изучены особенности оборота цифровой игровой валюты и игровых ценностей в рамках наиболее распространённых игровых экосистем, среди которых платформа *«Steam»*, разработанная компанией *«Valve»,* платформа *«BattleNet»* разработанная компанией *«Activision Blizzard»*, онлайн-сервис «Леста Игры», биржа игровых ценностей *«FunPay»,* биржа игровых ценностей *«G2G»* и другие.

Порядок оборота цифровой игровой валюты предусмотрен правилами функционирования конкретного цифрового пространства и регулируется пользовательским (лицензионным) соглашением. Так, например, обмен внутриигровыми ценностями в одних из самых популярных на территории СНГ играх *«DOTA 2»* и *«Counter-Strike 2»* производится на базе «Steam», а не в игровых клиентах напрямую. В онлайн-играх, издаваемых компанией *«Blizzard»*, например *«World of Warcraft»,* обмен внутриигровыми ресурсами происходит в рамках пользовательского клиента без использования отдельных сервисов. Иной порядок оборота игровой валюты и внутриигровых ценностей предусмотрен в таких играх, как «Мир танков», и других играх, издаваемых «Леста Игры». Данный издатель ограничил обмен внутриигровыми ресурсами между игроками, несмотря на это открытыми остаются возможности для легализации доходов, полученных преступным путём посредством бирж игровых ценностей. Вышеупомянутые интернет-сервисы *«Funpay»* и *«G2G»* содержат тысячи предложений по покупке и продаже игровых аккаунтов, цифровой игровой валюты и игровых ценностей.

---

[1] Fenomenler serbest 2 dolandırıcı tutuklu. [Электронный ресурс]. URL: https://www.milliyet.com.tr/gundem/fenomenler-serbest-2-dolandirici-tutuklu-6677222 (дата обращения: 20.03.2025).

[2] Приговор Верх-Исетского районного суда города Екатеринбурга по уголовному делу № 1-382/22. [Электронный ресурс]. URL: https://verhisetskysvd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=2&H_date=(дата обращения: 20.03.2025).

[3] Приговор Центрального районного суда г. Калининград по уголовному делу № 1-263/2022; приговор Курганинского городского суда г. Курганинск по уголовному делу № 1-15/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/66162650; приговор Советского районного суда г. Липецк по уголовному делу № 1-64/2022 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/64088597; приговор Няганского городского суда г. Югры по уголовному делу № 1-219/2024 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/86163879. (дата обращения: 20.03.2025).

В зависимости от особенностей конкретной игровой экосистемы при поиске цифровой игровой валюты и игровых ценностей объектом осмотра выступают: техническое устройство, используемое для доступа к цифровому игровому пространству, как правило, таковым является персональный компьютер или мобильный телефон; учётная запись пользователя на сайте издателя (дистрибьютора); сетевая платформа, на базе которой функционирует игра; клиент игры; внутриигровой аккаунт пользователя; учётная запись бирж игровых ценностей. Осмотру также подлежат служебные журналы системных и прикладных программ, которые могут содержать информацию о сделках, IP-адресах, с которых производились транзакции, а также временные метки, позволяющие установить последовательность действий при обороте цифровой игровой валюты [6, с. 294].

В рамках расследования данной категории преступлений особую результативность могло бы иметь следственное действие «Осмотр электронного объекта». В рамках следственного действия «Осмотр электронного объекта» возможно выделение следующих подвидов: осмотр локального устройства, сетевой осмотр, осмотр распределённого объекта (файлы, хранящиеся в облачных сервисах и блокчейны), осмотр мобильного устройства [7, с. 260]. Промедление с осмотром может привести к невосполнимой утрате следов и вещественных доказательств, невозможности восстановления объективной картины произошедшего, своевременного установления и задержания совершивших преступление лиц [8, с. 31].

При осмотре учётных записей цифровых игровых платформ необходимо выяснить уточняющие сведения об аккаунте: регистрационные данные (имя профиля (никнейм), настоящее имя пользователя, местоположение, привязанный электронный почтовый ящик). Важно получить информацию о состоянии денежного счёта (сумма фиатной валюты или криптоактивов, история пополнения, снятия, покупок и переводов). Так, протоколом осмотра предметов и документов (по делу № 1-15/2023 (1-300/2022;) установлено, что денежные средства, поступающие на страницу «Сильвестр» на торговой площадке *«Steam»* (Стим) от продажи виртуальных предметов, выводятся на киви кошелек с номером ***5130. При просмотре истории операций установлено, что на данный номер денежные средства переводятся при помощи зашифрованного номера ***6078[1]. Большинство цифровых игровых платформ предполагает хранилище арендованных или находящихся в собственности игровых ценностей, например «инвентарь» или «сумка». Необходимо зафиксировать наличие данных предметов на конкретный период времени, их стоимость и изучить историю обмена, историю «инвентаря» и историю «обмена». Если цифровая игровая платформа предполагает функцию отложенного обмена, то необходимо также изучить и её. Многие цифровые игровые платформы сочетают в себе функции социальный сетей и мессенджеров и предполагают функции размещения постов, отправки сообщений и участия в сообществах, созданных внутри данной системы. Важно обратить внимание на переписки, посты и иные формы взаимодействия подозреваемого с другими пользователями.

Биржи игровых ценностей не являются банками или иными финансовыми организациями, не обладают собственной платёжной системой и не ведут расчётные счета пользователей, выступая лишь посредником между пользователями. Тем не менее на таких биржах можно получить существенное количество информации о действиях подозреваемого в рамках биржи. Осмотр биржи игровых ценностей предполагает изучение учётной записи, видов валют, используемых пользователем, историю покупок и продаж, переписки с другими пользователями. Наиболее популярные биржи игровых

[1] Приговор Курганинского городского суда Курганинской области от 30.05.2023 №1-15/2023 [Электронный ресурс]. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/66162650 (дата обращения: 20.03.2025).

ценностей требуют прохождения отдельной регистрации для доступа к функции продажи/перепродажи игровой валюты, игровых ценностей, ключей доступа и иных объектов, относящихся к онлайн-играм и имеющих меру стоимости. Данная анкета содержит такие сведения, как личная характеристика пользователя; никнейм; реальные фамилия, имя, отчество; средняя сумма оборота денежных средств на аккаунте; игры, в которых пользователь осуществляет торговлю; профили пользователя в социальных сетях, маркетплейсах, цифровых игровых платформах.

В ряде многопользовательских онлайн-игр внутриигровое имущество не отображается в учётной записи цифровой платформы. В таком случае необходимо осмотреть пользовательский аккаунт внутри игры. При осмотре такого аккаунта необходимо уточнить наличие тех или иных игровых ценностей и предметов, следы взаимодействия между пользователями внутри игры, просмотр истории переписки и обмена между игроками. Ввиду того что многопользовательские онлайн-игры обладают разной спецификой и могут быть разнообразны по внутреннему содержанию, целесообразно привлечение специалиста для осмотра внутриигрового профиля с учётом особенностей того или иного игрового пространства.

Изъятие цифровой игровой валюты и игровых ценностей может происходить несколькими способами в зависимости от того, на каком этапе легализации доходов, полученных преступным путём, они были обнаружены. Так, если внутриигровые ресурсы были обнаружены на этапе размещения и находятся на внутриигровом аккаунте, то целесообразным будет направление запроса компании-издателю (дистрибьютору) о наложении ограничений на проведение операций по передаче или продаже внутриигровой валюты. В случае когда нет возможности оперативного направления и рассмотрения такого запроса (например, когда издатель игры находится вне правового поля Российской Федерации или не имеет постоянного представительства на территории государства), целесообразно ограничение физического доступа к устройству, которое использовалось для совершения преступления. В тех случаях, когда игровое имущество выведено за пределы конкретного игрового пространства, но ещё не конвертировано в фиатные денежные средства или децентрализованную цифровую валюту (например, когда внутриигровая валюта передана бирже игровых ценностей, но ещё не была реализована и находится на учётном балансе злоумышленника), целесообразным является их передача на специально созданную подконтрольную учётную запись.

Изъятие цифровой игровой валюты предполагает следующие действия:

1) направление запроса компании-издателю (дистрибьютору) или бирже игровых ценностей с целью дальнейшего ограничения операций по передаче и продаже цифровой игровой валюты;

2) ограничение физического доступа к техническому устройству, используемому для совершения преступления, и учётной записи в игровой экосистеме или бирже игровых ценностей путём смены данных для авторизации и аутентификации;

3) передача цифровой игровой валюты из учётных записей цифровой платформы и биржи игровых ценностей, а также внутриигрового аккаунта на специально созданные учётные записи;

4) принятие мер к обеспечению сохранности подконтрольной учётной записи.

---

1. Еремченко В. И., Сафронкина О. В. Проблемные вопросы определения суммы материального ущерба и пути их решения при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации в области индустрии компьютерных игр // Общество и право. 2019. № 4(70). С. 64–68.
2. Халин В. Д. Использование цифровой игровой валюты как способ легализации доходов, полученных преступным путем // Российское правосудие. 2024. № 2. С. 86–93.

3. Васильев Д. Н., Николаев П. Д. Обзор проблем регулирования виртуальных ценностей // Экономика и социум. 2013. № 3(8). С. 135–137.
4. Науменко О. А. Криминалистические аспекты исследования цифровых объектов при расследовании преступлений // Общество и право. 2023. № 3(85). С. 76–81.
5. Латыпова Э. Ю. Роль правоохранительных органов и специальных служб в борьбе с преступлениями, совершаемыми в сфере компьютерных игр, и технические решения для их предотвращения // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 2(41). С. 109–114.
6. Пырьева Е. И., Черепков Р. А., Попова Н. В. Теоретические аспекты расследования преступлений, связанных с использованием криптовалют // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 1(102). С. 289–297.
7. Смушкин А. Б. Онлайн-игры как пространство совершения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 259–264.
8. Осипенко А. Л. Особенности расследования преступлений, совершаемых в компьютерных сетях // Криминалистъ. 2008. № 1. С. 30–36.

1. Eremchenko Vladimir Igorevich, Safronkina Oksana Vladimirovna Problemny`e voprosy` opredeleniya summy` material`nogo ushherba i puti ix resheniya pri rassledovanii moshennichestva v sfere komp`yuternoj informacii v oblasti industrii komp`yuterny`x igr // Obshhestvo i pravo. 2019. № 4 (70). S. 64–68
2. Xalin V. D. Ispol`zovanie cifrovoj igrovoj valyuty` kak sposob legalizacii doxodov, poluchenny`x prestupny`m putem // Rossijskoe pravosudie. 2024. № 2. S. 86–93.
3. Vasil`ev D. N., Nikolaev P. D. Obzor problem regulirovaniya virtual`ny`x cennostej // E`konomika i socium. 2013. № 3 (8). S. 135–137
4. Naumenko O. A. Kriminalisticheskie aspekty` issledovaniya cifrovy`x ob``ektov pri rassledovanii prestuplenij // Obshhestvo i pravo. 2023. № 3(85). S. 76–81.
5. Laty`pova E`. Yu. Rol` pravooxranitel`ny`x organov i special`ny`x sluzhb v bor`be s prestupleniyami, sovershaemy`mi v sfere komp`yuterny`x igr, i texnicheskie resheniya dlya ix predotvrashheniya // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2024. № 2(41). S. 109–114.
6. Py`r`eva E. I., Cherepkov R. A., Popova N. V. Teoreticheskie aspekty` rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s ispol`zovaniem kriptovalyut // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk`yanova. 2025. № 1(102). S. 289–297.
7. Smushkin, A. B. Onlajn-igry` kak prostranstvo sovershheniya prestuplenij // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. № 468. S. 259–264.
8. Osipenko A. L. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershaemy`x v komp`yuterny`x setyax // Kriminalist``. 2008. № 1. S. 30–36.

Информация об авторе

Халин Владислав Дмитриевич. Адъюнкт.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.

Information about the author

Khalin Vladislav Dmitrievich. Adjunct.
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
350005, Russia, Krasnodar, Yaroslavskaya Str., 128

Статья поступила в редакцию 21.04.2025; одобрена после рецензирования 23.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 21.04.2025; approved after review on 23.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 34

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СОГЛАСИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ И ПОДХОДЫ К ЕЁ ОСМЫСЛЕНИЮ

Химичева Ольга Викторовна[1], Мичурина Оксана Валерьевна[2], Тутынин Игорь Борисович[3]
[1,2,3]Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия

[1]olga-him@mail.ru
[2]okmich@inbox.ru
[3]tutig@rambler.ru

Аннотация. Анализируя различные подходы к правовой природе согласия в уголовном судопроизводстве, авторы отводят ему особую роль в обеспечении не только эффективности уголовного судопроизводства, но прав и законных интересов его участников. Предлагается придерживаться более широкого понимания субъектов, дающих согласие на производство процессуальных действий и принятие процессуальных решений, включая в их перечень не только властных, но и невластных участников уголовного судопроизводства, а также лиц без какого-либо процессуального статуса, которые не названы участниками уголовного судопроизводства, но вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность. Научные воззрения и практика правоприменения позволили предпринять попытку устранить имеющиеся противоречия в существенных специфических признаках согласия в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: согласие, согласование, соглашение, согласительные процедуры, договорные отношения, публичность, диспозитивность, участники уголовного судопроизводства, компромисс.

Для цитирования: Химичева О. В., Мичурина О. В., Тутынин И. Б. Правовая природа согласия в уголовном судопроизводстве и подходы к её осмыслению // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 327–334.

THE LEGAL NATURE OF CONSENT IN CRIMINAL PROCEEDINGS AND APPROACHES TO ITS UNDERSTANDING

Olga V. Khimicheva[1], Oksana V. Michurina[2], Igor B. Tutynin[3]
[1,2,3]V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

[1]olga-him@mail.ru
[2]okmich@inbox.ru
[3]tutig@rambler.ru

Annotation. Analyzing various approaches to the legal nature of consent in criminal proceedings, the authors assign it a special role in ensuring not only the effectiveness of criminal proceedings, but also the rights and legal interests of its participants. It is proposed to adhere to a broader understanding of the subjects giving consent to the production of procedural actions and the adoption of procedural decisions, including in their list not only

powerful, but also non-powerful participants in criminal proceedings, as well as persons without any procedural status who are not named as participants in criminal proceedings, but are involved in criminal procedural activity. Based on scientific views and law enforcement practice, an attempt is made to eliminate the existing contradictions in the essential specific features of consent in criminal proceedings.

Keywords: consent, coordination, agreement, conciliation procedures, contractual relations, publicity, discretion, participants in criminal proceedings, compromise.

For citation: Khimicheva O. V., Michurina O. V., Tutynin I. B. The legal nature of consent in criminal proceedings and approaches to its understanding // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Lukyanova. 2025. № 2(103). P. 327–334.

В современном российском уголовном процессе согласие занимает важное место, являясь неотъемлемым элементом многих правовых институтов и необходимым условием для их эффективного функционирования. Достижение назначения уголовного судопроизводства невозможно без обеспечения баланса публичных и частных интересов, существенную роль в котором играет согласие, позволяющее не только решить проблему эффективности реализационного процесса, его сопровождающего, но также надлежащим образом обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства. Всё это обуславливает острую необходимость в осмыслении правовой природы согласия в уголовном судопроизводстве.

Действующее законодательство устанавливает, что для проведения отдельных процессуальных действий, принятия конкретных процессуальных решений и перехода к определённым процедурам необходимо получить согласие соответствующих участников уголовного судопроизводства. Поэтому неслучайно в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ законодатель закрепил нормативное определение согласия как разрешение руководителя следственного органа на производство следователем или разрешение прокурора, начальника органа дознания на производство дознавателем соответствующих следственных и иных процессуальных действий и на принятие ими процессуальных решений. Вместе с тем такое нормативное разъяснение категории «согласие» не совсем увязывается с логикой самого УПК РФ, в котором данный термин по состоянию на момент подготовки настоящей статьи используется 175 раз, причём не только в том смысле, который определяется ст. 5. Значительная часть норм уголовно-процессуального закона, включающих в себя согласие, посвящена не только правовым действиям участников уголовного судопроизводства, дающим разрешение своим подчинённым (поднадзорным, подконтрольным) на юридически значимые последствия. В тексте УПК РФ упоминается согласие, получаемое и у невластных участников уголовного судопроизводства (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и пр.), а также иных лиц, которые не названы участниками (например, при осмотре жилища говорится о согласии проживающих в нём лиц, в качестве которых могут быть близкие родственники, родственники, близкие лица участника уголовного судопроизводства, в том числе все прочие лица, которые с ним никак не связаны ни близостью, ни тем более родством).

Следует заметить, что все указанные варианты согласия невластных участников уголовного процесса не менее значимы для выполнения назначения уголовного судопроизводства, соблюдения процессуальной формы, чем согласие должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. При этом представить исчерпывающий перечень тех, кто может дать согласие в уголовном судопроизводстве, вряд ли возможно. Нет никакого смысла и в попытках вычленить их из УПК РФ. Отсюда согласимся с мнением Марфицина П. Г. об отсутствии хоть какой-то

целесообразности в нормативном закреплении дефиниции «согласие» в ст. 5 УПК РФ, по крайней мере, в том виде, который она имеет сейчас [1, с. 67].

Правоприменительная деятельность основывается не только на нормах права, но и на возможности совершать некоторые действия по своему усмотрению. Однако эта свобода действий ограничена самой процессуальной формой, в рамках которой осуществляется процесс правоприменения. В современном мире наблюдается тенденция к упрощению различных процессов, что также затронуло и отечественное уголовно-процессуальное право.

Потребность упрощения правовых процедур как средства разрешения социальных, экономических и иных конфликтов побудила законодателя искать наиболее простую, эффективную и экономически выгодную форму уголовного судопроизводства [2, с. 3]. Часто упрощение уголовного судопроизводства в теории принято в большей степени связывать с дифференциацией уголовно-процессуальной формы, но никак не с развитием договорных отношений или согласительных процедур. Объясняется это как классическими правовыми традициями, основывающимися на публично-правовой природе уголовного процесса и императивном методе регулирования, так и уголовно-процессуальной идеологией, отстаивающей национальную самобытность российского уголовного судопроизводства [3, с. 4], опирающейся своими истоками на культурно-историческое наследие и духовно-нравственные основы российской общности [4, с. 198].

Целью развития согласительных процедур является не отказ от правовой определённости в уголовно-процессуальной сфере, а ограничение дискреции правоохранительных органов и повышение качества регулирования уголовно-процессуальных отношений. Их внедрение должно повысить эффективность противодействия преступности при снижении затрат на эту государственную деятельность [5, с. 5]. Так, в ходе проведения одного из диссертационных исследований было выявлено, что в 90,6 % из всех изученных уголовных дел требовалось получить согласие на процессуальные действия или решения. При этом по многим уголовным делам согласительные процедуры применялись неоднократно (65,4 %) [6, с. 3], что свидетельствует о популярности института согласия в правоприменении.

Согласительная процедура в уголовном судопроизводстве представляет собой установленную законом процессуальную форму разрешения правового спора, с помощью которой участники могут прийти к соглашению и достичь компромисса. Она основана на договорённости об определении и выполнении условий, необходимых для принятия желаемого процессуального решения [7, с. 12] или процессуального действия. Потребность в реализации согласия в уголовном судопроизводстве достаточно обширна. Согласие может быть неотъемлемым элементом согласительной процедуры, сутью правила, подлежащего применению (например, глава 40 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением и др.), реализовываться самостоятельно вне согласительной процедуры по причине того, что получается оно от лица, не имеющего какого-либо процессуального интереса в исходе уголовного дела.

Если затрагивать доктринальное понимание согласия в уголовном судопроизводстве, то не все исследователи точны в его определении, что отчасти объясняется упомянутой уже нами несостыковкой положений п. 41.1 ст. 5 с другими нормами УПК РФ. Так, Насонов А. А., показывая особенности механизма реализации согласия в российском уголовном процессе, которые выражаются в том числе и в способствовании «достижению компромисса между субъектами согласования при одновременном контроле за соблюдением публичных и частных интересов и координации действий властных субъектов» [8, с. 46], не в полной мере учитывает все виды «согласий», несмотря на то, что в своей работе о них ведёт речь. Для

установления правовой природы согласия в уголовном судопроизводстве, принципиально важно решить вопрос о существенных специфических признаках согласия, тем более, что ответ на него в уголовно-процессуальной науке весьма неоднозначен.

Во-первых, ведя речь о формах языкового выражения уголовно-процессуального согласия, необходимо строго отграничивать его от согласования. Эти понятия не совпадают по смыслу и не являются тождественными, несмотря на их близость. Согласование означает взаимодействие между двумя и более лицами в отношении каких-либо взаимных условий, тогда как согласие представляет собой волеизлияние, выраженное в разрешении только одного лица. Кроме того, именно согласование больше подходит под смысл, заложенный в п. 41.1 ст. 5 УПК РФ, представляя собой согласованность действий должностных лиц со стороны обвинения, имеющих один общий процессуальный интерес. Тем самым согласие и согласование существенно различаются между собой не только по содержанию, но и по своей направленности, а значит, имеют разную правовую природу. Если же говорить о соглашении, которое представляет собой обоюдовыгодную волю сторон, то оно ближе по своей правовой природе согласию в силу того, что дача согласия может стать юридическим фактом к наступлению соглашения. Согласие в этом смысле является одним из условий для заключения соглашения в рамках согласительной процедуры.

Во-вторых, на спорность мнения о единствах механизма реализации согласия в российском уголовном процессе, о достижении компромисса, о соотношении при этом публичных и частных интересов указывает множественность властных и невластных субъектов, имеющих полномочие или право выразить по закону своё согласие. К примеру, не всегда можно поставить знак равенства между уголовно-процессуальным согласием иностранного государства (ч. 2 ст. 3, ч. 1 и 2 ст. 461 УПК РФ) и Российской Федерации (ч. 3 ст. 462 УПК РФ), так как оно отличается как по сути, так и по процедуре получения, а особенно по последствиям его реализации.

В УПК РФ предусмотрено получение согласия внушительного количества невластных субъектов, именно тех, кто не осуществляет уголовно-процессуальную деятельность. К ним можно отнести: лиц, обладающих свидетельским иммунитетом (ч. 2 ст. 11); проживающих в жилище лиц (ч. 1 ст. 12, ч. 5 ст. 177); руководителя коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования (ст. 23); потерпевшего (п. 3 и 4 ч. 2 ст. 42); гражданского истца (п. 7 ч. 4 ст. 44); подозреваемого, обвиняемого, подсудимого (ч. 2 и 3 ст. 28.2, ч. 2 ст. 34, п. 2 ч. 4 ст. 46, ч. 4.1 ст. 49 и др.); гражданского ответчика (п. 4 ч. 2 ст. 54); лицо, которому адвокат оказывал юридическую помощь (п. 3 ч. 3 ст. 56); сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы (п. 5 ч. 3 ст. 56); Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации (п. 8 ч. 3 ст. 56); свидетеля (п. 1 ч. 4 ст. 56); владельца имущества (ст. 82); опрашиваемых защитником лиц (п. 2 ч. 3 ст. 86); лицо, в отношении которого даётся поручительство (ч. 2 ст. 103); законного представителя (ч. 5 ст. 161); освидетельствуемого лица (ч. 5 ст. 179); участника, в отношении которого производится судебная экспертиза (ч. 4 ст. 195); стороны (ч. 1 ст. 281); большинство присяжных заседателей (ч. 8 ст. 343); участника, находящегося за пределами территории Российской Федерации (ч. 1 ст. 456), и др.

Данный состав «разношёрстный» по выполняемым функциям, по своему процессуальному статусу, объёму соответствующих прав и обязанностей, перспективе наступления ответственности и пр. У них разные, подчас даже разнонаправленные

интересы по уголовному делу. Отдельные из перечисленных лиц не только не имеют чётко определённого процессуального статуса, но даже не являются участниками уголовного судопроизводства. Применимо ко всем перечисленным лицам, помимо значительного влияния их психологических качеств на выражение согласия, должны учитываться возможность или невозможность присутствия коллективных интересов (коллективные заявления, ходатайства), делопроизводственные особенности (бюрократические особенности), общественное, государственное значение происходящего и пр.

В-третьих, действительно, при согласовании действий и решений следователя и дознавателя с руководителем следственного органа, прокурором, начальником органа дознания, начальником подразделения дознания можно говорить об их взаимодействии и даже координации деятельности властных субъектов, вместе с тем вряд ли правильно категорично утверждать о необходимости контроля за соблюдением не только публичных, но и частных интересов.

Частные интересы в уголовном судопроизводстве проявляются в волеизъявлении частных лиц по их отстаиванию, их реализация зависит от правовых возможностей для этого, в том числе и от вида уголовного преследования по конкретному делу и других обстоятельств. Желание человека и его активные действия служат выявлению и реализации частных интересов в уголовном судопроизводстве. Именно он отстаивает свои интересы с помощью правовых средств, но злоупотреблять по данному вопросу чрезмерной активностью властных субъектов недопустимо.

Как справедливо отмечено в научной литературе, для участников, не обладающих властными полномочиями, такие критерии, как совокупность имеющихся в уголовном деле доказательств, закон и совесть, не всегда являются обязательными для реализации своих прав. Это объясняется тем, что они не всегда имеют доступ к доказательствам, имеющимся в уголовном деле, а также значительными расхождениями в их ценностных ориентациях [9, с. 133]. Таким образом, на правовые поступки оказывает большое влияние не только закон, но и нравственные нормы.

Правовое действие по реализации лицом (физическим или юридическим) частных интересов в уголовном судопроизводстве основано на внутреннем побуждении, на психологических особенностях, порой необъяснимых, алогичных, не требующих выполнения требований ч. 4 ст. 7 УПК РФ (о законности, обоснованности, мотивированности процессуального решения).

Потерпевший (гражданский истец) может отказаться от любых претензий к обвиняемому (гражданскому ответчику) просто потому, что им так «захотелось», в том числе в ущерб своим личным интересам. В данном случае в уголовном судопроизводстве не всегда достигается указанный выше компромисс. Например, при переходе конфликта в гражданское судопроизводство по одному и тому же факту, но по иному основанию, чем то, по которому уже имеется преюдиционное решение по уголовному делу, категорично утверждать о завершении правоотношений будет заблуждением. Полагаем, что психологические качества личности (мировоззрение человека, духовные ценности, материальные потребности и средства их достижения, жизненные цели, установка, характер, способности, эмоции и др.) предопределяют поступки частного лица при реализации положений уголовно-процессуального закона о даче соответствующего согласия. А вот следователь, дознаватель, прокурор, суд не должны этого допускать в своих правовых поступках, оставаясь в рамках, очерченных ч. 4 ст. 7 УПК РФ.

В-четвёртых, в попытках расширения процессуального контроля в компромиссных и иных уголовно-процессуальных формах не всегда удаётся исследователям правильно перераспределить полномочия между его субъектами.

К примеру, Насонов А. А., предложив в целях наделения начальника подразделения дознания полномочиями, которые законодатель отнёс к исключительной компетенции начальника органа дознания (к примеру, утверждение обвинительного акта и обвинительного постановления) [8, с. 26], упустил из вида двойственность процессуального статуса дознавателя, которое он либо уже имеет по закону и тогда правомочен, поскольку состоит в штатной должности дознавателя, либо приобретает такой процессуальный статус при наличии возложения на него осуществления предварительного расследования в форме дознания начальником органа дознания. Будет ли допустимым утверждение обвинительного акта или обвинительного постановления начальником подразделения дознания тогда, когда он составлен уполномоченным (нештатным) дознавателем, который не является подчинённым ему сотрудником? Скорее всего, что нет. Отсюда понятна логика законодателя, подобным образом разграничившим полномочия между начальником подразделения дознания и начальником органа дознания [10, с. 26]. Всякие попытки перераспределить между ними полномочия обречены на неуспех, пока в законе присутствует уполномоченный начальником органа дознания дознаватель.

В заключение необходимо резюмировать, что, обеспечивая баланс публичных и частных интересов, согласие в уголовном судопроизводстве проявляется в свободном волеизъявлении конкретного лица, выраженном в разрешении на производство отдельных следственных и иных процессуальных действий, а также принятие процессуальных решений. Согласие может быть одним из неотъемлемых элементов согласительных процедур, но проявляет себя в уголовном судопроизводстве в достаточной степени и вне их. Круг субъектов, дающих согласие, обширен и не ограничивается только должностными лицами, осуществляющими уголовное судопроизводство, включая других участников уголовного судопроизводства, а также тех, кто участниками уголовного судопроизводства и не является, но в силу определённых обстоятельств оказался вовлечён в уголовно-процессуальную деятельность.

---

1. Марфицин П. Г. Некоторые несогласия с понятием «согласие» в уголовном судопроизводстве // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 3(32). С. 65–68.
2. Машинникова Н. О. Усмотрение суда при рассмотрении уголовных дел при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2021. 30 с.
3. Колесник В. В. Концепция договорных отношений в примирительных, ускоренных и согласительных процедурах уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук. Ульяновск, 2024. 575 с.
4. Адаменко А. Е. Уголовно-процессуальная деятельность: системообразующие основания и компоненты: дис. … д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 384 с.
5. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012. 551 с.
6. Мильтова Е. В. Согласительные процедуры в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 21 с.
7. Саркисян Т. Б. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве и их применение в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 201 с.
8. Насонов А. А. Согласие и его реализация в уголовном судопроизводстве России: теоретические основы, правовое регулирование и правоприменение: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Воронеж, 2024. 28 с.

9. Сибирцев Г. И. Независимость адвоката-защитника в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 167 с.
10. Мичурина О. В. Контрольно-надзорное бремя дознания в российском уголовном судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 1. С. 24–28.

1. Marficin P. G. Nekotory`e nesoglasiya s ponyatiem «soglasie» v ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Omskoj yuridicheskoj akademii. 2016. № 3(32). S. 65–68.
2. Mashinnikova N. O. Usmotrenie suda pri rassmotrenii ugolovny`x del pri soglasii obvinyaemogo s pred``yavlenny`m emu obvineniem: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Ul`yanovsk, 2021. 30 s.
3. Kolesnik V. V. Koncepciya dogovorny`x otnoshenij v primiritel`ny`x, uskorenny`x i soglasitel`ny`x procedurax ugolovnogo sudoproizvodstva: dis. … d-ra yurid. nauk. Ul`yanovsk, 2024. 575 s.
4. Adamenko A. E. Ugolovno-processual`naya deyatel`nost`: sistemoobrazuyushhie osnovaniya i komponenty`: dis. … d-ra yurid. nauk. Nizhnij Novgorod, 2018. 384 s.
5. Abshilava G. V. Soglasitel`ny`e procedury` v ugolovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii: dis. … d-ra yurid. nauk. M., 2012. 551 s.
6. Mil`tova E. V. Soglasitel`ny`e procedury` v rossijskom ugolovnom processe: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Tyumen`, 2011. 21 s.
7. Sarkisyan T. B. Soglasitel`ny`e procedury` v ugolovnom sudoproizvodstve i ix primenenie v stadii predvaritel`nogo rassledovaniya: dis. …kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2012. 201 s.
8. Nasonov A. A. Soglasie i ego realizaciya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: teoreticheskie osnovy`, pravovoe regulirovanie i pravoprimenenie: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. Voronezh, 2024. 28 s.
9. Sibircev G. I. Nezavisimost` advokata-zashhitnika v ugolovnom processe: monografiya. M.: Yurlitinform, 2019. 167 s.
10. Michurina O. V. Kontrol`no-nadzornoe bremya doznaniya v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2025. № 1. S. 24–28.

Информация об авторах

Ольга Викторовна Химичева. Начальник кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Оксана Валерьевна Мичурина. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, профессор.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Игорь Борисович Тутынин. Профессор кафедры уголовного процесса, доктор юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the authors

Olga V. Khimicheva. Head of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation.
V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Oksana V. Michurina. Professor of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Professor.
V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Igor B. Tutynin**.** Professor of the Department of Criminal Procedure. Doctor of Law, Associate Professor.
V.Y. Kikoty Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Статья поступила в редакцию 04.03.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 04.03.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
№ 2(103) 2025 г.

Научная статья
УДК 343.1

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Чеботарева Ирина Николаевна
Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

Cheb_irina@mail.ru

Аннотация. В статье делается попытка сформировать представление о функциональной структуре многоцелевой и многоаспектной уголовно-процессуальной деятельности. Использование системного функционального подхода и положений общей теории систем позволило сформулировать понятие функциональной системы, которая представляет собой разновидность связей между элементами системы, в основании выделения которой лежит её направленность на результат, на достижение цели, а также выявить и проанализировать ключевые компоненты её структуры. Автор приходит к выводу, что выделение функциональной структуры системы уголовного процесса позволяет сформировать основу для чёткого понимания ролей и взаимодействия всех участников процесса, каждый из которых играет свою уникальную роль, а их общие усилия определяют, насколько эффективно будет осуществляться производство по уголовному делу, будет ли достигнут должный, справедливый и отвечающий правовым идеям результат.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная функция, направления уголовно-процессуальной деятельности, система функций, система уголовного процесса, национальная безопасность.

Для цитирования: Чеботарева И. Н. Функциональная структура системы уголовного судопроизводства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 335–343.

FUNCTIONAL STRUCTURE OF THE CRIMINAL PROCEDURE SYSTEM

Irina N. Chebotareva
Southwest State University, Russia, Kursk

Cheb_irina@mail.ru

Annotation. The article attempts to form an idea of the functional structure of multi-purpose and multi-aspect criminal procedural activity. The use of a systemic functional approach and the provisions of the general theory of systems made it possible to formulate the concept of a functional system, which is a type of system, the basis for the allocation of which is its focus on the result, on achieving the goal, as well as to identify and analyze the key components of its structure. The author comes to the conclusion that the allocation of the functional structure of the criminal process system allows us to form the basis for a clear understanding of the roles and interactions of all participants in the process, each of whom plays a unique role, and their common efforts determine how effectively the criminal case will be carried out, whether a proper, fair result that meets legal ideas will be achieved.

Keywords: criminal procedural function, directions of criminal procedural activity, system of functions, system of criminal procedure, national security

For citation: Chebotareva I. N. Functional structure of the criminal procedure system // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 335–343.

Вызовы, стоящие перед современным обществом, обусловливающие переоценку национальных приоритетов и ценностей, формируют потребность в поиске новых подходов к целому ряду направлений деятельности органов государственной власти и их должностных лиц, а также новом осмыслении и реставрации старых. Система уголовного процесса как вид государственной деятельности представляет собой сложный механизм, в котором взаимодействуют различные компоненты, обеспечивающие реализацию его назначения и достижение стоящих перед ним целей. Проблема функциональной структуры этой системы заключается в необходимости чёткого понимания ролей и взаимодействия всех участников процесса, каждый из которых играет свою уникальную роль, а их общие усилия определяют, насколько эффективно будет осуществляться производство по уголовному делу, будет ли достигнут должный, справедливый и отвечающий правовым идеям результат.

Цель данной статьи заключается в формировании представления о функциональной структуре системы уголовного процесса и научном осмыслении её ключевых компонентов. Этот вопрос тесно связан с понятием уголовно-процессуальных функций, их взаимосвязью и ролью в обеспечении достижения назначения уголовного судопроизводства, защите прав и законных интересов личности, общества, государства.

На развитие отечественной теории уголовно-процессуальных функций значительное влияние оказало использование метода системно-функционального анализа, для которого понятие функции является центральным. Этап формирования системного видения во всеобщее мировоззрение, которое сейчас воспринято специалистами всех отраслей научных знаний, происходило всю вторую половину прошлого века. Представляется, данный подход в полной мере позволяет изучить систему основных направлений деятельности участников уголовного судопроизводства и определить функциональную структуру системы уголовного судопроизводства.

Основной идеей системного подхода является то, что система состоит из относительно автономных, но взаимосвязанных частей (это могут быть элементы этой системы или подсистемы в рамках системы). Для того чтобы выяснить, что собой представляет объект, что в нём обеспечивает выполнение поставленной цели, получение требуемых результатов, систему отображают путём расчленения на подсистемы, компоненты, элементы с взаимосвязями, которые могут носить различный характер, и вводят понятие структуры [1, с. 698]. Структура системы (лат. *structura* – строение, порядок связи) – совокупность устойчивых связей между элементами системы, которые обеспечивают целостность системы и тождественность самой себе [2, с. 647]. Устройство системы включает в себя не только внутреннее строение, но и выявление их связей с системами более высокого, а также более низкого уровня. Согласно теории систем, функциональная структура – это разновидность структуры системы, в основании выделения которой лежит её направленность на результат, на достижение цели [3, с. 111]. Назначение элементов системы должно обеспечивать достижение системой назначения в целом, а цели и задачи элементов обеспечивать выполнение цели и решение задач всей системы. В этом проявляется особенность системно-функционального анализа. Его задачей является определение, для чего созданы и существуют соответствующие системы, в отличие, например, от системно-структурного, задачей которого является формирование представления о внутренней организации (строении) исследуемой системы.

Уголовный процесс как деятельность должностных лиц органов государственной власти и иных лиц, не обладающих властными полномочиями, возникает и существует в связи и по поводу совершённого или готовящегося преступления, представляет собой систему действий всех участников уголовного процесса, предусмотренную уголовно-процессуальным законом и направленную на достижение цели, а также выполнение задач уголовного судопроизводства. В отечественной науке он рассматривается как социальная система, которая характеризуется структурой упорядоченных элементов, их связей и отношений. Система (греч. *systema* – составленное из частей, соединенное) – множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующее определённую целостность, единство [2, с. 552]. Диалектическое единство элементов данной системы представляет собой урегулированную нормами права, целенаправленную и систематизированную по видам и стадиям деятельность, связанную с возбуждением, расследованием, рассмотрением и разрешением уголовных дел, предполагающую наличие у её участников определённых процессуальных функций [4, с. 50].

Распространённое представление стадий уголовного судопроизводства в качестве элементов уголовного процесса как системы свойственно структурному подходу. Системообразующим элементом уголовного процесса в данном случае являются уголовно-процессуальные действия следственных, прокурорских, судебных органов и их отношения с участвующими в этой деятельности лицами, различные по своему содержанию и обеспечивающие уголовному процессу его протяженность во времени [5, с. 52], а также последовательное поступательное движение производства по уголовному делу. С точки зрения назначения системы, установления, для чего она нужна, представляется более важным не то, каков элементный состав системы, а то, что делает, чему служит элемент в рамках целого. Выделение компонентов системы по функциональным признакам, т. е. по признаку того, что они делают, какова их роль в достижении системой цели, позволяет рассматривать систему в динамике, а не как статичную модель. При функциональном подходе такими элементами системы уголовного процесса выступают направления деятельности – функции участников процесса.

Вопросы, связанные с уголовно-процессуальными функциями, остаются наиболее противоречивыми в доктрине. Дискуссии по поводу понятия, сущности уголовно-процессуальных функций, субъектах, их реализующих, не утихают, несмотря на то, что ведутся десятилетиями. Наиболее распространённое определение уголовно-процессуальной функции – основное направление деятельности участников уголовного процесса. Представляется, именно оно позволяет рассматривать процессуальную функцию участника как системообразующий элемент системы уголовно-процессуальной деятельности (уголовного процесса). Направления деятельности участников процесса должны определяться назначением уголовного судопроизводства, его целями и задачами и обусловливать правовое положение субъектов уголовно-процессуальной деятельности, реализацию ими своих прав и исполнение обязанностей, т. е. функции должны вытекать из целей и задач уголовного процесса, а правовое положение участников формироваться в соответствии с выполняемой функцией. Следует согласиться с теми авторами, которые указывают на то, что необходимо следовать от целей к функциям и деятельности, а не наоборот – от деятельности к функциям и целям [4, с. 77], целеполагание должно определять содержание процессуальных функций [6, с. 25]. Верно в своё время писал советский учёный Нажимов В. П. , что процессуальные функции являются связующим звеном между задачами и правовым положением участника процесса, они предопределяют его права и обязанности, конкретизируются в отдельных правовых институтах и нормах [7, с. 73].

Таким образом, уголовно-процессуальные функции – это направления деятельности участников уголовного процесса, непосредственно раскрывающие предназначение уголовного судопроизводства, ориентированные на достижение цели и разрешение задач, стоящих перед уголовным процессом, определяющие правовой статус его участников.

Следует заметить, что в условиях действующего уголовно-процессуального законодательства выстроить функциональную структуру системы уголовного судопроизводства исходя из определения назначения уголовного судопроизводства и вытекающего из него назначения его участников непросто. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) устанавливает назначение уголовного судопроизводства в ст. 6 УПК РФ, однако он не определяет ни его целей, ни задач. Представляется, понятия цель и назначение – неравнозначные. Такой позиции придерживаются многие авторы [8, с. 142]. Назначение кого-либо или чего-либо характеризует этот объект в системе взаимосвязанных явлений реальной действительности и определяет, для чего он нужен. Цель же следует понимать как вектор стремления, и в этом смысле она непосредственно связана с результатом. Это образ желаемого будущего, отражающий, что необходимо в итоге получить. С целью тесно связаны задачи: они выступают как средства достижения цели [9, с. 16], их решение необходимо, чтобы прийти к предполагаемому результату. Очевидно, что цель и назначение также взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Сформулированное в УПК РФ назначение уголовного судопроизводства в юридической литературе справедливо подвергается критике из-за того, что оно не учитывает государственные интересы. Как уже упоминалось, устройство системы включает в себя не только внутреннее строение, но и выявление их связей с системами более высокого уровня, цели элементов системы должны способствовать достижению целей всей системы. Внешняя среда, в которой существует уголовный процесс как система деятельности его участников, представляет собой совокупность различных объективных факторов, оказывающих влияние на уголовно-процессуальную деятельность субъектов производства по уголовному делу. Уголовный процесс является элементом системы противодействия преступности, которая, в свою очередь, представляет собой часть системы обеспечения национальной безопасности, противодействия её угрозам. Согласно п. 5 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия)[1] обеспечение национальной безопасности – реализация органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, т. е. угрозам состоянию защищённости национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних факторов (подп. 4 п. 5, п. 26). О том, что в Российской Федерации остаётся высоким уровень преступности в отдельных сферах, несмотря на принимаемые меры, указывается в самой Стратегии (п. 42). Это подтверждается и статистическими данными. Согласно официальной статистике МВД России, опубликованной в сборнике «Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года» [2], в 2024 году было зарегистрировано 1 911 258 преступлений. Это на 1,8 % меньше, чем в 2023 году (в 2023 году их было 1 947 161), однако почти половина из них (929,7 тыс. преступлений) осталась нераскрытой, что на 2 % больше,

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
[2] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года [Электронный ресурс]. URL:https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (09.04.2025).

чем в 2023 году. Из приведённых данных следует, что, несмотря на снижение количества зарегистрированных преступлений, можно наблюдать рост тех, которые остались нераскрытыми. Согласно Стратегии, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов по защите основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, обеспечение реализации принципа неотвратимости наказания за совершение преступления способствуют обеспечению государственной и общественной безопасности как стратегическому национальному приоритету, а укрепление законности и правопорядка является одной из целей его обеспечения. Развитие человеческого потенциала Российской Федерации в Стратегии неразрывно связывается с усилением роли государства как гаранта безопасности личности, с повышением эффективности деятельности правоохранительных органов и защитой основных прав и свобод человека и гражданина, в том числе при активном участии институтов гражданского общества. Таким образом, назначением уголовного судопроизводства, обусловленным Стратегией, является не только защита прав и основных свобод человека и гражданина, но и защита иных государственно и социально значимых ценностей, что должно найти своё отражение в действующем уголовно-процессуальном законе. Это позволит сформулировать функциональное назначение участников уголовного процесса и определить стоящие перед ними цели.

Внутреннее устройство функциональной структуры системы уголовного судопроизводства представлено системой уголовно-процессуальных функций. Законодатель закрепил в УПК РФ так называемую «традиционную» или «классическую» триаду функций – обвинения, защиты, разрешения дела (ч. 2 ст. 15, п. 45 ст. 5 УПК РФ), определил, какие участники какую функцию должны выполнять. В юридической литературе критике подвергается и само использование в УПК РФ понятия «функции», которое является сугубо теоретическим, оспаривается и количество функций, функциональное определение назначения и роли отдельных участников, их полномочия, вытекающие из направлений деятельности и проч. Как уже отмечалось, вероятно, нет более нерешённого и спорного вопроса в теории уголовного процесса, чем связанный с уголовно-процессуальными функциями. Законодатель не завершил нормативно-правовое оформление функциональной структуры уголовного судопроизводства. В УПК РФ даётся определение того, что такое уголовное преследование и каковы его цели (п. 55 ст. 5 УПК РФ), но неоднозначно определено его соотношение с обвинением, которое названо функцией (п. 45 ст. 5, ч. 2 ст. 15 УПК РФ). Понятие защиты и её функционально обусловленные цели в УПК РФ вовсе отсутствуют. Следует заметить, что вопрос определения целей и задач, закреплённых в уголовно-процессуальном законе функций – обвинения, защиты, разрешения дела, является, по справедливому замечанию авторов, обращавшихся к нему, «наиболее дискуссионным и до конца не осознанным» [6, с. 31]. Важно обратить внимание и на то, что система функций участников должна обеспечить достижение целей, стоящих перед уголовным процессом в целом. Исследование данного аспекта значимо не только для доктрины, но имеет значение для определения путей совершенствования уголовно-процессуального закона. Нерешённость ряда проблем на уровне уголовно-процессуальной теории, как видится, является причиной неполной, непоследовательной и зачастую противоречивой реализации функциональной направленности деятельности участников процесса в уголовно-процессуальном законе, свидетельством чему служит его интенсивное, но в общем хаотичное и ситуативное изменение в части регулирования их прав и обязанностей, не учитывающее её системный характер, взаимодействие компонентов системы. Представляется, прежде всего, в УПК РФ должны быть закреплены цели участников, осуществляющих функцию обвинения, функцию защиты, и функцию разрешения уголовного дела,

обусловленные их функциональным назначением и вытекающие из общего назначения и целей уголовного судопроизводства.

Чёткое понимание назначения, целей и задач обвинения, защиты и разрешения уголовного дела имеет важное практическое значение. С одной стороны, оно будет способствовать её более целеустремлённому, плановому характеру, а с другой – позволит, в частности, устранить возможные последствия такого недопонимания в виде нарушений действующего закона. Примеры наличия проблем с пониманием своего функционального назначения правоприменителем можно увидеть в решениях судов кассационной инстанции. Так, даже в судебном разбирательстве, где наиболее ярко выражено и последовательно реализовано в УПК РФ функциональное разделение участников процесса, можно встретить случаи, когда участники не выполняют свои функционально обусловленные роли. Имеются ситуации, когда председательствующий в судебном заседании первым допрашивает подсудимого, выясняет у него имеющие значение для дела обстоятельства совершения преступления[1]. В таких случаях суд не только нарушает требование ч. 1 ст. 275 УПК РФ, в соответствии с которым первым подсудимого допрашивает защитник и другие участники со стороны защиты, потом государственный обвинитель и участники со стороны обвинения, только после них суд, но и требование о том, что суд не выступает на стороне обвинения или защиты, а создаёт им необходимые условия для реализации своих прав и обязанностей (ч. 3 ст. 15 УПК РФ), подрывает уверенность в своей беспристрастности. Ещё одним примером может служить уголовное дело, рассмотренное Третьим кассационным судом общей юрисдикции[2]. В данном случае суд вместо государственного обвинителя допросил свидетелей обвинения, фактически, как указано в определении кассационного суда, «подменил сторону обвинения», выполнил не свойственную ему функцию обвинения. Стоит заметить, что причиной таких действий судьи стал отказ государственного обвинителя от допроса указанных свидетелей, который переложил необходимость выполнения своей функции (обвинения) на суд. Нередки и ситуации, когда государственные обвинители не оглашают обвинительное заключение в начале судебного следствия. Такое игнорирование прямого требования уголовно-процессуального закона (ч. 1 ст. 273 УПК РФ) подрывает среди прочего уверенность в независимости и беспристрастности суда, лишает участников, реализующих функцию защиты, возможности возразить на обвинение и представить свою позицию. Суды кассационной инстанции признают такие поступки грубым нарушением закона, влекущим отмену приговора[3].

Представляется, не может быть согласованного и последовательного правового регулирования и надлежащей правореализации без крепкой теоретической основы. В юридической литературе можно встретить разнообразное понимание того, что представляет собой система уголовно-процессуальных функций. Очевиден тот факт, что система может расчленяться существенно различными способами, описание её структуры может быть представлено различными моделями в зависимости от того, какой элемент системы принимается за исходный. Анализ уголовного процесса как системы в аспекте функций обвинения, защиты и разрешения дела является лишь одним из способов описания функциональной структуры производства по уголовным

[1] Кассационные определения Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 мая 2023 года № 77-1812/2023; от 19 ноября 2024 года № 77-2963/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Кассационное определение от 1 февраля 2022 года № 77-395/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Кассационные определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 апреля 2022 г. № 77-2022/2022 и Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 декабря 2022 г. № 77-3296/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

делам. В основе её формирования лежит постулат, что уголовный процесс является реакцией государства на совершённое или готовящееся преступление, т. е. обнаружение признаков преступления прокурором, следователем, органом дознания и дознавателем (ч. 2 ст. 21 УПК РФ) является системообразующим фактором, объединяющим множество элементов в систему. Как верно указывал Зинатуллин З. З. , «защита в уголовном судопроизводстве появляется в связи с обвинением, вырастает из одного основания – факта инкриминирования лицу общественно опасного и противоправного деяния. Возникнув одновременно с формулированием первоначального обвинения, защита существует параллельно с ним на всех этапах движения уголовного дела, на которых имеет место обвинение» [11, с. 357]. Защита и обвинение входят в число первоначальных, касающиеся неотъемлемых функций и закономерностей уголовного судопроизводства [12, с. 127]. В этой связи их следует анализировать в широком философском контексте через диалектический закон единства и борьбы противоположностей. Обвинение обусловливает не только наличие защиты, но и требует разрешения дела, т. е. решения вопроса о виновности либо невиновности лица в совершении преступления, о применении либо неприменении к нему наказания, предусмотренного уголовным законом. Таким образом, обвинение формирует совокупность направлений деятельности, характеризующих систему уголовного судопроизводства. Именно тот факт, что обвинение является исходным элементом системы уголовного процесса, наиболее ярко высвечивает уникальный характер уголовно-процессуальной деятельности, писала в своё время Алексеева Л. Б. [13, с. 423]. Уголовно-процессуальные функции разрешения уголовного дела, обвинения и защиты сохраняют основные свойства уголовного процесса и обеспечивают существование его как уголовного процесса, отмечала Макарова З. В. [15, с. 33]. Таким образом, значимость функций обвинения, защиты и разрешения дела объясняется спецификой уголовного судопроизводства, основным предназначением которого является разрешение вопроса о виновности лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и о его наказании. Соотношение элементов обвинение – защита – разрешение дела в системе уголовного процесса лежит в основе ряда принципиальных процессуальных вопросов. В частности, определения формы процесса, модели его построения, его исторического типа, места и значения личности в обществе, организации обеспечения правильного применения уголовного закона.

Таким образом, подводя итог исследованию, сформулируем некоторые выводы. Выделение функциональной структуры системы уголовного процесса позволяет сформировать основу для чёткого понимания ролей и взаимодействия всех участников процесса, каждый из которых играет свою уникальную роль, а их общие усилия определяют, насколько эффективно будет осуществляться производство по уголовному делу, будет ли достигнут должный, справедливый и отвечающий правовым идеям результат. Метод системно-функционального анализа в полной мере позволяет изучить систему основных направлений деятельности участников уголовного судопроизводства и определить функциональную структуру системы уголовного судопроизводства, которая, согласно теории систем, представляет собой разновидность системы, в основании выделения которой лежит её направленность на результат, на достижение цели. Выделение компонентов системы по функциональным признакам, т. е. по признаку того, что они делают, какова их роль в достижении системой цели, позволяет рассматривать систему в динамике. При функциональном подходе элементами системы уголовного процесса выступают направления деятельности участников уголовного процесса, непосредственно раскрывающие предназначение уголовного судопроизводства, ориентированные на достижение цели и разрешение задач, стоящих перед уголовным процессом, определяющие правовой статус его участников –

уголовно-процессуальные функции. В условиях действующего уголовно-процессуального законодательства выстроить функциональную структуру системы уголовного судопроизводства исходя из определения назначения уголовного судопроизводства не представляется возможным, для этого необходимо обратиться к системе более высокого по отношению к уголовному процессу уровня – системе противодействия преступности как элементу системы национальной безопасности. Исходя из их целей, сформулированных в Стратегии национальной безопасности, назначением уголовного судопроизводства является не только защита прав и основных свобод человека и гражданина, но и защита иных государственно и социально значимых ценностей. Это должно найти своё отражение в действующем уголовно-процессуальном законе. В УПК РФ также должны быть закреплены цели участников, осуществляющих функцию обвинения, функцию защиты, и функцию разрешения уголовного дела, обусловленные их функциональным назначением и вытекающие из общего назначения и целей уголовного судопроизводства. Чёткое понимание назначения, целей и задач обвинения, защиты и разрешения уголовного дела имеет важное практическое значение. С одной стороны, оно будет способствовать её более целеустремлённому, плановому характеру, а с другой – позволит, в частности, устранить возможные последствия такого недопонимания в виде нарушений действующего закона.

1. Теория систем и системный анализ в управлении организациями : Учеб. пособие / Под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. М., 2006. 848 с.
2. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3. М., 2010. 696 с.
3. Сурмин Ю. П. Теория систем и системный анализ: Учеб. пособие. К., 2003. 368 с.
4. Козявин А. А. Социальное назначение и функции уголовного судопроизводства: монография. М., 2010. 272 с.
5. Бибило В. Н. Системообразующие элементы стадий уголовного процесса // Уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические вопросы борьбы с преступностью: Сборник научных трудов по материалам 4-й Всероссийской научно-практической конференции (симпозиума), Краснодар, 26 октября 2018 года. Краснодар. 2019. С. 48–54.
6. Воскобитова Л. А. Функциональная модель уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 2 (42). С. 24–37.
7. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73–82
8. Иванов В. И. Исследование назначения, целей и задач уголовного процесса системным методом // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 142–151.
9. Володина Л. М. Назначение, функции и задачи уголовного судопроизводства // Известия АлтГУ. 2015. № 2 (86). С. 14–18
10. Зинатуллин З. З. Обвинение и защита. Избранные труды. Том. 1. СПб, 2012. 810 с.
11. Хорьяков С. Н. Соотношение обвинения и защиты в российском уголовном судопроизводстве // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2020. № 2. С. 126–130.
12. Курс советского уголовного процесса. Общая часть // Под ред.: Бойкова А. Д., Карпеца И. И. М., 1989. 640 с.
13. Макарова З. В. Понятие и структура уголовно-процессуальной деятельности // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2017. № 2. С. 31–35.

1. Teoriya sistem i sistemny`j analiz v upravlenii organizaciyami : Ucheb. posobie / Pod red. V. N. Volkovoj i A. A. Emel`yanova. M., 2006. 848 s.

2. Novaya filosofskaya e`nciklopediya. V 4-x tomax. T. 3. M., 2010. 696 s.
3. Surmin Yu. P. Teoriya sistem i sistemny`j analiz: Ucheb. posobie. K., 2003. 368 s.
4. Kozyavin A. A. Social`noe naznachenie i funkcii ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya. M., 2010. 272 s.
5. Bibilo V. N. Sistemoobrazuyushhie e`lementy` stadij ugolovnogo processa // Ugolovno-pravovy`e, ugolovno-processual`ny`e i kriminalisticheskie voprosy` bor`by` s prestupnost`yu: Sbornik nauchny`x trudov po materialam 4-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (simpoziuma), Krasnodar, 26 oktyabrya 2018 goda. Krasnodar. 2019. S. 48–54.
6. Voskobitova L. A. Funkcional`naya model` ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2018. № 2 (42). S. 24–37.
7. Nazhimov V. P. Ob ugolovno-processual`ny`x funkciyax // Pravovedenie. 1973. № 5. S. 73–82
8. Ivanov V. I. Issledovanie naznacheniya, celej i zadach ugolovnogo processa sistemny`m metodom // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 4. S. 142–151.
9. Volodina L. M. Naznachenie, funkcii i zadachi ugolovnogo sudoproizvodstva // Izvestiya AltGU. 2015. № 2 (86). S. 14–18
10. Zinatullin Z. Z. Obvinenie i zashhita. Izbranny`e trudy`. Tom. 1. SPb, 2012. 810 s.
11. Xor`yakov S. N. Sootnoshenie obvineniya i zashhity` v rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve // Vestnik Moskovskoj akademii Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii. 2020. № 2. S. 126–130.
12. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. Obshhaya chast` // Pod red.: Bojkova A. D., Karpecza I. I. M., 1989. 640 c.
13. Makarova Z. V. Ponyatie i struktura ugolovno-processual`noj deyatel`nosti // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. 2017. № 2. S. 31–35.

Информация об авторе

Ирина Николаевна Чеботарева. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент.
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет».
305040, Россия, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94.

Information about the author

Irina N. Chebotareva. Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Forensic Science. Candidate of Law, Associate Professor.
Southwest State University.
305040, Russia, Kursk, 50 Let Oktyabrya Str., 94.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 34

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРАВА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ КАК СРЕДСТВО УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Шаров Денис Васильевич
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, Москва, Россия

sharovden@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается вопрос правового обеспечения законных интересов. Определяются конкретные правовые средства удовлетворения законных интересов, представляющие собой нормы объективного права непосредственно, субъективные права и корреспондирующие им юридические обязанности частных лиц, а также полномочия должностных лиц и государственных органов. Более подробно исследуется удовлетворение законных интересов посредством субъективных прав и юридических обязанностей. Делается вывод, что субъективные права и юридические обязанности, вытекающие из норм объективного права, наряду с последними являются важнейшим средством удовлетворения законных интересов.

Ключевые слова: законный интерес, правовые средства удовлетворения законных интересов, субъективные права и юридические обязанности.

Для цитирования: Шаров Д. В. Субъективные права и юридические обязанности как средство удовлетворения законных интересов // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 344–349.

SUBJECTIVE RIGHTS AND LEGAL OBLIGATIONS AS A MEANS OF SATISFYING LEGITIMATE INTERESTS

Denis V. Sharov
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

sharovden@gmail.com

Annotation. The article deals with the issue of legal protection of legitimate interests. The specific legal means of satisfying legitimate interests are determined, representing the norms of objective law directly, subjective rights and corresponding legal obligations of individuals, as well as the powers of officials and state bodies. Satisfaction of legitimate interests through subjective rights and legal obligations is considered in more detail. It is concluded that subjective rights and legal obligations arising from the norms of objective law, along with the latter, are the most important means of satisfying legitimate interests.

Keywords: legitimate interest, legal means of satisfying legitimate interests, subjective rights and legal obligations.

For citation: Sharov D. V. Subjective rights and legal obligations as a means of satisfying legitimate interests // Scientific bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 344–349.

Взаимосвязь интереса и права длительное время является предметом изучения учёных-юристов, большинство из которых считают, что наиболее адекватным

соотношением интереса и права является их соотношение как цели и средства[1], где интерес выступает целью, а право – средством его удовлетворения. Если же быть точнее в формулировании понятий, то целью права является не сам интерес как таковой, а его удовлетворение. Причём данное утверждение верно как для объективного, так и для субъективного права. Иными словами, именно удовлетворение интересов является целью права. В свою очередь, интерес, средством удовлетворения которого является право, представляет собой законный интерес. Всё многообразие правового обеспечения законных интересов в конечном счёте можно свести к трём основным способам, а именно:

1. Удовлетворение законных интересов непосредственно нормами объективного права.

2. Удовлетворение законных интересов посредством субъективных прав и юридических обязанностей частных лиц, возникших на основе норм объективного права.

3. Удовлетворение законных интересов посредством полномочий должностных лиц и государственных органов, возникших на основе норм объективного права.

Ранее автор уже обращался к проблеме правового обеспечения законных интересов [1]. В настоящей статье более подробно рассмотрим удовлетворение законных интересов посредством субъективных прав и юридических обязанностей.

Субъективные права вытекают из норм объективного права и служат дополнительным средством удовлетворения законных интересов, принадлежащих, как правило, частным лицам. Субъективные права возникают на основе устанавливаемых государством объективных норм права и потому неизбежно порождают определённое отношение между их носителем и государством. «Суть этого отношения, по мнению Иоффе О. С., состоит в том, что государство дозволяет правомочному совершение указанных в законе действий, закрепляя такое дозволение предоставлением ему соответствующих правомочий» [2, с. 71]. Иными словами, мы можем сказать, что для государства субъективное право является мерой дозволенного поведения субъекта.

С другой стороны, субъективное право можно рассматривать как правовую возможность физических и юридических лиц самостоятельно реализовывать свои законные интересы на основе и в пределах установленных государством объективных норм, а также по собственному усмотрению выбирать способ их обеспечения. Таким образом, если для государства субъективное право является мерой дозволенного поведения, то со стороны субъекта оно представляет собой правовую или юридическую возможность.

Следует согласиться с Явичем Л. С. в том, что данная юридическая возможность субъекта складывается из трёх взаимосвязанных правомочий:

а) право на положительные действия;

б) право требования исполнения (соблюдения) юридической обязанности;

в) право на защиту (притязание), возникающее в связи с нарушением юридической обязанности.

Право на положительные действия – это возможность лица самому совершать юридически значимые активные действия. Это правомочие на свои, а не на чужие действия, «на такое дозволенное поведение, которое, прежде всего, касается самого управомоченного: жизненный интерес удовлетворяется при помощи его собственных акций – действий активного (положительного) характера» [3, с. 176].

Право требования – это возможность требовать исполнения или соблюдения юридической обязанности от другого лица. Это правомочие не на свои, а на чужие

[1] Такое понимание взаимосвязи интереса и права можно встретить в работах Ю. С. Гамбарова, Г. Ф. Шершеневича, С. Н. Братуся, В. П. Грибанова, Д. М., Чечота, С. Н. Сабикенова, Н. И. Матузова, С. С. Алексеева, А. В. Малько, Н. А. Шайкенова, С. В. Михайлова, В. В. Субочева и др.

действия. Удовлетворение законных интересов управомоченного лица в данном случае достигается в первую очередь посредством действий обязанного лица.

Право на защиту (притязание) – это возможность в случае неисполнения или несоблюдения другим лицом юридической обязанности обратиться за защитой к соответствующему государственному органу для обеспечения правового воздействия на ее нарушителя. Правомочие притязания является своего рода продолжением правомочия требования и активируется только в случае неисполнения или несоблюдения юридической обязанности.

В зависимости от характера и стадии реализации того или иного субъективного права на первый план в нём может выходить любая из указанных возможностей. В целом же все три правомочия в их единстве составляют содержание субъективного права как общего понятия, служащего средством удовлетворения законных интересов управомоченного лица. Таким образом, помимо правовой возможности собственных действий, являющейся основным правомочием субъективного права, обязательным условием его существования выступает корреспондирующая юридическая обязанность, наличие которой позволяет управомоченному лицу требовать её исполнения, а в случае неисполнения таковой обратиться за защитой к соответствующему государственному органу, осуществляющему юрисдикционную деятельность.

Не вдаваясь в подробное изучение природы и элементов субъективного права, в принципе, можно сказать, что субъективное право – это правовое средство на стороне конкретного участника правоотношений, служащее для достижения его законных интересов. «Наделяя лицо субъективными правами, объективное право тем самым даёт в руки субъекта правовые средства для удовлетворения его интересов», – отмечает Чечот Д. М. [4, с. 35]. Определяющей чертой субъективного права является то, что оно обеспечено не только законом, но и обязанностями других лиц. В противном случае это будет не субъективное право, а простая дозволенность (разрешённость, незапрещённость), которая вытекает из действующего в обществе правопорядка по принципу «что не запрещено, то разрешено». Изложенное позволяет сделать вывод, что вместе с субъективным правом удовлетворению законных интересов служит юридическая обязанность, которая вслед за связанным с ней субъективным правом происходит из права объективного. Таким образом, юридическая обязанность наряду с субъективным правом представляет собой дополнительное средство удовлетворения законных интересов.

Если субъективное право есть мера дозволенного государством поведения, то юридическая обязанность есть установленная государством мера должного поведения. Причём лицо, несущее юридическую обязанность, обязано не вообще, а в строго ограниченных пределах. Границы его должного поведения установлены нормами объективного права и соответствуют содержанию субъективного права.

Юридическая обязанность корреспондирует субъективному праву, представляющему собой три взаимосвязанных правомочия. Следовательно, мы можем говорить о трёх взаимосвязанных долженствованиях, каждое из которых корреспондирует соответствующему правомочию субъективного права. Эти три долженствования в их единстве составляют содержание юридической обязанности. Учитывая изложенное, юридическая обязанность может быть обязанностью активного поведения, обязанностью пассивного поведения (воздержания от действий), а также обязанностью претерпевания мер государственно-принудительного воздействия (санкций) [5, с. 128].

По меткому выражению Мальцева Г. В., содержание юридической обязанности есть развернутое в обратную сторону содержание субъективного права [6, с. 361]. Правомочию на положительные действия корреспондирует обязанность пассивного поведения, когда лицо обязано воздерживаться от определённых действий.

Обязанность пассивного поведения создаёт управомоченному лицу необходимые условия совершения дозволенных ему положительных действий, направленных на удовлетворение его законных интересов. Правомочию требования корреспондирует обязанность активного поведения, когда на лицо возлагается обязанность совершения положительных действий, которые непосредственно приводят к удовлетворению законных интересов управомоченного лица. Правомочию притязания корреспондирует обязанность правонарушителя претерпевать меры государственно-правового воздействия. Данная обязанность, как и само притязание, носит потенциальный характер. Субъективное право предоставляет возможность управомоченному лицу требовать соответствующего поведения от обязанного лица. Юридическая обязанность, в свою очередь, предполагает выполнение такого требования её носителем. Если убрать юридическую обязанность, то корреспондирующее ей субъективное право тут же приобретет декларативный характер, прекратив своё существование как собственно право. Следовательно, без юридической обязанности субъективное право не может существовать в принципе. Однако верно и обратное утверждение. Вытекающие из норм объективного права юридические обязанности теряют всякий социальный смысл, если нет субъектов, имеющих право требовать их исполнения и заинтересованных в том, чтобы это право реализовать. Поэтому юридических обязанностей без корреспондирующих субъективных прав также не бывает [3, с. 164, 173].

Если осуществление субъективного права приводит к удовлетворению законных интересов самого управомоченного лица, то исполнение юридической обязанности приводит к удовлетворению не собственных интересов её носителя, а законных интересов лица, субъективному праву которого она корреспондирует. Тем не менее и субъективные права, и юридические обязанности служат одной и той же цели – цели удовлетворения законных интересов. По справедливому замечанию Иоффе О. С., «они и обеспечивают достижение этой цели со стороны различных полюсов правоотношения: субъективное право – со стороны управомоченного, а обязанность – со стороны обязанного лица» [2, с. 72]. Обязанное лицо, таким образом, действуя в интересах управомоченного, поддерживает и развивает правоотношение, в котором заинтересованы обе стороны. Более образно данную мысль выразил Шайкенов Н. А.: «Субъективное право, не обеспеченное корреспондирующей ему обязанностью, потому и является «юридической пустышкой», что … не может быть средством реализации интересов личности» [7, с. 129]. Таким образом, юридическая обязанность есть обеспеченная объективным правом мера должного поведения обязанного лица, направленная на удовлетворение законных интересов управомоченного лица. Удовлетворение законных интересов посредством субъективных прав и корреспондирующих им юридических обязанностей, по общему правилу, осуществляется в рамках правоотношений. В традиционном понимании правоотношения представляют собой правовые связи между лицами через их права и обязанности. Однако, как справедливо отмечает Мальцев Г. В., в сущности, правовое отношение можно определить как связь между лицами, которые выступают не только как субъекты взаимных прав и обязанностей, но и как носители взаимных законных интересов [6, с. 362].

Согласно теории права, правоотношения в интересующем нас аспекте подразделяются на относительные, абсолютные и общие [8, с. 376]. Относительные (классические) правоотношения – это правовые связи, в которых поимённо определены и точно известны все участники. Здесь существуют две стороны, у которых чётко обозначены принадлежащие им права и обязанности, обеспечивающие их законные интересы. В качестве примера можно привести обязательственные правоотношения в гражданском праве (купля-продажа, подряд, прокат и др.).

Абсолютные правоотношения – это правовые связи, в которых точно определена лишь одна сторона, а именно носитель субъективного права. Обязанной стороной в таких правоотношениях выступают все остальные лица, на которых лежит обязанность не нарушать субъективное право управомоченного лица, обеспечивающего его законные интересы, чем способствовать их удовлетворению (например, право собственности, авторские и изобретательские права и др.).

Общие правоотношения – это правовые связи, которые вообще не имеют поимённой индивидуализации субъектов. Общими они называются ещё и потому, что их участниками являются все граждане как носители общих для всех прав и обязанностей, закреплённых преимущественно в Конституции Российской Федерации. К общим правам относятся, например, право на свободу и личную неприкосновенность, право на труд, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на образование, право на получение квалифицированной юридической помощи (ст.ст. 22, 37, 41, 43, 48 Конституции РФ) и др. К общим обязанностям, в свою очередь, относятся обязанность платить законно установленные налоги и сборы, обязанность охранять природу (ст.ст. 57, 58 Конституции РФ) и др. Вместе с тем, несмотря на общий характер, перечисленные выше права и обязанности имеют также личное измерение, то есть принадлежат не только всем вместе, но и каждому в отдельности. Именно поэтому мы можем говорить о них как о субъективных правах и юридических обязанностях. Общим правам всегда корреспондируют определённые юридические обязанности, а общим обязанностям – конкретные субъективные права, тем самым обеспечивая удовлетворение соответствующих законных интересов.

Если не видеть этого отношения, то общие субъективные права и юридические обязанности будут выглядеть как обычные, мало на что влияющие декларации. И, напротив, если учесть их своеобразие, то станет ясным их юридическое существо. «Здесь каждый находится в отношении с каждым. Данному гражданину, например, вовсе необязательно знать, какие конкретные субъекты наделены общими конституционными правами. Он обязан не нарушать эти права, кто бы ни был их носителем. Иными словами, данный гражданин состоит в отношении со всеми субъектами, взятыми вместе», – отмечает Алексеев С. С. [5, с. 104]. Аналогичным образом гражданину, обладающему общим правом, вовсе не обязательно знать, на кого именно возложена обязанность не нарушать его право. Таким образом, если относительное правоотношение может быть обозначено формулой «один к одному», абсолютное – «один к каждому», то общее – «каждый к каждому» [5, с. 107].

Общие правоотношения являются той основой, на базе которой складываются многочисленные и разнообразные относительные и абсолютные правоотношения. При этом следует признать, что они представляют собой достаточно специфическую форму удовлетворения наиболее общих законных интересов.Таким образом, когда речь идёт об удовлетворении законных интересов посредством субъективных прав и юридических обязанностей частных лиц, возникших на основе норм объективного права, то, как правило, это происходит в рамках относительных, абсолютных или общих правоотношений. Это справедливо не только для материально-правовых, но и для процессуальных отраслей права. Например, стремление потерпевшего, чтобы его интересы в уголовном судопроизводстве представлял адвокат, является его процессуальным законным интересом, который обеспечен соответствующим субъективным правом «иметь представителя», закреплённым в п. 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Должностные лица и государственные органы, ведущие уголовный процесс, обязаны соблюдать данное субъективное право потерпевшего и не препятствовать допуску адвоката как представителя потерпевшего в уголовное судопроизводство, тем самым реализуя указанный выше законный интерес последнего.

В целом же можно сделать вывод, что субъективные права и юридические обязанности, вытекающие из норм объективного права, наряду с последними являются важнейшим средством удовлетворения законных интересов.

1. Шаров Д. В. Полномочия должностных лиц и государственных органов как средство удовлетворения законных интересов // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития. Международная научно-практическая конференция, 7 ноября 2024 г. Сборник научных трудов. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. С. 173–178.
2. Иоффе О. С. Советское гражданское право (курс лекций). Л., 1958. 511 с.
3. Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. 287 с.
4. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. 72 с.
5. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М., 1982. 360 с.
6. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2011. 799 с.
7. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 199 с.
8. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. 5 изд. М., 2022. 245 с.

1. Sharov D. V. Polnomochiya dolzhnostny`x licz i gosudarstvenny`x organov kak sredstvo udovletvoreniya zakonny`x interesov // Ugolovnoe sudoproizvodstvo: sovremennoe so-stoyanie i strategiya razvitiya. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya, 7 noyabrya 2024 g. Sbornik nauchny`x trudov. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2025. S. 173–178.
2. Ioffe O. S. Sovetskoe grazhdanskoe pravo (kurs lekcij). L., 1958. 511 s.
3. Yavich L. S. Obshhaya teoriya prava. L., 1976. 287 s.
4. Chechot D. M. Sub``ektivnoe pravo i formy` ego zashhity`. L., 1968. 72 s.
5. Alekseev S. S. Obshhaya teoriya prava. V dvux tomax. T. II. M., 1982. 360 s.
6. Mal`cev G. V. Social`ny`e osnovaniya prava. M., 2011. 799 s.
7. Shajkenov N. A. Pravovoe obespechenie interesov lichnosti. Sverdlovsk: Izd-vo Ural. un-ta, 1990. 199 s.
8. Matuzov N. I., Mal`ko A. V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / N.I. Matuz-ov, A.V. Mal`ko. 5 izd. M., 2022. 245 s.

Информация об авторе

Денис Васильевич Шаров. Доцент кафедры предварительного расследования, кандидат юридических наук, доцент.
Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя.
117997, Россия, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12.

Information about the author

Denis V. Sharov. Associate Professor of the Department of Preliminary Investigation. Candidate of Law, Associate Professor
Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
117997, Russia, Moscow, Akademika Volgina Str., 12.

Статья поступила в редакцию 08.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 08.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Шумилин Владимир Петрович[1], Шумилина Надежда Геннадьевна[2]
[1]Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия
[2]Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия

[1]itdovd@gmail.com
[2]ngshumilina@gmail.com

Аннотация. В России проблема расследования мошеннических действий в сети Интернет и наказания за них становится всё более важной. Законодатели уделяют значительное внимание борьбе с интернет-мошенничеством, так как оно напрямую угрожает безопасности граждан и организаций. Актуальность исследования связана с быстрым ростом числа случаев интернет-мошенничеств, сложностью их раскрытия, а также необходимостью создания более эффективных методов борьбы с киберпреступлениями в условиях цифровизации и активного развития электронной коммерции.

Ключевые слова: киберпреступления, киберпреступность, интернет, мошенничество, интернет-преступления, криптовалюта.

Для цитирования: Шумилин В. П., Шумилина Н. Г. Особенности расследования преступлений, связанных с мошенничеством в сети Интернет // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 350–359.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO FRAUD ON THE INTERNET

Vladimir P. Shumilin[1], Nadezda G. Shumilina[2]
[1]Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia
[2]Oryol State University, Oryol, Russia

[1]itdovd@gmail.com
[2]ngshumilina@gmail.com

Annotation. In Russia, the problem of investigating and punishing fraudulent activities on the Internet is becoming increasingly important. Legislators pay significant attention to combating Internet fraud, as it directly threatens the security of citizens and organizations. The relevance of the study is due to the rapid growth in the number of Internet fraud cases, the difficulty of their detection, as well as the need to create more effective methods of combating cybercrime in the context of digitalization and the active development of e-commerce.

Keywords: cybercrime, cybercrime, internet, fraud, internet crimes, cryptocurrency.

For citation: Shumilin V. P., Shumilina N. G. Features of investigation of crimes related to fraud on the internet // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 350–359.

В ходе расследования мошеннических действий перед следователями возникает задача установить как невидимые, так и физически осязаемые следы преступления. Невидимые следы включают сведения, которые запомнили потерпевшие и свидетели: внешний вид злоумышленников, их манера общения или специфические детали мошеннической схемы. На первый взгляд такие детали могут казаться незначительными, но зачастую они играют ключевую роль в раскрытии преступления. Физически осязаемые следы, напротив, фиксируются в виде документации, электронных переписок, банковских транзакций или иных материалов, которые служат основой для построения доказательной базы. Для начала любого расследования необходимо заявление от пострадавшего, после чего правоохранительные органы проводят предварительную проверку. Данный этап становится отправной точкой для оценки достоверности указанных сведений и определения дальнейших процессуальных шагов. В ходе этой проверки могут вскрыться разные обстоятельства: от явного факта мошенничества до недоразумений, в которых заявитель ошибочно трактовал происходящее, либо же ситуация может оказаться попыткой целенаправленного ложного обвинения в личных интересах.

Следователи, обладая необходимыми правами и инструментами, опрашивают всех участников инцидента, а также анализируют предоставленную свидетелями информацию. При необходимости используется привлечение аудиторов или проведение экспертиз, чтобы сформировать объективное заключение. Если собранные данные позволяют, возбуждается уголовное дело для дальнейшего разбирательства. Иногда информация о мошенничествах поступает к правоохранительным органам без официального обращения, например в результате оперативной деятельности. Такие случаи требуют особенно внимательной фиксации обнаруженных доказательств, чтобы обеспечить их приемлемость и убедительность в суде или других процессах [1, с. 88].

Основным принципом деятельности полиции, утверждённым Федеральным законом Российской Федерации «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ[1], является использование новейших научных и технических достижений, современных технологий и информационных систем. В законе закреплено использование автоматизированных систем обработки информации, программно-аппаратных комплексов, систем связи и передачи данных. Это вполне обосновано в связи с влиянием современного прогресса в области информационных и коммуникационных технологий, а также нарастающих киберугроз на различные сферы деятельности человека, включая правоохранительную систему. Сотрудники правоохранительных органов играют всё более важную роль в предотвращении киберпреступлений и обеспечении кибербезопасности в современном мире. Развитие технологий и интернета привело к увеличению числа киберпреступлений, что требует от правоохранительных органов оперативного реагирования на угрозы в киберпространстве. Таким образом, киберпреступность стала широко распространённым видом преступления в последние годы. Основными причинами такой тенденции являются [2, с. 216]:

– нехватка квалифицированных сотрудников правоохранительных органов;
– несовершенство законодательства;
– отсутствие согласительных процедур международного сотрудничества между правоохранительными органами разных стран.

Наиболее затруднительной становится работа следователей на первоначальном этапе расследования, что заключается в нехватке времени и недостаточной

[1] О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информации, неумении раскрывать киберпреступления, недостатке знаний и невозможности использовать определённые технические средства.

Оперативное расследование киберпреступлений существенно затруднено из-за потенциальной задержки банковских транзакций и скрытности преступников. Особую роль в таких расследованиях играет использование специальных знаний, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ)[1]. Законодательством установлены требования к изъятию и копированию информации с электронных носителей. Статья 164.1 УПК РФ регламентирует процедуру копирования с участием специалистов и понятых. Также в Кодексе отражено, что копирование возможно с разрешения владельца, за исключением определённых ситуаций. Правоохранители получают техническое образование для правильного реагирования на киберпреступления, но ошибки всё ещё происходят. Дополнительные меры безопасности включают документирование изъятий и запрет на использование изъятой техники, чтобы избежать уничтожения улик. Профессиональная проверка устройств на вирусы и закладки проводится на специальных стендах, что предотвращает потерю ценной информации. Но не всё ещё легко контролируется в результате оперативных действий. Например, особую сложность представляет изъятие компьютерных систем, которые имеют встроенную автономную аппаратную систему уничтожения информации при смене места расположения устройства или отключения его от других устройств компьютерного комплекса. Многообразие способов совершения рассматриваемой нами категории преступления, специфика механизма следообразования, безусловно, не могут не отразиться на особом характере производства отдельных следственных действий при расследовании киберпреступления с использованием сети Интернет.

Следует обратиться к взаимосвязи наук криминалистики и криминологии, поскольку благодаря совокупности двух наук можно наиболее точно описать личность преступника данной категории преступления. Наука криминология при изучении личности преступника предполагает раскрытие структуры этой личности, представляющей собой упорядоченное соотношение свойств (признаков), характеризующих преступника. Такая структура включает в себя шесть групп признаков:

1) социально-демографические признаки;

2) социальные признаки, проявляющиеся в различных сферах жизнедеятельности (например, профессия или семейное положение);

3) нравственные признаки;

4) уголовно-правовые признаки;

5) физические признаки;

6) психологические признаки.

Отметим и влияние общественной обстановки.

В России на фоне пандемии COVID-19 выросло количество интернет-преступлений. По некоторым данным, за время коронавируса количество мошеннических ресурсов увеличилось в два раза и ожидается дальнейший рост.

По статистике МВД России, с января по декабрь 2024 года было зафиксировано 765,4 тысячи киберпреступлений, что на 13,1 % больше, чем за аналогичный период 2023 года. Характерно, что личность преступника для данного вида преступления требует наличия специальных знаний. В связи с этим появляются несколько версий: лицо всегда увлекалось IT-технологиями, проходило определённые курсы либо обучалось в университете. Люди, совершающие преступления в интернете, очень

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

скрытны и имеют маленький круг друзей, причём их друзья или знакомые зачастую много об их жизни не знают. Большинство подозреваемых – трудоспособное население от восемнадцати до пятидесяти лет, которые не имеют постоянного источника дохода. Практически каждое второе мошенничество в сети Интернет совершается в отношении женщин. Зачастую преступники отличаются высоким интеллектом, обладают знаниями в разных областях науки и техники. Как правило, основная часть таких преступных посягательств совершается после обеда и вечером. Таким образом, детальное изучение элементов криминалистической характеристики мошенничеств в сети Интернет позволило прийти к выводу о том, что способ преступления является центральным элементом в структуре криминалистической характеристики преступлений как информационного фундамента частных криминалистических методик расследования. Тем не менее важным является изучение всех элементов криминалистической характеристики рассматриваемого преступления в их взаимосвязи для получения полной информационной базы, необходимой для выбора эффективной тактики производства отдельных следственных действий. Если лицо, совершившее преступление, известно – проводится обыск. Информационные следы существуют на электронных и других материальных носителях, наделены физическими свойствами виртуальных следов, но, в отличие от них, и конкретным информационным содержанием, и поэтому не могут быть отнесены ни к одному из элементов традиционной классификации следов преступлений.

Осмотр компьютерной системы должен быть неожиданным, что исключает быстрое уничтожение содержащейся в ней информации. Объектами осмотра являются все компоненты: компьютеры, принтеры, сканеры и другие устройства, входящие в локальную или глобальную сеть. Осмотр работающего компьютера предполагает контроль за работой программного обеспечения, фиксацию изменений, происходящих в процессе работы программ, копирование всей информации, хранящейся на носителях. При осмотре неработающего компьютера устанавливают местонахождение компьютера и его периферийных устройств, способ соединения между собой этих устройств, проверяют соединение с локальной сетью и сетями телекоммуникации [3, с. 34]. Тактика осмотра средств мобильной связи и иных мобильных устройств, которые обладают многофункциональностью особенности, имеет свои особенности. Здесь следователь имеет дело с так называемыми виртуальными (идеальными), содержащимися в мобильном телефоне и в других аппаратах в виде компьютерной информации [4]:

1. О последних входящих и исходящих вызовах, времени начала, продолжительности соединения пользователя телефона с номером конкретного абонента;
2. О принятых и набранных вызовах, о введённых в память телефонных номерах с именами, адресами друзей, сослуживцев, коллег, соучастников преступления;
3. О сохранённых в памяти различных сообщениях;
4. О записанной аудио-, фото- и видеоинформации;
5. О технических данных, участвующих в процессе идентификации телефона в мобильной сети.

Полученная информация фиксируется в протоколе следственного действия, а средства мобильной связи и иные мобильные устройства приобщаются к материалам уголовного дела как вещественное доказательство.

Одним из важных следственных действий является обыск. Обыск может проводится у лица, скрывающегося от сотрудников полиции, также проживающего в настоящий момент в данном жилище. Важно, что данное следственное действие должно производиться безотлагательно, так как лицо может быстро уничтожить всю

информацию со своих электронных носителей. Первым признаком того, что данное лицо совершило преступление, является наличие в помещении множества электронных устройств: компьютеров, ноутбуков, системных блоков и иных устройств. Выемка электронной информации – очень сложный процесс. Сотрудник должен знать, где именно и на каком устройстве содержится нужная нам информация. Так как мы имеем дело с лицами, работающими в сфере компьютерной информации, то следует учитывать, что данное лицо могло «спрятать» данный файл на своём устройстве, сделать его невидимым. Все данные и носители информации будут способствовать получению информации о субъектах уголовного преследования: где был потерпевший или подозреваемый, что делал, какое программное обеспечение установлено на компьютере.

Следующее процессуальное действие – опрос свидетелей и потерпевших. Сотрудник правоохранительных органов должен удостовериться в понимании и изложении ими фактов преступления, должен понимать, что они могут ошибаться в изложении фактов, особенно если они не обладают хорошими знаниями компьютерной техники и интернетом. Если лицо, совершившее преступление, неизвестно, то в рамках доследственной проверки и при производстве по уголовному делу следователем производится ряд типичных проверочных действий. Изначально направляется несколько запросов об обстоятельствах дела в организации, занимающиеся интернет-кошельками, либо банки, если имеется информация о передаче денег на банковский счёт с целью получения IP-адресов, с которых производились открытия кошельков и, соответственно, клиентов. В связи с этим следователь должен правильно сформировать вопросы к подозреваемому с учетом определённых знаний [5, с. 64]:

1. Сам ли подозреваемый создал данный сайт для совершения преступления?
2. Через какую систему идёт списание денег у потерпевших лиц?
3. У каждого лица списываются денежные средства, которые посещают сайт, или идёт выборка?
4. На какой стадии списываются денежные средства, заложен ли этот процесс в систему или только через подтверждение подозреваемого идёт списание средств?
5. В течение какого времени разрабатывался данный сайт и с помощью каких программ, находятся ли они в свободном доступе или ограниченном?

Наиболее затруднительной является работа следователей на первоначальном этапе расследования, что заключается в нехватке времени и недостаточной информации, неумении раскрывать киберпреступления, недостатке знаний и невозможности использовать определённые технические средства. Проблемным в раскрытии и расследовании таких мошенничеств является то, что потерпевшие проживают в различных регионах России, в то время как сам преступник может находиться в регионе, не связанном с местом проживания заявителей. В связи с этим органы предварительного следствия не могут в кратчайшие сроки провести технические мероприятия на территории другого региона. Определение государственной границы в интернете невозможно, поэтому единственным способом контроля государства становится блокировка информации. Для этого создан единый реестр доменных имён, страниц сайтов в интернете и электронных адресов, которые содержат информацию, распространение которой запрещено на территории Российской Федерации на основании ст. 15.1 Федерального закона РФ от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[1].

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В соответствии с законом оператор связи должен ограничить доступ к таким сайтам. Таким образом, мошенничество в сети Интернет с использованием компьютерных сетей существенно возросло количественно. Мошенники, как правило, пользуются тем, что лицо самостоятельно предоставляет ему собственные данные либо обманным путём прибегают к помощи родственников. Способ, при котором мошенником могут быть получены данные банковской карты, является одним из самых опасных, так как мошенники могут и в дальнейшем воспользоваться личными данными лица [6, с. 76]. Это один из самых распространённых способов преступлений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет. Среагировать на данное преступление достаточно быстро невозможно, так как денежные средства могут списываться продолжительное время или ожидание поступления на счёт обратно денежных средств занимает время. В связи с этим преступник уже удаляет свой IP-адрес либо скрывается с места преступления.

Проблемы, связанные с легализацией кибердоходов, заключаются в следующем:

– сложность выявления: кибердоходы часто имеют неясное происхождение, а также трассирование операций и транзакций может оказаться сложным из-за степени анонимности в интернете;

– отсутствие жёсткой правовой регуляции: сфера криптовалют и электронных платежей часто имеет недостаточную правовую регламентацию;

Основными проблемами раскрытия киберпреступлений являются:

– обеспечение конфиденциальности: предотвращение утечки информации о потенциальных угрозах;

– постоянное изменение технологий: непостоянность компьютерных систем и программных средств, что требует постоянного обновления навыков и знаний специалистов в сетевой безопасности;

– отсутствие международного сотрудничества: отсутствие единого международного законодательства и сотрудничества между странами мира в борьбе с киберпреступностью.

Легализация кибердоходов также сталкивается с рядом проблем и вызывает опасения в обществе:

– отсутствие нормативно-правовой базы: недостаточная разработанность правил регулирования для операций в киберпространстве, особенно в отношении криптовалют;

– мошенничество: использование киберпространства для легализации незаконных доходов в криптовалюте;

– неконтролируемый рост киберпреступлений, связанных с хищением криптовалюты.

В то же время данные вроде адреса, интернет-провайдера, трафика, использование или отсутствие шифрования легкодоступны. Сейчас провайдеры хранят их на протяжении длительного времени и анализируют в определённых случаях. Это положение соответствует требованию статьи 6 Федеральный закон РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»[1] – обработка персональных данных может осуществляться оператором с согласия субъектов персональных данных. Множество точек соединяет между собой реальную личность человека и сетевую: паспорт и водительские права, почтовые адреса и номера телефонов, адреса электронной почты, банковские счета, карты, аккаунты в социальных сетях. Конфиденциальность и анонимность в реальном и правовом мире невозможны. Для создания цифрового профиля человека используются следующие источники данных: физическое окружение,

[1] О персональных данных [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

почта, голосовая связь и передача данных, финансовые операции, активность в социальных сетях, камеры наблюдения, электронные системы оплаты за проезд.

Рассмотрим случай обеспечения анонимности на примере. Так, цель браузера *Tor* – легального программного обеспечения – сделать пользователей не отличимыми друг от друга, то есть анонимными. Все пользователи *Tor* обладают разным оборудованием, которое невозможно отследить. Такая практика в дальнейшем помогает разрабатывать новые, более эффективные средства и методы обнаружения преступных действий, а также оперативно оповещать граждан о возможности совершения киберпреступления в сети Интернет. С развитием методов и технологий совершенствуются следственные процессы, а также повышается эффективность расследования преступлений. Современные компьютерные технологии поднимают на более высокий уровень работу криминалистов, ускоряя расследование преступлений и облегчая сбор и анализ доказательств.

Среди примеров таких технологий можно назвать автоматизированную уголовную регистрацию, технику для сбора фото-, видео- и аудиозаписей в сборе доказательств, геоинформационные системы для анализа местоположения преступлений и анализ зашифрованных данных.

Правоохранительные органы активно используют различные базы данных для хранения и обработки информации о преступлениях и подозреваемых, что способствует более быстрому раскрытию преступлений. Существует специализированная автоматизированная система следственного комитета МВД РФ, помогающая ускорить расследование преступлений. Дальнейшие перспективы внедрения современных технологий в сфере правопорядка предлагают новые возможности для раскрытия преступлений. Следователи могут использовать различные программные комплексы для извлечения и анализа информации, хранящейся на мобильных устройствах предполагаемых преступников. Компьютерная экспертиза играет особую роль при расследовании преступлений, обнаруживая следы преступлений на носителях информации. Использование современных компьютерных технологий и программных продуктов позволяет с большой эффективностью раскрывать преступления. Применение новейших технологий в сфере следственной деятельности оказывает значительное положительное воздействие на процессы расследования преступлений. С высокой вероятностью можно предположить, что в будущем использование искусственного интеллекта и аналитики данных позволит оперативно и точно выявлять закономерности в различных видах онлайн-коммуникаций киберпреступников, их поведенческих особенностей в сети, раскрывать взаимосвязи между различными событиями, проводить анализ обширных объёмов информации об интернет-пользователях. Применение цифровой криминалистики уже позволяет извлекать и анализировать цифровые доказательства, такие как данные социальных сетей, сообщения, изображения, и видеозаписи, что существенно повышает эффективность методов расследования. Следовательно, в будущем требуется дальнейшее развитие этих методов, включая использование экспертных знаний и навыков сотрудников правоохранительных органов.

Персоналу правоохранительных структур следует активно проводить образовательные мероприятия, направленные на повышение уровня киберграмотности населения, освещать методы защиты от киберугроз и пропагандировать безопасное поведение в Сети. Кроме того, взаимодействие с международными партнёрами в сфере кибербезопасности, обмен информацией и координация действий являются важными для более эффективного противодействия киберпреступности. В настоящее время необходимо разработать систему знаний и провести практическое применение описанных в данной статье баз данных, справочных и образовательных систем. Общие

усилия по раскрытию и противодействию как киберпреступлениям, так и традиционным видам преступлений остаются актуальными задачами в современном информационном обществе. Для эффективного решения данных проблем крайне важно активизировать международное сотрудничество и усилить меры по обеспечению кибербезопасности как на уровне государства, так и в частном секторе.

Сегодня разрабатываются законы, направленные на точную идентификацию пользователей интернета. Социальные сети привязываются к номеру телефона пользователя, рекомендуется указывать реальные имя и фамилию, а для восстановления доступа к аккаунту могут потребовать фото пользователя с его паспортом. А законы, направленные против публикации фейковых новостей в СМИ, подтвердили, что информация о пользователях может быть передана правоохранительным органам. С другой стороны, обязанность хранения этой информации переложили на провайдеров, мобильных операторов и владельцев сервисов, что не всегда реализуется тщательно и правильно. Необходимость хранить эти данные приводит к повышенному расходу ресурсов, которые могли бы применяться для более важной работы. Вся личная переписка, контент отдельных групп, поисковые запросы в социальных сетях передаются сотруднику силовых структур, если он просто проявит к пользователю интерес.

Таким образом, детальное изучение элементов криминалистической характеристики мошенничеств в сети Интернет позволило прийти к выводу о том, что способ преступления является центральным элементом в структуре криминалистической характеристики преступлений как информационного фундамента частных криминалистических методик расследования. Тем не менее важным является изучение всех элементов криминалистической характеристики рассматриваемого преступления в их взаимосвязи для получения полной информационной базы, необходимой для выбора эффективной тактики производства отдельных следственных действий.

Итак, раскрытие киберпреступлений и легализация кибердоходов являются актуальными проблемами в условиях развития информационных технологий и глобализации интернет-пространства. Необходимость разработки универсальных методов противодействия и законодательных актов требует активизации международного сотрудничества и развитие сферы сетевой безопасности на государственном и частном уровнях. Благодаря международному сотрудничеству можно обеспечить обороноспособность и безопасность государства, развитие экономики и социальной сферы без вмешательства интернет-мошенников. В марте 2025 года по итогам заседания коллегии МВД России было объявлено, что борьба с IT-преступностью является одним из основных направлений работы органов внутренних дел на ближайшее время. Именно поэтому преступность в интернете – это большая проблема каждого современного государства [7. с. 66]. Преступность в интернете будет искоренена лишь в том случае, если абсолютно вся Глобальная сеть по всему миру будет контролироваться одной организацией, что на практике невозможно.Таким образом, обстановка с преступностью в сети Интернет требует активных мер по профилактике и предупреждению.

Главными направлениями профилактики являются:

– подготовка кадров;
– вопрос наступления ответственности.

Доскональное расследование дел и предание наказанию виновных – это одна из тенденций профилактики преступлений этой направленности. Важно наказать не только непосредственных исполнителей, но и всех субъектов преступной цепочки, что на практике довольно затруднительно. Обучение и подготовка специалистов в области киберпреступлений для правоохранительных органов имеют свои особенности. Для

эффективного противодействия киберпреступности необходимы специализированные знания. Например, сотрудники должны знать методы защиты от хакерских атак, процедуры обработки и анализа электронных улик. Кроме того, важно использовать инновационные методы обучения. Например, симуляторы атак и облачные платформы позволяют проводить практические упражнения в реальном времени, что помогает улучшить навыки реагирования на киберугрозы. Междисциплинарный подход также играет важную роль в обучении специалистов. Например, в сфере киберпреступлений часто требуется взаимодействие с экспертами в области юриспруденции, психологии и киберэтики. Знание различных аспектов позволяет сотрудникам правоохранительных органов более эффективно расследовать киберпреступления и принимать интегрированные решения. Наконец, обучение специалистов в области киберпреступлений должно учитывать международное сотрудничество и обмен опытом. Глобализация киберугроз требует совместных усилий правоохранительных органов разных стран. Например, участие в международных тренингах и семинарах по обмену опытом помогает специалистам быть в курсе последних тенденций в области кибербезопасности. Таким образом, учёт всех перечисленных особенностей в обучении и подготовке специалистов в области киберпреступлений для правоохранительных органов является ключевым фактором в борьбе с киберпреступностью.

1. Струков А. Е. Понятие и способы мошенничества // Вестник магистратуры. 2022. № 1-2(124). С. 86–88.
2. Вакула А. И., Плиев И. М. Интернет как очевидная угроза информационной безопасности личности // Авакьяновские чтения. Сборник научных статей студентов, магистрантов, преподавателей, II Международного молодежного юридического форума. 2019. С. 210–219.
3. Майкулов Ж. Ж. Проблемы криминализации киберпреступлений // Научное сообщество студентов: междисциплинарные исследования: сб. ст. по мат. X междунар. студ. науч.-практ. конф. № 7(10). 34 с.
4. Мошенничество в сфере компьютерной информации: анализ судебной практики // URL: https://pravo163.ru/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoj-informacii-analiz-sudebnoj-praktiki/ (дата обращения: 03.03.2025).
5. Агибалов В. Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: Воронеж, 2010. 198 с.
6. Шумилин В. П. Мошенничество в области интернет-банкинга // Научный портал МВД России. 2023. № 3(63). С. 75–80.
7. Матросова Л. Д., Кислицин И. А. Инструменты для поиска оперативно-значимой информации по открытым источникам // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 4 (93). С. 65–72.

1. Strukov A. E. Ponyatie i sposoby` moshennichestva // Vestnik magistratury`. 2022. №1-2 (124). S. 86–88.
2. Vakula A. I., Pliev I. M. Internet kak ochevidnaya ugroza informacionnoj bezopasnosti lichnosti // Avak`yanovskie chteniya. Sbornik nauchny`x statej studentov, magistrantov, prepodavatelej, II Mezhdunarodnogo molodezhnogo yuridicheskogo foruma. 2019. S. 210–219.
3. Majkulov Zh. Zh. Problemy` kriminalizacii kiberprestuplenij // Nauchnoe soobshhestvo studentov: mezhdisciplinarny`e issledovaniya: sb. st. po mat. X mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. № 7(10). 34 s.

4. Moshennichestvo v sfere komp`yuternoj informacii: analiz sudebnoj praktiki // URL: https://pravo163.ru/moshennichestvo-v-sfere-kompyuternoj-informacii-analiz-sudebnoj-praktiki/ (data obrashheniya: 03.03.2025).
5. Agibalov V. Yu. Virtual`ny`e sledy` v kriminalistike i ugolovnom processe : dissertaciya ... kandidata yuridicheskix nauk: Voronezh, 2010. 198 s.
6. Shumilin V.P. Moshennichestvo v oblasti internet-bankinga // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2023. № 3 (63). S. 75–80.
7. Matrosova L. D., Kislicin I. A. Instrumenty` dlya poiska operativno-znachimoj informacii po otkry`ty`m istochnikam // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4 (93). S. 65–72.

Информация об авторах

Владимир Петрович Шумилин. Доцент кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел, кандидат педагогических наук.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, 2.

Надежда Геннадьевна Шумилина. Доцент кафедры теории и методики начального образования, кандидат педагогических наук.
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.
302026, Российская Федерация, г. Орел, ул. Комсомольская, 95.

Information about the authors

Vladimir P. Shumilin. Associate Professor of the Department of Information Technologies in the Activities of Internal Affairs Bodies. Candidate of Pedagogical Sciences.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, Ignatova Str., 2.

Nadezhda G. Shumilina. Associate professor of the department of theory and methodology of primary education. Candidate of Pedagogical Sciences.
Turgenev Oryol State University.
302026, Russia, Orel, Komsomolskaya Str., 95.

Статья поступила в редакцию 09.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.
The article was received in the editorial office on 09.04.2025; approved after review on 20.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Научная статья
УДК 343.1

КОРРЕЛЯЦИИ, ИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ ПРИРОДА И РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ СОВЕРШЁННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАССЛЕДОВАНИЯ КВАРТИРНЫХ КРАЖ)

Шурухнов Николай Григорьевич
Всероссийский государственный университет юстиции, Тула, Россия;
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Москва, Россия

matros49@mail.ru

Аннотация. Обращается внимание на установление корреляций при формировании криминалистических характеристик преступлений на примере расследования квартирных краж. Приводятся варианты проникновения в квартиру в ситуации отсутствия на деталях механизма замка входной двери следов металлизации, наслоения материалов (краски, замазки, пластилина), образованных посторонними предметами (отмычкой, поддельным ключом). Показывается схема действий преступников во время поиска материальных ценностей в квартире (в том числе и по результатам их показаний), приводится перечень следов, вещественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия. Акцентируется внимание на значении и роли корреляций (взаимосвязи) между отдельными признаками (действиями, вещами, следами), которые при их анализе могут указывать на другие обстоятельства совершения преступления.

Ключевые слова: квартирная кража, криминалистическая характеристика, расследование, взаимоотношение, корреляция, выдвижение версий.

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Корреляции, их информационно-познавательная природа и роль в установлении обстоятельств совершённого преступления (по материалам расследования квартирных краж) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 360–370.

CORRELATIONS, THEIR INFORMATIONAL AND COGNITIVE NATURE AND ROLE IN ESTABLISHING THE CIRCUMSTANCES OF A COMMITTED CRIME (BASED ON THE INVESTIGATION OF APARTMENT BURGLARIES)

Nikolai G. Shurukhnov
All-Russian State University of Justice, Tula, Russia;
Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

matros49@mail.ru

Annotation. Attention is drawn to the establishment of correlations in the formation of forensic characteristics of crimes using the example of an investigation of apartment burglaries. Options for breaking into an apartment in a situation where there are no traces of metallization on the parts of the entrance door lock mechanism, layering of materials (paint, putty, plasticine) formed by foreign objects (master key, counterfeit key) are given.

The article shows the criminals' actions during the search for material assets in the apartment (including based on their testimony), and provides a list of traces and material evidence found at the scene. The article focuses on the significance and role of correlations (interrelationships) between individual features (actions, things, traces), which, when analyzed, may indicate other circumstances of the crime.

Keywords: burglary; forensic characteristics; investigation; relationship; correlation; putting forward versions

***For citation*:** Shuruhnov N. G. Correlations, their informational and cognitive nature and role in establishing the circumstances of the crime committed (based on the investigation of burglaries) // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 360–370.

Считается, что термин «корреляция» [1, с. 402] был заимствован из комплекса наук, относящихся к естествознанию[1] (биология, физика, география, астрономия), а теорию корреляции сформировали английские биометрики Ф. Гальтон[2] и К. Пирсон. Она объясняет соотношение в изменчивости признаков различных явлений, всевозможной деятельности. Как показали наши многолетние исследования [2], установлению действий (приёмов), реализуемых преступниками, составляющих противоправную деятельность, способствует анализ зависимостей между случайно отражёнными признаками (повреждениями, перемещениями мебели, предметов), не имеющими строго функционального характера, и признаками, которые целенаправленно предназначались для совершения определённых действий для получения противоправного результата (следы обуви, папиллярных узоров пальцев рук). Это обусловлено зависимостью одного признака не только от другого, но и от совокупности случайных факторов. Эта выраженность по результатам противоправной деятельности устанавливается при анализе произошедших изменений в обстановке с использованием не только целенаправленных методов, но и технических средств, информационных технологий, искусственного интеллекта, реализацией специальных знаний уполномоченных должностных лиц.

Социологи [3, с. 331; 4, с. 200] видят в корреляции взаимную связь, взаимозависимость (ассоциации) эмпирических признаков, свойств, черт, показателей. Связь переменных, при которой одному значению одного признака соответствует несколько значений другого признака, отклоняющегося в ту или иную сторону от своего среднего значения. Из этого подхода следует, что между элементами происходящих событий имеются разные по силе и последующему проявлению взаимные связи с разной направленностью. Правило о взаимозависимости эмпирических признаков, выведенное учёными, на 100 % распространяется на содержание преступной деятельности, а в последующем переходит на содержание криминалистической характеристики преступления, состоящей из данных, характеризующих преступление, субъекта преступления, потерпевших, предметы преступного посягательства, обстановку совершения противоправного деяния, полученных в процессе эмпирического исследования данных (обобщения практики

[1] В комплекс естественных наук входят: *биология*, изучающая живые организмы, процессы их развития и взаимодействия; *химия*, исследующая вещества, соединения различных веществ, их свойства, описывающая реакции, происходящие при соединении различных элементов; *физика,* устанавливающая свойства тел, явления неживой природы; *география,* предметом изучения которой являются поверхность Земли, природные зоны, полезные ископаемые; *астрономия,* исследующая устройство Вселенной, происходящие в ней процессы, эволюцию небесных тел.

[2] Статистик, социолог, психолог, антрополог, генетик, географ, метеоролог, психометрик – Фрэнсис Гальтон, известен криминалистам как разработчик идентификации по папиллярным узорам пальцев рук.

расследования преступлений). Такие корреляционные связи существуют между элементами, составляющими криминалистическую характеристику преступления. Однако они далеко не всегда устанавливаются, что отрицательно сказывается на практической значимости реализуемой криминалистической категории, ориентировании субъектов преступления на необходимость выдвижения и проверки версий, вытекающих из признака, которому может соответствовать несколько значений другого, менее выраженного или вообще не проявившегося в данной обстановке, но, исходя из механизма преступления, который должен был отобразиться.

Анализируя обстановку места происшествия, способ совершения преступления, зависящий от профессиональных навыков субъекта преступления, пытаясь определить ход события, производя мысленный и физический поиск, сосредотачиваясь на одном из имеющихся обстоятельств, интуитивно предполагаем наличие другого, которое не проявилось (не оставило следа), но могло проявиться. Или наоборот, «вчитываясь» в отсутствующий признак (след), который должен был бы быть, предполагаем его связь с имеющимся фактом. Без внимания нельзя оставлять и зависимость между случайными величинами, не имеющими строго функционального характера. Такая взаимосвязь и есть корреляция, подсказывающая развитие события или его части на месте происшествия.

Приведём отдельные фрагменты из материалов конкретного уголовного дела с проникновением преступников в квартиру для совершения кражи. В процессе осмотра места происшествия было установлено отсутствие на деталях механизма замка входной двери следов металлизации, наслоения материалов (краски, замазки, пластилина), образованных посторонними предметами (отмычкой, поддельным ключом), что на уровне версий указывает на:

– отсутствие кражи – её инсценировку кем-то из проживающих в квартире;

– предварительное хищение ключа у лиц, имеющих доступ в жилище;

– обнаружение преступниками ключа, который условно хранился в определённом (укромном) месте (под дверным ковриком, в электрораспределительном щите, за шахтой мусоропровода);

– оставление двери квартиры в незапертом состоянии, чем воспользовались злоумышленники.

Таким образом, отсутствие определённых следов на деталях замка, которые обязательно должны были присутствовать, если бы он открывался посторонним предметом, позволяет предполагать варианты отпирания двери для проникновения преступников в квартиру.

Из фабулы следует, что связь между явлениями, если одно из них входит в число причин, определяющих другие, или если имеются общие причины, воздействующие на явление (действие), то это является частным случаем корреляции. Корреляция может выражать тесную связь, показывать более или менее выраженную зависимость одних обстоятельств от других. Но их установление с целью последующего «входа» в криминалистическую характеристику преступления зависит от деятельности преступника, субъекта расследования и исследователя, занимающегося сбором эмпирических данных.

Кратко обозначая противоправную деятельность субъектов, следует сказать, что в ней одни действия (приёмы) зависят от других. Так, поиск материальных ценностей (преступникам не было известно, где они находятся) был связан с перемещением содержимого прикроватных тумбочек, внутренних полок (особенно женских принадлежностей), шкафа для хранения одежды, постельных принадлежностей, полуящиков, выдвижных ящиков, перетряхиванием матрацев, подушек. Подобные действия осуществлялись и в комнатах, где были расположены другие спальные места. В кухонном помещении обследовались мебель, посуда, принадлежности для

приготовления пищи. Были осмотрены (с использованием лестницы-стремянки) люстры, пространства за картинами, телевизорами, настенными часами, портретами. А также крыши (потолки) (со стремянки) шкафов, предметы и вещи, размещённые на них. Такие действия преступников на месте происшествия не могли не оставить следов. Некоторые из них (наиболее явные, по мнению злоумышленников) были уничтожены. Речь идёт о следах обуви, оставленных на полу. Преступники протерли пол приспособлениями (набором для уборки полов), которые хранились в ванной комнате (в ней так же, как и в туалетном помещении, вёлся поиск с перемещением туалетных принадлежностей).

В результате осмотра места происшествия были обнаружены, зафиксированы и изъяты:

– фрагмент (носочная часть) следа обуви, обнаруженный и выявленный на бумажной упаковке мужской рубашки фирмы «*Pierre Lauren*»;

– след папиллярных узоров ладони правой руки на крышке прикроватной тумбочки одной из спальных комнат;

– кусочек почвы ромбовидной формы, имевший бурый окрас, отслоившийся от обуви в зале, около лестницы-стремянки, оставленной в зале квартиры;

– влажная салфетка с наслоением вещества желтоватого цвета, обнаруженная на площадке кухонной мойки;

– пепел от сигареты, рассыпанный на полу около электрической кухонной плиты;

– женская прокладка со следами бурого цвета, располагавшаяся с правой стороны унитаза.

При формировании криминалистической характеристики квартирных краж по результатам эмпирического исследования в её состав были включены обнаруженные следы (вещественные доказательства), за исключением пепла и женской прокладки со следами бурого цвета, обнаруженной в туалетной комнате. Сработало субъективное отношение исследователя, так как при изучении материалов 120 уголовных дел по расследованию квартирных краж пепел как след преступления (вещественное доказательство) и женская прокладка встретились по одному разу и составили примерно по 0,02 % в общей массе следов. А что касается содержания криминалистической характеристики, то в неё традиционно включаются типичные данные. Однако, как представляется, и такие показатели при условии анализа корреляций следует включать в состав криминалистической характеристики и, ориентируясь на него, давать соответствующие рекомендации будущим субъектам расследования.

Возвращаясь к «картине» совершения квартирной кражи, а точнее к процессу пребывания преступников на месте происшествия, действия, непосредственно направленные на поиск материальных ценностей, случайно отразившиеся в материальной обстановке, следует дополнить следующими результатами. Действительно, они курили на кухне (со слов хозяйки квартиры, проживающие относятся к категории некурящих), к тому же окурки выбросили в ёмкость для мусора, расположенную под кухонной мойкой. Их там оказалось три, к тому же на мундштуке одного из них следы бурого цвета. В данном случае для следователя и специалиста-криминалиста корреляция «пепел – окурки», вернее «пепел от сигарет – отсутствие окурков», не сработала. Они не провели необходимого поиска, чтобы обнаружить эти вещественные доказательства (причин несколько: экономия времени, брезгливость при осмотре ёмкости для мусора, невнимательность, отсутствие направленного логического мышления, опыта).

Уполномоченные должностные лица не обратили внимания, что преступники особенно тщательно просматривали женские принадлежности (бюстгальтеры, различные виды трусов, упаковки с женскими прокладками, небольшие по ёмкости коробочки, в том числе и предназначенные для хранения украшений и других женских аксессуаров). И здесь не было обращено внимание на корреляцию «поиск среди специфических объектов – пол преступников». Как потом показало расследование, в составе преступной группы была женщина. К приведённому следует добавить и такой факт, как похищение фигурки медведя из полудрагоценного камня чароита. На его отсутствие хозяйка квартиры сразу обратила внимание (с её слов). Данный факт указывает на корреляцию «драгоценные камни – знания отдельных членов преступной группы».

Существует целый комплекс факторов, отрицательно сказывающихся на качестве формирования криминалистических характеристик и как результат на наличии корреляций между её составляющими.

Первый из факторов относится к деятельности преступников во время совершения преступления. Это их профессионализм, выбор места, времени совершении преступления, предмета противоправного посягательства, предыдущий опыт, навыки сокрытия во время совершения преступления, противодействие расследованию (дача ложных показаний). Всё это сказывается на объёме следов, оставляемых на месте происшествия, сложности их выявления после принятия мер по уничтожению (как при совершении анализируемого преступления, когда кто-то из преступников промыл пол, используя приспособления, хранящиеся в ванной комнате). Что усложнило обнаружение следов, которые обязательно должны были остаться на керамической плитке пола ванной комнаты, на открытой части паркетного пола между прихожей, залом и кухней. Количество следов, которые преступники могут оставить на месте преступления, зависит и от массы других обстоятельств, например: времени пребывания, безмятежности, наличия подручных предметов для осуществления поиска (ключей для открытия шкафчиков, дверец шифоньеров, лестницы-стремянки).

Второй из факторов относится к результатам работы следственно-оперативной группы либо дознавателя, следователя; дознавателя, специалиста-криминалиста; следователя, специалиста-криминалиста. Результативность их деятельности на месте происшествия обусловлена профессионализмом, уровнем обладания специальными знаниями, умениями и навыками, наличием соответствующих информационно-технических средств, уровнем развития науки и техники, разрабатывающих соответствующие средства, способные выявлять, фиксировать, изымать и исследовать следы и вещественные доказательства. Не менее важно, чтобы указанные должностные лица обладали комплексом человеческих качеств, прежде всего обеспечивающих специфическое направление деятельности, которое рассматривается в данном случае. Это внимательность, наблюдательность, ответственность, терпеливость, целеустремленность, усидчивость, работоспособность, трудолюбие, усердие. Всякий раз говорится о том, чтобы быть удовлетворённым работой на месте происшествия (выявить комплекс следов, отыскать важные вещественные доказательства), нужно поползать, пытаться выявлять следы с разных ракурсов, перспективно сокращая удалённые от наблюдения части отображённого на плоскости следа (микрообъекта). Конкретизируя приведённое демонстрацией работы на представленном месте происшествия, скажем о том, что во время осмотра не удалось обнаружить (возможности были) и изъять множество папиллярных следов. В частности, с поверхности зеркала, составляющего единое целое с прикроватной тумбочкой, в одной из спален. С многоцветных поверхностей коробочек для хранения украшений (других мелких предметов), основания настольной лампы. Не осуществлялся тщательный поиск следов обуви на керамической плитке пола кухни, туалета, на

паркетном полу около кресел, расположенных в зале квартиры. При осмотре не было обнаружено ни одного микрообъекта. Скажем ещё об одном обстоятельстве: даже обнаруженные при осмотре места происшествия следы не все фигурировали в процессе расследования (не направлялись на экспертизу) для изобличения преступников, получения правдивых показаний при допросе. Таким образом, доказательства совершения квартирной кражи были добыты преимущественно с помощью вербальной информации: допросы обвиняемых, потерпевших, свидетелей.

Третий фактор характеризует работу исследователя, того, кто изучал следственную практику, анализировал материалы уголовных дел по расследованным преступлениям, опрашивал респондентов (субъектов расследования, осужденных по данному виду преступлений), формировал криминалистическую характеристику. Не все данные по ряду различных обстоятельств были включены в содержание криминалистической характеристики. Причин несколько – как объективных, так и субъективных. К первым можно отнести те, которые не были обнаружены (выявлены), но, как уже отмечалось, они должны были быть на конкретном объекте, не изъяли вещественные доказательства, которые находились на месте происшествия (посчитали, что они принадлежит хозяевам квартиры), не направили на экспертное исследование. Ко вторым относятся следы, вещественные доказательства, которые исследователь посчитал не решающими для изобличения преступников, установления других обстоятельств, имеющих второстепенное значение для расследования преступлений. И, естественно, выбыли те, которые составляли невысокий удельный вес в объёме следов и вещественных доказательств.

А теперь о предмете данного исследования: исследователем не были представлены корреляции, не анализировались взаимосвязи даже тех данных (признаков), которые составили содержание криминалистической характеристики. Без их наличия любая криминалистическая характеристика проигрывает на практике, она не в полной мере ориентирует практиков на выдвижение версий, определение направлений расследования, установление обстоятельств совершения преступления, даже тех, которые, на первый взгляд, кажутся незначимыми – практика многообразна, только она может всё расставить по своим местам, а расследование покажет. Что в действительности имело место. Здесь уместно сказать о том, что криминалистическая характеристика должна максимально насыщаться данными противоправных деяний и даже тех, которые в конкретном случае не повлияли, но могли корректировать с ходом противоправной деятельности.

Ранее мы говорили об оптимальном содержании криминалистической характеристики определённого вида преступлений, другими словами, о включении в неё практически значимых элементов (сведений о них). Но этого не делалось за редким исключением, причин такого подхода множество. Сбор эмпирических данных осуществляется для подготовки диссертации, последующей защиты рекомендаций по расследованию определённого вида преступлений, где криминалистическая характеристика – одна из составляющих. Представленная в одной главе, она, конечно, не может отразить всех аспектов преступления (берутся наиболее типичные) и, как правило, без вывода корреляций. Поэтому оппоненты и присутствующие во время публичной защиты упрекают соискателей в отсутствии связи криминалистической характеристики и целенаправленности рекомендаций по расследованию. Зачастую получается: криминалистическая характеристика сама по себе, рекомендации сами по себе (без опоры на практику) самостоятельно, с привлечением отдельных эмпирических данных, которые зачастую не ориентируют на конкретное направление деятельности или не раскрывают её содержание.

В качестве положительного примера обоснованно приводился подход Видонова В. Г., который подготовил фундаментальное, уникальное по своему содержанию исследование [5; 6]. Леонид Георгиевич изучил около 1 000 уголовных дел об убийствах, систематизировал закономерности действий в зависимости от способов совершения преступлений и показал, о чём свидетельствует та или иная деталь в следовой картине о личности убийцы. Эти очень неочевидные знания, превращающие следовую картину в текст, позволяли профессионалам считывать их в течение нескольких часов. Используя таблицы Видонова В. Г., можно по характеру изнасилования предположить, был ли ранее судим насильник; в зависимости от способа причинения вреда здоровью пострадавшего определить половую принадлежность преступника. Полагаем, опираясь на работу Видонова Л. Г., что формирование криминалистической характеристики с учётом корреляций должно составлять самостоятельную диссертацию – исследование прикладного характера. Такой подход истинно будет работать на практику расследований преступлений.

Практическая направленность методических рекомендаций по расследованию преступлений всегда была в поле зрения учёных-криминалистов. Мы уже говорили [7, с. 71–80], как к этому относились профессора Белкин Р. С., Быховский И. Е., Дулов А. В., которые были вынуждены подготовить статью для журнала «Социалистическая законность» с названием «Модное увлечение или новое слово в науке? (Ещё раз о криминалистической характеристике преступления)» [8, с. 56–58]. Они делали упрёк и давали установку на использование корреляций с тем, чтобы эта категория методики расследования работала на практику, делая криминалистические рекомендации целенаправленными, практически значимыми.

Если три великих криминалиста предлагали честно осуществлять сбор практических данных, производить их тщательную обработку, выявлять и представлять корреляции, указывая, что без них она не будет эффективно работать на интенсификацию практики расследования преступлений, то профессор Баев О. Я. указывал более сложный путь формирования криминалистической характеристики. Он предлагал изучать на основе соответствующей выборки уголовные дела по качественно расследованным преступлениям, используя специально разработанную для этого программу. Её подготовку, по мнению Баева О. Я., должны осуществлять учёные-криминалисты (уже имеющие соответствующий опыт). Такой инструментарий, кроме традиционных положений, должен включать организационные решения на управленческом уровне и многофакторный корреляционный анализ, способный выявить скрытые зависимости [9, с. 22]. Программа должна была разрабатываться именно с целью использования полученной информации для конструирования криминалистической характеристики определённого вида [9, с. 19–23]. При таком подходе качественность сбора эмпирических данных обеспечивалась бы обратной последовательностью. В предложениях Олега Яковлевича для нас важно то, что он обратил внимание на необходимость выявления скрытых зависимостей – корреляций между составляющими криминалистическую характеристику данными.

В отличие от функциональной зависимости, корреляция должна рассматриваться и тогда, когда одна из величин зависит не только от другой, но и от ряда случайных факторов. Это обстоятельство является важным для формирования криминалистической характеристики. Существуют методы оценки коэффициентов, характеризующие корреляцию между случайными величинами, и методы проверки гипотез (версий) об их значениях, использующие их выборочные аналоги. Совокупность таких методов называется корреляционным анализом. Корреляционный анализ статистических данных заключает в себе следующие основные практические приёмы: 1) построение корреляционного поля и составление корреляционной таблицы;

2) вычисление выборочных корреляционных отношений или коэффициентов корреляции; 3) проверку статистической гипотезы значимости связи.

Дальнейшее исследование может заключаться в установлении конкретного вида зависимости между величинами. Вспомогательными средствами при изучении выборочных двумерных данных являются корреляционное поле и корреляционная таблица. При нанесении на координатную плоскость выборочных значений получают корреляционное поле. По характеру расположения значений поля можно составить предварительное мнение о форме зависимости случайных величин (например, о том, что количество следов на месте происшествия возрастает или убывает в зависимости от профессиональных навыков субъекта). Для численной обработки результаты должны группироваться и представляться в форме корреляционной таблицы сопряжённости. В качестве характеристики интенсивности связи рекомендуется использовать корреляционное отношение, интерпретация которого не зависит от вида исследуемой зависимости.

Из теории корреляции следует взять ещё одно важное положение – коэффициент корреляции. Он показывает степень тесноты между существовавшим обстоятельством и предположением о том, что оно вызывает (приводит к предположению) существование взаимосвязанных фактов. Отрицание участия в преступлении соучастников может указывать на предварительный сговор, подготовку к совершению противоправного деяния, роль субъекта преступления в преступной группе, знание правовых норм, предыдущий преступный опыт (совершение преступлений ранее и последующее отбывание наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы).

Зная характер зависимости одного элемента преступления от других, можно объяснить причины и размер изменений в обстановке и на основе этого планировать необходимые мероприятия для установления других изменений. Однако анализ взаимосвязей осложняется, с одной стороны, тем, что на исследуемые обстоятельства оказывает одновременное действие большое количество самых разнообразных причин, с другой стороны, сила и направленность влияния отдельных причин могут быть самыми различными. Так, например, использование современных информационно-телекоммуникационных следственных действий и информационно-технических средств приводит к эффективности и интенсификации расследования, а низкий профессиональный уровень дознавателей, следователей снижает интенсивность досудебного производства. Совершенствование содержания автоматизированного рабочего места следователя (АРМС) приводит к сокращению сроков расследования, а продуманное противодействие преступников, их окружения, использование для этого информационных-телекоммуникационных технологий, не опираясь на нормы закона, оказывают противоположное воздействие на разумный срок расследования.

Корреляция применяется для того, чтобы при сложном взаимодействии различных факторов установить, какова была бы зависимость между результатом (противоправной деятельностью) и фактором, если бы прочие посторонние в данном аспекте исследования факторы не изменялись и своим изменением не искажали бы основную зависимость. Пребывая в квартире для совершения кражи материальных ценностей, преступники обстоятельно осмотрели кухонные шкафы, находящуюся в них посуду, приборы, ёмкости и места хранения продуктов, кондитерских изделий (о чём свидетельствовали многочисленные посторонние следы, открытые ящики, вскрытые бытовые электрические приборы). В результате такого поиска в одной из стопок, состоящей из тарелок для приёма первого блюда, нашли денежные средства в количестве 250 тысяч рублей. В прикроватной тумбочке спальни обнаружили специальную перламутровую коробку, в которой находились дорогостоящие украшения, которые также похитили. Анализируя механизм преступления, участники

следственно-оперативной группы пришли к выводу, что в одной из спальных комнат субъектов преступления заинтересовали антикварные часы, при их демонтаже с использованием лестницы-стремянки и большого кухонного ножа (всё осталось в спальне) зацепили картину, которая сорвалась с крепления. При её падении преступники заметили тайник, завёрнутые в пакет деньги в количестве двух с половиной миллионов рублей, прикреплённые к ней лентой скотч. Таким образом, без постороннего фактора – ненамеренного сбрасывания картины с крепления, на котором она удерживалась, – указанную сумму денег преступникам найти бы не удалось. В такой ситуации они бы продолжили поиск, оставили бы на месте преступления большее количество следов своего пребывания, возможно, повредили бы какие-то составляющие интерьера квартиры. В приведённом корреляционная зависимость занимает промежуточное положение между функциональной зависимостью и полной независимостью переменных.

Специалистами установлено, что функциональные связи характеризуются полным соответствием между изменением причины и изменением результативной величины и каждому значению признака-фактора соответствует одно или несколько определенных значений результативного признака.

В корреляционных связях между причиной и наступившими последствиями противоправной деятельности нет чёткой связи, так как рассматриваемая переменная не является прямой (всеобъемлющей) причиной изменения другой переменной.

Неучитываемые причины для выдвижения следственных версий, выступающие как случайные, осложняют действие существенных причин в силу того, что в каждом конкретном случае состав комплекса случайных причин может быть различным. Так, например, анализируя зависимость способа мошенничества от профессиональной деятельности преступника, мы в качестве существенного фактора используем период времени (стаж) работы по данному профилю, не учитывая образования, повышения квалификации, изучения специальной литературы, возраста и других факторов, которые в каждом конкретном случае могут оказывать существенное воздействие на формирование приёмов преступной деятельности. Поэтому даже в составе одной преступной группы, созданной из специалистов одной IT-профессии, их усилия будут играть различную роль в противоправной деятельности. Таким образом, корреляционная связь будет состоять в том, что определённому фактору соответствует целое распределение значений другого фактора, поскольку случайные причины каждый раз могут изменить силу и направленность действия.

---

1. Корреляция – соотношение, соответствие, взаимосвязь, взаимозависимость предметов, явлений или понятий // Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: «РУССКИЕ СЛОВАРИ» – «АСТРЕЛЬ» – АСТ, 2002. 957 с.
2. Шурухнов Н. Г. Расследование квартирных краж. М.: Юристъ, год.
3. Большой толковый социологический словарь. COLLINS. Дэвид Джери, Джулия Джери. Т. 1: А-О. Русско-английский, англо-русский. М.: ВЕЧЕ-АСТ., 1999. 544 с.
4. Социологический словарь / отв. ред. Г. В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма: ИНФРА-М, 2023. 608 с.
5. Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев. Горький, 1978. 108 с.
6. Видонов Л. Г. Типовые следственные ситуации первоначального этапа следствия по делам об убийствах. Криминалистические взаимосвязи между элементами состава преступлений данного вида и методика выдвижения версий о лицах, совершивших убийства без очевидцев на основе указанных взаимосвязей. Н. Новгород, 2003. 254 с.

7. Шурухнов Н. Г. Между Будущим и Прошлым: идеи, рекомендации, прогнозы выдающегося ученого-криминалиста Рафаила Самуиловича Белкина, призванные жить века, как и память о нем // Развитие научных идей профессора Р.С. Белкина в условиях современных вызовов (к 100-летию со дня рождения): сб. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «63-и Криминалистические чтения» (Москва, 20 мая 2022 г.). Ч. 1. М., 2022. С. 71–80.
8. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56–58.
9. Баев О. Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 19–23.

1. Korrelyaciya – sootnoshenie, sootvetstvie, vzaimosvyaz`, vzaimozavisimost` predmetov, yavlenij ili ponyatij // Bol`shoj illyustrirovanny`j slovar` inostranny`x slov. M.: «RUSSKIE SLOVARI» – «ASTREL`» – AST, 2002. 957 s.
2. Shuruxnov N. G. Rassledovanie kvartirny`x krazh. M.: Yurist``, god.
3. Bol`shoj tolkovy`j sociologicheskij slovar`. COLLINS. De`vid Dzheri, Dzhuliya Dzheri. T. 1: A-O. Russko-anglijskij, anglo-russkij. M.: VEChE-AST., 1999. 544 s.
4. Sociologicheskij slovar` / otv. red. G. V. Osipov, L.N. Moskvichev. M.: Norma: INFRA-M, 2023. 608 s.
5. Vidonov L. G. Kriminalisticheskie xarakteristiki ubijstv i sistemy` tipovy`x versij o liczax, sovershivshix ubijstvo bez ochevidcev. Gor`kij, 1978. 108 s.
6. Vidonov L. G. Tipovy`e sledstvenny`e situacii pervonachal`nogo e`tapa sledstviya po delam ob ubijstvax. Kriminalisticheskie vzaimosvyazi mezhdu e`lementami sostava prestuplenij dannogo vida i metodika vy`dvizheniya versij o liczax, sovershivshix ubijstva bez ochevidcev na osnove ukazanny`x vzaimosvyazej. N. Novgorod, 2003. 254 s.
7. Shuruxnov N. G. Mezhdu Budushhim i Proshly`m: idei, rekomendacii, prognozy` vy`dayushhegosya uchenogo-kriminalista Rafaila Samuilovicha Belkina, prizvanny`e zhit` veka, kak i pamyat` o nem // Razvitie nauchny`x idej professora R.S. Belkina v usloviyax sovremenny`x vy`zovov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya): sb. nauch. statej po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. «63-i Kriminalisticheskie chteniya» (Moskva, 20 maya 2022 g.). Ch. 1. M., 2022. S. 71–80.
8. Belkin R., By`xovskij I., Dulov A. Modnoe uvlechenie ili novoe slovo v nauke? (Eshhe raz o kriminalisticheskoj xarakteristike prestupleniya) // Socialisticheskaya zakonnost`. 1987. № 9. S. 56–58.
9. Baev O. Ya. I vse zhe: real`nost` ili illyuziya (eshhe raz o kriminalisticheskoj xarakteristike prestuplenij) // Vestnik kriminalistiki. 2002. Vy`p. 1 (3). S. 19–23.

Информация об авторе

Николай Григорьевич Шурухнов. Профессор кафедры организации правоохранительной и правозащитной деятельности Тульского института (филиала) (РПА Минюста России). Ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор.

Всероссийский государственный университет юстиции; Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний.

300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 104.

Information about the author

Nikolaj G. Shurukhnov. Professor of the Chair of Organization of Law Enforcement and Human Rights Activities of the Tula Institute (branch) (RPA of the Ministry of Justice of Russia). Leading researcher of the Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow. Doctor of Law, Professor.

All-Russian State University of Justice; Federal State Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

300026, Russia, Tula, Lenin Avenue., 104.

Статья поступила в редакцию 10.04.2025; одобрена после рецензирования 27.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 10.04.2025; approved after review on 27.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.

Информация для авторов

ТРЕБОВАНИЯ,
предъявляемые к статьям, представляемым для опубликования
в журнале «Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова»

В целях ускорения прохождения рукописей к принятию к опубликованию в журнале просим соблюдать следующие требования.

Содержание статей должно отражать современные проблемы права и государства, их исторический аспект, актуальные вопросы юриспруденции. Тематика научных статей, принимаемых к опубликованию в журнале, должна соответствовать отрасли «Юридические науки» по специальностям: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

К рассмотрению не принимаются **рукописи, опубликованные в других изданиях**. Если рукопись статьи одновременно направлена в другое издание либо была уже опубликована ранее, автор обязан сообщить об этом в редакцию.

В статье не должно быть **сведений ограниченного распространения**, ответственность за соблюдение режима секретности возлагается на автора и должностных лиц, осуществляющих контроль за соблюдением режима секретности, в соответствии с законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами МВД России.

Статья представляется в **бумажном варианте**, отпечатанном на одной стороне листов формата А4 (210х297 мм), заверенном подписью автора(ов). **Электронная версия** статьи в виде файла MS Word должна соответствовать распечатке и иметь в названии файла фамилию автора, например: Ivanov.doc, Ivanov-Petrov.doc.

Объём статьи вместе со сведениями об авторах, списком используемой литературы и ключевыми словами должен соответствовать диапазону от 0,45 до 0,6 авт.л. (18-24 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Основной текст рукописи набирается через 1 интервал гарнитурой Times New Roman (12-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов. Все поля на страницах должны быть одинаковы и равны 2,5 см. Абзацный отступ – 1,25 см.

В статье должен быть указан номер по Универсальной десятичной классификации **(УДК)** и **шифр научной специальности**, соответствующий тематике статьи.

Название статьи набирается на русском и английском языках полужирным шрифтом, **ЗАГЛАВНЫМИ БУКВАМИ,** без абзацного отступа и центрируется относительно полосы набора.

Сведения об авторе на русском и английском языках включают: Ф.И.О., учёную степень, учёное звание, занимаемую должность, место работы (в именительном падеже) и электронный адрес.

Статья должна быть снабжена **аннотацией** на русском и английском языках с объемом 500-1000 знаков, включая пробелы. В аннотации должна быть четко сформулирована основная идея статьи (она должна содержать характеристику темы исследования, раскрывать актуальность, степень разработки, теоретико-методологическое и практическое значение темы, цель работы и ее результаты).

Статья также должна содержать **список ключевых слов** на русском и английском языках (шесть-десять основных слов (словосочетаний) статьи, характеризующих проблематику статьи, через запятую).

Статья авторов-адъюнктов (аспирантов) должна содержать **благодарность** научному руководителю с указанием занимаемой должности, места работы, ученой степени, ученого звания и ФИО.

Размещение **таблиц, рисунков, диаграмм, схем и другого иллюстративного материала** на страницах с альбомной (горизонтальной) ориентацией не допускается. Графики, диаграммы не должны иметь сплошную (в т.ч. цветную) заливку.

Рисунки и таблицы (размер используемого шрифта – 12 пунктов) должны быть в черно-белом или полутоновом исполнении размещены в тексте после абзацев, содержащих ссылки на них (см. таблицу 1).

Таблица 1
Заголовок таблицы

Текст	Текст	Текст	Текст	Текст

Схемы должны иметь общую группировку всех объектов, входящих в них, быть центрированы относительно полосы набора.

Размеры и разрешение рисунков должны обеспечивать их дальнейшее качественное полиграфическое воспроизведение.

Рисунок

Рис. 1. Название рисунка.

При использовании в тексте **аббревиатур** необходимо приводить их расшифровку, а в скобках – аббревиатуру с последующим использованием ее без расшифровки. Например, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ).

К рассмотрению принимаются статьи, имеющие **оригинальность не менее 60%.** Текст статьи проверяются системой специализированного программного обеспечения («Антиплагиат»). По решению редакционной коллегии статья может быть рекомендована к опубликованию в журнале и в том случае, если оригинальность статьи ниже установленного порогового значения.

Цитаты и заимствования текста из научных источников должны сопровождаться соответствующими **ссылками**, которые оформляются арабскими цифрами в квадратных скобках с указанием через запятую страницы, на которой размещается цитируемый текст, например: «По мнению П.А. Лупинской, ...» [1, с. 100].

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Каждый используемый научный источник указывается в списке литературы **один раз в порядке упоминания** в тексте.

При повторном использовании данного источника в квадратных скобках указывается тот же порядковый номер из списка литературы. Указание в списке литературы источников, на которые нет ссылок в тексте, не допускается.

Список литературы, как правило, должен содержать от 8 до 20 источников.

Обязательная версия списка литературы на латинице размещается в статье сразу за списком русскоязычных (исходных) ссылок и подготавливается автором(ами) статьи из русскоязычных ссылок независимо от того, имеются ли иностранные источники. На сайте http://translit.ru можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу, выбрав стандарт BGN.

Ссылки на нормативные акты, иные официальные документы и электронные источники информации, сведения об анкетировании и т.п. указываются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице.

Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05.-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Статья должна быть обязательно **подписана автором (соавторами)** следующим образом: «Своей подписью подтверждаю, что материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Ранее статья нигде не публиковалась.

«Я безвозмездно предоставляю редакции журнала права на опубликование моей статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта, с целью доведения статьи до всеобщего сведения».

Авторам-адъюнктам (аспирантам) дополнительно следует указать: «Текст статьи согласован с научным руководителем». Далее указываются: дата, ФИО руководителя, его подпись.

При наличии **соавторов** необходимо указать, что ими внесен равный вклад в написание статьи, или указать объем вклада каждого соавтора, а также отметить заявление об отсутствии конфликта интересов.

К статье прилагаются:

краткий отчет о проверке статьи на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения, сформированный программой;

для научных статей адъюнктов, аспирантов, магистрантов – отзыв научного руководителя.

Образец оформления статьи размещен на веб-сайте по адресу: https://орюи.мвд.рф/Nauka/nauchnij-zhurnal-instituta

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.